

**Олег Владыкин,
Михаил Захарчук**

Разные грани «Красной звезды»

Заметки после 100-летия
прославленной газеты

Москва
2024

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6,44
К 31

Владыкин О.Ю., Захарчук М.А.
Р 17 Разные грани «Красной звезды». Заметки после 100-летия прославленной газеты. – М.: Издательство «У Никитских ворот», 2024. – 384 с.

ISBN 978-5-00246-050-2

Данное издание содержит воспоминания двух сотрудников редакции газеты «Красная звезда», проработавших в ней многие годы. Они рассказывают о плеяде блистательных военных журналистов, с которыми довелось трудиться в одном творческом коллективе, повествуют о драматичных событиях в истории некогда известной и популярной среди советских граждан газеты. Приведенные в книге тексты и фото какой-либо цензуре не подвергались. Издание предназначено для широкого круга читателей.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6,44

ISBN 978-5-00246-050-2

© Владыкин О.Ю., Захарчук М.А., 2024

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Девяносто девять процентов всех предисловий, а равно и послесловий, ко всем на свете печатным произведениям – лишние. Зачастую, и вредные. Не будь никаких предварений, читатель, возможно бы, хоть полистал написанное. А так ознакомится с предисловием и отложит чтение основного содержания до лучших времён. Которые вряд ли наступят... Касательно данной книги, то она – точно в числе одного процента. Потому без разъяснения никак невозможна. И вот почему.

В конце минувшего, 2023 года, газета «Красная звезда» отметила своё столетие. Дата, безо всяких преувеличений, эпохальная и под неё проводились различные мероприятия. В том числе, редакционные сотрудники В. Мороз и О. Фаличев взялись за подготовку книги о славном юбилее. Однако в процессе работы принципиально разошлись, как в море корабли, каждый со своим вариантом изложения исторических газетных событий. Ветеран Мороз вкупе с В. Кузарем, И. Литовкиной, О. Московченко, И. Николаевым издал впоследствии парадную тошненькую книжечку «Красная звезда»: сто лет в строю» с поздравлениями министра обороны и его первого заместителя. Крайне субъективное и странноватое даже с точки зрения кондово-краснозвёздских канонов, сочинение, написанное вот таким стилем: «Помним, зашёл Беличенко однажды в отдел боевой подготовки с вопросом: нельзя ли исправить несправедливость в наше время, наградив поручика Лермонтова по тому самому (императорскому – М.З.) представлению орденом Мужества – посмертно? Мы невольно улыбнулись этим неожиданным мыслям».

Невольно и мы с Владыкиным улыбнулись тому, что Мороз пишет о себе во множественном числе. Ибо его соавторы ну никак не могли присутствовать на беседе в отделе боевой подготовки. Просто Виталий Иванович так понимает и блюдёт торжественный, юбилейный, краснозвёздский политес, в котором должны звучать лишь литавры, трубы, тамтамы и только изредка попискивать всякие там рожки, флейты и скрипочки. Что же касается книги Фаличева «На стремнине века», то он на свои кровные тиснул несколько десятков её экземпляров, за что достоин всяческих похвал.

Понимая прекрасно, что из недр нынешней редакции «Красной звезды» по определению не выйдет ничего путного и достойного внимания, редактор по Военно-морскому отделу капитан 1 ранга в отставке С. Быстров кинул клич среди бывших краснозвёздовцев: «Мужики, а давайте мы частным порядком опубликуем свои воспоминания о дорогой нашему сердцу газете. Я берусь проспонсировать такую книгу». Сергея Ивановича поддержали полковник в отставке Ю. Теплов и капитан 1 ранга в отставке А. Пилипчук. В числе откликнувшихся на призыв триумвирата оказались также авторы этой книги – О. Владыкин и М. Захарчук. Нас, откровенно говоря, подкупил крайне заманчивый посул инициаторов замечательной акции: писать можно обо всём, что считаете дельным и нужным. Это вдохновляло.

От замысла до его осуществления, как правило, пролегает долгий, извилистый путь. Гладким он бывает только на бумаге. Но по жизни состоит из одних оврагов. И по ним ходить. На каком-то этапе Быстров смекнул, что финансово книги-таки не потянет. Обратился сам или посоветовавшись с помощниками, в АО «Красная звезда» к сотруднику И. Мазурику. А тот, якобы, выдвинул условие: с выпуском книги помогу, если, во-первых, помещу в ней свои воспоминания. А, во-вторых, потребовал отредактировать её по своему усмотрению. Как оно было на самом деле, лично мне, Михаилу Захарчуку, узнать – через пальцы плюнуть. С Игорем Ивановичем мы поддерживаем дружеские отношения почитай полвека. Только я делать этого не стану, если Мазурик в своё время не поставил меня в известность. У советских – своя гордость. А я бы ему стопудово сказал...

Быстров в итоге согласился с условиями Мазурика или кого-то там ещё – для Олега Владыкина и меня тоже не суть важно. Куда существеннее другое. По поводу этого «другого» один из редакторов книги А. Пилипчук написал, примерно, следующее. (Точно процитировать не могу, Александр Сергеевич удалил пост, в дальнейшем станет ясно почему). Так вот он написал, что АО «Красная звезда» предъявила претензии только трём авторам: Олегу Владыкину, Михаилу Захарчуку и Валерию Громаку. Последний объявил о своём нежелании вообще участвовать в сборнике, а два первых согласились на условия АО, о чём у него сохранилась переписка. Но самое примечательное, дескать, то, что книга под названием «Мы служили в этой газете» получилась в итоге более цельной и содержательной! Встретив-

шись с Пилипчуком на вечере, посвящённом 100-летию «Красной звезды», я едко прокомментировал этот маразматический кунштюк: «Пиля, а тебе не кажется, что твои слова о «цельности и содержательности» сильно смахивают на утверждение о том, что мягкий пенис предпочтительнее твёрдого?» Саня меня понял правильно и удалил свой маразм. Потому что как иначе можно расценивать хотя бы сокращение моей рукописи. Изначально она представлял собой чуть более полусотни новелл о краснозвёздовцах, оставивших след в моей памяти. Выброшено «за борт» больше двух десятков персон. Среди них: В. Мороз, Ф. Халтурин, В. Филатов, Г. Кашуба, Е. Агапова, В. Косарев, А. Бескоровайный, В. Каушанский, М. Ребров. Не люди – краснозвёздские глыбы. Впрочем, и остальные ничуть не хуже. Тогда, что за критерии были у составителей «кого наказывать, кого милловать»?

И тут возникает закономерный вопрос: если ты такой умный, то почему не последовал примеру того же Громака? Причин для этого великое множество. О них можно судачить долго. Остановлюсь на двух главных. Первая: дарёному коню в зубы не смотрят. Вторая: хорошо, что остались хоть эти краснозвёздовцы. Да, это слабое утешение, но другого у меня пока что нет.

Мой старый друг Олег Владыкин написал в соцсетях: «Состоялась презентация книги, посвященной 100-летию со дня выпуска в свет первого номера главной военной газеты «Красная звезда». В её подготовке приняли участие 26 бывших краснозвёздовцев разных поколений, начиная с тех, кому перевалило уже за 90 лет. Своими воспоминаниями поделился в ней и я. Правда, выпускало её издательство, очень зависимое от Министерства обороны РФ. Поэтому, в лучших традициях военного ведомства, из большинства материалов книги старательно были вычищены любые критические или просто неприятные для сего ведомства замечания авторов и факты. Мой материал сократили ровно наполовину, оставив без изменений всё, что касалось событий до 1990 года включительно, и полностью обрезав вторую часть статьи, где рассказывалось о работе «Красной звезды» и деятельности Минобороны после августа 1991-го. Придет время, и я непременно опубликую некастрированную версию своих воспоминаний».

Особо отмечу, что Олег Владыкин является на сегодняшний день одним из немногих краснозвёздовцев, которому уда-

лось, вопреки словам древнегреческого философа Гераклита, дважды войти в реку по имени «Красная звезда». В 2017 году его пригласили на высокую должность в редакцию для решения конкретной задачи, а именно – для обновления облика главной военной газеты, восстановления утерянной ею широкой известности. О том, как Олег старался это сделать, было подробно рассказано в заключительной главке его статьи. С описанием всех сложностей и противоречий проводимой работы. Широкому кругу читателей предлагалось ознакомиться с уникальным опытом.

Кстати, главка называлась «Возвращение». Под таким названием её напечатали и в книге «Мы служили в этой газете». Только вот текст главки сократили в шесть (!) раз. И в ней рассказывалось о том, как, оставив должность ответственного редактора «Независимого военного обозрения», Владыкин в ноябре 2017 года пришёл в «Красную звезду». А затем шли вырванные из начального текста занятные строки: «Для меня через некоторое время как-то кстати началась пандемия, сотрудников преклонных лет перевели на работу в удаленном режиме. Круг моих обязанностей в силу обстоятельств заметно сузился. Мне понравилась такая работа. Тем более я осознал, что как-либо влиять на перемены в редакции больше не смогу. Не дадут. Поэтому при окончании карантинных мер написал заявление с просьбой освободить меня от должности заместителя главного редактора, перевести в рядовые сотрудники и дать возможность в дальнейшем выполнять какие-то минимальные обязанности в свободном режиме. Мне пошли навстречу». Всё! На этом статья в книге заканчивалась. То есть получалось, что цель прихода Олега в «Красную звезду», выполнение в редакции каких-либо задач, вообще какая-то работа отсутствовали. Ну, вроде изначально пригрялся в удобном месте. Между тем, «через некоторое время» длилось-то три года! Вполне оправданно Владыкин возмущается цензурской разнузданностью, ударившей по его профессиональной и деловой репутации.

Мы оба считаем, что пришло время восстановить справедливость и опубликовать полные варианты наших текстов.

Мистически мудрый Михаил Булгаков, устами Воланда сказавший, что «рукописи не горят», меньше всего имел в виду огонь и пожары. По крайней мере, мы оба в это верим.

ДОЛГИЙ ПУТЬ В «ЗВЁЗДОЧКЕ»

Олег ВЛАДЫКИН,
полковник в отставке.
Корреспондент отдела информации
(1985-1986 гг.),
корр. отдела БП Сухоп. войск
(1986-1992 гг.),
зам редактора отдела БП Сухоп.
войск (1992-1993 гг.),
корр. отдела БП Сухоп. войск
(1993-1994 гг.),
зам редактора отдела БП Сухоп.
войск (1994-1997 гг.),
зам главного редактора «Красной
звезды» (2017-2021 гг.),
обозреватель «Красной звезды»
(2021-н.в.).

В общей сложности 18 лет своей профессиональной деятельности я посвятил «Красной звезде». А началось с того, что мне позвонил мой однокурсник по Львовскому высшему военно-политическому училищу Александр Дерябин, который после окончания редакторского отделения ВПА служил в главной военной газете. В сущности, мы с Сашей были соседями: редакция газеты Московского военного округа «Красный воин», где я трудился тогда корреспондентом в отделе боевой подготовки, располагалась в нескольких минутах ходьбы от «Звёздочки». Поприветствовав, Дерябин спросил меня:

- Ты квартиру-то в Москве получил?
- Да, ещё год назад...
- Хочешь перейти к нам в редакцию? Есть возможность.
- Попасть в «Красную звезду», конечно, надеялся, но где-то в отдалённой перспективе, – честно признался я. – А на какую «грядку» меня посадят в случае перехода? К вам в боевой отдел?

- Вакансия есть в отделе информации, но нужен военный журналист с московским жильём. Ты вот по этому параметру подходишь...

В общем, в начале марта 1985 года еще в необмятых майорских погонах я вышел на работу в отдел информации центрального печатного органа Министерства обороны СССР. В первый же день редактор отдела Валентин Александрович Шалкеев представил меня двум замам главного редактора – генералам Федору Николаевичу Халтурину и Ивану Ивановичу Сидельникову. И разговор с обоими неизменно начинался с вопроса о моей обеспеченности жильем. Ну, и, конечно, генералы интересовались, как мне работалось в окружной газете. Разумеется, я с удовольствием сообщил, что мои материалы регулярно попадали на «красную доску» редакции, а также периодически публиковались в «Красной звезде» и ряде других центральных газет, например, в «Известиях». Остудил меня Иван Иванович Сидельников: «Ну, вот теперь напроць забудьте всё, что вы делали до сего дня, и учитесь правильно работать у наших журналистов». Признаться, я задумался: представляю ли я профессиональную ценность для «Звёздочки» или в приоритете при кадровом выборе оказалась московская прописка? На первых порах мне эти сомнения мешали в работе. Тем более что через месяц после моего прихода начался крайне противоречивый период в нашей жизни под названием «перестройка».

Постигать «правильную работу» начал с полного погружения в обработку читательских писем, поступавших в отдел информации, ну, прямо-таки в непомерных количествах. Особенно в откликах на рубрику «Поиск». Её придумали непосредственно в отделе и предложили редколлегии делать регулярную подборку заметок, нацеленных на выяснение судеб участников Великой Отечественной войны. Как известно, инициатива наказуема исполнением. Почта рубрики стала расти в геометрической прогрессии и буквально завалила информационщиков, отвечавших за ведение «Поиска». Причем всё это началось еще до моего прихода в отдел. Однако с назначением корреспондентом отдела я ежедневно получал на свой рабочий стол стопку из нескольких десятков читательских писем, на которые требовалось подготовить вежливые ответы с добрыми советами, а какие-то перенаправлять в раз-

личные архивы. И это продолжалось изо дня в день, неделя за неделей – никаких других заданий мне не давали.

Я был, мягко говоря, в растерянности. За плечами – три года службы в многотиражной газете отдельной дорожно-строительной бригады в Забайкальском военном округе, где солдаты выходили на утренний развод подпоясанные проволокой, в замурзанных бушлатах, подгоревших на кострах. Потом – три года службы в многотиражке образцово-показательной 2-й гвардейской Таманской мотострелковой дивизии недалеко от Москвы. Оттуда забрали в газету МВО «Красный воин» как активного автора. Мотался по полигонам и отдалённым гарнизонам почти четыре года. И вот, добравшись до «Красной звезды», занялся исключительно обработкой читательской почты. Сознавал, что мне поручено нужное, важное, благородное дело... Но неужто для чего-либо другого уже не гожусь?

Сей больной вопрос я периодически задавал редактору отдела. Валентин Александрович добродушно отвечал: «Потерпи, сейчас так надо...» Лишь, спустя два месяца полковник Шалкеев объявил: «Олег, собирайся в командировку.

Едешь в Волгоград на открытие мемориального комплекса «Сталинградская битва». Зам редактора отдела Михаил Захарчук, сидевший со мной в одном рабочем кабинете, оценил ситуацию так: «Старик, хороший шанс показать всё, на что ты способен».

Не буду в деталях описывать, насколько сильное впечатление на меня произвело центральное сооружение комплекса – многометровое цилиндрическое здание музея, устроенные внутри него семь экспозиционных залов, четыре диорамы и одна главная триумфальная панорама. Наверное, этот восторг меня и подвел при написании материала. Писал я его

Олег Владыкин (слева) и Михаил Захарчук за обработкой читательских писем.

по возвращению из командировки дома ночью, а утром сдал Шалкееву. Через полчаса он попросил зайти к нему в кабинет. По его огорченному лицу сразу стало ясно, что материал не понравился. Хотя по комментариям редактора я так и не понял, что, собственно, его не устроило. То ли Валентин Александрович не сумел доходчиво объяснить свои претензии, то ли я от огорчения совсем утратил сообразительность. Текст был передан Захарчуку: «Глянь-ка, сможешь быстро спасти?».

Михаил, бегло просмотрев материал, с ходу вынес точный вердикт: «Ты же эссе написал. Зачем? У нас такое не приветствуют. Нужен-то был нормальный репортаж. И у тебя здесь всё для него есть». Зам редактора отдела взялся править мой текст.

Мы с Захарчуком оба носили тогда майорские погоны. Но Михаил окончил ЛВВПУ на два года раньше. Причем, в отличие от меня, до училища отслужил срочку. Ну и в «Красной звезде» к моему приходу он пребывал уже шестой год. Думаю, не случайно именно Захарчук провел для меня первый урок «правильной работы», которую рекомендовал осваивать Иван Иванович Сидельников. В результате свою первую публикацию в качестве штатного краснзвёздца я увидел на страницах газеты под заголовком «Память Сталинграда» аккурат перед празднованием 40-летия Великой Победы.

Следующий урок «правильной работы» оказался совсем уж неожиданным. В середине 1980-х годов уходили из жизни многие крупные партийные и советские руководители, видные военачальники. Освещать прощание с ними, траурные ритуалы государственных похорон должен был отдел информации. Как признался Захарчук, прощальные отчеты долго писал именно он, провожая в последний путь немало известных персон. Получив возможность перепоручить скорбную обязанность другому сотруднику, Михаил, похоже, ничуть не расстроился. Даже принёс мне несколько своих подобных публикаций. Для образца. Подробно растолковал, что все они выполняются строго по одному шаблону: «Сначала называешь усопшего, перечисляешь все его регалии и звания. Потом ко-

ротко описываешь траурное убранство зала и постамента с гробом. Особое место – перечисление выставленных венков от партийных и государственных органов, министерств и ведомств, различных организаций... Порядок перечисления фактически всегда один и тот же, можешь смотреть по прошлым отчетам. Но будь внимателен, у кого-то в силу его положения при жизни может не быть какого-либо венка или, напротив, появится какой-то дополнительный. И не приведи тебя Господь перепутать что-либо местами, пропустить, лишнего приписать... На месте всё надо тщательно выверять».

Столь же строго нужно было выстраивать по должностному ранжиру пришедших проститься с покойным, встававших в почетный караул руководителей советского государства и Вооруженных Сил СССР. Тут считалось категорически недопустимым перепутать, кто за кем должен быть назван. Чтобы этого не случилось вдруг, Захарчук подсказал способ гарантированной проверки списка высоких должностных лиц. Посоветовал непременно познакомиться с признанным мэтром траурных отчетов – спецкором ТАСС Олегом Александровичем Московским, который бывал абсолютно на всех значимых похоронах. «Уточняй у него, если не узнаешь кого-то в почетном карауле, засомневаешься в порядке перечисления чиновников, – поучал Михаил. – Лучшего знатока этих тонкостей в Москве нет. Лет десять больших начальников хоронит». И ведь тот совет не раз оказывался для меня весьма полезным.

Первый же траурный отчет мне удалось безупречно выполнить в сентябре 1985-го. Скончался член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, Герой Советского Союза генерал армии Алексей Алексеевич Епишев, больше 20 лет руководивший Главным политическим управлением СА и ВМФ. Конечно, освещать прощание с таким крупным военным и политическим деятелем само по себе дело ответственное. Но Алексей Алексеевич сыграл особую роль и непосредственно в моей жизни. Когда в феврале 1978 года трагически погиб мой младший брат Игорь Владыкин, учившийся на пятом выпускном курсе Киевского высшего военного авиационного инженерного училища, наша мама написала письмо в Главпур.

Просила после наступившей семье беды перевести старшего сына-офицера из Забайкальского военного округа куда-нибудь в центр, поближе к месту проживания в Воронеже. Письмо попало на стол к генералу армии Епишеву. Он нанес резолюцию: в соответствии с профилем оконченного училища перевести в Московский военный округ. В итоге я всего через три года службы покинул ЗабВО, который тамошние офицеры расшифровывали по-своему – с угрюмой обреченностью: «Забудь вернуться обратно!» Лично мне было очень важно проводить Алексея Алексеевича добросовестной работой военного журналиста.

ОБЯЗАН БЫТЬ БОЕВИКОМ

Освоение жестких правил и норм «Красной звезды» в отделе информации продолжалось около года. Не могу сказать, что оно было мне в радость. Но при всём своеобразии моего зачисления в штат редакции, я благодарен Валентину Шалкееву и Михаилу Захарчуку за то, что по их инициативе, при их поддержке благополучно влился в краснозвёздский профессиональный коллектив, затем проработав в нём непрерывно 12 лет.

В середине 1986 года меня позвал к себе в отдел боевой подготовки Сухопутных войск его редактор Геннадий Дорофеевич Миранович. Вообще-то мы познакомились с ним задолго до появления в Москве. Ещё курсантом я проходил предвыпускную стажировку в газете Белорусского военного округа «Во славу Родины». Как раз в отделе комсомольской жизни, который возглавлял капитан Миранович. Это был тот самый случай, когда два человека сразу почувствовали расположение друг к другу. А под конец стажировки Геннадий совершил поступок, за который я ему признателен по сей день.

Рано утром в минском автобусе к спокойно ехавшему курсанту придрался майор, оказавшийся заместителем военного коменданта города. Он назвал предъявленную ему редакционную сопроводилку на свободное передвижение по столичному гарнизону «филькиной грамотой». И объявил курсанта самовольщиком, не имевшим при себе хотя бы про-

стой увольнительной записки. Приказал следовать за ним в комендатуру. Короче, пришлось рвануть от майора, что есть мочи... На беглеца началась затяжная охота комендантской роты. Безуспешно!

Капитан Миранович ни словом не упрекнул курсанта Владыкина за происшествие, две недели фактически прятал его, отправляя из одной командировки по войсковым частям сразу в другую. Дело дошло до того, что на каком-то совещании в штабе округа комендант гарнизона доложил члену военного совета, начальнику политуправления: редакция «Во славу Родины» саботирует требования комендатуры, скрывая

Геннадий Дорофеевич Миранович

злостного нарушителя воинской дисциплины и уставного порядка. «Ну, что вы как дети?! – пожурил ЧВС присутствовавшего на совещании главреда окружной газеты. – Отправьте курсанта в комендатуру, пусть пару часиков походит строевым шагом...» Мне пришлось сдаться. А когда вернулся после отсидки пяти суток в одиночной камере, все мои товарищи из группы стажёров уже уехали в училище. Миранович вручил мне билет на самолет, подборку моих публикаций, характеристику об отлично проведенной газетной практике и еще...

длинное письмо с разъяснением причин недоразумения, случившегося с невезучим курсантом. Сказал: «Передай это начальнику факультета... Может, тебя хотя бы не отчислят, а то комендатура послала в училище телегу». Геннадий, как в воду смотрел.

- Готовьтесь отправиться на службу в мотострелковый полк, – без всяких предисловий объявил мне начальник факультета журналистики в училище.

- Тут вот просили вам передать, – протянул я полковнику Бабушкину письмо от Мирановича. И суровая кара обошла меня, сохраняя перспективу долгого пути в военной журналистике.

Мы встретились через десять лет в «Красной звезде» – уже полковник Миранович и майор Владыкин. Встретились как давние друзья. Буквально сразу договорившись, что при первой же открывшейся вакансии я перейду в отдел боевой подготовки. Когда такая возможность представилась, Геннадий Дорофеевич заявил мне: «Ну, хватит время тратить на всякую обязаловку. Пора приниматься за серьезную работу». И моя жизнь опять наполнилась привычными поездками по войсковым частям, полигонам, на тактические учения. В новинку была разве что обстановка всё более обострявшейся «перестройки». Могу назвать многие репортажи, корреспонденции, статьи, в которых при всей традиционности публикаций в «Красной звезде» проявлялось стремление журналистов реализовать брошенный тогда в общество призыв к гласности. Но, на мой взгляд, наиболее выразительной публикацией того периода была корреспонденция «Огонь, маневр и... дипломатия», напечатанная в газете 15 октября 1988 года.

Её идею предложил как раз Миранович после того, как из родной для него Белоруссии вернулась бригада краснозвёздовцев, работавших на крупномасштабном войсковом учении. На заседании редколлегии Геннадий Дорофеевич зачитал поступившее в отдел письмо некоего майора Баскакова, который обратил внимание, что в прессе всё чаще сообщается о присутствии на учениях иностранных военных наблюдателей, просил рассказать, какой в этом смысл, чем заняты на учении иностранцы, как складываются их отношения с советскими военнослужащими. Решили, что настало время подробно рассказать о новом для Советской Армии явлении. Писать материал поручили мне и тоже вернувшемуся из той командировки корреспонденту отдела очерка майору Юрию Мам-

чуру. Оформить публикацию предстояло снимавшему на учении фотокору Алексею Ефимову.

Каждый отдельно вспоминал какие-то моменты общения наших воинов с представителями армий 26 стран (и НАТО, и

С наблюдателем из США. Белоруссия 1988 г.

Варшавского Договора), выковыривал из блокнота и диктофонных записей любые детали их непосредственных контактов. Потом с Юрием свели все свои заметки в один текст. Помог и просмотр большого числа фотографий Ефимова, который отличался

умением снимать по-настоящему уникальные кадры. Началось кропотливое доведение материала. Помню, я был тогда прямо-таки потрясён дотошностью и неиссякаемой работоспособностью Мамчура. Три дня подряд мы не уходили из редакции до полуночи, стараясь лишь успеть до закрытия метро. Мне казалось, что материал уже вылизан до предела, но Юра упрямо повторял: «Нет, есть невнятности». У меня опускались руки, и я безучастно наблюдал, как мой товарищ с покрасневшими глазами продолжал колдовать над текстом. Процесс смог остановить только Миранович, объявив, что все допустимые сроки сдачи материала закончились.

Вышедшая корреспонденция оказалась непохожей ни на что ранее публиковавшееся в «Красной звезде». Впервые было показано общение наших военнослужащих с бывшим, как тогда казалось, вероятным противником. Больше того, мы честно рассказали о том, какие несуразности на учении заметили иностранные наблюдатели в наших войсках. Например, когда командиры ради эффектности общей картины действий атакующего подразделения пренебрегали одиночной подготовкой солдат, их правильным перемещением по полю боя и выбором надежной позиции. Или о таком обычном для нас

явлении, как выкладывание дерном целых гектаров в районе учения, обрамление дорог километрами песчаных бордюриков и дощатых бортиков. Из множества приведенных эпизодов и диалогов однозначно напрашивался вывод, что между нашими и зарубежными военными как будто налаживаются доверие и взаимопонимание. Тем более, параллельно с белорусскими маневрами в Западной Европе шли учения «Отэм Фордж-88», где присутствовали советские военные наблюдатели. Подчеркну, СССР еще жил. Однако мы даже не подозревали, насколько наивны были наши надежды и как скоро они рухнут.

ПЕРВАЯ ВСТРЯСКА

Предпосылки грядущих драматических событий в стране, в армии и в обществе становились всё более ощутимыми. Что, конечно же, сказывалось и на жизни редакции. Одна из таких суровых передышек ворвалась и в мою жизнь уже через месяц после публикации материала с учения в Белоруссии.

Где-то 23-24 ноября я немного задержался в редакции. Примерно в восемь часов вечера в мой кабинет неожиданно заглянул заместитель главного редактора Виталий Иванович Мороз: «Ты еще тут? Никуда не уходи...» Сразу исчез, но минут через пятнадцать позвонил по внутреннему телефону: «Быстро подходи ко мне в кабинет». У Мороза уже находились майоры Николай Бурбыга из отдела очерка и фотокорреспондент Виктор Хабаров – все, кто припозднился в редакции. Напомнив нам о продолжающейся с начала года эскалации армяно-азербайджанского конфликта, Виталий Иванович сообщил, что 18 ноября Верховный суд СССР приговорил одного из подсудимых по февральским погромам армян в Сумгаите Ахмеда Имани оглы Ахмедова к смертной казни. Известие об этом тотчас обернулось погромами уже по всему Баку, а 22 ноября волна убийств, насилий, грабежей захватила многие города Азербайджана с армянским населением – в особенности Кировабад, Нахичевань, Ханлар, Шамхор, Шеки, Мингечаур. Реакция соседней Армении на азербайджанские акты насилия против армян не заставила себя долго ждать.

Произошли погромы азербайджанцев в районах их компактного проживания в Армении. Начался исход десятков тысяч беженцев во встречных направлениях через уже заснеженные горные перевалы. Люди погибали в пути.

Журналистов из Москвы в зону конфликта не пускали. Да и полеты в Баку и Ереван были прекращены. Между тем, полковник Мороз сказал, что только что разговаривал с министром обороны СССР. Дмитрий Тимофеевич Язов уведомил о привлечении армии к разведению сторон в местах столкновений и сопровождению колон беженцев по нормальным дорогам. «Министр уверен, что пресса, конечно, должна освещать резко обострившийся конфликт в Закавказье, – сообщил Виталий Иванович. – Но пока считает возможным допустить туда только военных журналистов. В общем, вам ехать первой бригадой. Два часа на сборы, и вперед в аэропорт. Вроде бы не отменены рейсы до Тбилиси, а оттуда поездом можно попасть в Азербайджан и Армению».

Через столицу Грузии, где, кстати, тоже в те дни кипели митинговые страсти, мы проехали сначала в Азербайджан. Я с Хабаровым – в Баку. Бурбыга – в Кировабад. И пошли в Москву репортажи раз в 2-3 дня. Из самых разных точек волнений, протестов, столкновений. С подачи Язова, «Красная звезда» получила преимущество перед всеми остальными центральными газетами, имея в конфликтующей республике собственную группу корреспондентов. Так продолжалось не меньше недели. Мы с Хабаровым несколько раз наблюдали, как в бакинских киосках Союзпечати люди первой спрашивали и покупали «Красную звезду», зная о её особой информированности. Они выискивали в ней свежий материал из республики, внимательно читали его и реагировали по-кавказски эмоционально. Некоторые в сердцах яростно комкали газету, бросали на землю и поджигали. Мы с Виктором считали это действо подтверждением точного отражения событий в наших публикациях.

Абсолютно такие же сцены наблюдали потом и в Ереване. В Армению мы перелетели вертолётом над перевалами. Делали там короткую посадку, чтобы подобрать нескольких беженцев. Видели страшную картину – замерзших в снегу

женщин с прижатыми к груди младенцами. И не предполагали, что вскоре станем свидетелями еще больших ужасов.

Первым армянским городом, в котором мы остановились 6 декабря, стал Ленинакан (ныне Гюмри). Ходили по улицам, присутствовали на вялотекущем митинге в центре. Большинство «митингующих» были женщины, которые дружно лузгали семечки, судача друг с другом о чем-то своём. Раз в час-полтора на трибуну поднимался какой-нибудь оратор, сбивчиво говорил пару минут, то и дело поминая Карабах. Мы решили, что ничего достойного внимания журналистов в городе не происходит. Отправились в старую крепость, где располагался штаб 127-й мотострелковой дивизии. На ночёвку корреспондентов «Красной звезды» разместили в «гостевом домике ЧВСа» прямо через дорогу от крепостных ворот. Попросили утром нас доставить в Ереван. Часов в восемь пришли два армянина в форме майоров. С ними мы и стартовали в столицу республики на видавшей виды черной Волге.

В Ереване подъехали к штабу 7-й гвардейской армии 7 декабря 1988 года около 11 часов. Взяв у оперативного дежурного последние сводки о ситуации в столичном гарнизоне, я быстро набросал текст заметки. И связался по ВЧ с Москвой. На связи была наша редакция. С другой стороны провода длиною почти в две тысячи километров меня спрашивали:

- Как там обстановка в Ереване?

- С тех пор как ввели комендантский час, – отвечал я, – митинг на Театральной площади прекратился и больше не возобновляется. Обстановка сравнительно спокойная: многочисленных демонстраций нет, подавляющее число предприятий в городе работают. Правда, люди по-прежнему возбуждены, главная тема разговоров – Карабах. Создается впечатление, что все настороженно ждут каких-то событий...

И вдруг я услышал в телефонной трубке странный треск – связь неожиданно прервалась. И тотчас пол в комнате забился нарастающей дрожью. Находившийся здесь же дежурный офицер резко вскочил со стула, но, не сделав ни шага, замер в неестественной позе с широко расставленными ногами.

- Что это? – спросил я его.

- Похоже – землетрясение...

Будто подтверждая его слова, снизу сильно ударило. Стены на глазах буквально завибрировали, мебель съехала со своих мест. Затем дрожь быстро пошла на убыль и исчезла совсем.

- Баллов на пять трягнуло, – резюмировал мой визави. – Надо выяснить: здесь поблизости эпицентр или он был где-то еще и сюда лишь волна дошла?

Мы побежали на другой этаж здания, где располагалась оперативная группа военного коменданта города Еревана. Но, оказавшись возле двери нужного помещения, увидели выходящих из нее и озабоченно что-то обсуждавших офицеров.

- Получили задачу вылететь на разведку в район Лениакана, Кировакана и Спитака, – бросил нам на ходу один из них. – Есть предположение, что там эпицентр. Оттуда по радио получен сигнал SOS.

Внезапно рядом со мной объявился где-то бегавший фотокор Виктор Хабаров. И сразу выпалил на едином дыхании:

- План действий, думаю, ясен. Сейчас – в аэропорт. Я уже договорился с летунами, они нас посадят на какой-нибудь «борт» и забросят прямо в Лениакан.

Мы посмотрели на часы: было около двенадцати часов. Но осуществить свой план нам удалось только под вечер. Добравшись до аэропорта «Звартноц», узнали, что практически вся имевшаяся в Ереване авиация уже отправилась в зону бедствия, за ранеными. Пришлось ждать ее возвращения и следующего рейса в Лениакан.

...Самолет шел на посадку, но казалось, что он проваливается в бездну. Настолько противоестественным было приземление в аэропорту вечернего города, в котором не сияют гирлянды огней. Почти повсюду вокруг – густая тьма. Лишь кое-где едва заметно трепетали оранжевые всполохи. Это костры, предположили мы, и не ошиблись. Да, в первую ночь после катастрофы костры стали единственным источником тепла и света для жителей Лениакана. С приближением полуночи их становилось все больше и больше. Возле огня собирались не только те, чье жилище перестало существовать в результате огромной силы землетрясения, но и те, у кого до-

ма не пострадали. Все боялись новых подземных толчков. Вообще увиденное ошеломляло! Хотя сознание поначалу воспринимало все, что окружало нас, скорее как некие фантастические декорации, нежели реальность. Целые улицы превратились в сплошные руины. Даже тот самый одноэтажный «гостевой домик ЧВСа», где мы ночевали накануне, полностью развалился, разбросав в разные стороны блоки из розового армянского туфа. Его крыша целиком опустилась до земли.

Чтобы узнать о масштабах постигшего несколько районов Армении стихийного бедствия и сложившейся в них ситуации, мы первым делом приехали в штаб оперативной войсковой группы по ликвидации последствий землетрясения, возглавляемой генерал-лейтенантом Кузнецовым. Обратились к нему за разъяснениями.

- Размеры катастрофы очень велики, – сказал генерал-лейтенант Кузнецов, – но дать им реальную оценку можно будет лишь утром, когда удастся внимательно осмотреть пострадавшие города и населенные пункты, и хотя бы частично восстановить полностью нарушенную между ними связь.

Юрий Кириллович воздержался от поспешных выводов не случайно. Он был одним из первых людей, увидевших всю зону бедствия сверху. Он находился на заседании бюро ЦК Компартии Армении, когда Ереван содрогнулся от подземных толчков. А вскоре поступили первые, поначалу весьма противоречивые сообщения о трагедии в Ленинакане и близлежащих к нему районах. Участвовавший в работе бюро заместитель Председателя Совета министров СССР Борис Евдокимович Щербина попросил генерал-лейтенанта немедленно организовать с помощью военной авиации облет зоны вероятных разрушений. Вместе с другими партийными, советскими руководителями они поднялись на вертолете в воздух. Тогда и стало ясно, что республику постигло бедствие беспрецедентных масштабов. Фактически полностью сравнялся с землей районный центр Спитак. Большие разрушения вызвала стихия в городе Ленинакане, где превратились в руины более 120 домов. Несколько меньший, но тоже значительный ущерб понесли города Кировакан, Степанаван, Амасия и окружаю-

щие их села. О точном числе человеческих жертв землетрясения еще ничего не было известно, но мы уже увидели на улицах Ленинакана погибших, которых укладывали рядами перед их бывшими жилищами. А те, кого извлекли живыми из-под завалов, бродили обсыпанные меловой или цементной пылью между кострами, вглядывались в лица сидящих, в надежде увидеть родных, близких, соседей...

Ночевать пошли с Виктором в старинную крепость, которая на удивление почти не пострадала. Утром – снова в город. Обнаружили множество работающих на развалинах военных. Как выяснилось, большинство из них были из той самой 127-й дивизии, тоже пережившие землетрясение, пострадавшие и даже потерявшие родных. Но немало появилось на улицах призванных в срочном порядке на переподготовку так называемых «партизан». Причем, призванных в... Азербайджане и доставленных самолётами в Армению. Мы не могли поверить, что кто-то додумался до такой глупости. Наблюдали даже крайне неприятную ситуацию. На руинах одного дома разгребали обломки несколько местных жителей. К ним попытались присоединиться трое «партизан». Вдруг один из местных бросился их прогонять: «Не смейте, турки, прикасаться к нашим покойникам!»

Тот случай ясно показал нам, что вражду между двумя соседними народами ничуть не уменьшит даже столь огромная беда. Быть может, еще и усугубит. Николай Бурбыга, перебравшийся после нас в Баку, рассказал потом при встрече, как в день трагедии смотрел в гостинице телевизор. Когда в новостях сообщили о землетрясении в Армении, из раскрытых окон двух расположенных поблизости студенческих общежитий раздался многоголосый вопль ликования.

Проработав в Закавказье без малого месяц, первая бригада журналистов «Красной звезды» так и не нашла признаков снижения напряженности в армяно-азербайджанском конфликте. Не нашли их приехавшие к нам на смену Олег Фаличев и Юрий Мамчур. Межнациональные столкновения стали настоящим проклятием «перестройки» в Стране Советов, и одной из главных тем публикаций в нашей газете на многие годы. Снова и снова убеждали в этом последующие

командировки на Южный Кавказ, а также в другие конфликтные районы – киргизские Ош и Узген, узбекскую Фергану, позже в Приднестровье и Абхазию.

ПОВОРОТНЫЙ МОМЕНТ

И всё же при массе издержек «перестройки», в её перспективность, если честно, не переставали верить очень многие советские люди. В том числе и журналистская братия, которую особенно воодушевляла провозглашенная компартией гласность. Редакция «Красной звезды» не была исключением. В газете всё чаще появлялись острые аналитические публикации по проблемам, еще недавно не подлежавшим обсуждению.

Скажем, в конце 1988 года я съездил в одну из частей Прикарпатского военного округа и подготовил по результатам командировки статью «Достоинство». В подзаголовке ставился вопрос: «Всегда ли может отстоять его молодой солдат, столкнувшийся с дедовщиной?» Я не могу вспомнить, чтобы до той публикации у нас в газете было проведено столь же дотошное препарирование этого отвратительного явления, природы его существования, причин живучести. Мне удалось на конкретном примере показать, как унижается достоинство не только подвергнувшегося издевательствам солдата, но и командиров, вынужденных следовать навязанным правилам учета правонарушений, а также офицеров надзорных органов, фактически насаждающих извращенную дисциплинарную практику. Ведь в статье шла речь о попытке молодого солдата пожаловаться на избиение старослужащим в военную прокуратуру и усилиях большого начальника замять инцидент.

В часть тогда приехал руководитель одного из управлений военного округа генерал-майор с говорящей фамилией Грубый. Впоследствии Александр Яковлевич уверял меня, что предпринятая им попытка оформить уголовное преступление старослужащего как дисциплинарный проступок вышла как-то сама собой, по стечению обстоятельств. Затем, когда я уже вернулся в Москву и писал статью, Грубый позвонил мне прямо в редакционный кабинет. Он стал убеждать меня: что-

бы в публикации, если ее не избежать, не упоминалась его фамилия. «Войдите в моё положение, – в буквальном смысле хныкал генерал-майор, уговаривая майора. – Мне предложили новую должность, но из-за вашего материала повышение может сорваться...» Статья, тем не менее, вышла. А вскоре я узнал, что публикация в «Красной звезде», озаглавленная «Достоинство», была включена в список рекомендованной литературы студентам факультета журналистики МГУ. Как образец подробного и объективного освещения темы неуставных отношений в армии.

На рубеже 80-х и 90-х годов в редакции фактически развернулся поиск новых подходов к освещению буквально всех сторон жизни Вооруженных Сил СССР. В значительной мере – под острым критическим углом. Естественно, лидерами изысканий стали видовые отделы боевой подготовки. Ведь в тот период едва ли не самым обсуждаемым повсюду было понятие «военная реформа». Так что в «Красной звезде» просто не могла не появиться постоянная рубрика с таким названием. Вели её именно боевики.

В отделе Сухопутных войск основным генератором идей для подготовки публикаций на эту тему стал, конечно, Геннадий Дорофеевич Миранович. С его подачи в мае 1990 года газета, например, организовала и провела «круглый стол» в Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. Свои взгляды на способы, методы и цели осуществления военной реформы изложили тогда известные военные учёные: начальник кафедры вице-адмирал Рудольф Александрович

Голосов и доктор философских наук генерал-майор

Геннадий Миранович и Олег Владыкин на обязательном занятии в университете марксизма-ленинизма.

Игнат Семёнович Даниленко, начальник научно-исследовательского отдела доктор военных наук Владимир Иванович Слипченко, старшие преподаватели доктор военных наук генерал-майор Герман Васильевич Кириленко, кандидат военных наук генерал-майор Владимир Михайлович Иванов, доктор философских наук полковник Олег Алексеевич Бельков, народный депутат СССР полковник Валерий Николаевич Очиров, доктор военных наук генерал-лейтенант в отставке Виктор Васильевич Соловьев.

Особо подчеркнули участники «круглого стола» мысль о том, что в процессе преобразований в армии и на флоте не должно быть допущено снижения обороноспособности страны, повторения ситуации, возникшей в то время в экономике, когда многие старые отношения и механизмы сломаны, а новые еще не начали действовать. По мнению ученых, подобное положение в решении вопросов обороны совершенно неприемлемо, ибо может стать непоправимым. Если бы знали они, как близко подошла тогда уже армия именно к такому повороту событий...

Примечательно, что мой отчет о прошедшем обсуждении вышел с весьма неопределённым заголовком «Сквозь спектр мнений». Пытаясь выразительно озаглавить материал, мучился весь отдел боевой подготовки Сухопутных войск. Проблема заключалась в том, что на круглом столе высказывалось много интересных, заслуживающих внимания идей, предложений, наблюдений по самым разным сторонам жизнедеятельности Вооруженных Сил. Вытащить в заголовок какую-то одну самую ценную мысль не получалось. Сошлись на расплывчатом «спектре мнений».

Реалиям и перспективам военной реформы посвящалось интервью, которое в июне 1991 года я взял у начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР – первого заместителя министра обороны СССР генерала армии Михаила Алексеевича Моисеева. Беседа начиналась с такого вот сообщения военачальника: «Наш проект реформы и альтернативный ему, подготовленный группой народных депутатов СССР, были рассмотрены в Комитете Верховного Совета СССР по делам обороны и безопасности. Их детальное изу-

чение законодателями выявило явную несостоятельность предложений наших оппонентов... Собственно, эта ситуация сделала дальнейшие дискуссии беспредметными». Однако дальше Михаил Алексеевич занялся как раз сопоставлением ошибочных, на его взгляд, позиций альтернативного проекта с однозначно правильными положениями разработки Министерства обороны.

«Наша концепция военной реформы вчера была рассмотрена Кабинетом Министров СССР, – завершал разговор генерал армии Моисеев. – Её дальнейшая реализация теперь зависит от Верховного Совета СССР и Президента СССР. Ранее планировалось, что уже текущая сессия парламента страны будет обсуждать проект. Но предполагалось, что это произойдёт после подписания нового Союзного договора, так как вопросы, связанные с обороной, в равной степени отражают интересы как всего Союза, так и каждой входящей в его состав республики. Пока договора нет, и обсуждение нашего проекта откладывалось».

Михаил Алексеевич так и не дождался подписания Союзного договора. Соответственно, концепция реформы, разработанная под руководством НГШ, не претворилась в жизнь. А Моисеев, исполнявший обязанности министра обороны СССР с 22 августа 1991 года, уже через сутки был освобожден от них, а также и от должности начальника Генштаба. А в ноябре того же года его уволили в отставку. Сменил Моисеева на посту начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР – первого заместителя министра обороны СССР генерал армии Владимир Николаевич Лобов. Всё в тот же день 23 августа. Я сам слышал от нескольких высокопоставленных военных, что Лобова характеризуют одним словом – интеллеktуал. На его счету большое число научных работ, ученые степени доктора военных наук, кандидата исторических наук. При этом к непосредственной разработке концепции военной реформы в Минобороны Лобова фактически не допустили. Лишь впоследствии он трижды принимался за её переработку, усовершенствование, развитие. Откровенно говоря, меня сильно удивило, что такой человек всего через неделю после назначения на должность НГШ откликнулся на первую же

просьбу дать интервью корреспонденту «Красной звезды». И уже 7 сентября 1991 года на основе нашей трёхчасовой беседы в газете был опубликован материал «Не отвергать ни одного проекта».

«В своё время я был включен в состав комиссии, которой предстояло заниматься разработкой концепции реформы, – разъяснял свою позицию Владимир Николаевич, – но от практической деятельности меня фактически изолировали. Видимо не нравились мои предложения о кардинальных преобразованиях Вооруженных Сил, всего оборонного комплекса. Поэтому не знаю, на основе каких исследований и прогнозов создавались проекты... Тем не менее хочу сказать, что не отвергаю напрочь уже имеющуюся концепцию. Над её созданием трудился большой коллектив специалистов. Надо думать, свои выводы они строили не на пустом месте. И двигались, в общем-то, в правильном направлении. Другое дело, что люди, определявшие конечные цели военной реформы, сознательно ограничили полумерами масштаб и задачи намечаемых преобразований. Вот поэтому считаю необходимым ещё раз основательно проработать многие аспекты концепции».

Вместе с тем генерал армии Лобов в отличие от Моисеева настаивал на том, что ни в коем случае нельзя пренебрегать проектами, созданными другими коллективами, даже отдельными авторами. Потому что был убежден: «Действительно кардинальные и нацеленные на дальнюю перспективу преобразования оборонного комплекса страны удастся провести лишь при использовании всего интеллектуального потенциала, задействованного в оборонной сфере».

Это было сказано через неделю после провала ГКЧП. В ситуации, когда Советский Союз формально еще существовал, но трагическое событие, предопределившее скорый распад СССР, уже произошло. Наверное, был некий символизм в том, что сторонник глубоких преобразований в Советской Армии Владимир Николаевич Лобов возглавил Генштаб в этот период. И в том, что снял его с должности 7 декабря 1991 года стремительно теряющий власть президент СССР Михаил Сергеевич Горбачев. Он сам 25 декабря объявил о сложении своих полномочий главы государства. А на следую-

щий день союзный парламент принял декларацию, в которой констатировалось: СССР как государство и субъект международного права прекращает свое существование.

В ПОИСКЕ СВОЕГО ПУТИ

Подобно многим советским организациям, управленческим структурам, трудовым коллективам, часть краснозвёздовцев поддавалась перестроечным настроениям. С середины 1989 года в редакции развернулась нешуточная дискуссия о необходимости многое менять в структуре, организации, стилистике работы коллектива «Красной звезды». Во внутренней редакционной многотиражке – «Красной звёздочке» – регулярно появлялись острые публикации на сей счёт. Процесс поиска приемлемого для всей редакции и газеты варианта преобразований длился, изредка активизируясь, в течение двух лет. Но после провала ГКЧП случился всплеск реформаторских настроений и у нас в коллективе.

В немалой степени поспособствовало этому появление опять же в августе 1991 года Комиссии по упразднению военно-политических органов в Советской Армии, возглавляемой генерал-полковником Дмитрием Антоновичем Волкогоновым. Человек, прослуживший 20 лет в Главном политическом управлении СА и ВМФ, несколько лет возглавлявший управление спецпропаганды (психологическая обработка войск противника) и достигший должности замначальника Главпура, первым делом объявил о ликвидации структуры, в которой сделал столь впечатляющую карьеру политработника. То была очень плохая новость для «Красной звезды». В редакции стали форсировать разработку проектов существенного обновления облика и содержания газеты, что позволило бы отбиваться от упреков в «заидеологизированности» издания и фактически директивной подчинённости аппаратным структурам. Ведь именно в таких пороках сразу же стали обвинять «Красную звезду» члены комиссии Волкогонова.

Проектов сделали три, и несколько раз устраивали их общередакционные обсуждения. И вдруг произошел совсем уж неожиданный поворот событий. В одном из сентябрьских

номеров «Независимой газеты» появилась небольшая заметка о «взбунтовавшемся» коллективе «Красной звезды», вступившем в прямой конфликт с Министерством обороны – своим учредителем. Я до сих пор не знаю, кто организовал ту публикацию, но резонанс она имела широкий. Нашу редакцию стали атаковать коллеги из других (в том числе зарубежных) изданий, радио и телекомпаний. А в высоких кабинетах Минобороны на публикацию «Независьки» отреагировали весьма нервно. Плюс ко всему из «Комиссии по упразднению...» потребовали на страницах газеты дать чёткое разъяснение происходящему.

Ответная публикация появилась быстро. Мол, ни бунта, ни конфликта нет. Дело – в другом. Сообщалось: «12 сентября в редакции состоялось открытое собрание журналистской организации, где шел разговор о путях обновления газеты. Принято единогласное решение, в котором заявлено о необходимости существования такого во многом уникального издания, как «Красная звезда», о нецелесообразности превращения её в чисто ведомственный информационный бюллетень. Мы видим необходимость преобразовать «Красную звезду» в массовую общенародную газету, которая была бы на деле связующей нитью между народом и армией. Газетой, пишущей об обществе для армии и об армии для общества».

Редакция не скрывала своих целей. Не посягая на prerogatives Министерства обороны – единоличного учредителя газеты, – коллектив предлагал создать юридические гарантии для творческой самостоятельности журналистов, расширения их прав в решении внутриредакционных вопросов. В публикации говорилось, что такое возможно в ситуации, когда журналистская организация станет одним из соучредителей. Комиссию в целом удовлетворили объяснения в «Красной звезде». Выражалась готовность рассмотреть проекты реформирования главной военной газеты в высоких министерских инстанциях. Больше того, давалась команда на продвижение распространённой в то время идеи выборов руководителя коллектива.

Наиболее интересный проект преобразований, на взгляд многих сотрудников редакции, выдвигал на обсуждение ре-

дактор отдела боевой подготовки ВМФ капитан 1 ранга Сергей Иванович Быстров. В отделе Сухопутных войск всем без исключения представлялась реальной перспектива объединить редакцию, издательство и типографию в единую хозяйственную структуру, и тем самым добиться экономической самостоятельности «Красной звезды» как комбината. Редактор отдела полковник Геннадий Дорофеевич Миранович говорил нам: «Всё это осуществится, если сам Быстров будет руководить своим проектом, если он станет главным редактором газеты. Надо поддержать выдвижение Сергея Ивановича». Его действительно выдвинули на ближайшем общередакционном собрании. Ну а мне вместе с другим сотрудником нашего отдела Сергеем Поповым было поручено пройти по редакции с подписным листом, в котором мог бы поставить свой автограф любой журналист, поддерживающий Быстрова.

Не могу сказать, что все без исключения были готовы засвидетельствовать согласие с будущим назначением нашего кандидата главным редактором. Некоторые коллеги категорически отказывались. Но около 80-и процентов творческих сотрудников «Красной звезды» поддержали Быстрова. Его проект и материалы голосования за него направили в комиссию Волкогорова. Реакцию на них ждали больше двух месяцев.

Наконец 19 ноября меня направили на пресс-конференцию, проведённую после заседания «Комиссии МО по упразднению...». На следующий день в газете вышел мой отчет, где приводились пояснения Волкогорова к проделанной работе по расформированию политорганов, созданию вместо них структур «по работе с личным составом», сокращению почти вдвое численности бывших политработников и лишения их «каких-либо властных функций». Свою задачу комиссия считала выполненной, намереваясь к 1 декабря завершить работу проведением лишь ещё одного заседания. Больше в отчете ничего не говорилось.

Однако в следующем номере нашей газеты была дана маленькая заметка, в которой сообщалось, что на заседании комиссии 19 ноября наряду с другими был рассмотрен вопрос о главном редакторе «Красной звезды». А на прошедшей в тот же день пресс-конференции был назван кандидат, рекомен-

думый на должность руководителя редакции. «Неожиданно-стью явилось то, что им оказался не капитан 1 ранга Быстров С.И., чью кандидатуру несколькими днями ранее большинство творческого коллектива редакции предложило на рассмотрение комиссии и министра обороны СССР», – говорилось в заметке от 21 ноября. Завершалась она обращением к министру обороны с просьбой всё же учесть выбор редакции при назначении главного редактора. Просьба так и не была услышана. Еще полгода редакцией «Красной звезды» продолжал руководить её прежний главный редактор генерал-лейтенант Иван Митрофанович Панов, давно перешагнувший 60-летний рубеж. Он сам в конце 1991 года и удивил коллектив объявлением о назначении его сменщиком капитана 1 ранга Владимира Леонидовича Чупахина. Сперва исполняющим обязанности. Говоря откровенно, для многих краснозвёздовцев это действительно было сюрпризом.

Официально же в должности главреда Чупахин начал работать, по сути, одновременно с учреждением (20 марта 1992 года) Главного командования Объединёнными Вооружёнными силами СНГ. Главкомандующим ОВС СНГ был назначен маршал авиации Евгений Иванович Шапошников, являвшийся до того министром обороны распадавшегося Союза. В результате на непродолжительный период «Красная звезда» даже изменила свой статус, который сохранялся десятилетиями. Вместо «Центральный орган Министерства обороны СССР» начали под титулом писать «Ежедневная газета Вооружённых Сил». Чьих сил – не уточнялось. Для Владимира Чупахина, да и всей редакции такое положение вещей стало неожиданным подарком.

Новому командованию было явно не до газеты, какое-либо давление на «Красную звезду» со стороны аппаратных структур фактически полностью прекратилось. Военный цензор вообще перестал появляться в редакции! Оказалось, что цензура лишилась своих полномочий по причине отсутствия руководящих документов для работы в изменившихся условиях. Около трех месяцев мы могли писать всё, что пожелаем, готовить без согласования с кем-либо самые острые критические материалы. Разумеется, новому главреду было удобно

управлять коллективом в такой обстановке. В газете одна за другой появлялись публикации, бичевавшие чванство иных военачальников и командиров, всякие хозяйственные и административные злоупотребления, организационные просчёты. Нам никто не мешал. В редакции царил настоящий творческий подъём. К Чупахину в его новой роли и в сложившихся обстоятельствах все быстро приноровились.

Жаль, что эта «вольница» продолжалась недолго. В начале лета 1992 года возник вопрос о необходимости зарегистрировать издание по нормам закона Российской Федерации. Запустить сей процесс мог только министр обороны РФ. И он уже был. Президент Борис Николаевич Ельцин назначил 18 мая 1992 года новоиспеченного генерала армии Павла Сергеевича Грачёва главой только что образованного военного ведомства России. Новый министр стремительно осваивал круг своих обязанностей и полномочий. В начале июня он прибыл и в редакцию «Красной звезды», выступил перед редакционным коллективом. Для ознакомления ему принесли готовившийся к выпуску номер газеты. Павел Сергеевич «споткнулся» на просмотре первой же полосы, ткнув пальцем в статус, написанный под титулом.

- А как всегда тут писали? – спросил Грачёв.

- Центральный орган Министерства обороны... – ответили ему.

- Ну, давайте и дальше так же печатать, – резюмировал министр и, попросив черный фломастер, лично перечеркнул набранный титул, надписал сверху про «орган». Следом Грачёв скрепил своей подписью обращение в Министерство печати и информации РФ о регистрации издания. Таковая состоялась 30 июня. Какая-либо привязка к ОВС СНГ у «Красной звезды» исчезла. А вместе с ней улетучилась и необычная редакционная обстановка творческой раскованности.

НА ОЧНОЙ СТАВКЕ

Да, в «Красную звезду» возвращались привычные правила ведомственной подотчетности, требования всевозможных согласований. Справляться с ними помогал лишь накоплен-

ный годами опыт большинства краснозвёздовцев микшировать аппаратный диктат. И всё же порой начальственный гнев из-за «своевольной писанины» больно бил по какому-нибудь журналисту. Мне довелось испытать тяжелые последствия такого прессинга.

В декабре 1992 года я получил предложение штаба ВДВ взять интервью у командующего войсками генерал-полковника Евгения Николаевича Подколзина. Обещано было получение от него эксклюзивной и очень интересной информации. При встрече всё подтвердилось. Подколзин рассказал в подробностях о разработанном в его штабе проекте создания войскового объединения, которое должно было называться «Мобильные силы». Идея образования такой структуры в нашей армии возникла и обсуждалась еще до истории с ГКЧП. А с рождением 7 мая 1992-го Российской армии такие проекты стали появляться и в штабах видов вооруженных сил РФ. Краткие описания этих разработок я сам видел свободно разбросанными во многих минобороновских кабинетах и штабах. В том числе и презентацию проекта десантников. Но при личном общении Подколзин передал мне развернутую справку об организации нового войскового объединения. Замечу, на ней никаких отметок о секретности документа не имелось. Как и на схеме организации Мобильных сил, показанной офицерами штаба ВДВ. Кроме того, Евгений Николаевич долго давал свои комментарии к проекту под запись на диктофон. Ясно было, что десантники очень хотели с помощью «Красной звезды» сделать свою разработку однозначным победителем на рассмотрении коллегией Минобороны. (Показательно, что последующие командующие Воздушно-десантными войсками даже заявляли: «ВДВ уже являются мобильным объединением нескольких дивизий»).

Сегодня нет смысла пересказывать суть того проекта, да и других тоже. Ни один из них так и не был реализован (к тому же складывалось позже оправдавшееся впечатление, что тогдашнее политическое руководство страны не только не пеклось о повышении боеготовности армии и флота, а скорее, наоборот, спешили их разрушить). Вот в такой ситуации 18 декабря в «Красной звезде» появилась моя статья «Мобиль-

ные силы России». Подзаголовок гласил: «Они создаются по велению времени». Накануне выхода статьи произошло следующее. Представитель отдела охраны военной тайны Генштаба, курировавший «Звездочку», предложил снять её с полсы. Однако главный редактор газеты капитан 1 ранга Чупахин, узнав от меня о наличии диктофонной записи инициативного интервью генерал-полковника Подколзина, дал публикации «зеленый свет». После этого разразился скандал.

В день выхода газеты Чупахин пригласил меня к себе в кабинет и сообщил, что нам с ним предстоит явиться на «ковер» к первому заместителю начальника Генерального штаба генерал-полковнику Михаилу Колесникову (через пять дней он возглавит Генштаб). Я плохо помню, что конкретно ставил в вину редакции генерал-полковник, в памяти сохранился лишь грубый тон, с которым он обращался к капитану 1 ранга Чупахину. В какой-то момент я попытался довести до разъяренного военачальника, что интервью и его тема были предложены непосредственно командованием ВДВ, Колесников рывкнул как заправский старшина роты:

- А вы вообще молчите! Стоите тут неподстриженный...

Далее события развивались следующим образом. Меня в сопровождении офицера по охране военной тайны и начальника пресс-службы МО немедленно отправили на «очную ставку» с командующим ВДВ генерал-полковником Подколзиным. Евгений Николаевич, человек искренний и доброжелательный, в той ситуации явно чувствовал себя не в своей тарелке. Он не стал отрицать, что сам пожелал дать интервью «Красной звезде», но когда был задан вопрос: «Уносил ли подполковник Владыкин какие-нибудь документы из штаба ВДВ?», Подколзин лишь неопределённо развел руками. А я поспешил вставить, что никаких документов, кроме диктофонной записи, за пределы штаба не выносил. Но уже было ясно, что мне не избежать наказания, и если бы только мне одному... Но об этом ниже.

А тогда, 18 декабря, произошло еще одно событие, о котором я узнал от очевидца. Ксерокопию статьи о мобильных силах со многими подчеркиваниями и комментарием Генштаба вручили генералу армии Грачеву в салоне самолета, на ко-

тором он вылетал в Москву из Западной группы войск в Германии. Очевидец засвидетельствовал, что Грачев выглядел раздраженным и потребовал, чтобы на военном аэродроме Чкаловский его непременно встречал Подколзин. Едва борт замер на площадке встречи и к нему подогнали трап, министр буквально побежал вниз, где стоял Евгений Николаевич.

- Женя, ты продал нашу задумку журналюгам! – крикнул давнему другу Грачев, не добежав даже до конца трапа.

- Так это же наши, военные журналисты, – откликнулся генерал-полковник.

- Какие наши?! Они все одним миром мазаны – щелкопёры... Сенсацию так и норовят слепить...

Через пару лет Евгений Николаевич пришёл в редакцию «Красной звезды», чтобы вручить ценные подарки журналистам, активно пишущим о десанниках. Подарил два бокала с символикой ВС РФ и мне, тихонько сказав при этом: «Ты прости меня, Олег Юрьевич, за ту историю с мобильными силами. Мы оба были не виноваты, но ситуация получилась скверная». Я был признателен командующему за искренность. Но в 1992-ом испытал гнев начальства по полной программе.

Генерал-полковник Евгений Подколзин вручает журналисту Олегу Владыкину ценный подарок с благодарностью за долгое и плодотворное сотрудничество. Октябрь 1994 г.

Главный редактор газеты Владимир Леонидович Чупахин получил выговор от министра обороны, редактор отдела Геннадий Дорофеевич Миранович за «ненадлежащий контроль над подчинённым» был понижен в должности. Меня же, как выяснилось, хотели даже уволить из Вооружённых Сил или хотя бы понизить в звании, но бывшая сотрудница «Красной звезды» пресс-секретарь министра Елена Александровна Агапова рассказывала, что едва уговорила Грачева не

поступать столь жестко. В отношении меня тоже ограничились понижением в должности. А капитана 1 ранга Чупахина кроме того вычеркнули из приказа о присвоении звания «контр-адмирал». Надо отдать ему должное: он в течение года сохранял вакансии редактора и заместителя редактора отдела БП Сухопутных войск до тех пор, пока с Геннадия Дорофеевича и меня не сняли взыскания. И мы вернулись на свои должности. И тогда же мне было присвоено звание «полковник».

Сегодня уже можно сказать, что дело было не в том, что в интервью раскрывались какие-то секретные данные, которых там и в помине не было, а в сложных взаимоотношениях между генералами Колесниковым и Подколзиным...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В запас я уволился в 1997-м. Это был год, когда стены редакции на Хорошевском шоссе осенью покинули пять опытных журналистов, ветеранов главной военной газеты. Все они находились в расцвете творческих сил и не достигли предельного возраста нахождения на военной службе. К тому времени диктат со стороны министерства обороны всё больше давал о себе знать, творческая самостоятельность военных журналистов ограничивалась, критические подходы при подготовке публикаций всё больше подавлялись, притом, что проблемы Вооруженных Сил стали уже вопиющими. Содержательность газеты, её былая популярность в армии, народе неуклонно снижалась. Между тем, пять известных гражданских газет охотно взяли в свои штаты уволившихся в запас компетентных краснозвездцев на должности военных обозревателей. Моим новым местом работы стала «Общая газета», которую создал и в которой был главным редактором видный журналист Егор Владимирович Яковлев.

Мог ли я тогда предположить, что двадцать лет спустя после ухода из «Красной звезды» снова вернусь на Хорошевское шоссе уже, правда, в качестве заместителя её главного редактора. Но так оно и случилось. В 2010 году по приглашению моего давнишнего товарища и коллеги полковника в от-

ставке Виктора Николаевича Литовкина, возглавлявшего редакцию «Независимого военного обозрения», я пришел к нему заместителем. Четыре года трудился в этой должности. В 2014-м Виктор решил перейти на работу в ТАСС на должность военного обозревателя и рекомендовал руководству ЗАО «Редакция «Независимой газеты» мою кандидатуру на пост ответственного редактора «НВО». Мне выпала честь еще почти четыре года поддерживать высокий авторитет и влияние «Независимого военного обозрения». Причем замками у меня были поочередно бывшие красносвёздовцы – капитаны 1 ранга запаса Владимир Александрович Гундаров и Олег Георгиевич Одноколенко. Работалось с ними в удовольствии.

Однако все хорошее тоже когда-нибудь заканчивается. В октябре 2017 года резко обострились наши отношения с генеральным директором ЗАО «Редакция «Независимой газеты» Константином Вадимовичем Ремчуковым. Причиной тому стала одна статья в «НВО», написанная Гундаровым. В ней высказывались нелюбезные замечания в адрес члена Политбюро ЦК КПСС, уже давно ушедшего в мир иной, но чтимого гендиректором.

Был поставлен вопрос о моем пребывании вообще в составе медиахолдинга «Независимая газета».

К счастью, буквально за пару дней до этого мне передали от руководителя Департамента информации и массовых коммуникаций (ДИМК) Минобороны генерал-майора Игоря

Беседа с генерал-полковником Игорем Николаевичем Родионовым за пару месяцев до его назначения министром обороны. Май 1996 г.

Евгеньевича Конашенкова предложение снова пойти работать в «Красную звезду» на должность первого заместителя главного редактора. Сначала я не дал однозначного ответа, попросил тайм-аут на размышление. С возникновением конфликта в «НГ» раздумывать было уже незачем.

Когда я подал заявление об увольнении по собственному желанию, руководство медиахолдинга принялось настойчиво уговаривать тогдашнего моего зама Одноколенко занять освобождающееся место ответственного редактора «НВО». Но Олег Георгиевич в знак солидарности с товарищем тоже написал заявление об уходе. И мы вместе снова пришли в «Красную звезду».

Во время первой же нашей встречи в служебном кабинете Конашенкова он сразу объяснил, чего ждет от нас. В ДИМКе, которому министр обороны недавно поручил взять под непосредственное управление главную военную газету, к сожалению, чувствовалась всеобщая растерянность от поставленной задачи. У сотрудников Департамента, в своём большинстве не имевших сколько-нибудь значимого опыта работы в СМИ, полностью отсутствовали идеи оздоровления пребывающего в кризисе издания. Предыдущий министр обороны Анатолий Эдуардович Сердюков считал просто ненужными военные газеты, что прямо сказалось на резком сокращении финансирования, штатов «Красной звезды» и, соответственно, на деградации её содержания. Нам с тѣзкой предлагалось, опираясь на опыт работы во многих гражданских редакциях, существенно обновить, осовременить образ старейшей военной газеты. То есть определялась роль реформаторов издания. «Красная звезда» должна была приобрести уникальные черты и особенности, которые не повторяются ни в одном другом СМИ и привлекают внимание множества читателей. По сути, подтвердил эти задачи и позвонивший мне в тот же вечер главный редактор военной газеты Николай Николаевич Ефимов. Перспектива, прямо сказать, увлекала.

Однако первые впечатления от реального положения дел в редакции поубавили наш энтузиазм. Оказалось, что газета находится в состоянии такого упадка, какого мы даже представить не могли во время нашего расставания с ней в

конце 90-х годов. Штат редакции сократился с тех пор фактически втрое. Полковничья должность осталась всего одна – у главного редактора. Подполковничьих – две. Майорских, кажется, четыре. Должности корреспондентов были капитанские и старших лейтенантов. Сотрудники редакции имели и соответствующие этим званиям должностные оклады. Некоторые военные журналисты носили погоны капитанов по два-три установленных срока. Сколько-нибудь привлекательной служебной перспективой офицеры редакции не имели вообще. Как и мотивации для качественной профессиональной работы на своих местах.

Просмотр подшивки газеты показал: толковые материалы в неё готовили чудом сохранившиеся в редакции ветераны былой «Красной звезды» – полковники в отставке Виталий Иванович Мороз, Геннадий Дорощевич Миранович, Владимир Владимирович Кузарь. Молодые сотрудники, как журналисты, демонстрировали обычно профессиональную слабость. При этом они убеждённо заявляли, что «Красная звезда» – корпоративное издание. Выяснилось, что эту глупость им внушили ещё во время учёбы в Военном университете Министерства обороны РФ, где многие годы только так определяли роль некогда главной военной газеты в стране. Не всесоюзная, не всероссийская, не общенародная... Приходилось вступать в спор с молодёжью, растолковывать, что корпоративным изданием является любая заводская многотиражка, внутренняя газета центрального офиса какой-нибудь компании, а в случае с Министерством обороны – сугубо внутриведомственный печатный орган. Кроме того удручал нарастающий диктат со стороны Департамента информации и массовых коммуникаций Минобороны. Его осуществляли люди, не имеющие редакторского опыта вообще.

Осознав действительное положение дел в редакции, Олег Одноколенко на третий день пребывания в «Красной звезде» заявил, что он просто не сможет работать в таких условиях. «Я два десятилетия занимался серьёзной военно-политической аналитикой, а лепить откровенную шнягу не в состоянии», – сказал мне Одноколенко. И ушел в популярное

сетевое издание медиагруппы «Звезда», где стал впоследствии главным редактором.

Ну, а я всё-таки решился на попытку обновления «Красной звезды». Был продуман широкий ре-дизайн печатной версии издания, создан абсолютно новый сайт электронной версии. Принципиально изменился макет и цветовая подача первой полосы газеты. Появился новый рубрикатор, в который вводились, например, такие неповторимые рубрики, как «Фактор силы» или «В местах дислокации». Они предназначались именно для военной газеты. Особенной была и новая система подрубрик, почти целиком построенная на применении наречий. Изменился даже статус газеты, который с давних советских времен и вплоть до 2017 года обозначался как «Центральный орган Министерства обороны РФ». Больше ни одно печатное издание в стране не сохранило такого атавизма, как определение себя неким «органом». Новый статус записали так: «Газета Вооруженных Сил Российской Федерации». То есть вернулись к варианту, испробованному в далёком 1992 году и уводящему газету от придуманной «корпоративности». Надо сказать, главный редактор Николай Николаевич Ефимов полностью поддержал все предложенные новшества.

Через два месяца работы над обновлением образа «Красной звезды» я подготовил полномасштабный демонстрационный макет газеты. Показал его Конашенкову. А через неделю он представил его на заседание Коллегии Министерства обороны РФ. Замечаний никто не делал, звучали только похвалы. Оставалось лишь запустить в производство газету в новом формате. Правда, я попробовал убедить Конашенкова и его ближайших помощников по Департаменту в том, что представленный макет – это приблизительно четверть необходимых преобразований в газете. Главное, нужно в корне менять содержание материалов, их подачу, придать аналитический характер большинству статей. Чтобы она стала именно «лабораторией военной мысли», как её сразу определили в первый же год выхода в 1924-м. Мне сказали: «Ничего больше не надо менять. Членам Коллегии понравилось всё, что ты

сделал. Успокойся». И этим подходом была заложена дальнейшая цепь досадных ошибок.

Приукрашенную газету запустили в производство. Поскольку воодушевленные одобрением Коллегии МО сотрудники Департамента информации и массовых коммуникаций, похоже, впали в административный восторг, их вмешательство в деятельность редакции приобрело эдакий тотальный характер. И через полгода столь небезобидного заблуждения коллег в ДИМКе мне пришлось подготовить честный отчет о состоянии «Красной звезды».

Прежде всего, пришлось напомнить практику отношений редакции с аппаратной структурой, которая когда-то казалась журналистам чрезмерной опекой. Теперь она выглядела чуть ли не идеальной. Ведь в течение нескольких лет кураторство над газетой «Красная звезда» осуществлялось Главным управлением по работе с личным составом. Это сотрудничество строилось на взаимном доверии специалистов ГУРЛС и редакционной коллегии газеты. Взаимодействие двух структур происходило так: из Управления иногда поступали предложения о необходимости публикации на какую-то тему, а решение о том, когда, в каком объеме и как именно это осуществить, принималось коллегиально профессиональными редакторами «Красной звезды». Никакое давление, диктат, вмешательство в редакционную политику и в формирование номеров газеты со стороны ГУРЛС не допускалось.

Однако в феврале 2017 года было принято решение о передаче кураторства над «Красной звездой» ДИМКу. Таким образом, предполагалось повысить качество газетных публикаций и эффективность информационной работы, ведущейся в интересах Минобороны. Между тем в течение полугода в ДИМКе не смогли придумать и предпринять хоть что-нибудь толковое для выполнения подобной задачи. Читаемость материалов сайта «Красной звезды», определяемая автоматическим счетчиком всероссийского рейтингового ресурса top.mail.ru, держалась с февраля по ноябрь 2017 года почти на одном и том же весьма низком уровне (в среднем 60 тыс. просмотров в месяц). Она оказалась где-то на 30% ниже лучших показателей в период кураторства ГУРЛС (90 тыс. про-

смотров в месяц). Единственным нововведением ДИМКа стало требование к редакции обязательно предоставлять верстку каждого номера газеты на предварительное согласование двум специально назначенным полковникам, которые имели нулевой редакторский опыт и вообще смутное представление о профессиональной работе редакции, призванной выпускать газету всероссийского масштаба.

Именно тогда, не получив сколько-нибудь заметного улучшения газеты, повышения читательского интереса к ней, ДИМК и предложил самой редакции подумать над какими-нибудь способами повышения привлекательности издания. И мы в редакции принялись за эту работу с воодушевлением. Был разработан в целом новый макет газеты, изменена подача материалов на полосах, стиль заголовков... Кроме того, были применены два новых инструмента по продвижению газетных публикаций в Сети. И уже в декабре 2017 года читаемость газеты по рейтингу **top.mail.ru** выросла более чем в 2 раза (до 130 тыс. просмотров). С января «Красная звезда» стала выходить по новому макету, в полную силу заработали сетевые стимуляторы посещаемости электронной версии газеты. В марте 2018 года была достигнута рекордная для нашего издания читаемость – 143 399 просмотров. Почти в 2,5 раза больше, чем до преобразований.

К сожалению, это был лишь временный эффект, по сути, от косметических мер. Попытка подвигнуть ДИМК к самому главному преобразованию – радикальному изменению контента «Красной звезды», переходу от сплошных отчетов о хорошо проделанной работе и проведённых мероприятиях к подготовке аналитических материалов и постоянной публикации эксклюзивной информации от Минобороны – результата не имела. Больше того, явный и быстрый прогресс читаемости газеты почему-то подтолкнул ДИМК уже в апреле к резкому усилению диктата редакции. Номера стали формироваться фактически в ДИМКе, газете начали буквально в приказном порядке указывать, какие материалы нужно подготовить, на какие полосы их ставить, чем иллюстрировать. И поскольку этим занимались абсолютно некомпетентные в газетном деле люди, не обладающие должным профессионализмом, «Крас-

ной звезде» навязывали не только откровенно примитивные, но порой просто глупые решения.

Читатели стремительно начали терять интерес к деградирующей газете, решившейся лишь на имиджевые новации, а по содержанию ставшей даже хуже. Её заполнили пустые статьи и заметки, из которых два контролера ДИМКа выхолащивали любое живое слово и мысль. В огромном количестве в газете примитивно дублировались информационные материалы с сайта Минобороны. В мае 2018 года уровень читаемости снова упал до низшего предела первой половины 2017 года. А в июне, июле, августе и сентябре 2018 года он стал проваливаться так сильно, как не случалось с ним никогда за всё время присутствия «Красной звезды» в Интернете (с 2000 года). В августе нашу газету просмотрели всего-то 43 950 пользователей. Ко всем этим удручающим показателям приходится добавить, что в течение нескольких лет «Красная звезда» нигде не продается. Сегодня найти её за пределами воинских частей или военных учреждений невозможно. Да и тираж печатной версии издания многие годы стабильно колебался около 26 тыс. экземпляров (в советское время – более 3 млн). Что заставляет с грустью вспоминать давние, так и не осуществленные предложения Сергея Ивановича Быстрова о создании комбината «Красная звезда» (при ведущей роли творческого коллектива редакции), который вряд ли допустил бы уход главной военной газеты с рынка СМИ.

А так приходится делать печальный вывод, что газета «Красная звезда», увы, перестала быть Средством Массовой Информации. Читательский интерес к ней приближался к нулю, доступность издания для широкой публики полностью отсутствовала, заметность в российском информационном пространстве тоже стала крайне низкой и, соответственно, возможность влиять на общественное сознание была утрачена. Она недостижима в условиях, когда число прочтений большинства заметок и статей на сайте «Красной звезды» не превышало читательскую аудиторию ротной стенгазеты (50–100 просмотров), а содержание текстов выхолащивалось до предела и нередко представляло собой смысловую жвачку. Своим постоянным дилетантским вмешательством в редактирование

газеты ДИМК, по сути, свёл на нет профессиональную военную журналистику. Департамент вопреки существующему законодательству наделил разрешительно-запретительными функциями двух своих надзирателей за «Красной звездой», и они фактически давали разрешение на печать каждого номера газеты, в приказном порядке и сугубо по личному усмотрению снимали непонравившиеся им материалы с номера или вставляли заметки, которые считали важными.

Все приведённые выше выкладки содержались в отчете, направленном руководству ДИМКа. Там же приводилась сравнительная таблица значений и статусности, которые придавались «Красной звезде», её сотрудникам в СССР и ныне в Российской Федерации (см. таблицу в конце статьи). Сопоставляемые полномочия редакции, должности журналистов, размеры их окладов ясно показывали, как они были понижены, если не сказать унижены, за последние 25-30 лет. Во время наших первых обсуждений в ДИМКе желаемых перемен в «Красной звезде» я докладывал, что у сотрудников редакции практически отсутствует служебная перспектива, и с этим надо что-то делать ради восстановления авторитета военных журналистов и вообще газеты. На что руководитель Департамента отвечал мне: «Ты сделай новый макет «Звёздочки», а уж потом я обещаю поднять должностные категории журналистам. У меня полное взаимопонимание с офицерами ГУК». Макет был создан, пущен в дело, а вопрос с повышением должностей как-то тихонечко позабыт. Ну и на посланный мною отчет просто не ответили. Тогда-то я понял окончательно, почему главным редактором «Красной звезды» уже четверть века остаётся Николай Николаевич Ефимов.

Раньше мне не довелось вместе с ним поработать. Он пришел в «Красную звезду» в 1998 году, через несколько месяцев после моего увольнения. И я порой слышал о Ефимове негативные отзывы со стороны. А когда оказался его заместителем, наблюдал Николая в деле, до меня дошло, что никто другой в существующих условиях не смог бы выполнять обязанности главного редактора «Красной звезды». Он обладает (как бы поточнее сказать) неповторимой гибкостью и неограниченной работоспособностью. Сочетание этих двух качеств

позволяет Николаю избегать конфликтных ситуаций с начальством и выполнять при этом любые сомнительные вводные.

Замечу, что полковник Ефимов имеет учёную степень доктора философских наук, а также обладает более чем тридцатилетним опытом работы в военных изданиях (в основном на руководящих должностях) и в информационных структурах Минобороны. Так вот над ним поставили кураторов, явно не блещущих интеллектом и, повторю, не имеющих вообще никакого редакторского опыта. То есть этих надзирателей сделали по факту начальниками над главным редактором «Красной звезды». И я порой наблюдал, как по телефону от него требовали вставить в текст откровенную глупость. Николай поначалу бывал явно обескуражен, пытался объяснить несуразность предлагаемой правки. Собеседник раздражлся, настаивал. Ефимов под начальственным напором... соглашался: «Ну, хорошо. Мы сделаем». И налегал на клавиатуру своего компьютера, делая приемлемую вставку из казавшегося бессмысленным чужого умозаключения. Частенько главный редактор переписывал забракованные Департаментом статьи почти полностью прямо в верстке номера. Засиживался чуть ли не ежедневно до глубокой ночи. В обстановке постоянного давления на редакцию с высоких инстанций кто-либо другой наверняка взорвался бы, психанул. Я бы точно... Что, кстати, пару раз и случилось.

Для меня как-то кстати началась пандемия, сотрудников почтенных возрастов приказали перевести на работу в удаленном режиме. Круг моих обязанностей в силу обстоятельств заметно сузился. Мне понравилась такая работа. Тем более я осознал, что как-либо влиять на перемены в редакции больше не смогу. Не позволят. Поэтому при окончании карантинных мер написал заявление с просьбой освободить меня от должности заместителя главного редактора, перевести в рядовые сотрудники и дать возможность в дальнейшем выполнять какие-то минимальные обязанности в свободном режиме. Мне пошли навстречу.

Но не отпускало чувство горечи от сознания, что даже после немалых усилий по обновлению облика «Красной звез-

ды» она так и осталась аутсайдером на рынке СМИ. Главная военная газета стала неконкурентоспособной абсолютно по всем параметрам и в журналистской среде, и в информационной работе. Казалось, она уже никогда не сможет восстановить свой былой авторитет и привлекательность. Однако...

Сама жизнь, действия нашей родной армии помогли «Красной звезде» начать выход из безнадежного вроде бы положения. В зоне специальной военной операции, развернутой на территории бывшей Украинской ССР, по понятным причинам были введены ограничения на использование электронных каналов, источников и средств информации. В такой ситуации печатная версия «Красной звезды» стала весьма востребованным информационным источником в войсковых частях, среди военнослужащих, участвующих в СВО. Это тут же подвигло к четырехкратному увеличению тиража главной военной газеты – почти до 100 тыс. экземпляров. Кроме того, в начале второго года проведения СВО «Красной звезде» разрешили постоянно держать в зоне боевых действий своих корреспондентов. Пусть под строгим контролем сотрудников ДИМК, с обязательным согласованием в департаменте каждой переданной в редакцию строчки, но всё же у издания появился какой-никакой собственный контент, а не только материалы, продублированные с официального сайта МО РФ, и статьи, подготовленные по министерским сводкам, донесениям, докладам больших начальников на различных совещаниях. Так у нынешних краснозвёздцев появилось моральное право тоже именоваться военными корреспондентами. На равных с гражданскими представителями многих независимых информагентств, телеканалов, Интернет-ресурсов, газет, работавших с первых дней в районах проведения СВО, на линии боевого соприкосновения с противником.

Наверное, эти подвижки поспособствовали и небольшому росту посещаемости сайта «Красной звезды» (www.redstar.ru). Сейчас большинство публикаций в электронной версии издания за первые сутки просматриваются по 200-300 раз. За неделю некоторые материалы набирают более полутысячи просмотров. Не сказать, что такое увеличение читаемости впе-

чатляет. Тем не менее, оно позволяет главной военной газете хотя бы избавиться от обидного подобия ротной стенгазете.

Обретение своего места в специальной военной операции стало, по сути, предпосылкой к выздоровлению «Красной звезды». Что, кстати, и ДИМК тоже подтолкнуло к серьёзным размышлениям о дальнейших перспективах ведущего издания Вооруженных Сил. Редакцию уже известили о намеченном на 1 июля переходе к выпуску 8-полосных номеров газеты пять раз в неделю. С какой только стороны не ломали «Звездочку» в последние годы?! Штат журналистов постепенно сократили втрое. Потом заставили выходить через день. Затем потребовали увеличить объём газеты до 12 полос в номере. И вот теперь в департаменте, похоже, осознали, что советский порядок выпуска ежедневной «Красной звезды» был оптимальным. Только вот ведь беда: при трехразовом выходе 12-страничных номеров в неделю суммарно делается 36 полос, а при пяти номерах – 40 полос в неделю. Нагрузка на редакционный коллектив возрастёт. Поэтому штат редакции вроде бы собираются увеличить. Предположительно, добавят семь капитанских и пять майорских должностей. И это, безусловно, уменьшит нагрузку на каждого отдельного сотрудника. Однако усугубит другую проблему нынешней «Красной звезды». Для многих военных журналистов и в дальнейшем не будет служебной перспективы. Пребывающих по два-три установленных срока в капитанском звании может стать даже больше.

Конечно, говорить о возрождении «Красной звезды» пока не представляется возможным. Ещё очень далеко до восстановления её былого авторитета, влияния, популярности и повсеместного распространения в стране. Но всё-таки надо признать, что сделаны первые робкие шаги в правильном направлении. Они позволяют надеяться на успешное развитие осуществлённых и намеченных новаций, которые, в конце концов, помогут занять «Звёздочке» достойное положение среди ведущих СМИ России.

ТАБЛИЦА

Сравнение статусов, которыми наделялись «Красная звезда» и её сотрудники в СССР и ныне в РФ

В СССР	В РФ
<p>Редакция «Красной звезды» приравнивалась по своему функционально-правовому положению к Главному управлению МО. Подчинялась напрямую министру обороны, повседневное кураторство над ней осуществлял начальник Главного политического управления, но никто из сотрудников Главпура не обладал распорядительными функциями по отношению к газете. Вся ответственность за содержание публикаций издания, формирование каждого номера, его выпуск и доставку подписчикам, за хозяйственно-правовое обеспечение работы редакции лежала на главном редакторе и редколлегии «Красной звезды».</p>	<p>Сегодня редакция «Красной звезды» не является самостоятельной структурой. Её сделали всего лишь одним из подразделений Редакционно-издательского центра, который подчиняется Департаменту информации и массовых коммуникаций Минобороны. Главного редактора газеты лишили практически всех хозяйственно-правовых полномочий, передав их начальнику РИЦ. Формирование номеров, контроль за прохождением материалов и содержанием публикаций, решение о выпуске очередного номера без какого-либо правового обоснования взял на себя ДИМК.</p>
<p>Должностные категории в редакции были: Главный редактор – генерал-лейтенант, Зам. главного редактора – генерал-майор, Ответственный секретарь – полковник, Редактор-член редколлегии – полковник, Редактор отдела – полковник,</p>	<p>Должностные категории в редакции ныне: Главный редактор – полковник, Зам. главного – гражданский служащий, Ответственный секретарь – подполковник, Редакторы-члены редколлегии – 4 майора, Стар. редактор – капитан,</p>

<p>Зам. редактора отдела – полковник-подполковник, Стар. литсотрудник (корр.) – подполковник.</p> <p>В редакции было более 30 полковничьих должностей. Всего штат журналистов в редакции «Красной звезды» составлял 101 человек.</p>	<p>Стар. постоянный корр. – капитан, Постоянный корр. – ст. лейтенант.</p> <p>Должности редакторов и корреспондентов, как в советской дивизионной газете. Штат – 31 журналист, как в газете военного округа советских времён.</p>
<p>Каким был уровень денежного довольствия у офицеров в «Красной звезде»? У главного редактора оно соответствовало командарму.</p> <p>У члена редколлегии – комдиву. У старшего литсотрудника (корреспондента) – командиру полка.</p>	<p>Денежное довольствие офицеров теперь такое. У главного редактора оно равно комбату. У члена редколлегии – начальнику штаба батальона. У корреспондентов в зависимости от должностной категории – как у командиров роты или взвода.</p>
<p>У гражданских журналистов редакции «Красной звезды» зарплата была такой же, как у пишущих сотрудников центральных советских газет (за исключением «Правды» и «Известий», где зарплаты были выше). И в «КЗ» платили приличный гонорар.</p>	<p>У гражданских сотрудников «КЗ» сейчас базовая зарплата около 20 тыс., её удается удваивать некоторым за счет имеющихся вакансий. Между тем зарплата журналистов в гражданских изданиях начинается с 50 тыс. Гонорар в «КЗ» отменил Сердюков.</p>

СВЕТ РОДНОЙ «ЗВЕЗДЫ»

Михаил ЗАХАРЧУК,
полковник в отставке.
*Корр. отдела вузов и
вневузовской подготовки
(1979-1983 гг.),
зам редактора отдела
информации (1983-1986 гг.),
зам начальника пресс-бюро
по связям с ТАСС (1986-1991 гг.)*

- Ты зачем пишешь эту историю? Ведь Бог всё о ней знает.
- А я хочу, чтобы он познакомился и с моей версией.

Несмотря на то, что в штате главной военной газеты я состоял только 13 лет, а после неё пошёл на повышение: в ТАСС и после него стал главным редактором журнала «Вестник ПВО», она освещала мою жизнь своими яркими лучами начиная с курсантской скамьи и заканчивая последней моей публикацией в соцсетях. Лет двадцать назад я написал книгу «Встречная полоса. Эпоха. Люди. Суждения». Чего уж там скромничать, итоговый жизненный труд получился довольно внушительным: 816 страниц книги формата Большой советской энциклопедии. Так в ней четвёртая часть отведена газете «Красная звезда». У меня среднее и два высших образования, включая академическое. Трудился я в десятках различных коллективов. Два возглавлял. Но «Красная звезда» была и останется до гробовой доски моим самым главным жизненным университетом.

...А ведь и в самом деле, ещё с курсантской скамьи я тихо, но лихо мечтал попасть служить в эту великую газету. За

курсантские годы четырежды публиковался в ней. Но возможность осуществить мечту (понимал это прекрасно) постоянно пульсировала у нулевой отметки. Из стен Львовского политехнического института, как потом из коридоров окружной газеты «На страже», «Красная звезда» виделась мне поэтому столь же возделенной и недосыгаемой, как, предположим, для Мимино космонавтика. И представлялась поэтому «светом далекой звезды»...

За годы учебы в академии я сильно подрастерял священный трепет перед главным военным печатным органом. С некоторых пор стал ходить туда как к себе домой, перезнакомился со многими сотрудниками газеты. С Русланом Макушиным, редактором по отделу комсомольской жизни, и вовсе сдружился. С него, пожалуй, и начну свой рассказ о людях «Красной звезды», существенно повлиявших на моё профессиональное становление, да и вообще на судьбу...

НАДЁЖНЫЙ И ВЕРНЫЙ РУСЛАН

**Руслан Александрович
Макушин**

«На страже», где я в ту пору трудился в лейтенантском звании, не покладая рук, была отмечена на Доске лучших публикаций. Даже меня премировали за «обстоятельный и глубокий мате-

Мы познакомились заочно. Вернее, сказать по почте. Написал я в «Красную звезду» публицистический «шедевр» о хлебе нашем настоящем. Ну, в общем для того, чтобы советские воины берегли главный питательный продукт человечества пуще зеницы ока. А то ведь «кое-кто, порою, кое-где» среди нас, защитников Отечества, без должного пиетета, заботы и внимания относится к хлебу. Разумеется, я сейчас немножечко утрирую, потому как на самом деле «хлебная публицистика» получилась у меня не самой забубенной. И на страницах родной «На страже», где я в ту пору трудился в лейтенантском звании, не покладая рук, была отмечена на Доске лучших публикаций. Даже меня премировали за «обстоятельный и глубокий мате-

риал». Почему и в главную военную газету осмелился его отправить. К тому времени я уже не единожды публиковался в «Красной звезде». В основном, конечно, с заметками и большими корреспонденциями. Однако чаще всего получал из столицы, как говаривал дед Щукарь, стандартные «отлупы», типа того, что «ваш материал нас не заинтересовал». Письмо Макушина в оконцовке тоже стало отказом в публикации. Но по содержанию оно меня, без преувеличения, потрясло.

Может быть, впервые в жизни мне отвечал, на всякий случай, редактор по отделу комсомольской жизни центрального военного издания не формально – иначе бы он поручил это дело своим подчинённым, а обстоятельно, вдумчиво и заинтересовано. На целой странице содержались рассуждения и о моём материале, и о сопутствующих ему профессиональных и жизненных ответвлениях.

Однако, главное, что меня больше всего и покорило в тех строках, – старший товарищ разговаривал со мной доброжелательно и уважительно. Как с ровней. Писал, примерно, о том, что если над моими заметками публициста обстоятельно поработать, прежде всего, существенно их сократив, то можно опубликовать и в центральной газете. «Только это была бы Вам плохая услуга. Вы бы подумали, что уже «сами с усами». А это ещё далеко не так». И дальше шёл подробный профессиональный анализ мной написанного. Подобные «отлупы» не в уныние человека загоняют, а служат ему хорошим пинком под зад для последующего взлёта. Была в письме и ссылка Руслана Александровича на собственный материал в «КЗ», называвшийся «Хлеб режут стоя». И ещё приписка в конце: если, мол, окажитесь в Москве проездом, зайдите в редакцию, я бы с Вами с удовольствием пообщался.

Ещё раз я прошу вас, читатель, тормознуть здесь своё внимание: лейтенанту писал редактор отдела, подполковник, много лет публиковавший в «Красной звезде» очень заметные, я бы даже сказал, звонкие материалы. Их я всегда читал взахлёб. У меня даже были папки с газетными вырезками всех известных краснозвёздцев, в том числе, и папка «Руслан Макушин». Где, конечно же, хранилась и публикация «Хлеб режут стоя». Вот с ней и с вышеупомянутым письмом,

спустя года полтора или два, я, уже слушатель Военно-политической академии имени В.И.Ленина, постучал в дверь кабинета Макушина.

Волнуясь и, конечно же, сбивчиво изложил старшему товарищу, примерно всё то, что вы уже прочитали. О чём другом мы с ним тогда говорили – не помню. Но когда я уже собрался уходить, Руслан Александрович поинтересовался: «А материал-то ваш где?» Немало удивлённый, я достал из портфеля рукопись, которую вначале намеревался было вручить Макушину, однако после нашего общения передумал. И честно в том признался. «Это нормально, – заметил он. – Только Вы бы меня сильно разочаровали, если бы пришли лишь поболтать. Дело у нас всегда должно быть на первом плане. Как самолёты в известной песне».

...Обучаясь в академии, я опубликовал в «Красной звезде» с десяток материалов, львиную долю из которых – по отделу комсомольской жизни. И скажу без преувеличения, сотрудничал я с главной военной газетой под плотным патронажем Руслана Александровича. Был даже случай, когда мою корреспонденцию из одной подмосковной части уже с газетной полосы снял тогдашний заместитель главного редактора полковник Фёдор Халтурин. Макушин пошёл к главному редактору генерал-лейтенанту Николаю Makeеву и аргументированно отстоял мой материал. Фёдор Николаевич с тех пор «заимел зуб» на Руслана Александровича. Спустя время последнему это сильно аукнется.

Каждую свою публикацию в «Красной звезде» я «отмечал» с Макушиным, с некоторыми другими краснозвёздцами, которых он приглашал. И, уверяю вас, читатель, никакая лекция, даже самого прекрасного академического педагога не могла сравниться для меня в интересности и полезности с теми посиделками в кабинете Руслана Александровича. Причём, спиртное играло для нас (для меня, во всяком случае) не просто второстепенную – ничтожную роль. Роскошью человеческого общения, по мудрому замечанию Экзюпери, я наслаждался с маститыми военными журналистами, с Макушиным – прежде всего. Он был прекрасно образован (окончил филологический факультет Московского педагогического вуза),

отлично знал литературу отечественную и зарубежную, много читал из современной периодики. И меня подспудно побуждал интересоваться современными писателями. Если я пропускал какую-то интересную литературную новинку, Макушин, когда мягко, а иногда и едко акцентировал на ней моё внимание. При этом всегда подчёркивая, есть вещи, проходить мимо которых журналист просто не имеет права, чтобы не отставать от жизни.

А ещё Руслан был блестящим стилистом. Много лет спустя, когда я написал, пожалуй, главную книгу своей жизни «Встречная полоса. Эпоха. Люди. Суждения», то первым её упрости прочесть Макушина. Он мне многое подсказал ещё в рукописи...

По окончании академии встал вопрос о моём дальнейшем будущем. Макушину оно виделось только в «Красной звезде». А я, разумеется, не возражал. Только в его отделе вакансия отсутствовала. И тогда Руслан Александрович обратился к ответственному секретарю газеты капитану 1 ранга Алексею Крысову, с которым находился в прекрасных отношениях. Втроём они (ещё подключился редактор по отделу ракетных войск и войск ПВО полковник Алексей Николаевич Кулаков) «разыграли» сложную многоходовку. С зачислением меня на стажировку в отдел последнего, а потом с плавным переводом через комсомольский – в отдел вузов, где и образовалась вакансия аккурат к моему окончанию академии. Так я стал коллегой Макушина. Даже кабинеты наши находились рядом. И лишь тогда мы с ним перешли на «ты». Правда, совместная наша работа длилась недолго. Руслан влюбился в редакционную машинистку красавицу Веру. И не стал делать тайны из своих чувств, а развёлся с прежней женой, оформив отношения с новой.

Адюльтеры в «Красной звезде» никогда не поощрялись – факт бесспорный. И в то же время мой редактор по отделу вузов правильно однажды заметил: «Многие члены нашей редколлегии по три раза переженились, поэтому в морали и нравственности они хорошо подкованы». Это я к тому, что могли ведь спокойно «замять для ясности» и проступок Макушина. Тем более что работником он слыл просто блестя-

щим. Но к «делу о разрушении советской семьи коммунистом» активно подключился уже упоминаемый Фёдор Халтурин и его проникновенной аргументацией редакционная коллегия во главе с Макуевым проманкировать никак не смогла. Макушина уволили вместе с новой женой. Они отправились в Группу советских войск в Германии. Лет пять или даже больше мы не виделись, не общались. А потом: бац и оба оказались в издательстве «Парус», который учредил наш однокашник и однополчанин Владимир Вербицкий. Приличная компания подобралась из бывших краснозвёздцев: Александр Пилипчук, Владимир Каушанский, Пётр Карапетян, плюс мы с Макушиным. Наш босс и друг Верба говорит мне однажды: «Думаю вас, звездуков, рассадить по разным кабинетам. А то ж ведь, небось, байки свои весь рабочий день травите». «Володя, — отвечаю, — ты нас, звездуков, зря обижаешь. У нас завсегда было железное правило, которому следуем и поныне: первым делом самолёты, ну а девушки и прочее — потом».

Ежели ж кроме шуток, то мы с Макушиным славно потрудились тогда в «Парусе». Когда он приказал долго жить, я подался зарабатывать на хлеб насущный в российско-германскую сканвордную фирму. (С хлеба начал про Руслана, хлебом и закончу). Звал с собой и Руслана. Он как-то нехотя, почти с сожалением отказался. Как выяснилось впоследствии — из-за тяжелейшей онкологии. Однако мы регулярно с ним встречались. Выпивали, за жизнь судачили. Руслан кое-что смыслил в бильярде, а я так и мастер в этом чудном виде спорта. Однажды я позвонил, и Вера сообщила, что муж — в больнице. И уже вряд ли оттуда выйдет. Но он вышел, чтобы умереть дома, а не на больничной койке.

...Некоторое время назад я проведал Веру. Мы просидели с ней на кухне несколько часов, вспоминая дорого и верного обоим нам Руслана. Вдова подарила мне десяток снимков своего мужа. Человек жив не в рамках дат на его могильной плите, а в памяти тех, кто его знал и помнит. И пока его не забывают — он жив.

МОРСКАЯ ДУША КРЫСОВА

Ответственный секретарь газеты «Красная звезда» капитан 1 ранга Алексей Михайлович Крысов был годком моему отцу. Они оба с 1922-го. А даже осторожная и кругом пере-страховочная советская статистика свидетельствовала: мужчин, рождённых в 1920, 21, 22 и 23 годах в живых после войны осталось 2,5-3

Капитан 1 ранга Алексей Михайлович Крысов (слева).

процента. Остальные полегли на фронтах Великой Отечественной. Другие мужские годы вторая мировая бойня тоже особо не щадила, но эти выкосила почти поголовно. Так что нам, их детям, просто несказанно повезло от них на свет появиться. К слову, с курсантской скамьи и до самой его смерти я дружил с сыном Крысова – Славой.

Служба в «Красной звезде» у меня не заладилась, о чём я еще не раз вспомню. Редактор отдела, а по совместительству ещё и мой земляк, оказался не слишком перегруженный интеллектом, зато с избытком обладал тем самым служебным, «начальничкимлиуминием», от которого во все времена страдают простые люди – подчинённые. С избытком страдал и я. Редкие мои заметки попадали на полосы «Красной звезды», а те, которые в итоге на них всё же продирались, были от первой и до последней строки переписаны занудливым «шефом». Мудрый Алексей Михайлович не мог не замечать моих страданий. И однажды решил мне помочь довольно необычным способом.

Тут надо заметить, что по личной инициативе Крысова при газете была организована ежемесячная брошюра «Библиотечка «Красной звезды». Туда отбирались лучшие материалы, но не просто за истекшие тридцать календарных дней, а объединённые какой-то одной сквозной и генеральной темой. Публикация в библиотечке приравнивалась к большой

внутриредакционной награде – как моральной, так и материальной. Конкретно для меня она равнялась почти месячному окладу. И вот ответсек решил поместить в очередной номер, посвящённый передовым командирам частей мой очерк «Третий пуск», в основном, для того чтобы поддержать меня, вселить уверенность в собственные силы и возможности. Об этом он мне так в лоб не говорил, но я догадывался, почему Алексей Михайлович предпринял подобную инициативу. А мой редактор выступил категорически против того, чтобы имя Захарчука появилось в престижном перечне лучших публицистических работ. Основание: материал, во-первых, написан до того, как Михаила зачислили в штат. А, во-вторых, на нынешнем этапе он просто недостоин, как слабый сотрудник, столь высокой чести. Крысов, с только ему присущими деликатностью и тактом, увещевал моего редактора в том смысле, что материал Захарчука, безусловно, годится для библиотечки, коль скоро он был в своё время единодушно отмечен редколлекгией и именно за него парня взяли в штат. Что же касается всех прочих привходящих моментов, то кому, как не редактору отдела надлежит приложить все силы к тому, чтобы слабый сотрудник обрёл, наконец, уверенность в себе и встал вровень с остальными красноразведчиками. Мой редактор нехотя соглашался с тем, что, возможно, он и недорабатывает в плане воспитания Захарчука, однако, с хохляцкой упертостью стоял на своём: только через мой труп «Третий пуск» попадёт в библиотеку.

Крысов вызвал меня в кабинет и сказал, примерно, следующее. Твой редактор «закусил удила», что, конечно, не делает ему чести. Я бы мог в этой ситуации, что называется, и власть употребить, только это было бы неразумно. Тебе в отделе работать и превращать редактора во врага не самый оптимальный вариант. Что могу посоветовать. Мой заместитель Валентин Шалкеев вскоре уйдёт на самостоятельную работу и будет редактором по отделу информации. Переходи к нему, я договорюсь. Так оно в итоге и случилось. В новом отделе я не просто прижился, но безо всякого преувеличения, расцвёл, что твоё чахлое деревцо, которое новый рачительный хозяин стал заботливо поливать и подкармливать.

Если прибегнуть к близкой мне военной терминологии, то должность капитана 1 ранга Крысова спокойно можно приравнивать к начальнику главного штаба крупного воинского объединения – армии. А всякий штаб в войсках любых масштабов, известно, мозг их – ни больше и ни меньше. Всё это я веду к тому, чтобы читатель знал: во времена советской власти на должности ответственных секретарей всех средств массовой информации кандидатуры подбирались едва ли не тщательнее, чем на редакторов этих самых средств. Оно и понятно, в руках ответсека любой редакции находились практически все экономические рычаги управления творческим коллективом: типография, связь, включая телетайп, транспорт, жильё, гонорарный фонд и что самое главное: возможность выхода твоего материала в свет. Даже вопросы, выносимые на обсуждение редколлегией, обычно готовил ответсек со своими помощниками. Разумеется, право окончательного решения всегда было за единоличным руководителем партийного средства массовой информации. Но уже второе слово в редакции, безусловно, принадлежало ответсеку, а не первому заместителю главного редактора.

Понятно отсюда, что в заместителях у главных редакторов даже центральных изданий встречались и самодуры. Но, скажем, в той же «Красной звезде» я пережил четырёх ответсексов: помимо Крысова – Алексея Кулакова, Александра Пименова, Вячеслава Лукашевича. Они были и талантливые журналисты, и образцовые офицеры, и просто толковые мужики. А кому из краснозвёздовцев был неизвестен легендарный ответсек Александр Кривицкий. Это он впервые написал о 28 героях панфиловцах. Он же вложил в уста политрука Клочкова бессмертные слова: «Велика Россия, но отступать некуда – Москва за нами». И всё-таки возьму на себя смелость заявить, при всей, разумеется, гипотетичности подобного утверждения: лучшим ответсеком «Красной звезды» за её вековое существование был Алексей Михайлович Крысов.

Родился он в деревне Жигаловка, поглощённой ныне Нововятским районом города Кирова. Почти патриархальная семья была многодетной, мужицкой. Шестеро сыновей росли в ней и мужали друг за другом с разницей в два года. Стар-

шие при этом старательно опекали младших. Трое: Иван, Алёша, и Александр воевали. Причём разведчик Иван Крысов имел несколько боевых орденов. Все сыновья Крысовы пошли статью и характером в своего отца Михаила Яковлевича. Он воевал кузнецом-кавалеристом ещё в Первую мировую. На гражданской войне служил, опять же кузнецом, в Первой конной у самого Будённого. Регулярно подковывал его породистого коня Казбека. Рассказывал детям и про члена Реввоенсовета 1-й Конной Климента Ворошилова. Но всегда неодобрительно заключал: «Больно суетливым Клим был мужем». Пришлось старшему Крысову и в Великой Отечественной поучаствовать всё в той же солдатской должности кузнеца при эскадроне. Михаил Крысов поэтому всегда поощрял своих сынов на воинскую службу. И, думается, вовсе не случайно четыре сына его служили на флоте, а один из многочисленных внуков дослужился до контр-адмирала!

Алексея Крысова призвали на срочную службу в 1940 году. Попал на Русский остров, что в Японском море. Там размещался полутысячный гарнизон знаменитой башенной Ворошиловской батареи, охранявший подступы к Владивостоку. Любой корабль, приблизившийся ближе, чем на 34 км, к острову Русский, попадал под огонь ворошиловцев. А орудия они обслуживали едва ли не самые мощные в мире - 305 мм калибра. Масса той «пущёнки» превышала 50 тонн.

Краснофлотец Крысов заметно выделялся среди однополчан целеустремлённостью и начитанностью. Он вообще с ранней юности, сначала на ощупь, а потом и сознательно овладевал любыми нужными ему для самосовершенствования знаниями и навыками: учился правильно мыслить, говорить без вятского акцента, писать красиво и грамотно, быть вежливым, воспитанным, правильно двигаться, общаться с людьми, строить с ними взаимоотношения. Он и журналистику-то выбрал вполне осознанно. Даже успел перед призывом на флот, поработать в отделе писем районной газеты «Кировец». А ведь все до единого его деревенские сверстники после десятилетки сразу шли на знаменитый Нововятский завод - «НМЗ».

На флотской службе Крысов с первых дней стал писать регулярно заметки сначала в гарнизонную многотиражку, за-

тем во флотскую газету «Боевую вахту». Вскоре к Алексею присоединился младший брат Александр, тоже призванный служить на остров Русский. И уже вдвоём военкоры Крысовы освещали жизнь и боевую службу моряков-артиллеристов. Впоследствии Александр Михайлович служил во флотской газете «На страже Заполярья», инспектором политуправления Балтийского флота. А закончил трудовую деятельность в известной газете «Аргументы и факты».

У Алексея Крысова наметилась другая служебная траектория. К концу Японской войны его назначили корреспондентом «Боевой вахты». Не раз он бывал на передовой, участвовал в заключительных боях с японскими милитаристами. За мужество и отвагу, проявленные при исполнении служебного долга, награждён боевым орденом Красной звезды. Талантливого и активного офицера-журналиста заметили в ежедневной центральной газете Военно-Морских Сил СССР «Красный флот» (с 1954 - «Советский флот») и взяли на должность посткорра по Тихоокеанскому флоту. За серию материалов с переднего края так называемой Корейской войны, Крысова наградили вторым орденом Красной звезды. И вскоре направили на обучение в Военно-политическую академию.

На курсе Крысов был самым младшим фронтовиком по званию. Зато всегда лидировал в учёбе. Естественно, что после окончания академии его автоматически зачислили в штат главной военно-морской газеты. В 1960 году «Советский флот» упразднили. А лучшие творческие штыки направили в «Красную звезду». Так в главной военной газете появились моряки-журналисты: Иван Панов, Алексей Крысов, Михаил Кореневский, Олег Баронов, Василий Воронецкий, Геннадий Савичев, Николай Шумихин. Шли годы и к этому морскому братству прибавлялись: Сергей Быстров, Владимир Чупахин, Николай Черкашин, Анатолий Поздняков, Альберт Контиевский, Георгий Самолис, Владимир Ермолаев, Михаил Шашуто, Михаил Луканин, Владимир Урбан, Олег Одноколенко, Сергей Турченко, Александр Ткачёв, Александр Орлов. Кого-то я, конечно, упустил – названы лишь фамилии, которые на моей не самой безупречной памяти. Но сейчас, вспоминая имена из славной когорты военно-морских штыков «Красной

звезды», я хочу обнародовать мысль, которую давно вынашиваю, и которая не даёт мне покоя.

Согласись, читатель, есть что-то в морской службе, чего нет в нашей сухопутной. И ведь не только то, что приходит на ум сразу – морская стихия. Но и нечто такое, чего и словами-то передать трудно, если вообще возможно. В самом деле, если ты полгода, а то и год проводишь на бескрайних океанских просторах, за тысячи миль от базы и родного дома, то в душе твоей и в мыслях твоих происходят такие брожения, которых никогда не случится на твёрдой суше. Сия как бы изначально заданная императивная «планетарность» морской службы накладывает (не может не накладывать!) на человека повышенные требования к себе, к другим. Этим самым я вовсе не хочу утверждать, что морские офицеры-журналисты лучше сухопутных или лётных – не о том же речь. Но вот применительно к газете «Красная звезда» мне видится далеко не случайным то обстоятельство, что долгое время её возглавлял вице-адмирал И.М.Панов, а следом за ним капитан 1 ранга В.Л.Чупахин; что в лучшем редакционном отделе очерка и публицистики в разное время служили моряки: капитаны 1 ранга Михаил Кореневский, Геннадий Савичев, Владимир Чупахин, Сергей Турченко, Александр Ткачёв; что первым отделом в табели о рангах – пропаганды – долгое время руководил капитан 1 ранга Николай Шумихин. Наконец, 13 лет секретариат «Красной звезды» – её боевой штаб – возглавлял капитан 1 ранга Алексей Михайлович Крысов. И умер на своём посту в 1984 году.

Сын его однажды мне признался, как на духу: «Знаешь, Миша, я не вижу ничего дурного в том, что кому-то может показаться: я слишком идеализирую образ своего отца. Мне уже за 70 лет, я много повидал и передумал. Я достаточно циничен и ироничен, люблю пошутить над собой, вижу смешное вокруг. Однако отец мой – это что-то глобальное и очень серьёзное для меня, что-то непостижимое и до сих пор почти идеальное. Масштабность и значительность его фигуры для меня с годами только возрастает. Всё чаще в старости, возвращаясь мыслями в прошлое, я понимаю собственное легкомыслие, порочную непоследовательность, мелочность и сует-

ность моих жизненных устремлений на фоне его мощного постоянного поступательного движения. Знаю твёрдо одно: отец мой близок к идеалу мужчины. Есть у Бога желание призраивать к себе поближе души хороших людей в самом пике их развития и взлёта. Именно так и поступил Господь с моим отцом, забрав его на небо всего-то в 62 года. Полагаю, не случайно – в День космонавтики».

***

В этом месте мне вдруг подумалось, что рассказывая о людях «Красной звезды», которые оставили заметный след в моей судьбе, я как бы нарушил субординацию. По логике вещей надо было начинать с рассказа о главном редакторе «КЗ» Н.И.Макееве. Разумеется, я напишу и о нём, но сначала все же – о моём первом редакторе по отделу вузов и вневузовской подготовки.

«ОЙ, МОРОЗ, МОРОЗ! НЕ МОРОЗЬ МЕНЯ!»

Как и в окружной газете «На страже», так и в «Красной звезде» мне откровенно не повезло с редактором отдела. Им оказался опять же земляк-хохол Виталий Мороз – человек далеко не глупый, но на диво не собранный, совершенно не гибкий ортодокс, напрочь лишенный даже задатков воспитателя. Притом, что в молодости закончил педучилище. Седой, как лунь, Виталий Иванович до сих пор работает в «Красной звезде», и если Бог даст ему век (чего я искренне желаю), то станет со временем мой первый редактор и самым старым сотрудником редакции. Но при этом, как это ни парадоксально прозвучит, Мороз так и останется в журналистике человеком случайным, проходившим, по его же выражению, в ней службу, потому что никогда в жизни, по лености своей, он не написал ни строчки просто так, для души, а только по необходимости.

Днями, напролет играя в шашки или просто бесцельно шатаясь по редакционным кабинетам, он сдавал положенные материалы всегда в последнюю минуту, всегда заполошно, когда над головой у него Дамокловым мечом висел зам ответ-

секретаря Олег Баронов. Мои материалы Виталий Иванович обычно пробегал по диагонали и складывал их в стопку. Когда Мороза жареный петух клевал, куда обычно имеет привычку клевать, редактор клал мою рукопись рядом с пишущей машинкой и, почти не заглядывая в нее, печатал свой материал на тему моих рассуждений. В самую первую мою публикацию «Такое трудное начало» он вклеил фразу: «Горькую пилюлю пришлось испить еще до экзаменов». Говорю ему: пилюли не пьют, их глотают. Нет, отвечает, сначала кладут в рот, потом водой запивают – значит: пьют.

Через пару месяцев «Литературная газета» в рубрике «Почта буквоеда» поучала меня как автора: «Существуют устойчивые выражения: «пить горькую чашу», «позолотить пилюлю». Сказать «испить горькую пилюлю» не лучше, чем «позолотить горькую чашу». А с Мороза, как с гуся вода. Он продолжал нас, своих двух подчиненных, по нужде стопроцентно переписывать. А не требовали материалов в секретариате – бил себе баклуши, даже не заглядывая в наши «произведения». Коллега по отделу, видя такое наплевательское отношение к нашим материалам, вообще перестал их оформлять в подобие каких-то жанровых рамок, а только нумеровал примеры и так сдавал их редактору - полуфабрикатами.

...В первые дни очередного нового года Виталий Ивано-

Отдел вузов (слева направо): Михаил Захарчук, Виталий Мороз и Адам Гаравский.

вич торжественно отправлялся к заведующему редакцией и брал для себя настольный календарь, а старый почти не тронутый выбрасывал. Несколько дней он подробно записывал все дела, которые ему предстояло сделать. То есть, как и любой кипучий лентяй на свете, он всякий раз «с понедельника» намеревался

себя переделать, улучшить, организовать. Но потом до конца года январские записи выгорали и пылились на календаре неммым напоминанием несбывшихся мечтаний. А поучать умел: «Если ты напишешь очерк, то может быть, когда-нибудь он будет опубликован. Если же ты его не напишешь, он никогда опубликован не будет», «Материал, Миша, так надо писать, чтобы словечко к словечку подгонять».

Умел рассказывать. В том смысле, что хорошо помнил много интересных, поучительных историй, излагал их точно и где-то даже увлекательно. Только вот беда: в смешных местах заливался хохотом сильнее любого своего слушателя.

Пример морозовской истории. Был у него старший приятель Х, служивший политработником в полку кремлевской охраны. Однажды на своей загородной даче Х подзывает к себе Вячеслав Молотов и доверительно так говорит: «Вон тот солдатик на прошлой неделе взял из шкафа пакет белья. Вещь, конечно, пустяковая, но если человек нечист на руку, то его отсюда лучше тихонько убрать. Сделайте это сами и никому не говорите о нашем разговоре». Х почесал репу и решил все-таки доложить командиру – мало ли чего. А тот, услышав рассказ Х, схватил себя за голову: «Что же ты, мудака, наделал! Ты же человека погубил! Тебе же сам Вячеслав Михайлович, правая рука Сталина, русским языком сказал: никому не рассказывать! Неужели ты такой тупой и не понимаешь, что хозяин сам мог бы и мне об этом случае сообщить? Но не сообщил. А ты, зачем это сделал? Вон с моих глаз, скотина!» – «И больше, – вспоминал Х, – я того солдатика не видел. И не хочется мне верить, что погиб он не за понюшку табаку, по моей глупости».

Маленькому сынишке своему Виталий Мороз кубик Рубика за несколько секунд собирал. Потому что умел незаметно вынимать сердцевинный механизм игрушки. То есть, человек он, повторяюсь, не самый глупый на свете, где-то даже и оригинальный, но, Бог ты мой, как же я с ним, а он со мной намучились – этого словами не передать!

...Когда вышел поэтический сборник Владимира Высоцкого «Нерв» совершенно смехотворным для страны тиражом, мне ничего не оставалось, как с помощью друзей снять ксеро-

копию со сборника. Бумажные множители тогда были редкостью. Все копии на них фиксировались «для органов» в специальной книге. То есть требовались и связи, и умение, чтобы незаметно снять копию с целой книги. Так вот, сидя за рабочим столом, я, довольный и счастливый, раскладываю за нумерацией перепутанные Людой Дедовой (работала у нас машинисткой-делопроизводителем) листы. За этой работой меня застаёт Мороз. Какое-то время молча наблюдает за мной, потом, гневно вращая глазами, произносит:

- Убей Бог, не пойму, ну что тебя может привлекать к этому внутреннему эмигранту, этому злопыхателю, вражине, который всегда чувствовал себя чужим в нашей стране, который откровенно смеялся над нами?!

Чтобы «не завестись» по тому времени на бесполезную дискуссию о Высоцком, я быстро нахожу стихотворение «Мы вращаем землю» и молча протягиваю его Виталию Ивановичу. Вслух, отстраненным голосом, он начинает читать: «От границы мы землю вертели назад./ (Было дело сначала)./ Но обратно ее закрутил наш комбат,/ Оттолкнувшись ногой от Урала. Наконец-то нам дали приказ наступать,/ Отбирать наши пяди и крохи./ Но мы помним, как солнце отправилось вспять./ И едва не зашло на Востоке».

Если бы я даже не подозревал о несомненном творческом потенциале своего редактора, то даже по интонации его чтения определил бы, что стих берет человека за душу. Уже третью строфу он произносил с неподдельным чувством взволнованного пафоса и торжества: «Мы не меряли землю шагами,/ Понапрасну цветы теребя,/ Мы толкали ее сапогами/ От себя, от себя».

Мороз особой сентиментальностью не страдал, однако последние строки декламировал с явным комком в горле. Долго потом молчал, кивая головой каким-то своим внутренним мыслям, наконец, обронил:

- Да, сильно написано, ничего не скажешь...

Обрадованный, я попытался ковать железо, пока оно горячо, и предложил: а давайте опубликуем это стихотворение в нашей курсантской странице «Азимут». Ведь что-что, а такие строки, по-моему, никак не повредят воспитанию будущих

офицеров нашей армии. Редактор чуть не поперхнулся от моей дикой наглости. Он вдруг побагровел и весь запылал ярким пламенем от распирающего гнева. Глаза его засверкали зверским негодованием из-за моей дремучей непонятливости той политики, которая была, есть и вечно пребудет в нашем уважаемом, но специфическом печатном органе.

- Никогда, – произносит он с визгливой, бритвенной статью в голосе, – слышишь, ты, никогда наша газета не опубликует ни строчки из этого вражеского поэта. Пора бы понимать такие прописи, если здесь работаешь!

Мне бы, дураку, замолчать, а я робко лепечу насчет того, что, мол, придут когда-нибудь другие времена, лучше, терпимее, чем наше. Ведь это же глупо держать под спудом такие стихи, тем более что они уже опубликованы в книге. И тогда, чтобы окончательно поставить точку в нашем все-таки вспыхнувшем споре, доказать мою чудовищную тупость и бестолковость одновременно, Мороз высоким фальцетом закричал: «Даю голову на отсечение, что никогда этого не случится! Слышишь, ты, никогда! Голову даю на отсечение!»

И, положив голову на стол, для пущей убедительности, несколько раз сильно врезал себя по шее ребром ладони, словно действительно намеревался её снести. Ну, что мне оставалось, как не умолкнуть, пристыженному и растерянному от подобного неистового отпора. Да и что можно было противопоставить такой святой уверенности, такой непоколебимой убежденности?

...Накануне пятидесятилетия со дня рождения Высоцкого «Красная звезда» (я уже в ней не работал) дала большой материал, посвященный поэту. Публикация называлась «У меня военная семья...». Там, правда, лишь перечислялись названия известных песен о войне Высоцкого, зато обильно цитировались его высказывания. К тому времени и в судьбе моего редактора тоже произошли изменения – он стал заместителем главного редактора газеты. И (надо ж было такому случиться!) номер с материалом о Высоцком выпало читать именно Морозу. Говорят, даже не очень правил. А 22 июля 1995 года уже я сам выступил в «Красной звезде» с материалом о Высоцком «Он в песнях на фронт уходил».

В моей повести о Высоцком «Босая душа» весьма подробно был описан этот эпизод. Виталий Иванович прочитал и обиделся:

- Я понимаю, – сказал мне со своей обычной ужимкой, – если пожившие на земле люди пишут мемуары, как тот же Ярослав Голованов, к примеру. Но когда этим такие сопляки, как ты занимаешься, то кроме смеха подобное ничего во мне не вызывает. Кстати, а почему ты не написал о том, как прославлял на страницах «Красной звезды» Константина Устиновича Черненко?

Смеясь, я обнял своего обиженного бывшего шефа и показал ему журнальную публикацию «Каюсь, славил генсека». И мы (в это мне очень хотелось тогда верить), вроде бы как-то и помирились. Оказалось, нет. На очередной юбилей нашего Львовского политучилища я написал материал и договорился с главным редактором «КЗ» Н. Ефимовым о его публикации. А Мороз материал снял. Тогда я написал и отправил ему по почте обиженное письмо, где были и такие строки: «Мороза я всегда полагал умным, честным, в определённом смысле даже мудрым человеком. И сейчас я его таковым полагаю при всех недостойных извивах в его поступках, продиктованных, скорее всего, захлестнувшей обидой, а не человеческой сутью, что может и должно быть мною, по крайней мере, понято, если не оправдано. Потому что Мороз никогда не действовал за моей спиной. На этот раз – впервые. При мне называл меня бездарью, человеком, сидящим не в своих санях в глаза. Мороз, к счастью для меня (а может и во вред мне, кто его знает) достаточно основательно ошибся в оценке своего непутёвого сотрудника; в подлинной величине Высоцкого для отечественной культуры, для всего российского социума. Как ошибся и я в длительной, перспективной оценке Мороза касаясь нашей с ним избранной профессии. Ну не мог я в самом страшном сне предполагать даже, что наступит так называемая перестройка и пятнистый тёзка мой развалит Советский Союз. И уже в новых, постперестроечных условиях, когда в «Красной звезде» исчезнут талантливые сотрудники, как класс, на образовавшемся безрыбье вдруг воспрянет Мороз, как феникс из кашубинского пепла, и начнёт писать

пусть и не мощно, но дельно и интересно, а толково он и раньше это делал.

Тогда же, когда я находился в твоём подчинении, дорогой Виталий Иванович, ты представлял из себя, мало сказать, посредственного – никакого журналиста. Ни публицистики твоей, ни очерков твоих, ни тем более чего-то подобного литературе из-под твоего пера я не помню. Так мелькнул сейчас в памяти твой материал из танкового полка, где Брежнев служил. Да и то лишь потому я его запомнил, что в макете образовалась дырка строк в 40 и ты не стал их дописывать. Вот это мне пришлось по нраву, как и твоё любимое присловье: «Словечко к словечку». А самого материала, извини, не помню.

Согласен, здесь – жёсткая тебе, дорогой Виталий Иванович, оценка. Как и все прочие мои оценки своего первого краснозвёздского редактора из собственной книги. Однако, примечательно то, что ты лишь вскользь упрекнул меня за отсутствие у тебя педагогического таланта и в доказательство этого на сына своего Андрея сослался. Но ни одной другой досадной, возможно даже оскорбительной для тебя характеристики не опроверг. Всё больше по мелочам прошёлся, тоже досадным и обидным для меня, но всё-таки мелочам. Ты и не можешь опровергнуть моих оценок, дорогой Виталий Иванович, потому что я написал правду, а ты всё-таки человек честный и, подчёркиваю, в определённом смысле порядочный. Ты отлично понимаешь, что не мстил я тебе, хотя, работая с тобой не раз хотел тебя натурально прибить. Но это как в другом анекдоте: «Товарищ полковник, вот вы 30 лет прожили с женой и вам не хотелось с ней развестись?» - «Нет. Убить – да, и не раз хотелось, только не развестись». И вообще никому я не мстил в своей книге хотя бы потому, что, как ты обратил внимание, фамилия Гаравского в ней даже не упоминается. А уж кому-кому, но Адаму я-то мог, имел право отомстить по полной форме. И ты, дорогой Виталий Иванович, это знаешь лучше, кого бы то ни было на всём белом свете!

Наконец, главное, что перечёркивает твой досужий вывод о моей мести – это вообще-то убойный факт, мимо кото-

рого ты, дорогой Виталий Иванович, прошёл без зазрения совести, – я сам себя не пожалел в книге больше, чем кого бы то там ни было. Да, я был у плохого редактора ещё худшим сотрудником. И это чёрным по белому не раз написано. А вот для тебя лично, дорогой Виталий Иванович, сейчас добавлю. В какой-то момент я стал серьезно подумывать о переходе в «Советский воин» – уже было просто не вмоготу ходить на работу и видеть в лице редактора не просто наплевательское, но временами и агрессивное отношение к себе. Притом что я работы не чурался, писал, правда, неуклюже, но много. И будь у редактора хоть капля желания со мной поработать – из меня бы что-то путное наверняка получилось.

Уйдя из вузов, я, конечно, не превратился в лучшего краснозвёздца, но худшим перестал быть точно – с этим ты, дорогой Виталий Иванович, не поспоришь. Как и с тем, что всякий раз злорадно потирал руки при моих многочисленных неудачах и всячески уничижал мои немногие успехи. (Уж сколько мне об этом передавали доброхоты!) В этом недобром поведении твоём сказывалось всё худшее, что есть у нас, хохлов и за что нас недолюбливают другие нации (нэ зьим, так хоть понадкушую). Тебе, дорогой мой Виталий Иванович, ведь и в голову никогда не приходило, что меня, земляка твоего, тебе как раз следовало изо всех сил тащить из болота, как того бегемота. За что попало и как попало тащить. А вот Миша Ребров за единоверцем Каушанским аж в Баку прилетал и кричал по дальней связи: «Какой на х...й материал?! Мне Каушанского надо перетащить в Москву!» Но что самое печальное, дорогой Виталий Иванович, так это то, что ты и до сих пор предпочитаешь лучше и надёжнее тешить свою застарелую обиду (а пусть даже и праведную – хрен бы с ней!) доброду, христианскому отношению к нашему общему прошлому, настоящему и, если даст Бог, будущему.

Так вот знай, мой дорогой земляк, так, на всякий случай. Случись невероятное, и я бы оказался на твоём месте – не сомневайся: я бы всячески и всегда помогал тебе стать хорошим краснозвёздцем. За свою активную журналистскую жизнь я восемь человек отправил в Львовское политическое. Буквально. Растил их в газете, характеристики им дал. Из

пятерых довольно посредственных спецов в своём журнале я сделал пять отличных журналистов. И рецензию на твою книжку, случись бы она у тебя, я бы всенепременно напечатал в «КЗ». Лукавую такую, не скрою, но в целом добрую бы напечатал. И уж никогда бы в жизни (чем угодно клянусь тебе, хоть внуком больным!) не затеял бы той глупой, недостойной седин морозовских возни вокруг материала о 70-лети ЛВВПУ.

Что же касается твоего сына, дорогой Виталий Иванович, то он, как и мои обе дочери, вырос без нашего с тобой прямого педагогического воздействия. И здесь, к величайшему моему сожалению, оба мы с тобой оказались говённые педагоги. Всё больше службе отдавались. (Многие годы спустя, я написал книгу «Коронная дата Великой Победы», в которой выразил благодарность полковнику Андрею Витальевичу Морозу за помощь). Лишь на склоне лет я понял, что упустил главное – воспитание детей. Надо было ими заниматься, а не писать по ночам материалы, которых Мороз всё равно не читал, не правил и не толкал в секретариат, искренне полагая при этом, что проявляет партийную принципиальность, как его отец в своем колхозе. Слава Богу, что дети и без нашего участия выросли хорошими людьми. К примеру, я искренне порадовался за твоего сына. И если здесь лукавлю, пусть меня Бог предметно накажет по своему усмотрению. Видно, что умница. Правда, ты ему изрядно помог в написании материалов про штрафные подразделения, если вообще не написал их собственной рукой. Зная это наверняка (положи передо мной десяток материалов и если там есть морозовский – я его стиль отличу, регулярно же тебя читаю) я бы мог тут тебя сильно, как у нас на Украине говорят, «дошкултыты». Как же: порадел родному человечку, а мне, земляку, отказался поспешествовать. А я не стану этого делать, дорогой Виталий Иванович. Из двух баранов, встретившихся на одной стёжке, один должен уступить. Если не хочет быть бараном.

Хотя, не скрою, первым моим движением души, после того, как я выслушал твой жалкий, невнятный лепет (ах, я здесь ни при чём, ах, что обо мне подумают, – бредятина полная! Что хорошего о тебе может подумать Кашуба?) было

желание предметно показать тебе и вашему скелету-главному (как его величают – Кощей Бессмертный), кто есть ху. У меня и возможности такие имеются: «накапать» на вас обоих олухов начальнику ГШ, писал об этом Ефимову. Потому что как же это так получается: главный редактор военной газеты обещает публикацию, а какой-то гражданский Мороз его решение торпедирует. У него, видите ли, имеются свои соображения ума. Да насрать бы на них! Однако, поразмыслив немного, я решил не затевать бучи, боевой кипучей. Что я решу, как ни крути, кругом сутяжничеством с вами, недостойно поступившими по отношению не ко мне даже, – хрен бы со мной, а к тысячам выпускников несуществующего уже училища? Докажу, что вы оба неправы? Так это для меня ясно, как Божий день. И кому не расскажу – люди только руками разводят. Многие даже не верят в то, что порядочный вроде бы человек Мороз способен на такую подлянку. Призывать же тебя, конкретного Виталия Ивановича Мороза, моего бывшего краснозвёздского редактора, земляка, к христианскому всепрощению – заведомо бессмысленное предприятие: горбатого могила исправит.

Кстати, дорогой Виталий Иванович, о могиле. Случись тебе раньше меня покинуть сей бренный мир, я приду с тобой проститься, можешь не сомневаться. Никогда раньше, а теперь и подавно я не полагал тебя своим врагом. Какой ты, право, враг? Так, обиженный ветеран-краснозвёздец, шагнувший в девятый десяток, на котором (ветеране) всю жизнь ездят то кашубы, то ефимовы. Мне временами даже жаль тебя, мой дорогой земляк. Сколько нас таких осталось? Раз-два и обчёлся. Но тебе, видать, это всегда было по херу. Или только с тех пор, как хату отцовскую продал? Однако ежели предначертано мне вперёд тебя получить в земле последнее пристанище – не уверен, что ты окажешь мне такую честь. Как её не оказал покойному другу юности Шумихину тоже уже покойный Панов, заявив: «Мне вредны такие походы!». Истинный краснозвёздец! И наследники его – они у меня в самом начале этого послания перечислены.

И тут ведь что интересно. Ты, дорогой Виталий Иванович, меня гнобил несколько лет в отделе вузов. Воленс или

ноленс – не в этом суть, важно, что гнобил. А я ведь тебе ничего плохого не сделал ни в жизни, ни по службе. Ты не напечатал рецензии на мою книгу. Ты, исключительно и только ты, а не какие-то там мифические члены ветеранского совета (сам себе-то не ври!), выкинул как что-то непотребное мой материал про юбилей ЛВВПУ. А я же никогда и нигде не чинил тебе элементарнейших препятствий, козней. Только написал честно и правдиво, как всё было в моей жизни, и ты счел нужным и правильным затаить на меня жуткую обиду. Между тем я и до сих пор на тебя не обижаюсь. Что было, то сплыло. Просто напомнил о нём. И ещё о том, что ничего в жизни нашей не проходит бесследно: ни хорошее, ни плохое...

Вот и вся между нами разница, дорогой земля.

Извини, за многословие. Заканчиваю.

Несколько лет назад я написал Ковалёву: «Не уверен, но ты, Саша, пришел в «КЗ», по-моему, чуть позже меня. Все равно должен помнить, как у нас запрещалось даже упоминать Симонова и фронтового редактора Ортенберга (кстати, о них в моей книге даны просто-таки огромные очерки!). А еще ты должен помнить, как покойный Халтурин всех нас облагал данью: придумывать эвфемизмы на все случаи армейской жизни, так ли иначе связанные с дедовщиной. Чтобы, значит, её не называть прямо, в лоб на страницах «КЗ». Это был типичный краснозвездовский дурдом: если явления, вещи, события, человека и т.д. не называть, не упоминать о них, то их, как бы и не существует вовсе. Чем это в итоге обернулось, не мне тебе напоминать – строй рухнул. Рухнул он, разумеется, по многим иным причинам: экономическим, политическим и т.д. Но и в том числе – потому, что люди на командных постах исповедовали ту самую страусиную политику.

Увы, Саня, по этой же страусиной философии и ты не предложил руководству рецензию на книгу Захарчука. Потому что, во-первых, надо было принимать решение. А, во-вторых, есть рецензия – есть проблемы. Нет рецензии – нет проблем. А скажи мне, дружок, в последние годы много книг ты лично прочитал, в которых бы пространно описывались люди и нравы «Красной звезды» 80-х годов? Так на её обложке, вдобавок еще даны портреты Беляева, Беличенко и

Володи Житаренко. В конце концов, хрен бы с ней, с рецензией – после «Комсомольской правды» вряд ли «Красная звезда» так уж прибавит мне известности. Да и не известности вовсе я ищу со своей книгой. Но поразительно иное: никто из вас, героев моей книги (и ты в том числе!) даже не пошевелились, чтобы хотя бы бегло познакомиться с ней. Экий вы, право, ленивый, не пытливый, поистине красноезвездовский народ! То есть вы, как бы не сговариваясь, сговорились: нет такой книги «Встречная полоса. Эпоха. Люди. Суждения»! И точка!

Пойми, Саня, не обида во мне говорит. Во всяком случае, не ее главная тема в моем к тебе письме. Другое хочу до тебя донести. Замалчивание самого факта существования моей книги унижает отнюдь не меня, её автора, хорошего или плохого – это другой вопрос, а вас всех, издающих газету, о которой я так много написал, и в штате которой числился 13 лет. Неужели это так сложно для понимания?

Ты мне можешь парировать тем, что часто любил повторять Мороз: «Э-ге, хитрый хохол, Захарчук, он прекрасно понимает, что заметив его писанину, «КЗ» ее приподнимет на определенную высоту». Это, во-первых, глубокое заблуждение-обольщение. У «КЗ» уже далеко-о-о не те «мускулы», которыми она играла в мои времена. Во-вторых, это вообще ублюдочная логика, по которой, скажем, сочинения падлыгиды Суворова-Резуна не должны упоминаться на страницах «КЗ», чтобы не делать им рекламу. Но я-то в любом случае не совсем падла и даже не совсем гнида. Хотя не исключаю вовсе того, что потенциальный рецензент может найти в моей книге много негативных фактов. Ну и что? Что захочет, к слову, то и найдет в книге любой её читатель. Хотя я старался писать объективно и уж во всяком случае, ни с кем из коллег счетов не сводил. Скажем, пришел однажды к Коле Ефимову как член предвыборного штаба Бориса Громова. Хотел материал в его поддержку опубликовать. А Ефимов послал меня. Казалось бы, чем не забойная ситуация, чтобы позлорадствовать. Нет ее в книге. Или спроси Мороза, как на меня однажды Адам Гаравский телефонную анонимку соорудил – неделю таскали. Так вот фамилия покойничка даже не

упомянута в книге. В основном из-за его сына Андрея. Говорят, неплохого журналиста. О том же Морозе, впрочем, как и о других коллегах написана одна только правда. Да, она не всегда удобная, так и что? Как человека я уважал и до гробовой доски буду уважать земляка Мороза, а то, что он был херовым редактором, так это он и без меня знает. А обиделся, так пусть так и напишет или скажет. На критику, какой бы она ни была неприятной, я не обижусь.

За сим, дорогой Виталий Иванович, остаюсь к тебе с уважением Михаил Захарчук.

...На юбилейном вечере, посвящённом 100-летию «Красной звезды» мы накоротке, как говаривал Константин Симонов, «на тычке» пообщались с Морозом. Но на фуршете стояли всё-таки за разными столами. Откликаясь на публикацию В.Л. Чупахина в соцсетях о Морозе, я, честно, как всегда, написал: «Мороз – мой первый редактор по отделу в «КЗ». Земляк. Между нашими сёлами на благословенной Винничине лапоть не уместится. Однако упокоимся мы, к сожалению, не на родине. Понимания при совместной службе в «Красной звезде» у нас тоже, увы, не наблюдалось. Причём, мои претензии к Виталию Ивановичу с лихвой перекрывают возможные его притязания ко мне. Если проще, то он много чаще был не прав в наших конфликтах, нежели я. Это факт, против которого возражать бессмысленно, если следовать правде жизни.

И, не смотря на всё вышеизложенное, вынужден признать: Мороз честно заслужил ту возвышенную тональность, с которой о нём написал бывший главный редактор «КЗ». Своей полувековой службой газете Виталий Иванович на личном примере доказал верность одного из главных философских постулатов: количество всегда перерастёт в качество. И сегодня он действительно первый патриарх «Красной звезды». Впрочем, я ему это предсказал более двадцати лет тому назад, написав: «Седой, как лунь, Виталий Иванович до сих пор работает в «Красной звезде», и если Бог даст ему век (чего я искренне желаю), то станет со временем мой первый редактор и самым старым сотрудником редакции». Что и случилось. И я в который раз оказался прав...

УЧИТЕЛЬ ЖИТАРЕНКО

Владимир Михайлович Житаренко был моим земляком, моим учителем, моим большим другом. Специальный корреспондент газеты «Красная звезда», он стал первым российским журналистом, убитым во время чеченской кампании. К тому времени полковник Житаренко уже прошел как репортер Афганистан, Абхазию, Нагорный Карабах, Осетию, Приднестровье и Таджикистан. Два своих последних репортажа Михалыч передал в редакцию 30 декабря. Новый год встретил в расположении 104-го сводного полка воздушно-десантной дивизии. А потом сказал командиру, что хочет поздравить с Новым годом тех бойцов, что на передовой. И в ночь на первое января был убит пулей снайпера...

Житаренко – очень продолжительный, благородный и созидательный отрезок моей жизни. В год, когда я поступал во Львовское политехническое училище, Владимир Михайлович из него выпускался. Но познакомились мы лишь спустя какое-то время, когда я начал носить ему заметки в газету Прикарпатского военного округа «Славу Родины». Володя терпеливо правил мои примитивные опусы. При этом некоторые даже «вытягивал» для «Красной звезды», которая его заметила и использовала в качестве нештатного посткоррера. Всё дело в том, что штатным постоянным корреспондентом по этому региону был известный военный писатель Аркадий Пинчук, который больше занимался личным литературным сочинительством, нежели должностными обязанностями.

Владимир Михайлович Житаренко

А старлей Житаренко выполнял их с неопишным удовольствием. Его поэтому очень скоро взяли в штат центральной военной газеты. Когда я туда пришёл в конце семидесятых, Володя, уже подполковник, продолжал ненавязчиво, но очень заинтересованно шефствовать надо мной. И во многом благодаря именно его помощи я сумел сносно закрепиться в достаточно сложном и специфическом коллективе «Звездочки», который не каждого прибывшего привечал.

Житаренко помогал многим львовянам – наставничество было как бы в его крови, но только я называл его «учителем», и ему это нравилось. Когда мы о чём-то спорили, он часто прибегал к неотразимому аргументу: «Я бы на твоём месте учителю всё же уступал». Но споры наши были в основном шутливыми, невсамделишными. Мы с ним очень крепко дружили. Не в последнюю очередь, наверное, и потому что были земляками – между его Немировским и моим Ямпольским районами Винницкой области лапоть по карте втиснуть невозможно, так они близки. А чувство землячества он в себе сознательно культивировал. Вообще к малой родине нашей он относился с трогательным пиететом, который отличает настоящего патриота от Ивана, родства не помнящего. Володя всегда неподдельно радовался любому упоминанию о родной земле в центральной печати, на радио, телевидении, имел на родине множество друзей и сам немало потрудился для того, чтобы прославлять родные края.

В мою бытность сотрудиником «Красной звезды» там работало пять виннитчан: капитан первого ранга Василий Воронецкий, полковник Лев Нечаюк, полковник Виталий Мороз, подполковник Владимир Житаренко и я. Володя из каждой поездки на родину обязательно привозил всем нам подарки, гроздь приветов, и мы стандартно с ним выпивали «за ридну нэньку Украину та за ридну нашу Виннычыну – диадэму славного Подилля».

Однажды, не помню уже по какому поводу, мы с Володей крепко выпили у него на квартире. До того крепко, что я (не частый случай!) позвонил домой и сказал жене, что заночую у учителя. Утром к нам в комнату заглянула Валя, супруга Володи, и сочувственно спросила:

- Ну что, мужички, вам сегодня так плохо, как вчера было хорошо?

Головы наши действительно были столь тяжелы, что мы не могли даже согласно кивать ими от чугунной боли (Володя больше моего страдал похмельным синдромом). И тогда Валя прямо в кровати нам подала по бокалу холодного пива (надо же, утром сбегала!). Володя поцеловал её в щёчку, а мне с гордостью сказал, как всегда, заикаясь:

- Ну, у-у-у кого ещё на свете есть такая жена, ка-ак моя Валюха!

Эта умная, красивая и сильная женщина подарила Володе прекрасного сына Олега, которого отец неизменно и ласково называл «ушастиком». Олег и Валя – навсегда мои родные люди. Однажды она сказала: «Ты – его друг. Остальные – приятели»...

Когда Житаренко был постоянным корреспондентом по столичному округу, он регулярно приезжал ко мне в конце рабочего дня, и мы с ним играли в шахматы. И так однажды заигрались, что спохватились лишь от того, что за окном забрезжило: начало светать. Взглянули на часы – пять утра! Самое примечательное, что часы эти настенные висели прямо над нашими головами! А недосуг нам было за ними смотреть, ибо те, кому клёво, котлов не секут (так, по мнению Володи, на фоне звучит грибоедовская строка: «счастливые часов не наблюдают»).

Люди во всех творческих коллективах делятся на две категории: на тех, кто любит и может писать, и на тех, кто хочет пишущими командовать. Житаренко, бесспорно, принадлежал к первому отряду. Он имел множество возможностей стать в славную когорту краснозвездовского начальства, но тщательно избегал этого, как напасти.

С началом так называемой перестройки, когда на просторах необъятного Советского Союза стали полыхать национальные конфликты, Житаренко сам для себя придумал должность: спецкор по «горячим точкам». И руководство главной военной газеты страны ту должность утвердило. За шесть лет выполнения столь специфических обязанностей,

Володя четыре раза побывал в Приднестровье, пять в Грузии, шесть в Абхазии, по два раза в Ингушетии, Карабахе, Азербайджане, Чечне, четыре раза в Таджикистане. Время, проведенное им в «горячих точках», а значит, на войне, по фронтовым меркам составило два с половиной года.

... Он пошел на передовую, чтобы поздравить знакомый экипаж БМД (боевой машины десанта) с Новым годом. В бронежилете пошел. Каску, правда, не надевал. Да она бы и не спасла его в той ситуации. Пуля снайпера попала в левую сторону лица, прошла в грудную клетку, перебив жизненно важную артерию. Упал он в нескольких метрах от БМД. Наш лучший краснозвездовский поэт Юрий Николаевич Беличенко написал по этому поводу: «На последнем своем привале,/ Поднимая стакан вина,/ Он сказал: «Позвоните Вале! –/ В Новый год дозвонюсь едва ли./ Людям праздник, а нам – война...»/ И друзей поздравил заочно,/ С кем делили и хлеб и бой/ В бесконечных «горячих точках»,/ В душной гари пороховой./ Мы по улицам побродили./ Не дрожала его рука./ Позвонить-то мы позвонили,/ Но что толку с того звонка?!/ Как заранее узнаешь, братья,/ что назавтра придет беда,/ Что каким-то рукопожатьем/ Мы прощаемся навсегда./ Что уже не подставишь спину/ Подхватить его, унести.../ Валя, Валечка, Валентина!/ Если можешь – ты нас прости.../ Честь и мужество не уходят,/ Хоть и тяжело – а их неси./ Ведь такими, как был Володя,/ Всё и держится на Руси./ И всегда в поминальных списках/ Не пропащей еще страны/ Есть военные журналисты,/ Не вернувшиеся с войны».

***

Из воспоминаний главного редактора газеты «Красная звезда» капитана 1 ранга Владимира Чупахина: «Во второй половине дня 1-го января 1995 года мы с Белоусовым, Лукашевичем и кем-то еще поехали к вдове и сыну Житаренко. Только вошли, Валентина сразу все поняла и сказала: "Я так и думала, что этим кончится". Потом сидели за столом, пытались пить чай, пытались решать какие-то оргвопросы, связан-

ные с похоронами. Все делалось через силу, с комком у горла. Это был один из самых тяжелейших моментов в моей редакторской биографии.

Помню еще, как числа 10 января позвонил председатель СЖ России Сева Богданов и сказал, что Правление СЖ приняло решение посмертно наградить Владимира Михайловича Житаренко Премией Союза Журналистов России за мужество и героизм при исполнении журналистского долга. 13 января, в День Печати, с Олегом Житаренко мы поехали на вручение. Сыну и вручили премию, сказав при этом много хороших, прочувствованных слов. На банкет мы с Олегом решили не оставаться. Собрались уже уходить и вдруг слышим: "Где "Красная звезда"? Где "Красная звезда"? Что такое? Оказывается, это Владислав Листьев, который тоже только что был премирован немаленькой суммой в 7 тысяч долларов, искал нас. Подошел, сказал слова соболезнования и вручил конверт со своей премией Олегу».

ДОВЕРИЕ ШАЛКЕЕВА

Когда Валентин Александрович Шалкеев отмечал своё 85-летие, я написал следующие строки.

Военный журналист Шалкеев в полном смысле слова человек исторический, поскольку является последним секретарём партийного комитета газеты «Красная звезда». А для меня он – непосредственный начальник, второй редактор, под началом которого посчастливилось несколько лет служить всё в том же великом военном издании. И поскольку тут без рассказа о себе любимом никак не обойтись, то скажу даже больше. Если бы Шалкеев в своё время не взял меня собственным заместителем редактора по отделу информации, то я бы ушёл из «Красной звезды». Служба с редактором предыдущим довела меня, что называется, до цугундера.

А в те годы подполковника Шалкеева, работавшего несколько лет в секретариате, назначили на должность редактора «Красной звезды» по отделу информации. В табели о ран-

гах этот отдел занимал весьма скромное место. Естественно, его начальник не был членом редколлегии. Ниже «информации» считались лишь отделы спорта, оформления, писем и массовой работы. Однако, если так можно выразиться, удельный вес информации в общей газетной архитектонике и политике был очень приличный. Тем более что на нас замыкались тридцать шесть краснозвездовских посткорров на местах. Такая весьма красноречивая деталь. В отделе вузов, где я трудился раньше, мы заполняли альбом собственными публикациями целый год и ещё треть оставалась неиспользованной. Альбом в отделе информации мы меняли ежеквартально, выдавая на-гора иной раз до газетной полосы и больше. Не зря же один из редакторов по этому отделу, Василий Воронежский изрек однажды с присущей ему простецкой афористичностью: «В отделе информации надо регулярно заниматься «шевелизмом», иначе тебя постоянно будут вздрючивать». Он же говорил: «Заметки, они нужны только для шпаклевки газетной полосы, а вовсе не для информации. Настоящую информацию наши мастера всегда превращают в статьи и очерки».

Валентин, пригласив меня к себе, сделал ставку на доверии ко мне. И вот как это на деле выразилось. Спустя три месяца после нашего с ним назначения, Шалкеев ушел в отпуск. И оставил меня, рядового сотрудника отдела, временно исполняющим его обязанности. Именно так: ВРИО редактора по отделу «Красной звезды». Притом, что действующий его штатный заместитель майор Юрий Солдатенко как бы переходил ко мне в подчинение.

Понимаю, что многим людям эта казуистическая кадровая механика подчинения мало о чем не говорит. Однако тот же Солдатенко резко ушёл из «Красной звезды». Со временем даже стал генералом пограничных войск. А я же со временем стал штатным заместителем. В воинском коллективе, даже если он газетный, такое доверие дорогого стоит. Тем самым Валентин раз и навсегда превратил меня в преданного Санчо

Пансо, в человека, который пахал на отдел за троих, а то и за четверых.

Михаил Александрович Захарчук и Валентин Александрович Шалкеев.

И без того немалую почту «Красной звезды» почти вдвое. А надо заметить, что количество писем в печатном издании по тем временам являлось одним из главных критериев его полезности и нужности. На каждые 15 тысяч читательских откликов командование редакции имело право открывать штатную единицу в отделе писем. А рубрика «Поиск» каждый месяц прибавляла по 50-60 тысяч новых читателей. Поэтому наше с Шалкеевым творческое деяние приравнялось в редакции к подвигу, и ставший полковником мой шеф получил вдобавок ещё и орден Красной Звезды. Это была основная боевая награда для выполняющих интернациональный долг в Афганистане...

Поначалу мы с Валентином каждый день до полуночи сидели, разгребая отдельскую авгиеву конюшню. Потом наладили ритмичную работу всех восьмерых сотрудников и необходимость в авралах отпала. Отдел стал регулярно занимать призовые места в социалистическом соревновании. Но мы всё равно задерживались после «окончания рабочей смены». Изредка выпивали, и я с удовольствием слушал Валентина. А

Сейчас я попытаюсь справиться с соблазном, как можно цветистее рассказать о наших с Валентином Шалкеевым свершениях на каменной информационной красновозвёздской ниве. И поэтому лишь штрихами обрисую то, что мы с ним сделали. Прежде всего, организовали постоянную рубрику «Поиск», чем увеличили

рассказчик он отменный. Да и поведать ему было о чём. Вырос при детдоме, где трудилась мать-одиночка. Поработал до службы в армии слесарем-инструментальщиком на знаменитом Горьковском автозаводе. Наше Львовское военно-политическое училище в шестидесятых годах прошлого столетия превратили в высшее. И Валентин со товарищи стали первым выпуском с высшим военным образованием. Служил затем молодой офицер в Южной группе войск, в газете «Суворовский натиск», был постоянным корреспондентом «Красной звезды» по Дальневосточному военному округу. Спортсмен-боксер чуть ли не мастер спорта. И – заядлый банщик. Он и меня заразил этим замечательным увлечением. Мы не раз вместе парились в разных столичных банях. Спустя многие годы Валентин даже выпускал газету «Русская баня». Все годы совместной службы мы с Шалкеевым славно ладили.

Со временем наш отдел информации прочно вышел на первое место в редакции по числу авторских и собственных материалов, по их объему и качеству. Неглупый Шалкеев за каждую очередную удачу премировал меня очередной командировкой в любой конец Советского Союза либо за каким-то конкретным материалом, либо на свободную охоту. Тщеславный человек (а не тщеславных пишущих не бывает в природе), я из кожи вон лез, чтобы газетный круговорот в природе моих заметных, звонких публикаций не прекращался. Все лучшее, что я написал в «Красной звезде», было сделано в отделе информации. Впрочем, хватало и шишек. Чтобы не быть голословным, расскажу об одном газетном герое, который прибавил нам с шефом по доброму пучку седых волос.

Однажды наш главный редактор генерал-лейтенант Н.И. Макеев приехал после очередного совещания в верхах злым и сердитым. В моём дневнике записано: «Николай Иванович рвал и метал. Давно я не видел его таким сердитым. Он сказал, что мы даром едим государственный харч. И все скопом недостойны высокого звания краснозвездовцев. Потому что они всегда держали руку на пульсе страны и армии. А мы об-

ленились до потери пульса. В «Правде» готовится материал о заставе, где служил Генсек К.У. Черненко. Олжас Сулейменов уже сделал документальный фильм «Застава молодости». «Комсомолка» вот-вот выдаст публикацию о Кучере. И только «Звездочка» хранит непонятное всей армии молчание. Макеев поднял моего шефа. Тот молча и угрюмо выслушал разнос, хотя мог бы парировать, что мы ведь предлагали материал с этой долбанной заставы, который заявлял наш посткорр по Среднеазиатскому округу Тимка Ладин. Так наше предложение редколлегия «забодала». Теперь нас же делают козлами отпущения. Ничего, перезимуем и выкрутимся...»

А что там выкручиваться? Вернувшись в отдел после нагоняя, мы, не мудрствуя лукаво, тут же связались с подполковником Ладиным и поставили ему задачу: завтра – кровь из носу, пришли нам статью начальника Среднеазиатского пограничного округа. И пусть он всей стране расскажет, что застава, на которой служил в тридцатые годы нынешний Генсек, является лучшей во всем поднебесье.

Тимка молодец на следующий день сообщил: «Встречай самолет из Алма-Аты». На редакционной «Волге», мчусь в Домодедово. Командир экипажа под расписку вручает мне драгоценный пакет. На обратном пути читаю его содержимое, и вслух матерюсь. То, что подчиненные командующего генерал-лейтенанта В.Донского ему подготовили, невозможно было напечатать даже в окружной газете, не говоря уже о «Красной звезде». Разумеется, шеф Шалкеев согласился с моей оценкой и принял решение, которое на его месте принял бы любой иной военный человек:

- Бери этот бред, езжай домой и чтобы к утру был приличный материал. Пусть не на «красную доску», но все же постарайся.

Утром я привез в редакцию подготовленный заново материал «На дальних рубежах Отчизны». Сделав пару буквально косметических поправок, Шалкеев с нашего третьего этажа «поднялся на второй», где сидели главный и его замы.

Вся руководящая верхушка, не мешкая, прочитала мойopus. Его перепечатали на бумаге верже, и я поехал на Старую площадь, с которой Шалкеев уже всё уже обговорил. Помощник Генсека Федор Павлович Петров оказался добрым, обаятельным, слегка полноватым человеком с открытым взглядом из-под густых поседевших бровей. Мы пообщались минут десять, и парт чиновник заспешил к Генсеку. Вернулся Федор Павлович довольный. Показал мне подпись Черненко, пожал руку, и я на форсаже умчался в редакцию. Радость и гордость за себя, за свои способности, за то, что я сделал уже физически не вмещались в моей грудной клетке.

Гром средь ясного неба раздался в комнате ответственного секретаря, куда набилось полно народу, жадно слушавшего мой сбивчивый рассказ о хождении к Генсеку, чего до меня еще ни один краснозвездовец не удостаивался. Естественно, я не жалел цветов и красок, коллеги – колкостей и подначек. В этом наэлектризованном бедламе до моего сознания как-то не сразу дошел вопрос начальника отдела иллюстрации полковника Александра Николаевича Сергеева:

- Мишель, а где снимок Генсека с его боевыми побратимами?

- Снимок? - переспросил я рассеяно. - Ах, да, фото Константин Устинович оставил себе на память. Так мне помощник сказал...

- Но ведь то был оригинал, единственный экземпляр! - по-военному громко прошептал краснозвездовский иллюстратор, вмиг оценивший весь трагизм ситуации.

- Так, а я-то тут при чем?

- А кто же «при чем», голубь ты наш сизокрылый?

Дальше события развивались как в жутком кошмарном сне. Шалкеев позвонил Петрову, объяснил ситуацию со снимком. И получил увесистый цековский нагоняй:

- Вы что там, мальчишки собрались? – на высоком тоне сказал помощник. – Неужели нельзя было предвидеть такую простую ситуацию и снять копии со снимка. Генсеку фото

понравилось. Он его впервые в жизни увидел и оставил себе на память. Вы что хотите, чтобы я пошел к нему и стал объяснять, что в «Красной звезде» работают сопляки – не офицеры. Выкручивайтесь, как хотите, но в завтрашнем номере материал должен выйти именно с той фотографией, что осталась у Генсека и с тем текстом, что я у него подписал. Буковки, запятой не изменять!

Описание поисков фотографии занимает в дневнике две страницы. В жизни реальной то была эпопея, подобно которой мне больше не приходилось переживать. Весь день мы обращались в архивы Алма-Аты, Красноярска, в Центральный партийный архив, в Институт марксизма-ленинизма, в КГБ, МВД. Начальник пограничных войск по просьбе Макеева лично обзванивал всех своих знакомых. На заставу в Хоргос были отправлены два вертолета. Всё – безрезультатно. Снимок оказался уникальным. Копии его нигде не находилось. Работу над номером приостановили. Все, от наборщиков до главного редактора, чего-то ждали, на что-то надеялись, а на что – черт их знает.

Ближе к семи часам вечера вдруг по редакции пронесся слух, что Макеев говорил по кремлевке с начальником Главпура. Тот обещал позвонить министру обороны Д.Ф. Устинову, а уже тот, в свою очередь, должен был связаться с К.У. Черненко и попросить фотографию на пару часов. Собственно, нам фото нужно было на несколько минут – снять копию. Остальное время уходило бы на поездку в ЦК и обратно.

Все это я и решил сказать Федору Павловичу по телефону. И еще вкратце доложить, что меня ждет в случае, если он не выручит: отправка на службу в Забайкалье. И хотя по тогдашним суровым краснозвездовским правилам у меня, простого сотрудника, не было права звонить в ЦК, но что оставалось делать. Шесть коротких фраз я написал на бумажке и снял телефонную трубку.

В Петрове я не ошибся. Он действительно оказался человеческим и добрым. Выслушав мою заготовку, коротко бросил:

- Приезжайте!

В восемь часов вечера Генсека увозили домой на Большую Бронную. В это время душка Петров и провел операцию по изъятию снимка. Вручив его мне, приказал, чтобы завтра к 11.00 у него лежали газеты и несколько снимков. Так оно и было.

Для Генсека отпечатали двадцать экземпляров газеты на специальной бумаге. Сергеев и его команда сделали пять увеличенных снимков, и я все это историческое добро отвез в ЦК. И у меня наступило время, как у артиста, отыгравшего сложный премьерный спектакль, выходить на поклонны. То был мой Тулон, мой звездный час. Слушайте, это же не шуточки организовать т а к о й материал и опубликовать его в т а к и х условиях! Конечно, публикация считалась успехом отдела, но тогда вряд ли кто из многочисленного коллектива краснозвёздовцев сомневался, чья в этой акции, так сказать, львиная доля заслуги. Шалкеев меня обнял, и глаза его увлажнились.

Спустя некоторое время он же меня, на свой страх и риск отправил на родину К.У. Черненко. Но это уже другая история.

Повторюсь, с Шалкеевым мне работалось в кайф полный. Моим успехам он не завидовал, а наоборот их поощрял. Именно при Валентине Александровиче я почувствовал себя полноправным краснозвёздовцем и ощутил профессиональную уверенность в своих силах. Это такая сложная материя, что о ней даже на словах трудно рассказать. Во всяком случае, когда я уходил на работу в ТАСС, расставаться с Шалкеевым мне было искренне жаль. Ведь за все годы совместной работы мы ни разу (!) не то, что не повздорили – на повышенных тонах не говорили. Хватало ума понимать простую, на самом деле вещь: 90 процентов всех проблем решаются са-

ми собой. А 10 процентов проблем решения вообще не имеют. И хрен бы с ними...

Что же касается Валентина Александровича, то он покидал родную газету в самые трудные, если не сказать жуткие, так называемые «лихие ельцинские времена». Мой самый близкий друг капитан 1 ранга Владимир Чупахин, семь лет возглавлявший «Красную звезду», пишет книгу именно о том периоде безвременья. Вот из неё только маленький отрывок: «Лишь многие годы спустя я узнал от Шалкеева любопытную подробность «департизации» августа 1991 года. Оказывается, те самые «белодомовские расследователи», о которых уже упоминалось, не сумев накопать у главного и его замов ничего такого, что потянуло бы на «пособничество ГКЧП», нагрянули к секретарю парткома: «Ключи от партийного сейфа на стол! Быстро!». – Шалкеева, однако, нельзя было взять вот так – на испуг: «А у вас что – есть постановление на обыск?». – «Демкомиссары» замахали бумажками-мандатами: «Мы представители Президента России! У нас особые полномочия!». – «Время нынче беспокойное, господа «представители», поэтому ключи от сейфа я храню не в редакции, а в одном надёжном месте». – «Немедленно привезите их!». – «Вы знаете: неотложные дела не позволяют. Приходите утром: будут вам ключи».

Ну а ночью Шалкеев и взятый им в помощники Володя Гавриленко перетасили всю кипу партийной документации в подвальное помещение издательства, где стояла специальная печка, обычно использовавшаяся для уничтожения секретной документации. Всю ночь они жгли и жгли в этой печке протоколы партсобраний. Утром, пропахший гарью Шалкеев, улыбаясь, передал «проверяющим» ключи. Сейф, понятно, был уже пуст.

Почему те, кто выискивал «компромат» на краснозвёздовцев, жаждали заполучить партийные протоколы? В доавгустовский период наши партсобрания проходили очень бурно. В протоколах, конечно, можно было найти записи, не от-

личавшиеся «демократической правозерностью». Уничтожив документацию, Шалкеев уберег многих, если и не от возможных репрессий, то уж от основательной трёпки нервов.

А помочь самому опальному секретарю парткома нам, увы, было не под силу. Как бессмысленно было и объяснять, что партийную должность он, в общем-то, занимал лишь в последние годы, а до этого имел многолетний опыт журналистской работы.

Ну что мне сказать под занавес, дорогой Валентин Александрович. Ты действительно давно уже стал патриархом, аксакалом нашей военной журналистики. До гробовой доски не забуду нашей с тобой совместной работы. И желаю тебе здравия ещё на многие годы. Обнял. Твой МАЗ.

ВЕЛИКИЙ РЕДАКТОР МАКЕЕВ

Главный редактор «Красной звезды» Николай Иванович Макеев (в центре) среди военных делегатов съезда КПСС.

Генерал-лейтенант Николай Иванович Макеев был большим, а может быть, и самым великим военным редакто-

ром в партийной советской печати. Три десятилетия он командовал главной военной газетой страны – «Красной звездой» (в народе – «Звёздочкой»). По длительности пребывания в кресле главного редактора Макеев пропустил вперёд себя только Василия Захарченко, 35 лет редактировавшего журнал «Техника молодёжи» и Анатолия Софронова, 33 года возглавлявшего журнал «Огонёк». Когда Николай Иванович пришёл в «КЗ» её тираж составлял менее 500 тысяч экземпляров. В розничную продажу газета не поступала. В почтовых отделениях подписка на неё не велась. И всех это устраивало. Покидал Макеев «Звёздочку», когда та насчитывала боле трёх с половиной миллионов тиража и прочно занимала место в пятёрке самых лучших, самых любимых советских газет: «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Труд», «Красная звезда». Как пальцы на руке...

Из четырёх орденов, которыми была награждена военная газета за всю свою историю (Красной звезды (1933), Красного знамени (1945), двух орденов – Ленина (1965) и Октябрьской революции (1974) – она удостоилась при Макееве. А ещё получила новое здание на Хорошевском шоссе и едва ли не самую современную в стране типографию по тому же адресу. Однако главный подвиг Макеева на каменистой и суглинистой газетной ниве заключался в том, что он сумел возвысить авторитет «Красной звезды» до практически недосягаемой для иных изданий высоты. Конечно же, мне могут возразить в том смысле, что при советской власти к печатному слову вообще в обществе прислушивались со вниманием, по нынешним временам просто-таки невысказанным. Всё так.

Но, согласись, читатель, одно дело воевать газетчику «за справедливость» в условиях худо-бедно тогдашней партийной демократии, и совсем иное журналисту в погонах «добиваться правды» при жестких, а, порой, и жестоких уставных положениях воинской субординации, очень точно подмеченных при словьем: «Пункт первый: командир всегда прав. Пункт второй: если командир не прав – смотри пункт первый». Это я к

тому, что все годы, десятилетия своего редакторства Николай Иванович терпеливо, вдумчиво и созидательно выстраивал, утверждал, начиная с редакционного коллектива и заканчивая министром обороны, ГлавПУром и ЦК на Старой площади, особые, как бы нынче сказали, эксклюзивные взаимоотношения. При которых военный журналист должен был, даже обязан, соблюдая ту самую субординацию, оберегая военную тайну, тем не менее, отстаивать свою позицию до конца, критиковать всех, вне зависимости от величины звёзд на погонах, кто был не в ладах с совестью, моралью, долгом.

Даже формулируя этот основополагающий макеевский принцип руководства творческим коллективом, я упарился. А каково было ему, всегда находясь на капитанском мостике крейсера «Красная звезда», проводить его всякий раз извилистыми фарватерами, под неусыпным наблюдением мощных министерских и партийных локаторов. Да и то сказать, но Макеев пережил пятерых министров обороны, включая не всегда предсказуемого Жукова и столько же Генсеков – от «кукурузника» Хрущёва до «перестройщика» Горбачёва. И тут ведь что чрезвычайно примечательно.

Николай Иванович походил по газетному лезвию ещё при жизни вождя народов Сталина. Сие обстоятельство не могло не повлиять на его мировоззрение, не сформировать в его менталитете ряд ценнейших качеств, которыми в те годы просто обязан был обладать каждый редактор солидного советского издания. В их ряду политическое чутье, номенклатурный нюх стояли едва ли на первом месте. И Макеев ими владел виртуозно. Умел он использовать (в интересах дела, разумеется) как сильные, так и слабые стороны тех, кто руководил партией, страной и армией. Но при этом никогда не ронял чувства собственного достоинства, не лебезил и не заискивал перед властью предрежащими. Помните, как у Оскара Уайльда: «Все мы сидим в сточной канаве, но некоторые из нас смотрят на звёзды». Николай Иванович всегда их наблюдал и подчинённых к тому подвигал. В этом и заключалась

его определяющая офицерская, редакторская и человеческая сущность.

...Макеев девятый месяц находился в кресле главного редактора – нечего сказать: символический срок. И вдруг раздаётся звонок того самого Жукова Георгия Константиновича – Маршала Советского Союза, четырежды Героя и министра обороны: «Прочёл я в сегодняшней «Красной звезде» передовую статью «Военный прокурор». И хочу спросить вас, товарищ главный редактор, кто, по-вашему, руководит и командует Вооружёнными Силами – я или военные прокуроры?» И положил трубку – такая себе акушерка.

Макеев срочно собрал редколлегию. А надо заметить: если кандидатов для работы в газете отбирали, тщательно рассматривая их под лупой, то на членов редакционной коллегии Николай Иванович всегда смотрел через микроскоп. Поэтому случайных людей там никогда не наблюдалось. И вот им, своим первым помощникам, главный редактор честно признался. После звонка министра обороны, сказал, я предельно внимательно перечитал передовую, вник, что называется, в каждое её слово и убедился: Жуков прав вовсе не потому, что он наш главный начальник. Самоё статью следовало выстраивать иначе. Да, от блюстителей порядка в жизни и деятельности воинских коллективов зависит многое. Но далеко и вовсе не всё. То, что якобы «все мы ходим под прокурором» – исключительно обывательский взгляд на действительность. Ибо за правопорядок, соблюдение законности в войсках и на флоте, как и за всё прочее, из чего состоит воинское бытие, всегда отвечает командир-единоначальник. Как раз этого акцента в передовой и не оказалось. Вперёд нам всем наука. Будем работать, а бог не выдаст, свинья не съест. И больше никаких телодвижений главред не предпринял. Что Жуков тоже оценил по достоинству, ибо не любил подобострастных, каблуками щёлкающих...

Ровно через год Николаю Ивановичу пришлось отчитываться о деятельности «Красной звезда» на заседании колле-

гии Минобороны. Как раз в те времена первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущёв где-то высказался, относительно того, что газеты подчас «увлекаются смакованием негатива», критикуют всех и вся, не вникая в суть дела, не предлагая каких-либо конструктивных мер по устранению недостатков. Эти довольно общие рассуждения первого лица в партии некоторые добродохоты попытались отнести к «Красной звезде», на страницах которой критических материалов наблюдалось предостаточно.

Вообще я должен заметить, что Макеев всегда полагал неудачным номер «Красной звезды», в котором отсутствовала хотя бы одна остропроблемная или даже фельетонная публикация. Так что вовсе не случайно на том заседании коллегии министерства прозвучали предостережения: критический пыл военным журналистам следует поубавить. А то, дескать, некоторые краснозвёздовцы уподобляются тем горе-писакам, о которых говорил товарищ Хрущёв. Макеев чётко и внятно (это он умел делать блестяще) изложил свою редакторскую позицию относительно критики и самокритики в армии, на флоте. Однако те объяснения во внимания не приняли и объявили ему выговор. На следующий день позвонил генерал – секретарь коллегии: «Николай Иванович, дорогой, вот оформляю протокол после вчерашнего заседания и никак в толк не возьму, а за что конкретно тебя наказали? Помоги, пожалуйста, сформулировать претензии к тебе». Главный редактор спокойно ответил: «Извините, но в таких делах я советчиком быть не могу». Выписка из приказа о выговоре в редакцию так и не поступила. А Макеев «выводы из критики» сделал по-партийному правильные: организовал внештатный отдел фельетонов, только сотрудника в него посадил штатного. (В мою бытность редакционный фельетонист полковник Александр Иванович Дровосексов уже был приписан к секретариату и регулярно выдавал на гора свою продукцию, типа «Баран с прицепом», «Бани исчезают в полночь» – до сих пор помню те забойные публикации).

В другой раз спецкор Николай Черкашин, ныне известный литератор, написал в «Красной звезде» материал о Герое Советского Союза... чистильщике обуви на Казанском вокзале. Высшие военные руководители СССР натурально озверели от той публикации. Донеслось до ЦК КПСС. Там поддали огня в полымя. Шум и гам стояли на всю ивановскую. Причём, все большие номенклатурщики возмущались отнюдь не тем, что Герой вынужден был зарабатывать себе на хлеб насущный чисткой сапог, а тем, почему именно краснозвездовец всё это раскопал и обнародовал. Нашему главному редактору позвонил тогдашний начальник ГлавПУра генерал армии А.А. Епишев и устроил форменный разнос. Но они были в дружеских отношениях, что позволяло Николаю Ивановичу понизить тональность разговора и спокойно заметить:

- Алексей Алексеевич, но ведь мой корреспондент написал правду!

- Засунь себе её в ср...ку! – зло огрызнулся главный военный комиссар страны. – Нам такая правда не нужна!

- Извини, но всё равно наказывать Черкашина я не намерен.

Епишев крякнул и разговор прекратил. Понимал прекрасно, что как раз его «правде» место в той самой ср...ке.

...Где-то в начале 1960-х «Красная звезда» совместно с Центральным домом Советской Армии проводила конкурсы на лучшее решение шахматных задач. В одном из них в числе призёров оказался читатель с такими же фамилией и инициалами, как у тогдашнего министра обороны Р.Я. Малиновского. Николай Иванович позвонил Маршалу: «Родион Яковлевич, не удивляйтесь моему вопросу. Но в решении шахматных задач принимал участие Малиновский Р.Я. Это вы или ваш однофамилец?» – «Конечно, я. Понимаешь, Николай Иванович, я люблю шахматные задачи. Но времени искать их у меня нет. Вот и решаю те, что в газете. А посылал ответы по моей просьбе адъютант только лишь для того, чтобы проверить их правильность». – «Вы очень хорошо решали и вы-

шли победителем среди более чем сотни претендентов. Могу я как-то обнародовать эти итоги?» – «Нет, Коля, мне достаточно твоего сообщения». Так никто и не узнал, что победителем конкурса стал министр обороны.

...Макеев родился 22 мая 1911 года в селе Новобатайск под Ростовом-на-Дону. Трудился на сельхозработах с детства. После окончания средней школы №9 (это старейшее учебное заведение в Ростовской области появилось в 1876 году) по рекомендации райкома партии и комсомола поступил в Коммунистический институт журналистики имени В.В. Воровского. Окончив его с отличием, получил право выбора будущего места работы и потому остался в Москве. Писал в различные столичные издания, пробовал себя на радио. И как-то так получилось, что больше всего Николая Макеева увлекала оборонная, военная тематика. Оно и неудивительно: предвоенное время, словно предгрозовое, пульсировало повышенной концентрацией милитаризованной напряжённости. Поэтому тридцатилетний журналист в июле 1941 года становится слушателем военно-воздушного факультета Военно-политической академии. Полгода ускоренного курса обучения и Макеева назначают начальником отдела фронтовой жизни в газете ВВС «Сталинский сокол». Через год он её возглавит. А после Победы вновь засядет за учебники, постигая военное искусство в Военной командной академии имени М.В.Фрунзе. И здесь по выпуску получает красный диплом, а заодно очень высокий пост – заместителя начальника отдела печати Главного политуправления Советской Армии и Военно-Морского Флота. С этой должности Николай Иванович и приходит в «Красную звезду» редактором ведущего отдела пропаганды в 1950 году.

В то время газетой командовал генерал-майор В.П. Московский. Зарекомендовал себя он очень хорошо и был затребован на работу в ЦК КПСС. На его место заступил генерал-майор В.И. Штырляев. Такой себе добросовестный служака, обладавший солидным опытом работы в Генеральном штабе.

Будучи уже не ответственным, а главным редактором «КЗ», он и занимался тем, что было ему ближе по душе и нраву – бытом редакционных сотрудников, их семей, командирской учёбой военных журналистов. А вот к сугубо редакторской деятельности интереса не испытывал. К тому же не сложились у Василия Ивановича отношения с министром обороны Маршалом Советского Союза Н.А. Булганиным. Николай Александрович вышел с ходатайством перед ЦК КПСС: верните, дескать, Московского хотя бы на время, чтобы он подготовил достойного главного редактора для главной военной газеты. Василий Петрович без колебаний аттестовал на эту ответственную должность Макеева.

Нам не дано выбирать время, в котором приходится действовать. И потому чаще всего оно бывает к нам крайне суровым, если не жестоким. Первые девять лет пребывания Макеева в должности главного редактора «Красной звезды» были густо окрашены хрущёвским сумасбродством. Кукурузник «штамповал ракеты, как сосиски»; иступлённо резал истребительную авиацию; требовал от учёных изобрести такую подлодку, которая могла бы «по земле ездить и в воздухе летать»; дважды сократил личный состав армии и флота, что называется, «порезав его по живому»; подвёл страну практически к порогу ядерной войны. И в то же самое время стремительно формировались Ракетные войска стратегического назначения. В авиации и флоте проходили, без преувеличения, революционные преобразования. На качественно новый уровень поднималась боевая учёба личного состава, который начали готовить к действиям в условиях применения новых средств поражения, в том числе массового. Вообще в Вооружённых Силах страны, которая первой прорвалась в космос, всё менялось динамично и неудержимо. В таких условиях от военных журналистов требовалось не просто поспевать за головокружительными переменами, но и опережать их. И Макеев, как никто другой, понимал, сколь ответственны задачи стоят перед ним лично и перед возглавляемым им творческим

коллективом. Твёрдо, спокойно и мудро он управлял им, как руководит симфоническим оркестром талантливый маэстро-дирижёр.

Николая Ивановича вообще отличало природное умение толково и быстро разбираться в сложных жизненных коллизиях. А ещё он всегда поверял свои взгляды и суждения, опираясь на мнения подчинённых, безотносительно к их возрасту и жизненному опыту. Никогда не забуду весьма примечательного в этом смысле случая. По вторникам у нас всегда анализировались номера газеты предыдущей недели. Назначался обозреватель, как правило, член редколлегии, а ему в помощь придавался кто-нибудь из рядовых сотрудников. В тот раз им оказался я – краснозвёздовец, без году неделя. И заметил я в одном из материалов высказывание лейтенанта-финансиста о том, что ему до пенсии, мол, как до греческих календ. А это неправильно. Лучше бы написать, как до Киева пёхом. Два сотрудника отдела культуры и быта, через который прошла заметка, выступили друг за другом и камня на камне не оставили от моего робкого мнения. На следующий день меня вызвал Николай Иванович, который, как оказалось, дежурил именно по тому номеру с греческими календами. Спрашивает, почему вы считаете, что фразеологизм употреблён неправильно? И Светония с императором Августом упомянул. Да потому, ответил я, что у греков календ не существовало. Что, в таком разе лейтенанту никогда не видать пенсии? Но это же абсурд. Выслужит он положенный срок и получит её. «Да, вы правы, – сказал генерал-лейтенант капитану, – допущена ошибка».

Вышел я из кабинета главреда и поймал себя на мысли: а ведь за столь короткий период моего краснозвёздства Николай Иванович уже второй раз со мной соглашается. Первый случился на моём «дебюте» в «Красной звезде». Материал носил символическое название «Такое трудное начало» и состоял из трёх незамысловатых новелл о курсантах – будущих офицерах. Дежуривший по номеру член редколлегии полков-

ник Станислав Иванович Ковалёв в целом одобрительно отозвался о первой публикации «нашего молодого коллеги» под рубрикой «Годы курсантские». «Но вот третья новелла у меня вызвала несколько противоречивые чувства. Я не совсем уверен: нужна она или не нужна». Любое сомнение в «Красной звезде» всегда ценилось превыше всего. И поэтому следующие выступавшие, блестяще развив «противоречивое чувство» редактора по отделу боевой подготовки ВВС, благополучно похоронили мою третью новеллку. Тем более, что материал большой (заметили единогласно), а последний герой без фамилии, так что сокращение ему только на пользу. Последним выступил Николай Иванович. Как киношный Шурик, я его записал: «Нельзя не заметить, что в первой новелле Захарчука говорится о важности знаний, общей подготовки для будущего офицера. Во второй на хорошем примере показано, как эти знания надобно применять на практике. Если вчитаться в третью новеллку, кстати, самую короткую, то там рассказано о человеке, который не сумел стать офицером потому, что цитирую: «Словом, воли товарищу не хватает по-прежнему». И здесь, по моему разумению, заключено то главное, ради чего материал и написан: офицер без воли – не офицер вовсе. Можно и нужно сомневаться всегда. Но только до той поры, покуда не принято решение. Дальше военному человеку следует только действовать – решительно, без колебаний, даже напролом».

По выходу газеты, Станислав Иванович, к слову, очень хорошо ко мне относившийся, решил отметить «Такое трудное начало» на «Доске качества». Макеев не согласился. И я полагаю, как всегда, поступил мудро и дальновидно. Да, в материале была именно та самая изюминка, на которую кроме Главного, никто не обратил внимания. Но в целом публикация не дотягивала до лучших краснозвёздских образцов, хотя я над ней попотел изрядно, во-первых. А, во-вторых, чисто в воспитательных целях не следовало мне, капитану,

демонстрировать, что я уже схватил бога за бороду в такой газете.

Врать не стану, сколько, но не единожды – точно приходилось мне слышать от Николая Ивановича рассуждения, примерно такого содержания: да, тут мы ошибались, здесь дали маху, в данном случае с усердием переборщили – надо исправляться. На подобные признания горазды только сильные, мужественные и, что самое главное, мудрые люди. Таким и был Макеев. Меня могут упрекнуть: ну прям генерал-ангелочек получается у автора. Да нет, Николай Иванович был живым человеком. Конечно же, имел свои недостатки. Только он представлял из себя «руководителя ленинского типа» в исконном, а не постперестроечно-ёрническом понимании этого термина. Он прекрасно осознавал, что является примером, ориентиром для всего многочисленного военного идеологического коллектива и потому вёл себя соответственно. Всегда. В большом и в малом. Даже в самом страшном сне нельзя было представить Макеева замешанным в чём-то предосудительном, недостойном звания коммуниста, офицера, гражданина. У него случались выговоры, порой внушительные и грозные, но в 99 случаях из 100 – за поступки и действия его подчинённых, а не за личные просчёты. И эти свои командирские вериги Николай Иванович тоже нёс достойно и мужественно, не сетуя и даже не кряхтя от спорадической бестолковости «дорого личного состава». Он всегда был нашей самой главной и самой надёжной инстанцией. И – защитой.

А каким был всегда стройным, подтянутым. Сколько бы не длились бесконечные «совещуки», я ни разу не видел Макеева усталым, с потухшим взором, не приведи господь зевнувшим. Уже прилично разменяв восьмой десяток лет, он, как и в молодости, бегал по утрам трёхкилометровые кроссы. Правда, машина с мигалкой всегда следовала за ним поодаль. Спрашиваю водителя Володю Комиссарова: часто пользуетесь

сиреной? Нет, отвечает. Она нам без надобности. Николай Иванович никогда и никуда не опаздывает.

...В редакции ходила байка. Однажды Макеев поехал в Ленинград. Там ему почему-то, пришлось спуститься в метро. И генерал-лейтенант, ничтоже сумняшеся, пошел через турникет, не скормив тому пятака. Робот больно двинул его по лампасам. Так наш Главный узнал, что проезд в общественном транспорте СССР платный. Раз – другой в год Макеев выезжал за границу. Причем, не в какие-то там босяцкие Монголию или Болгарию, а в жирные капстраны. Как-то, возвращаясь из-за рубежа, Николай Иванович попал в авиакатастрофу и лишь чудом остался жив (ему помогла спастись женщина-партизанка, ставшая потом сестрой по жизни). И без того мощный, парадоксальный ум Макеева, после катастрофы приобрел еще и некоторую элегичность. Он чаще стал вспоминать о Библии, об Экклезиасте, о том, что всё суета...

Вот любимчиков в редакции Николай Иванович имел. Сильно не напрягаясь, навскидку, могу вспомнить некоторых из них: полковники Вячеслав Гаврилин, Михаил Ребров, Александр Беляев, подполковники Валерий Манилов, Владимир Возовиков, Юрий Беличенко, капитан 2 ранга Сергей Быстров. О том же Гаврилине, к примеру, злые редакционные языки судачили, что он-де после каждой поездки за рубеж привозил Макееву «авторучку, завёрнутую в персидский ковёр». Говорят, что и в гости они друг к другу ходили. Чего не знаю, того не знаю. Зато мне точно ведомо, что Вячеслав Михайлович сносно владел несколькими языками, побывал более чем в ста странах мира, освещая различные спортивные состязания. Уйдя из «Красной звезды», возглавил «Советский спорт». Был заместителем председателя Госкомспорта СССР по международным вопросам, вице-президентом Национального олимпийского комитета СССР, первым вице-президентом Международной ассоциации спортивной прессы.

Валерий Леонидович дослужился до генерал-полковника – первого заместителя начальника Генерального

штаба ВС РФ. Михаил Фёдорович возглавлял у нас единственный в стране и в мире отдел науки, техники и космонавтики. Любимец Сергея Королёва, он прошёл полный курс подготовки для полётов в космос. Написал более полусотни книг. Признанными советскими писателями были Александр Павлович и Владимир Степанович, а Юрий Николаевич по праву считался у нас одним из лучших военных поэтов. Выходит, на поверку, что Николай Иванович попросту «питал слабость» к людям умным, не стандартно мыслящим, самородкам. Наверное, потому, что сам таким был.

Из высказываний Макеева: «История наша щедра на всё: на правду и ложь, на пепел и огонь. Для «Красной звезды» мы должны брать огонь». «Если голова у человека сидит крепко на плечах, то соображает она в разных направлениях и довольно эффективно» (о сотруднике полковнике Безродном). «Логикой, Захарчук, увы, ваша мысль не оплодотворена и потому она рыхлая». «Сначала надо определить: этот сотрудник задист или не задист (в смысле отсталый или передовой – М.З.). А потом уж воздадим ему должное». «Я не помню, кто это сказал, но лучший способ не промахнуться - вообще не замахиваться». «Захарчук, а вы пробовали прочитать этот материал глазами супостата? Нет? А это иногда полезно проделывать». «Военное дело, как говорил Драгомиров, скорее, волевое, чем умовое. Но у вас оно – чумовое». «Я думаю это следует уточнить, в смысле, – выбросить». «Коль редактор трусоват, каждый будет виноват».

В поздравительной телеграмме в адрес «Красной звезды» по случаю награждения её орденом Ленина великий русский писатель, Герой Социалистического Труда, лауреат Нобелевской премии Михаил Шолохов написал, что гордится своим сотрудничеством с такой замечательной газетой. А ещё гордится тем, что её возглавляет его земляк.

Бывший заместителем у Макеева, генерал-майор Иван Сидельников написал о своём начальнике: «Тридцать пять лет я работал под началом Николая Ивановича, в одной, так

сказать, упряжке. В отношениях со мной, как и со всеми офицерами, сотрудниками редакции всегда он оставался таким же внимательным, доброжелательным, чутким к нашему духовному настрою и состоянию, одинаково уважающим человеческое достоинство руководителя отдела и литературного секретаря, машинистки и корректора, библиотекаря и фотографа, линотиписта-наборщика и печатника. Нисколько не погрешу против истины, если скажу: Макеев был для всех нас образцом порядочности, совестливости, принципиальности, светлой и благородной духовности. Его порой жесткая, но всегда справедливая, осмысленная требовательность к нам по работе, по исполнению воинского долга сочеталась с искренним, идущим от сердца стремлением оградить нас от налета благодушия, самоуспокоенности. В моем дневнике есть запись по этому поводу: "Все больше и больше убеждаюсь: Главный совершенствует нас не окриком, не разносом, а терпеливым убеждением".

К 100-летию со дня рождения Макеева мой бывший редактор по отделу полковник Виталий Мороз написал в «Красной звезде» большой очерк о нашем Главном. Заканчивается он словами: «Тридцать лет оставаться на посту главного редактора центральной газеты в XX веке, работать под присмотром пяти очень разных по характеру министров обороны – это, как считают, своеобразный рекорд. В новое время, когда у руководителей средств массовой информации совершенно иной правовой статус, он, можно полагать, будет побит. Но в истории отечественной журналистики вряд ли будет другой редактор, заслуги которого были бы столь высоко оценены государством. Среди наград Николая Ивановича Макеева десять орденов: Октябрьской Революции, Отечественной войны I и II степени, два - Трудового Красного Знамени, три - Красной Звезды, «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» III степени и «Знак Почёта». Нет, не одними выговорами обозначен творческий путь многолетнего руководителя «Красной звезды». Высшей же наградой для

Николая Ивановича было искреннее уважение в журналистском сообществе. Память о нём светла».

Святая правда. За всю историю «Красной звезды» лучшего редактора, нежели Макеев она не знала. И могу смело утверждать: судя по всему, знать уже не будет никогда.

БОЕВОЙ ЗАМ СИДЕЛЬНИКОВ

Генерал-майор Иван Иванович Сидельников в мою бытность отвечал в «КЗ» за подбор и расстановку кадров. А ещё – за связи с ЦК КПСС и за отдел пропаганды, поскольку долгое время сам его возглавлял. Общался я с ним мало, но практически каждый мой контакт с этим большим начальником оставлял в памяти весьма заметный след.

Ну как забудешь такое. Сидельников дежурит по номеру. В моём материале обнаруживает какую-то ошибку или неточность – ныне уже не вспомню. Вызывает меня и моего редактора по отделу Мороза. Идёт въедливая разборка. Виталий Иванович вскакивает со стула и, почти рыдая, жалуется редакционному кадровику на никудышного сотрудника, то бишь, на меня:

- Ну, не могу я работать с ним, Иван Иванович, больше не могу-у-у! Вы понимаете? Ну, совсем не тянет парень!

- Виталий Иванович, вы успокойтесь, водички выпейте. Ничего страшного не произошло. Ошибиться может каждый, а уж тем более такой сотрудник, как капитан Захарчук. Он же без году неделю в редакции. Вы уж ему помогите встать

Иван Иванович Сидельников (справа), став замом главного редактора, передал руководство ведущим в газете отделом пропаганды Николаю Алексеичу Шумихину (слева).

на ноги. Это ваш офицерский и партийный долг. Всё. Оба свободны.

То есть, читателю моему должно быть понятным то, что я понял уже к концу первого года службы в отделе вузов «Красной звезды». А именно, уразумел я, что с Морозом каши не сварю. Хорошо, если вообще на краснозвездовской кухне останусь. При всем своем незлобивом характере, Виталий Иванович нет-нет, да и постукивал руководству на бездарного, профнепригодного, но амбициозного Захарчука. И всякий раз, начиная с малой жалобы, постепенно распаял себя, превращаясь в самого обиженного человека в «Звезде» исключительно через то, что приходится ему работать с такой бестолковостью и бездарью, как я. Так что предложение редактора отдела информации полковника Валентина Шалкеева о переходе к нему я воспринял как манну небесную. Собственно, ею она и оказалась при дальнейшей нашей совместной работе.

Быстро я стал заместителем редактора по отделу. А уж материалы выдавал на-гора такие, что до сих пор вспоминаю о них с гордостью. Не хвастаюсь. Так оно и было. До сих пор живы, слава Богу, некоторые мои соратники по «Красной звезде». В том числе и Шалкеев. Они, как говорится, соврать автору не дадут. Ну чего стоит, к примеру, мой двухполосный материал «На берегах могучего Енисея», написанный с родины Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Константина Устиновича Черненко. Причём, этим материалом мы с редактором отдела Шалкеевым решили преподнести главному своеобразный сюрприз за то, что он нас однажды обвинил в отсутствии журналистского нюха, поиска и прочих грехах. Поэтому, грубо нарушив каноны «Красной звезды», без консультаций и разрешений через помощника Генсека Фёдора Петрова подписали мой материал у самого Константина Устиновича.

Ну, а дальше – цитата из моей книги «Встречная полоса. Эпоха. Люди. Суждения»: «Рукопись с высочайшим авторграфом произвела на главного, на членов редакционной коллегии эффект разорвавшейся бомбы. Кто давал указания, кто позволил Захарчуку без спроса ехать в командировку и гото-

вить т а к о й материал, наконец, кто разрешил автору через голову руководства бывать в Центральном Комитете партии? Особенно негодовал и бесился, конечно же, заместитель главного редактора генерал-майор И.И. Сидельников. Как уже говорилось, он был ветераном газеты, правой рукой Макеева и считался главным краснозвёздским идеологом. Как Маша Троекурова сношалась с Дубровским посредством дупла, так все работники газеты обязаны были контактировать с ЦК только через Сидельникова. Он сам этот статус-кво больше всего оберегал, и я, стало быть, нанес по нему сокрушительный удар.

Маленький, комедийный в своей не возрастной живости, генерал кипятился, как самоварчик, а мне впервые в жизни его гнев был до Фенимора Купера. Плевал я на него с высокой колокольни, поскольку твердо знал: генерал ничего не добьется. Будет мой материал напечатан, как и предыдущий, без малейшей правки, потому что на его последней, девятнадцатой странице стоит аккуратная и очень симпатичная закорючка «Кучер» с датой. И это такой монолит, о который ты, старая перечница, так много попортившая мне нервов и крови, расшибешь свой медный лоб! Так я злорадно про себя рассуждал и, конечно же, не ошибся. Неистовые доказательства Сидельникова того, что публицистика Захарчука – скучна, сплошь состоит из пустых шаров, никакого действия не возымели. Молчал мудрый змий Макеев, помалкивала братия из редколлегии. Только на этом мои приключения, связанные с Генеральным секретарём ЦК КПСС не закончились. Ибо, что хотел я, то и получил в результате непомерно разросшихся амбиций и притязаний.

Мне предложили оказать литературную помощь в написании воспоминаний о сестре Генсека Валентине Устиновне Черненко. Руководствуясь по тем временам железным девизом: «Если партия прикажет писать стихи, надо ответить – есть», я сразу взялся за дело. Сестра Генсека лежала в главном корпусе знаменитой ЦКБ в 494-й палате. Когда я вошел, Валентина Устиновна лежала под капельницей. Хотел уже ретироваться, но больная тихим, треснувшим голосом приказала: «Посидите, пока уберут капельницу».

Потом мы разговаривали с полчаса. Обсудили в общих чертах, как будет выглядеть книга воспоминаний Валентины Устиновны, которую она, оказывается, уже набросала. Мне, стало быть, надо лишь чуть-чуть ее подправить в литературном плане. На прощание она вручила мне свою рукопись в толстом блокноте с красивым переплетом. Естественно, я полистал его еще в метро, более детально проштудировал дома, и меня охватили тоска, уныние, даже страх. Примерно, на ста страницах блокнота содержались фрагментарные записи, сделанные корявой старческой рукой глубоко больного человека, который, вдобавок, не обладал даже зачатками умения грамотно и внятно излагать свои мысли. Сами мысли при этом являли уровень стенной газеты тридцатых-сороковых годов. Валентина Устиновна, например, на полном серьезе писала: «Как хорошо, как здорово, что мы живем в великом Советском Союзе, которым руководит наша мудрая Коммунистическая партия во главе с верным ленинцем К.У. Черненко! Я бесконечно счастлива, что была делегатом XXV съезда партии. Это самое замечательное событие в моей жизни... Все, за что мы воевали и боролись - свершилось и за это надо благодарить рудную Коммунистическую партию во главе...». И дальше шли бесконечные титулы ее брата.

Сидел я над закрытым блокнотом, смотрел на его дорогой переплет и думал, что кур во щах, должно быть, испытывает такое же состояние. Не представлял я себе даже приблизительно, как можно из этих, так называемых воспоминаний, сделать не то что книгу – газетную публикацию. Положение мне казалось совершенно безвыходным, и я откровенно тухнул. И совершил поступок, от которого до сих пор стыдно. И если бы его можно было вычеркнуть из своей жизни – сделал бы это с превеликим удовольствием. Но – невозможно. На следующий день я пошел к И.И. Сидельникову и обречено стал его просить о помощи. Говорил о том, что вот-де попал в труднейшее положение, не справлюсь со столь ответственным поручением, как написание книги. Так что, елико возможно, пусть, мол, за это дело возьмется кто-то из краснозвездцев поумнее, поопытнее, поспособнее меня. Сидельников смотрел на меня не как солдат, а как генерал на вошь:

- Вы что, не в своем уме? (А раньше всегда ко мне на «ты» обращался). Да как вы вообще могли прийти ко мне с подобным предложением? Это – сестра Генсека. Вам поручено на самом высоком уровне работать с ее воспоминаниями – работайте. Нужна будет помощь – окажем, а на большее не рассчитывайте.

На том и расстались. Мне ничего другого не оставалось, как впрягаться в новую, доселе неизвестную работу. И тут генеральский отлуп подействовал мобилизующе и отрезвляюще просто потому, что и от хорошего пинка мы иногда обретаем крылья и взлетаем. Рукопись я, конечно же, подготовил. Однако Генсек Черненко приказал долго жить и нашу с его сестрой писанину издательство выбросило на свалку истории. Признаться, мне жалко, что книга света не увидела. Там было много чего такого, что уже никогда не станет достоянием той самой истории. А хорошо это или плохо, уже не мне судить.

Ещё одна встреча с Иваном Ивановичем крепко мне запомнилась. Все годы службы в «Красной звезде» я постоянно мечтал об отделе литературы и искусства. Очень много писал по этому отделу. Поддерживал со всеми его сотрудниками, особенно с редактором полковником Юрием Беличенко тесные, не побоюсь этого слова – товарищеские отношения. Но ближе всех в отделе я сошелся с Эрнстом Михайловым, который отвечал за музыкальные и драматические коллективы, как военные, так и гражданские. Не смотря на разницу в возрасте, мы очень крепко дружили. По заданию Эрнста Борисовича я часто писал короткие рецензии на спектакли, печатал через отдел многие свои интервью с известными деятелями культуры. Обильно всегда обмывалась каждая моя публикация. И тогда Михайлов «ставил заезженную пластинку»:

- Юра, ну, сколько можно терпеть эту неустраиваемость. Вакансия у нас есть, а Мишель уже давным-давно готов работать в отделе. Ты посмотри, какие материалы мужик приносит. Это же загляденье! Но даже, если, предположим самое худшее, у него на первых порах не все будет получаться – я готов взять над ним шефство полностью.

Дальше шли хмельные перечисления моих достоинств, вплоть до умения пить много и не пьянеть. Беличенко приглушенно хмыкал в свои моржовые усы, ничего конструктивного не предлагая. И наступило время, когда милостиво заметил:

- Ну, хорошо. Ты меня убедил, я согласен. Пусть наш Мишель идет к Ваньке (так мы величали Сидельникова за глаза - М.З.) и просится в наш отдел.

На второй руководящий этаж я спланировал словно на крыльях. Которые генерал тут же мне подрезал:

- Ты что с дуба свалился? Ну, какой из тебя, к чертям собачьим, работник отдела литературы и искусства? Книжки что ли пишешь или в музыке соображаешь? Сидишь в информации, над тобой не капает, и сиди, не высывайся, дурака не валяй.

Как только уволился Макеев, за ним тут же последовала очередь и Сидельникова, который пересидел уже все мыслимые сроки. С газетой Иван Иванович не прерывал связей до самой своей смерти. А умер он на 101 (сто первом!) году. Помню я его очень обстоятельный портретный очерк о нашем Макееве, с которым они вместе прослужили 35 лет! Вообще перо в руках генерал держал очень уверенно и в некотором смысле даже необычно. Совершенно случайно я вдруг узнал, что он в молодости писал стихи. Ну, писал и писал. Кто в юности не балуется стихоплётством. Но вот то, что уже будучи в глубокой отставке Сидельников сочинил свой вариант Гимна Российской Федерации стало для меня откровением полным. Причём текст Сидельникова преодолел все стадии отбора и вошел в пятерку наиболее приемлемых для обсуждения! У Государственного Гимна в конечном итоге другие слова, но и торжественную оду Ивана Ивановича фронтовика всегда встречали аплодисментами.

...Наш генерал от печати родился в селе Софиевка Днепропетровской области. Работал в колхозе, учился в Днепропетровском государственном университете. Зимой 1940 года его призвали в танковые войска. Потом попал в дивизионную газету «За отвагу» благодаря тому, что писал туда свои стихи. Воевал на нескольких фронтах. Дошел до Берли-

на. После войны окончил курсы переподготовки военных журналистов при Военно-политической академии имени В. И. Ленина. До 1985 года работал заместителем главного редактора газеты «Красная звезда». Награждён двумя орденами Отечественной войны II степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За взятие Кенисберга», «За Победу над Германией». Написал две книги. Вместе с женой – Верой Петровной – вырастил трёх дочерей, одного внука, две внучки и шестеро правнуков.

Достойный след оставил на земле русский генерал Иван Иванович Сидельников.

ЧУПАХИН – ПЯТНАДЦАТЫЙ РЕДАКТОР

На снимке слева направо: майор Житников, капитан-лейтенант Чупахин, капитан Захарчук.

За почти что столетнюю историю главной военной газеты Советского Союза и России – «Красной звезды» – её творческим коллективом руководили шестнадцать ответственных и главных редакторов. Люди то были разные, но всегда – необычные, нестандартные, чем-то выделяющиеся из массы себе подобных. И длительность их пребывания на вы-

соком посту исчислялась по-разному. Например, первый ответственный – Антонов-Овсиенко Владимир Александрович – просидел в кресле чуть больше месяца. А тринадцатый главный – генерал-лейтенант Макеев Николай Иванович – руководил «Звёздочкой» тридцать лет с гаком.

На долю пятнадцатого главного капитана 1 ранга Чупахина Владимира Леонидовича выпали самые смутные шесть, так называемых постперестроечных лет, прозванных в народе «лихим ельцинским временем». В тревожный поставгустовский период славная история «Красной звезды» висела на волоске и вполне могла оборваться. Белодомовских реформаторов, как и нынешних укробандеровцев, до желудочных колик раздражал красный цвет, вообще вся советская символика. После краха ГКЧП, выступая на заседании Верховного Совета РСФСР, генерал-ельцинист Д.А. Волкогонов вынес приговор: «Красная звезда» идеологически готовила путч и её поэтому надо переименовать». Безбашенные горе-реформаторы пошли дальше своего вождя и предложили газету вообще ликвидировать, издавая вместо неё «бюллетень» для публикации приказов. Тогда Чупахин лично подготовил и отправил в различные инстанции свыше полусотни писем и справок в защиту бренда «Красной звезды». Многажды выступал по этому поводу и в одиозной Комиссии по ликвидации политорганов. К осени 1991-го ему удалось отбиться от лютых волкогоновских пираний. Однако, к маю 1992-го, когда Российскую армию возглавил Павел Грачев, вопрос с переименованием встал ещё с большей остротой. «Доброжелатели» наперебой твердили министру: в новой армии всё должно быть по-новому, в том числе и название военной газеты. Грачев вызвал Чупахина: «Есть предложение вместо «Красной звезды» выпускать «Армию России». Как вы на это смотрите?» - «Плохо смотрю, Павел Сергеевич. Вот вы награждены орденом Красной звезды. Он для вас устарел, девальвировался?» - «Но-но, редактор! – Грачев набычился. – Ты орден не трожь! Это моя первая боевая награда, омытая кровушкой

моей. В тех боях, за которые мне её дали, я дважды ранен был. Это гордость моя». – «Название газеты, товарищ министр обороны, тоже омытое кровушкой десятков фронтовых корреспондентов. Многие поколения людей в погонах «Красную звезду» читали, уважали и почитали. И сегодня это всё никуда не делось. Ибо «Красная звезда» ведь не только газета. Это история Армии и Флота, их традиций, душа Вооружённых Сил, если хотите» – «Душа, говоришь,- Грачёв почесал свою большую, почти квадратную репу. – Ну ладно. Какие ещё у тебя вопросы?» - «Вот на этом свежем номере «Красной звезды» утвердите её новый статус: «Центральный орган Министерства обороны РФ». Грачёв размашисто расписался, и с той поры уже никто на бренд «Красной звезды» не покушался. Благодаря главному её редактору. Дрогни он, и мы бы уже забыли, что была такая газета.

Той же весной 1992 года Владимир Чупахин совершил, если так можно выразиться, и личный подвиг, защитив на страницах вверенной ему газеты святое для него понятие. Он выступил с большой публицистической статьёй «Патриотизм всегда был и будет великой ценностью нашего народа». Сегодня, когда слово «патриотизм» звучит чуть ли не из каждого «утюга», очевидной до банальности кажется мысль о том, что армия может строиться только на патриотической идее. Но весной 1992-го само это слово тщанием сонма либерастов считалось опасным и даже запретным. Тот, кто его употреблял, мгновенно становился «красно-коричневым», «коммунофашистом», «ретроградом» и «подлым совком». Главный редактор «Звёздочки» не побоялся пойти наперекор дурному, навязанному обществу тренду. Ещё он из номера в номер публиковал в пику тогдашнему министру иностранных дел А.В. Козыреву, утверждавшему, что никаких таких особых национальных интересов у России нет и быть не может, обстоятельные материалы солидных авторов как раз под рубрикой «Интересы России». Эта газетная акция возымела своё действие. Со временем даже спичрайтеры Ельцина стали впи-

сывать в его речи вполне патриотические формулировки, дословно взятые из «Звёздочки».

Вообще военные журналисты той поры, ведомые капитаном 1 ранга Чупахиным, чем-то напоминали спасателей, которые ходят среди руин обрушившегося здания и ищут: не остался ли кто-то живой, не уцелело ли что-то ценное. Понятно: не о людях и вещах тут речь. Они искали в том безвременье уцелевшие смыслы, идеи, традиции, и, насколько хватало умения, возможностей, пытались их спасти. Например, самоотверженно боролись за право отмечать традиционный праздник 23 февраля. Так в 1992 году «Красная звезда» стала единственной центральной газетой, которая посмела выйти с праздничным номером. Остальные либо промолчали, либо витиевато предлагали заменить «советский атавизм» новым праздником, скажем, приуроченным к дате Куликовской битвы. Многие просто издевались над «красной датой» календаря. А московские власти вообще устроили на улицах столицы избиение людей, пожелавших возложить цветы к Могиле Неизвестного солдата. И «Звезда» отреагировала жёстко: «Спасение России в – единстве. Для политиков – в омовских дубинках?». Потом военные журналисты ещё не раз возвращались к означенной теме. Во многом благодаря им, уже на следующий год «День защитника Отечества» стал официальным праздником.

В сохранении Мемориального Комплекса на Поклонной тоже львиная доля принадлежит краснозвёздцам. Не многие сейчас помнят, что в начале 92-го дельцы-строители сознательно превратили возведение комплекса в долгострой, чтобы выгодно его продать. По зданию административного корпуса даже объявили аукцион. «Красная звезда» ударила в набат: «Памятник Победы пытаются продать с молотка. Что же мы делаем со своей Историей?». Лишь после этого Грачев и Лужков наведались на стройку и решили: к 50-летию Победы все работы закончить.

«Горячие точки» и Чечня стали для журналистов «Красной звезды» непрекращающимися кровоточащими ранами. После трагического штурма Грозного, когда вся мощь либеральных СМИ – и печатных, и электронных – обрушилась на бедную армию, в который раз жестоко подставленную ельцинскими политиками, «Красная звезда» выходила долго с одной и той же «шапкой»: «Воинам России сегодня очень нелегко. Россияне, поддержите своих сыновей!». Среди центральных изданий «Звезда» оказалась единственной в этом сострадательном стремлении.

В феврале 1995-го Российско-американский информационный пресс-центр провёл социологическое исследование по освещению чеченской войны. Собрали главредов центральных газет. В ходе жарких дискуссий больше всех досталось Чупахину за то, что его газета ведет одностороннюю линию, показывая в выгодном свете только федералов. Владимир Леонидович долго слушал проамериканских витий, а потом ответил нападавшим: «Это для вас российские военные – «федералы». А для нас они – «наши войска», «наши ребята», «наши сыновья». Дудаевцы же – враги и бандиты. Это ваши корреспонденты могут быть на той и другой воюющей стороне. Но я не могу даже представить офицера-краснозвездовца в расположении Дудаева. Он может быть там либо пленным, либо расстрелянным. Мы – газета воюющей армии, из чего и исходим. И сражаемся мы не за Ельцина и не за Грачева. Мы воюем за тех офицеров и солдат, которые сейчас каждодневно рискуют своими жизнями там, на передовой. Солдат войны не выбирает. Не по его воле любая война начинается, не служивому человек приходится выбирать, в какой именно войне ему участвовать: большой или маленькой, знаменитой или не знаменитой, славной или оболганной. Есть воинский долг – он должен быть исполнен».

Острейший кризис с самого начала «шоковой терапии», вопиющее «недофинансирование», многомесячные задержки зарплат, нехватка всего необходимого для жизни и даже для

смерти начались при Грачёве, но максимальную остроту социальные проблемы приобрели при министре обороны И.Н. Родионове. Редакцию захлестывал вал отчаянных писем от военнослужащих и членов их семей. Газета публиковала их целыми полосами под «шапкой» «Так жить и служить нельзя».

Вот, что написал об этом периоде в своих воспоминаниях «Звёзды, пронесенные через ад» отважный и честный министр обороны Игорь Николаевич Родионов: «Вызываю к себе главного редактора "Красной звезды" Чупахина. В конце нашей беседы мы были единодушны в том, что социальная, моральная, нравственная атмосфера в армии и на флоте накалена до предела. Нужны действенные меры. Редактору говорю о том, что со стороны Минобороны снимаются все ограничения на публикацию информации, писем, сообщений из частей и гарнизонов, повествующих о реальном состоянии морально-нравственного климата, боевой подготовки, дисциплины и всего прочего, бытового. Где-то через месяц мне звонит Чубайс, первый вице-премьер: "Игорь Николаевич, в последнее время я боюсь брать в руки "Красную звезду". Я вас прошу принять меры по ограничению публикации этого ужасного негатива". Я ему отвечаю: "Мне приятно слышать, что вы стали читать "Красную звезду", и, если для того, чтобы сообщить об этом, звонит первый вице-премьер, значит, газету стали читать и в правительстве. Но запретить публикации, сменить их тон и направленность я не могу, т.к. настоящее положение дел ещё мрачнее и улучшения не видно. Я прошу вас понять обстановку в армии и на флоте в связи с многомесячными невыплатами и реально поправить ситуацию, так как она уже выходит из-под контроля».

За время своего редакторства Владимир Чупахин написал добрую полусотню наградных представлений. Подчинённые получали ордена, а он сам... выговоры. Пару из них достались от Грачёва. Остальные пять получил при министре И.Д. Сергееве с подачи начальника управления информации генерал-майора А.Ф. Шаталова. Тот, выполняя задание Чу-

байса, стремился подмять под себя «Красную звезду» и устранить неугодного главреда. Выговоры с лишением Чупахина денежного вознаграждения стали сыпаться как из рога изобилия. Один из них объявили... за публикацию снимка, снятого в таком ракурсе, что фуражка главкома ВВС П.С. Дейнекина, находившегося на первом плане, выглядела большей по размеру, чем фуражка министра Сергеева. Шаталов лично измерил линейкой фуражки и убедил министра утвердить выговор.

...Давно уже и очень настойчиво я понуждаю Володю описать его редакторские годы. Отнекиваясь, он говорил: «Знаешь, почему я не хочу писать воспоминания? Честно говоря, единственный в них смысл – сказать доброе слово о людях, которые были в ту сложную пору рядом со мной. Но они и так знают, как я им благодарен, как люблю и ценю. Что касается самой истории главредакторства, у нее нет самого главного – хэппи-энда. Это были годы безнадежной борьбы за спасение бренда «Красной звезды», сохранение лучших творческих сил и общественно-политической значимости газеты. Из трех задач, по существу, решена лишь одна – бренд спасли: «Красная звезда» по названию осталась «Красной звездой». А толку? Ведь творческий коллектив к середине 90-х стал крошиться на глазах. Лучшие журналисты приходили со смущенными лицами и говорили, что одного позвали в такое-то издание на тысячу долларов, другого – на полторы и так далее. Что я мог возражать им при нашей-то нищете?

В астрономии, говорят, есть звезды красного цвета – это те, которые убегают, удаляются от нашей галактики. Я не хочу писать о том, как убегала и продолжает убегать от нас та славная, любимая армией и народом «Красная звезда», которая многие десятилетия была в ряду самых первых газет страны и по тиражам, и по влиянию. Это было бы слишком грустное повествование, без позитивного опыта».

Ну, насчёт звёздных аллегорий это у Чупахина, по моему, славно получилось, а во всём остальном он категори-

чески неправ, и ценой титанических усилий мне всё же удалось это ему доказать. Так что на сегодняшний будничнейший день Владимир Леонидович вполне успешно продвигает рукопись о своём главредаторстве, а я написанное читаю. Надеюсь, к следующему юбилею она как раз поспеет и станет тем самым дорогим яичком к Христову дню. А пока что объяснюсь с уважаемыми своими читателями, почему позволяю себе определённое запанибратство с одним из главных редакторов главной военной газеты России. Смею утверждать: имею на это право.

Мы с Володей – однокашники по факультету журналистики Львовского высшего военно-политического училища. Сидели рядом за учебными столами, ели из одного котелка, спали в одной палатке, плечом к плечу шагали в парадных коробках, гуляли по древнему Лембергу. Спустя многие годы, вместе работали в «Красной звезде». Потом оба стали главными редакторами. Ещё наш курс дал два ответственных редактора – Владимир Чилигин и Валерий Бунин. Мы с Чупахиним дружим до сих пор. На склоне лет у меня никогда не исчезает стойкое желание видеться с Володей. Верится, что и ему не прискучили наши регулярные – два раза в год – счастливые встречи. Обычно он приезжал ко мне весной, а я к нему – осенью. Ковид проклятый сменил наш устоявшийся алгоритм: весна стала моей, а осень – его. Вот и недавно Чупахин гостил у меня. Как там у Булата Шалвовича: «Божественной субботы/ хлебнули мы глоток./ От празднеств и работы/ закрылись на замок». Изрядное число тем, как всегда, мы вдвоём обсудили. Повспоминали нашу великую, славную и всенародно когда-то любимую газету «Красную звезду». Не спорили. Потому что, как правило, смотрим уже на сермяжное бытие наше под одним углом. А потом, младше меня по возрасту, Володя всегда старше выглядит по восприятию всего того, что происходит с нами, вокруг нас. Не случайно многие годы, если не десятилетия, им, как теодолитом, я поверяю все свои бытовые, но особенно творческие проблемы. И ещё

ни разу он не дал мне не верного, тем более вздорного совета. Иметь такой выверенный временем жизненный эталон – это дорого стоит. Человек громадного творческого потенциала Чупахин вдобавок ещё получил великую редакторскую школу от своего предшественника генерал-лейтенанта Панова Ивана Митрофановича.

Теперь о Фортуне. В знаменитом многосерийном англо-американском фильме «Рим», на всякий случай, лучше историческом сериале всех времён и народов, есть такой эпизод. Перед великим Юлием Цезарем предстают два провинившихся легионера Люций Варена и Тит Пуло. Они отпустили на волю Помпея. Цезарь, выслушав объяснение Варены, тоже отпускает воинов. На что возмущённый Антоний говорит: «Он позволил улизнуть Помпею, а ты даруешь ему жизнь? Да его следовало бы примирено наказать!» – «Любого другого, кого угодно – наверняка, – отвечает полководец. – Но этих двоих... Они вернули похищенного орла. Они выжили после морской бури, в которой погибло всё войско и на песочке повстречали Помпея. Их оберегают могущественные силы. И я не посмею поднять руку на человека с такими покровителями».

У каждого из нас, наверное, есть (или должен быть) ангел-хранитель, представляющий некие Высшие Силы. Им по логике вещей просто некуда деваться из нашего бытия. Но встречаются и люди, которых Провидение опекает с особым пристрастием. Вот Володя Чупахин – один из таких любимцев Фортуны. Более полувека назад он стал единственным среди нас курсантом факультета журналистики уже упомянутого училища, ни дня не послужив срочной. И он бы никогда не поступил туда – в те времена в ЛВВПУ принимали исключительно и только солдат, сержантов срочной службы. Однако за него, как утверждала курсантская молва, ходатайствовал сам легендарный Маршал Будённый. Та молва, как и положено всякому слуху, оказалась достоверной лишь наполовину. Много лет спустя мне станет известно из первых уст, как всё обстояло на самом деле. Отец Володи дружил с писателем Александром Золототрубовым, написавшим книгу о

Будённом в серии ЖЗЛ. Ну и попросил приятеля, чтобы тот поспешествовал старшему сыну стать военным журналистом. Александр Михайлович искренне подивился: «Лёня, но ведь твой Володя врождённый математик. Все сева­стопольские олимпиады выигрывает. Ему прямая дорога в Бауманку». – «Да какая там Бауманка. Ему надо продолжать наше с тобой дело. Только вот за­кавыка: во Львовское училище на факультет журналистики принимаются исключительно послужившие юноши». Вот тогда озадаченный писатель Золототрубов и поговорил с Семёном Михайловичем. Тот, подумав, заметил: «Задача не так проста, как на первый взгляд кажется. Но мы её решим с помощью моего сослуживца конника». Им оказался, на всякий случай, тогдашний министр обороны СССР, Маршал Советского Союза Андрей Антонович Гречко. Вот так два выдающихся советских военачальника и оказались «повивальными бабками» будущего главреда «Красной звезды». И кто-то мне ещё будет говорить, что тут Высшие Силы не при чём?

Но и это ещё не весь сказ об особо нежной приверженности госпожи Фортуны к Чупахину. В конце первого своего курсантского года я впервые в жизни написал заметку в «Красную звезду» под символическим заглавием «У них на плечах погоны». То был простенький, незамысловатый рассказ о четырёх товарищах однокурсниках – Толе Боровкове, Вите Родине, Васе Бейдине. И – о Володе: «На него мы смотрели насторожено и даже немного недружелюбно. Володя Чупахин действительно выглядел маменькиным сыночком. В армии он не служил и потому даже портянки не умел правильно наворачивать. Он пришёл в училище, что называется, прямо со школьной скамьи. Ещё на выпускных экзаменах все мальчишки из его класса решили поступать в военные училища. Семерым, в том числе и ему, посчастливилось. Сначала было трудно. Ведь почти год приходилось всегда в чём-то догонять своих сокурсников. Он понятия не имел о строевой подготовке, тогда как для многих в группе это был пройден-

ный этап. Он никогда раньше не стрелял из автомата, не стоял на посту. Много чего он не знал. Но старания этому парню было не занимать. В первом семестре второго курса комсомолец Чупахин стал отличником. У него – большое будущее».

Разумеется, я не столь наивен, чтобы ставить себя на одну доску с прославленными маршалами. Но не кажется ли вам, уважаемый читатель, что и моей рукой, как и маршальскими закалёнными в боях дланями, водили некие Высшие Силы? Ведь тогда на нашем курсе учились 63 человека, и выбор у меня был просто-таки огромен. Но я остановился на Володе. Кстати, много лет спустя, когда мы с Чупахиным в капитанских званиях оказались в «Красной звезде», я спросил: «А ты хоть знаешь, что я тебе предсказывал большое будущее» - «Когда это было?» - «Да ты, поди, и не читал моей заметки в «Красной звезде»? Точно – не читал. Спустились мы в библиотеку, достали подшивку за 1971 год. Володя пробежал по диагонали мою заметку и удивился: «Ну, ты, конечно, не Нострадамус, но тоже Мишель. Потому как я действительно видел свой потолок сродни отцовскому: заместитель редактора флотской газеты. Если, конечно, очень повезёт – ответственным редактором. Всё. На «Красную звезду» даже в самых сокровенных мыслях не посягал» - «Подожди, ты ещё её возглавишь» - «Захар, хватит тебе...». Дальше последовал инфинитивный глагол, который печатно и поныне не воспроизводится. Как уже известно, спустя десяток лет моё шутейное предсказание сбылось с пугающей нас обоих точностью.

...У меня есть слабость: какая-то «растиньячная бальзамовская» тяга к общению с умными людьми. Встречал их много на длинных жизненных расстанях. На курсантской скамье такими были три Володи: Коржавых, Верховод, Чупахин. В них меня привлекали те качества, которых был лишён сам или обладал ими недостаточно. У Коржа наблюдался врождённый интеллект, подпитываемый неустанно-лютым чтением. Верховод дивил цепкостью ума, не встречающейся ни у кого среди моих однокашников. К Чупахину влекли и

его ум, не возрастная рассудительность, и более всего – паразитическая стержневая какая-то цельность и несуетность. Он всегда словно излучал надёжность и верность. С этими тремя друзьями, далее, я никогда не чувствовал своего превосходства, той особой формы неловкости, когда краснеешь от простоты твоего собеседника, которая завсегда хуже воровства. Люди в массе своей чрезвычайно говорливы, а уж глупые просто фонтанируют словесами. В таких случаях я лихорадочно ищу способа выйти из беседы любой ценой. С перечисленными товарищами этого никогда не случалось. Притом, что недостатки каждого мне всегда были видны, как на лопате. Только о них думалось в третью, в четвёртую очередь. А на первом месте всегда стояла их интересность.

Другими словами, Чупахина я всегда выделял, и втайне даже завидовал той лёгкости, с которой он учился, вёл себя в коллективе, просто жил в своё удовольствие. Чего никак нельзя было утверждать наоборот. Володя меня в упор не видел. На втором курсе меня принимали кандидатом в члены КПСС. Против проголосовали семеро сокурсников. Среди них – Чупахин. Видит Бог, я тогда чуть не заплакал от досады. Ибо, повторяю, всегда определённо искал его дружбы и вдруг такой апперкот! Слава Богу, хватило ума не заикливаться на досадном поступке однокашника.

Работая вместе в «Красной звезде», мы с Чупахиним поддерживали добрые, почти приятельские отношения. Некоторое время даже дружили семьями. А потом я ушёл сначала в ТАСС, затем возглавил журнал «Вестник ПВО» и уже общались мы с Володиёв до обидного спорадически. То было как раз (не к ночи помянуто!) время «лихих девяностых» с ельцинским пьяным сумасбродством, с приходом к власти сволочных предателей козыревых, кохов, бурбулисов, абрамовичей, боровых и прочих мразей. Основные государственные скрепы трещали по швам.

Дошло до того, что главного редактора «Красной звезды» захмелевшие от шальной свободы военные журналисты

решили избирать майданным голосованием. В очереди кандидатов где-то на шкентеле стоял и автор сих строк. Однако Судьба своим непререкаемым перстом указала именно на Чупахина, единственного среди нас не желавшего садиться в редакторское кресло. И я уверен, что выбор тот тоже был не случайным. Ибо, в конце концов, в нашей жизни вообще ничего случайным не бывает...

Как уже говорилось, каждодневно воюя за газету, за людей, её выпускающих, о себе Чупахин думал в последнюю очередь. Или вообще не думал. Ибо, да будет вам известно, дорогой читатель, что за шесть лет пребывая на чистой генерал-лейтенантской должности, он так и не получил вожденных для всякого уважающего себя офицера генеральских лампасов. Это что, Фортуна облажалась, спросите вы? Наоборот, она не позволила Володе скурвиться. Сие вовсе не значит, что все генералы – нехорошие люди. Однако, стань он в их шеренгу, я бы, наверняка, потерял друга. А на фига мне это надо? Другу тоже: «Какое счастье быть не отставным генералом, а обычным отставным каперангом. В Совете Федерации готовили важный «круглый стол», за который отвечали два помощника сенаторов – я и бывший командующий округом, генерал-полковник. Ныне мы были в равной ипостаси, но выполняли разные функции. Я писал план мероприятия и проект рекомендаций, а он, поскольку ничего этого не умел, расставлял по столам стаканы и раскладывал блокноты. А тут еще подошло время встречать внизу, на проходной участников мероприятия. С какой же мольбой и страданием генерал-полковник смотрел на меня! И я ему сказал: «Ладно, сейчас закончу последний абзац рекомендаций и пойду встречать. И в самом деле, что такого зазорного для отставного каперанга – встретить гостей? А для него, бывшего командующего, – это все равно, что в швейцары податься!»

...Нынче мы смотрим с Володей практически под одним углом на все большие и малые проблемы бытия. По возни-

кающим разногласиям всегда ударяем спасительным консенсусом. Стать мудрее мы вряд ли стали, но терпимее – точно.

Видит Бог, как я трепетно и любовно дорожу курсантским братством. Но дружбой с Чупахиным дорожу особенно. Повторюсь: иной раз мне кажется, что только он лишь один на текущем этапе моей закатной жизни способен понять и её, и меня, и всё остальное прочее, чем я дышу, пишу, надеюсь и мыслю. Это осознание – надёжный мой репер и ориентир одновременно.

ДРУГ МАРШАЛОВ БЕЛЯЕВ

Едва ли не все те, с кем посчастливилось работать в «Красной звезде», надолго, если не навсегда останутся в моей памяти. Покойный полковник Александр Павлович Беляев – безусловно, стоит на первом месте из таких дорогих мне людей. Ко мне он испытывал нежные, почти отцовские чувства, возможно и потому, что своих детей они с Екатериной Алексеевной не растили. По этой причине, скорее всего, Александр Павлович с головой ушел в сочинительство и написал свыше полусотни романов, повестей, киносценариев и пьес.

Редкий уважающий себя краснозвездовец не стремился издать книгу-другую, и многим это удавалось. Но полковник Беляев побил в этом смысле все краснозвездовские рекорды. Кроме бесспорного писательского дара, он обладал еще и исключительным даром организаторским, который приобрел, будучи порученцем Маршала Советского Союза Ивана Конева. Александр Павлович слыл лучшим другом уже литературного маршала Сергея Михалкова. С родственником последнего, знаменитым артистом, сыгравшим Гришку Мелехова в «Тихом Доне», Петром Глебовым даже не просто дружил, а был с ним не разлей вода. Вообще всех мне известных на ту пору писателей, артистов и кинорежиссеров Беляев называл исключительно ласкательными именами, чему последние не особенно сопротивлялись, наоборот, выражали удовлетворение, потому что он отличался фантастическим хлебосольст-

вом. Любой свой литературный или кинематографический успех, даже небольшой шагок вперед Александр Павлович всегда обставлял таким обильным возлиянием, что московская тусовка приходила в неопикуемый восторг. Щедростью Беляев обладал тоже неординарной. Деньги легко зарабатывал, столь же легко с ними и расставался, а добрейшая его супруга Екатерина Алексеевна еще и поощряла расточительность мужа, всякий раз пристально интересуясь, а не нужно ли тому или иному имяреку как-то помочь материально. Часто я ей звонил. И всякий раз, когда слышал её девически тонкий голосочек, ловил себя на желании попросить: «Екатерина Алексеевна, позовите, пожалуйста, Александра Павловича». Когда его хоронили, я был в афганской командировке, и поэтому дядя Саша, юморной, неунывающий толстячок, с огромной лысиной и добрыми, слегка навывкат глазами, до сих пор для меня как бы живой.

На пару с известным детективщиком Юлианом Семеновым, Беляев держал литературную мастерскую в одном из переулков возле Нового Арбата. Бесчисленное количество раз я перебивал в той квартире странного многоэтажного дома, давно предназначенного то ли на снос, то ли вообще бесхозного, но чудом сохраняемого заботливым Александром Павловичем. Дядя Саша не жалел «творческого помещения» и для моих амурных забав,

Александр Павлович Беляев

и для сугубо деловых встреч. Если только рассказать о тех людях, с которыми я общался в мастерской Беляева-Семенова

– хватило бы на добрую книжку. Между прочим, ныне известная газета «Совершенно секретно» придумана этим ческим тандемом именно на упомянутой квартире. Беляев до самой смерти был и в редколлегии уникального ческого издания. И покойный Артем Боровик никогда не гнушался обращаться за помощью к «дяде Саше».

Писал Александр Павлович свои захватывающие опусы прямо на рабочем месте, откровенно манкируя обязанности редактора по отделу критики, библиографии и обзоров печати. Он уделял этим обязанностям самый минимум внимания. Никогда не лез в газетные передовики, но и пристально следил, чтобы на оказаться, как говаривал главный, «задистом», то есть «в хвосте социалистического соревнования». При этом очень огорчался, если его кто-либо даже из начальства отвлекал от основного, сочинительского дела – стучания по клавишам электромашинки:

- Федя Халтурин развел, понимаешь, бодягу: статью ему надо углубить, расширить. Да плевать мне на его расширение, если очередная сцена не вытанцовывается!

Девичья фамилия моей жены – Беляева. Обычно ироничный человек, которому палец в рот нельзя было положить – оттяпает по самое некуда – Александр Павлович усматривал в этом факте какое-то, по его мнению, символическое значение. То есть считал, что ему как бы на роду написано заботиться обо мне с супругой и всячески помогать нам в жизни. Однажды я написал обзорный материал о телевизионной передаче «Служу Советскому Союзу!» и пропустил его через отдел Беляева. А по выходу в свет публикации оказалось, что министр обороны Д.Ф. Устинов не очень-то жалуется заведующего военной программой Центрального телевидения Михаила Борисовича Лещинского, с которым у меня только завязывались отношения. Точнее даже и вовсе не любит этого заносчивого и гонористого тележурналиста, который предпочитает не кланяться высокому военному начальству, а считает, что сам с усами. Разгорелся жуткий скандал. Был я ули-

чен в корыстных и меркантильных соображениях, поскольку руководство точно установило наличие моих приятельских отношений с Лещинским, его заместителем Львом Быковских и ведущим спецкором Александром Тимониным. (Как будто могло быть по-иному, если я сделал с тележурналистами из этой программы целый цикл передач о «Красной звезде»). Однако заслуги мои в расчет не принимались, мне грозили крупные неприятности и они, не сомневаюсь, упали бы на мою голову неотвратно, если бы не мужественный поступок Александра Павловича. Он всю вину за публикацию взял на себя, а его Макеев любил и потому только слегка пожурил: ну, как же вы не поинтересовались отношением министра обороны к этому обороту Лещинскому?

Кстати, благодаря Беляеву, я познакомился с Воениздатом и со временем стал участником многих его литературных сборников. Их на моем счету свыше полутора десятка. При чем каждую рукопись, перед тем как отнести ее в издательство, я показывал Александру Павловичу. Отложив свою работу, он тщательно и со знанием дела, правил мои опусы. Могу повторить, без преувеличения: ближе человека, чем Беляев в «Красной звезде» среди журналистов старшего поколения для меня не существовало. Виталий Безродный не в счет. Он был почти моим ровесником. Даже уйдя на пенсию, Беляев регулярно интересовался моими делами, всегда предлагал помощь практически по любой сложности в моей жизни. Мне даже было иной раз неловко оттого, что временами приносил ему лишек забот. Но дядя Саша любил повторять: «Чудак ты человек, да если бы ты был мне неприятен, я же и пальцем не пошевелил бы по твоим делам».

И только единственный раз сам Беляев попросил меня об услуге. Понадобилось ему через «Красную звезду» замолвить слово за своего давнишнего друга, но в связи с определенной ситуацией в газете, о которой нет смысла здесь распространяться, пришлось мне заняться этим делом. Так появился материал «Награда находит героя?» Со временем Ко-

лесников стал-таки Героем Советского Союза. Какую роль в этом сыграл мой материал, сказать не берусь. Грустно другое: Александр Павлович уже не смог порадоваться за своего доброго друга...

Вот высказывания, которые в свое время я записал за Беляевым: «Журналистика, братец мой, это крест, который однажды подняв, надо нести все равно куда. Даже если не видно ориентиров. / Хорошую мысль ты утопил в реке слов, и никто из твоих героев не бросил ей спасательного круга. / Пышные сравнения уже не вызывают у читателя эмоций. Гораздо более впечатляют факт. Впрочем, они всегда впечатляли. / Ты думаешь, Мишель, что трудности – голод, холод. Это, братец, неудобства. Настоящая трудность, когда ты на х...й никому не нужен. / Все бывает, как бывает, а не так как тебе хочется. / Да, я хороший человек. Но это не специальность, и деньги за это не платят. Надо, брат, очень много работать, чтобы иметь деньги и о них не думать. / Я физически слышу скрип твоих мозгов. / Обычно говорят, что недостатки – продолжение достоинств. О Епишеве я этого сказать не могу. / Глуп тот, кто ставит на "решку", не умнее и тот, кто ставит на "орла". Умный человек, Миша, вообще никогда не спорит, потому что, откровенно говоря, в споре рождаются только спорные истины. / Да, подкованный осёл крепче упирается. / Запомни: лицемерие – графитная смазка всех служебных отношений. / Докладная есть и будет докладной, хоть ты ее на музыку переложи. / У Юлика Семенова с деньгами ненормально. Их у него слишком много. / Если что нас и погубит, то идиотский пафос в первую очередь. / Все мы близимся к юбилеям, сначала – к малым, потом – к большим. / Как всегда у нас бывает в "Красной звезде" – большая часть взяла верх над лучшей. / Знай, Мишель, простительны любые нарушения правил, но непростительно незнание их, когда берешься писать книгу. Ты можешь сколь тебе угодно отходить от нормы, но грош тебе цена, если в твоём писательстве отсутствует это самое чувство нормы».

ЧЕКАН ХАЛТУРИН

Фёдор Николаевич Халтурин

Однажды Александр Павлович Беляев устроил в своем редакционном кабинете какое-то очередное отвлечение чего-то. Кроме своих сотрудников Александра Перестенко и Якова Ершова, пригласил симпатичных ему ребят: Петра Котенка, Владимира Костко, Георгия Самолиса. Когда мы выпили по паре-другой рюмок, хозяин вдруг решил позвать известного уже читателю заместителя главного редактора газеты Фёдора Николаевича Халтурина. Тот редко отказывался от выпивки,

на дурнячок – никогда. И, конечно же, поднялся в кабинет Беляева. Хозяин налил начальнику специально для того припасенный армянский коньяк. Халтурин выпил штрафную, потом еще одну. Когда на его, слегка азиатском лице поплыл хмельной румянец, Беляев приступил к действию, ради которого, как я полагаю, и позвал не очень горячо нами любимого зама главного.

- Слушай, Федор Николаевич, дорогой мой Федичка. Но ты даже не представляешь, до чего же правдоподобно тебя может изображать наш Мишель Захарчук. Федя, умоляю, попроси его пусть тебя покажет. Ты получишь несказанное удовольствие, я тебе обещаю!

Явно обескураженный таким поворотом дела, Халтурин промямлил что-то наподобие: ну, если всем это так интересно, то я, мол, не возражаю. И я, дурак, дубина стоеросовая, ку-

пился на его разрешение! Вообще-то некоторыми навыками пародиста я обладаю. Скажем, из десяти человек у половины точно обнаружу и воспроизведу какие-то характерные черты, привычки, движения, разговорные клише. Но есть в этой никому не нужной галерее, если так можно выразиться, персонажи, которые всеми узнаются мгновенно. Халтурин к ним принадлежал. Его я изображал и до сих пор показываю покойничка, без ложной скромности, весьма достоверно. Тогда тоже изобразил. И на долгие годы стал самым преследуемым человеком в редакции со стороны заместителя главного редактора полковника, а затем и генерала Федора Халтурина. Об этом газетном самородке я был наслышан давно. Познакомился с ним еще будучи слушателем академии, когда уже точно знал, что меня зачислят в штат «Красной звезды». Со мной по этому поводу беседовали все четыре зама главного редактора, но как-то больше для галочки. Федор Николаевич очень подробно расспрашивал о том, где я родился, крестился, учился, женился и т.д. и т.п. Под занавес почти часовой беседы очень проникновенно поинтересовался:

- Михаил Александрович, а, сколько вы можете выпить?

- Не понял, товарищ полковник!

- Еще раз запомните: в «Красной звезде» обращаются друг к другу только по имени и отчеству, как в старой, доброй русской армии. Повторяю: сколько спиртного вы можете употребить?

- Ах, вы имеете в виду мою потенцию, так – два литра водки.

- Два литра?! - глаза у него сделались пятаками.

- Так точно! Правда, я к такой мере редко прибегаю, но если понадобится, то могу.

Спустя некоторое время Федор Николаевич решил проверить мои способности и искренность одновременно. Вручив деньги, он отправил меня куда-то в район Павелецкого вокзала, где располагался спецсклад, так блестяще описанный Михаилом Жванецким. Самая дорогая «Посольская» водка там

стоила... 98 копеек. Вся остальная – ниже 70 копеек, в то время, когда в советских магазинах для трудящихся «горькой» дешевле 3 рублей 62 копеек не существовало в природе. На даденные начальником деньги, на все свои и водителя наличные я закупил более полутора сотни бутылок водки, и со всем этим жидким скарбом прилетел в редакцию. Халтурин поблагодарил за службу и велел через некоторое время заглянуть к нему в кабинет. И я заглянул.

На столе у него стояло блюдо с четырьмя бутербродами и два стакана, доверху наполненных водкой. Мы выпили. Повторили. После третьего стакана Халтурин уже сам не мог или не хотел наливать, а только взглядом показал мне, что надо сделать. Пятый стакан мне пить не пришлось – сраженный водкой дуэлянт уткнулся мордой лица в расстеленную на столе чистую газетную бумагу. Пошел я в туалет, пошпирлицики очистил желудок, умылся и вызвал халтуринскую служебную машину. Всю дорогу он дремал и не проронил ни слова. Заговорил лишь тогда, когда я, втащив его на горбу на пятый этаж, сдавал невменяемого с рук на руки жене Прасковье Ивановне, которую начальник почему-то заискивающе четко назвал «княжной Урусовой».

С тех пор Федор Николаевич частенько приглашал меня «расслабляться», и я всякий раз добросовестно выполнял обязанности внимательного слушателя халтуринских баек или попросту собутыльника-носильщика. Вообще Халтурин умел награждать подчиненных всякого рода большими и малыми поручениями, проявляя здесь завидную изобретательность. Мог, к примеру, вызвать и предложить поработать на какого-нибудь генеральского отпрыска: материал за него написать или курсовую работу подправить. («Уверяю, Михаил Александрович, это вам пригодится. И вообще запомните: весь смысл военной службы заключается в том, чтобы вовремя попасть в одни списки и не попасть в другие»). А мог нагрузить разнообразной работой по сооружению памятника выпускникам артиллерийской школы, в которой сам учился во время

войны. («Меня еще за малый рост и крепкий торс там чеканом прозвали»). Поблажек особых за свою услужливость Халтурина, видит Бог, я не получал. Зато и врагом моим он не числился. Какое это было счастье и благо я оценил лишь после того, как покривлялся над ним. И хотя в тот злополучный вечер Федор Николаевич тоже набрался до положения риз, а я его отвез домой, но мою пародию он, гад, не забыл и стал за нее мстить.

Мстил методично, издевательски, изобретательно и цинично. Всех его пакостей я перечислять не стану – себе же дороже. Замечу лишь, что, когда была однажды у него возможность наказать меня обыкновенным выговором, Халтурин соорудил мне «неполное служебное соответствие». После этого следовало увольнение из армии. Одно слово: коварный, злой, закомплексованный человек-коротышка; иезуит и метр с кепкой, когда подпрыгивает; из породы тех самых липутов, которые тем больше звереют, чем выше вокруг них гулливеры. (Однажды, глядя на нашего Сашу Ковалёва, обладающего баскетбольным ростом, Федя заметил завистливо: «Ведь из него же можно двух офицеров сделать!» Правда, я не совсем понял: распилить, что ли Сашу следовало?).

Долгое время я к Халтуруину относился, чего там скрывать, почти с ненавистью. Тем более, когда однажды случайно узнал, что в нашей же редакции работает отличная женщина – мать-одиночка, которую сделал такой именно Халтурин. Он вообще по молодости методично топтал едва ли не всех редакционных более-менее привлекательных женщин. Многие через него перенесли жуткие семейные скандалы. Другого бы офицера за такие проделки давно погнали поганой метлой из газеты и даже из армии. Халтурина никто не смел трогать. Он был другом семьи министра обороны СССР Родиона Малиновского. Дочь маршала, Наталья, когда училась в МГУ, проходила стажировку в молодежном отделе «Красной звезды», который возглавлял Федор Халтурин. Он втерся, как впечатался, в доверие к дочери министра обороны и манкировал

этой своей приближенностью к военному небожителю до такой степени нахально и нахраписто, что попирал очень многие вещи, которые обычно краснозвёздовцы не попирали. Да, флирт на работе крутили многие из нашего брата. Но тихо и тайно. Молодого сексуально озабоченного краснозвёздовского чекана регулярно уличали в прелюбодеяниях и адюльтерах. И все ему сходило с рук. А что вы хотите, если после смерти маршала Малиновского Халтурин удостоился чести стоять рядом с членами Политбюро на трибуне Мавзолея Ленина!

...Прошло много лет после того, как я уволился из «Красной звезды». В журнале «Армейский сборник», где в то время работал, была корректорша. На одной из вечеринок мы с ней разговорились на том основании, что в разное время трудились в замечательной газете. Уже не молодая, хорошо подвыпившая женщина вдруг призналась мне на полном серьезе:

- А знаете, Михаил Александрович, какое самое великое счастье мне выпало в этой жизни?

И я уже, было, раскрыл рот, чтобы тоже хмельно подтвердить: да, мол, «Красная звезд» – это величайшая газета и работать в ней, конечно же, большое счастье... Но собеседница, после небольшой паузы продолжила:

- Так вот счастье мое заключается в том, что женщиной меня сделал такой мужчина как Федор Николаевич Халтурин!

Поразительно! Потрясающе! Уму непостижимо! Мужик в моем понятии и представлении пользовался бабой, как подстилкой, на всю жизнь бобылкой ее оставил, а она им восторгается, словно единственным светом в окошке. И ведь та, что с ребенком, которого изо всех сил сама всю жизнь растила, получая скромную зарплату в отделе писем, во всем себе же отказывая, небось, точно так же думала. (Как оказалось, именно так она и думала! Иначе бы предприняла хоть какие-то движения или действия в защиту себя и чада). Ничуть не бывало. Они обе Федю-чекана любили и продолжали любить!

Ох, непроста жизнь и человек в ней не прост! Да хотя бы тот же Халтурин. Над подчиненными всегда издевался виртуозно, изобретательно, иезуитски. Однажды в субботу заставил меня обзвонить весь ЦК ВЛКСМ, чтобы уточнить правильное написание военно-спортивной игры «Зарница». Потратил я на эту дурацкую работу шесть часов рабочего времени, а бумажка с правильным написанием находилась у него в столе! Дослужив до полковника, Халтурин надевал лейтенантский мундир и шел снимать девочек. И, как правило, это получалось у него успешно. А став седым генералом в отставке с неестественно глубокими залысынами, почитайте, что он написал Марии Ивановне Красильниковой, медицинской сестре военного госпиталя в Одинцове: «Добрый ангел, Мария Ивановна! Хоть мы с вами не земляки, вспомним вместе, припомним заново берега соловьиной Оки. Там сирень в майской дреме нежится, и такой простор вдалеке, будто Русь тополиной свежестью с крутояра течет к реке. Луг весь в лютиках, вышит золотом. Разлилась по округе теплынь. И кувшинки, как звезды, наколоты на речную бездонную синь. В час ночной с колдовскими туманами перекатная шепчет вода. В отчете дома Мария Ивановна у раскрытого грезит окна. Звездный полог над нею качается. В обе стороны – сорок дорог. То, о чем у окошка мечтается, все исполнится, дайте срок. Знаю, время придет желанное, юный принц постучится к ней – к несравненной Марии Ивановне, милосердной сестре моей».

И ведь таких да подобных стихов у Халтурина – несколько сборников наберется. Дитя интерната, выпускник артиллерийской спецшколы, не попавший на фронт лишь потому, что война закончилась, он всю сознательную жизнь заботливо и неустанно лепил из себя поэта. Журналистикой занимался лишь ради хлеба насущного. А, поди ж ты, добился в ней генерала, что равносильно маршалу рода войск на другой, не газетной службе. Не будь у него сволочного характера и комплекса роста – запросто мог ведь стать и главным в

«Красной звезде» (многие годы и целился на этот высокий трон!) И скажите после этого, что он ординарный, заурядный человек...

ОТДЕЛ НЕСБЫВШЕЙСЯ МЕЧТЫ

Всю свою краснзвездовскую жизнь я испытывал к от-делу литературы и искусства, к людям, там работавшим, чув-ства в высшей степени пиететные. По негласной редакцион-ной субординации он числился на десятом месте. Для меня всегда был на первом. Возглавлял отдел выпускник Литин-ститута полковник Юрий Николаевич Беличенко – поэт очень глубокий и обстоятельный, в чем читатель мог убедить-ся, познакомившись хотя бы с его поэтическим откликом на смерть Володи Житаренко. Впрочем, из-под пера Беличенко даже стихи о партбилете никогда не выглядели лобовым под-халимажем к самой КПСС, к власти ею насаждаемой. Когда я с ним познакомился, Юра имел уже несколько поэтических сборников, свободно публиковался в «Новом мире», вел по-этические передачи даже на Центральном телевидении. Одна-ко в общении с сослуживцами он оставался ровным, спокой-ным, я бы даже сказал несколько флегматичным пофигистом. Ко мне, во всяком случае, Юра сколь-нибудь видимого инте-реса не проявлял, хотя мы с ним очень часто общались за рюмкой. Подвыпив, обычно наставлял меня: «Никогда не вступай в споры, а если все же вступил, то отстаивай свою правоту до конца, независимо от того, прав ты или не прав».

...Однажды я выиграл у Беличенко достаточно непростое пари, как бы утвердившее мои законные притязания на отдел литературы и искусства. Под конец своей жизни великий русский писатель (на самом деле великий, о чем я еще буду иметь возможность сказать подробнее!) Леонид Леонов пере-стал принимать у себя журналистов. Это знали во всех изда-ниях, в том числе и в «Красной звезде». Тем не менее, я на спор взялся сделать интервью с легендарным переделкинским отшельником и добился своего. Юра был на седьмом небе от

счастья, что проиграл. Однако и после этого друзьями мы не стали – так хорошими знакомцами. Впрочем, как я понял, это обычный стиль его поведения: никому душу не раскрывать.

Накануне 60-летия «Красной звезды» в редакции организовали представительную комиссию, которой поручалось достойно отметить знаменательную дату. Председателем редколлегия утвердила Беличенко, меня – его заместителем. В

Слева направо: Юрий Беличенко, Гелия Драчёва, Вячеслав Лукашевич, Эрнст Михайлов.

итоге всеми делами: гостями, буклетами, выпивкой, закуской, в том числе и самым главным предприятием – телевизионными съемками занимался, конечно же, заместитель, а благодарность и ценный подарок по итогам работы получил, разумеется, председатель. Когда мы с Юркой отмечали завершение своей работы, он мне сказал, поглаживая свои моржовые усы:

- Думаешь, главный и все члены редколлегии не ведают, кто в комиссии по-настоящему воз тянул, а кто лишь числился в пристяжных? Прекрасно знают, но такова у нас, увы, краснозвёздная этика: подчиненные пашут, а почести получают начальники. Хотя какой я для тебя начальник. Но это, Мишель, еще не самая большая несправедливость, возможная в нашем специфическом коллективе. Ты на такие вещи смотри философски и никогда на них не зацикливайся, если не хочешь обмельеть душой и помыслами. Идущий – дойдет, ищущий – обрящет, а умный должен понимать: все суета сует и суета всяческая.

В другой раз заметил:

- Понимаешь, Мишель, мне надо было прожить несколько десятилетий, чтобы понять: Булат Шалвович – просто посредственный поэт, допускающий в своих текстах изобилие пошлостей, банальностей и даже нелепостей. Чего стоит его император в голубом кафтане! А поёт он... Ну разве можно это назвать пением? Мы с тобой раньше любили и воспринимали его слова, как откровения. А бард оказался, как и его приятели – евтушенковы, вознесенские – пошловатым хапугой от литературы с ужимками клоуна. Никогда, ни в одной из своих вещей он не был ни талантливым, ни честным, ни умным, ни даже порядочным. Способным – да. А мы по молодости своей таких любили, потому что многого не понимали. Даже, пожалуй, что и главного не понимали: после официальной сталинской поэзии окуджавы, вознесенские, евтушенковы и прочие, им подобные принесли всего лишь элементарную человеческую интонацию. Но она же для литературы – естественна. Чему тут было удивляться, зная хотя бы русскую классику? Это не поэтическое открытие – норма. То что перечисленные люди употребили её первыми – случайность. В нужное время в нужном месте оказались. Но они же шустро и монополизировали это свойство поэзии, как своё право и перекрыли кислород тем, кто, обладая много большими талантами, мог пойти значительно дальше них. Юра Кузнецов, к примеру. Партийное начальство было не столь глупо, как мы о нём думали. Оно прикормило шустрых ребят и создало из них карикатурный облик якобы оппозиции. Ну, какие оппозиционеры из Окуджавы, Евтушенко, Вознесенского? Не смей меня! Эта «прикормка» и развратила мужиков, искренне уверовавших в то, что у них подлинное литературное дарование. Обыкновенные версификаторы они, Мишель. Во мне к ним даже зависти нет. Я бы таких стихов, какие они тоннами наворочали, даже стеснялся. Возможно, и они догадываются об отсутствии у себя настоящих талантов. Хотя вряд ли. Публика эта бессовестная.

А потом Беличенко написал книгу «Лета Лермонтова». Наверное, потрясение – самое то слово, которое отвечало моему восхищению трудом коллеги. Нечто подобное, помнится, я переживал, когда впервые читал «Горбатое поле» Володи Возовикова. Но то была художественная проза, а здесь – документалистика. И документалистика столь возвышенно поэтическая, глубоко пронзительная, что порой мне даже не верилось – неужели это и впрямь Юркины размышления? Несомненно, для меня лишь одно: у гения номер два нашей отечественной поэзии еще не было такого адекватно-изоморфно-эквивалентного исследователя, да простится мне сие неуклюжее определение. Но, в самом деле,

Юрий Николаевич Беличенко

здесь сошлось все: и то, что Юрка казак, и то, что он военный человек, и то, что поэт, и то, что всю жизнь беззаветно любил Лермонтова, и то, что сумел так блестяще запечатлеть эту любовь в капитальном труде.

Да, в книге есть просчеты. Может быть, самый большой из них тот, что Юрий принципиально не разработал любовно-чувственной линии в судьбе величайшего поэта земли русской. Но тут уж ничего не поделаешь. Краснозвёздовец до мозга костей, Беличенко и не мог выше себя прыгнуть. Такое международное слово-понятие как секс, по-моему, в словаре Юрином вообще отсутствовало. Да что там говорить, если даже исследуя произведения Лермонтова с ненормативной

лексикой, автор умудрился сказать о них все – не сказав по существу ничего. Ну, таковы мы все – звездуки: слов любви и мата не знаем. Однако, если говорить серьезно, то нынешнее лермонтоведение уже будет немислимо без книги Беличенко.

В предисловии к ней он написал: «Господи, помоги мне, надо же когда-нибудь начинать, ведь для того, чтобы дойти до конца, быть может, и жизни уже не хватит». А закончил книгу словами: «Я не был уверен, что успею хотя бы вчерне закончить свое повествование, и за то, что мне удалось это сделать, спасибо Тебе, Господи!»

И, спустя несколько месяцев, умер. Шел (в воскресенье!) на работу в «Красную звезду», упал, и сердце Юркино биться перестало. Как уже говорилось, «Красная звезда» дала мне многих друзей на всю оставшуюся жизнь. Юра Беличенко был и остаётся одним из первых и главных. Хотя как раз ближе всех в отделе я сошелся с Эрнстом Михайловым, который отвечал за музыкальные и драматические коллективы как военные так и гражданские. Не смотря на разницу в возрасте, мы крепко дружили. По заданию Эрнста Борисовича я часто писал короткие рецензии на спектакли, печатал через отдел многие свои интервью с известными деятелями культуры. Обильно всегда обмывалась каждая моя публикация. В отдел литературы и искусства по такому случаю заглядывал «спортсмен» Олег Вихрев. (Пожалуй, кавычки над словом спортсмен я поставил зря. Олег Алексеевич много лет отдал отелу спорта «Красной звезды», потом работал в пресс-службе ЦСКА).

После того, как в моих притязаниях на любимый отдел отказал Сидельников, я, разумеется, понял, что Беличенко применил ко мне обычный краснозвёздовский хитрый прием. Почти зная наверняка, что с моим свиным рылом в его литературно-калашный ряд я не попаду по определению – меня туда просто не пустит Ванька, – на последнего Юрка и переверёл стрелки. Получилось: волки сыты и овцы целы. На вакан-

сию он вскоре взял Вячеслава Лукашевича из газеты «Страж Балтики». Тем не менее, я продолжал усиленно работать на отдел литературы и искусства, где все по-прежнему были мне рады. Тем более что далеко не глупый Валентин Шалкеев, зная тщеславную слабость своего зама к литературе и искусству, этому особенно и не препятствовал.

Пожалуй, тут я немножечко привираю. Была в отделе сотрудница, ведавшая изобразительным искусством, телевидением и кино Гелия Павловна Драчёва, которая долгое время меня не то, что недолюбливала – терпеть не могла, на дух не переносила. Так бывает, что человек человеку не нравится уже одним своим видом. Однажды я зашёл к ней за каким-то журналом (в кабинет Драчёвой поступали все литературно-художественные журналы страны). Когда-то пышная, но к тому времени изрядно увядшая дама заметила с плохо скрываемой брезгливостью:

- Коль вы уж интересуетесь такой серьёзной литературой, то не худо бы заняться и своим произношением. От вас же на километр разит селом и Хохляндией!

Была бы она мужиком, а я, если б страдал повышенным чувством национализма, то драка между нами возникла бы всенепременно. Но я вполне миролюбиво рассказал толстухе анекдот. Пришёл Абрам на телевидение: «Здг-гаствуйте! Я бы хотел г-габоать у вас диктогом!» - «Да вы в своем уме ли? С таким-то произношением?!» Абрам ушел. Появившись через пару месяцев, произнес с левитановской интонацией: «Добрый день дорогие мои. С превеликим удовольствием я поработал бы у вас диктором!» И, насытившись произведенным эффектом, продолжил: «Ну, как вам теп-пегь мое пг-г-гоизношение?»

Драчёва, кисло улыбнувшись моему экспромту, заметила, что за такие древние анекдоты в приличном обществе режут галстуки. Спорить мне было трудно. Рафинированная Гелия Павловна выросла в семье очень крупного военачальника, если не ошибаюсь, даже руководителя всего Тыла Воо-

руженных Сил СССР. Так что представление о высшем обществе, где режут галстуки за старые анекдоты, конечно, имела. Закончив журфак (между прочим, через год после моего рождения), красавица Геля поступила на работу в «Красную звезду», отдав затем ей без малого полвека. В годы моего «краснозвёздства» Драчёву уже совершенно не интересовали мужики как самцы-удовлетворители. Она страдала повышенной тучностью и болела ногами. Через них и с работой рассталась, хотя ум язвительный и острый ее так и не покинул. В молодости она, говорят, вскружила голову не одному нашему собрату как в краснозвездском коллективе, так и за его пределами. В столичной бомондной тусовке её знавали многие, хотя писала она только в «Звезде», нигде более не публикуясь. Была у нее закадычная подруга – Эльза Лындина – достаточно известный критик, автор нескольких книг, с которой многие годы спустя я сотрудничал, работая в газете «Очная ставка». То есть понятно, что на меня, селюка, Драчёва долгое время смотрела как на человека, если и не второго сорта, то явно взобравшегося не в свои сани. А я терпеливо сносил ее явные и скрытые насмешки. И постепенно наступило время, когда Геля стала сама давать мне мелкие задания, особенно те, что были связаны с телевидением. И мы не то, чтобы подружились, но отношения наши стали достаточно ровными, спокойными.

... Как-то возвращаю ей очередной толстый журнал и говорю:

- Такое впечатление, что здесь купюры – через каждые десять-двадцать страниц.

Гелия Павловна, удивленно перелистав журнал, поинтересовалась:

- Да откуда здесь деньгам-то взяться?

Вот Бог не Тимошка, соврать не даст даже немножко, но я и виду не подал, что как раз первого значения слова «купюра» Драчёва не знала. Она бы мне такое вряд ли бы спустила. Изредка я ей позванивал. Она всегда приятно удивля-

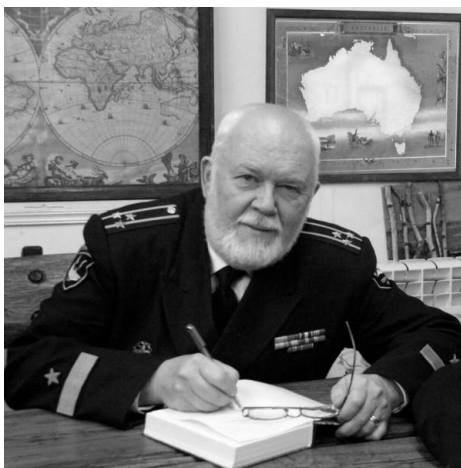
лась. Но если бы узнала, что я всегда испытывал к ней жалость, изрядно возмущилась бы. Меж тем, мне действительно жаль таких людей, которые из-за повышенной любви к самим себе, не оставляют после себя ни кола, ни двора. Убогость их закатной жизни никаким интеллектом не исправишь. А то, что у Драчёвой был и остается мощнейший интеллект сомневаться мне лично не приходится.

С Эриком Михайловым наши связи-контакты прекратились безо всяких причин. Просто я ему позвонил однажды и обнаружил, что по такому адресу он уже не проживает. Лишь лет пятнадцать спустя он сам меня разыскал по сканвордной брошюре, которую я в те времена редактировал. Мы с удовольствием повспоминали о краснозвёздовских великих временах.

НЕПРЕДСКАЗУЕМЫЙ ЧЕРКАШИН

Вторым краснозвёздовским писателем по тезаурусу (объему) и интересности написанного, можно по праву считать Николая Черкашина. А поскольку он живет и здравствует, и пишет, кстати, очень интересно пишет, то есть надежда, что со временем Николай станет самым маститым литератором, вышедшим из недр «Красной звезды».

Черкашин всегда ставил в тупик руководство «Красной звезды» своими необычными, порой просто фантастическими по тем временам материалами. Однажды написал дивный очерк о Герое Советского Союза... чистильщике сапог на

Николай Андреевич Черкашин

Казанском вокзале. Высшие военные чины из Главпура и Министерства обороны, мягко говоря, озверели, когда узнали об этой публикации. Донеслось, естественно, и до ЦК КПСС. Там поддали огня в полымя. Шум и гам стояли на всю ивановскую. Причём, все большие номенклатурщики возмущались отнюдь не тем, что Герой вынужден был зарабатывать себе на хлеб насущный чисткой сапог, а тем, почему именно краснозвёздец всё это раскопал и обнародовал. Нашему главному редактору позвонил тогдашний начальник Главпура генерал армии А.А. Епишев и устроил форменный разнос. Но они были в дружеских отношениях, что позволяло Николаю Ивановичу понизить тональность разговора и спокойно заметить:

– Алексей Алексеевич, но ведь мой корреспондент написал правду!

– Засунь её себе в ср...ку! – зло огрызнулся главный военный комиссар страны. – Нам такая правда не нужна!

– Извини, но всё равно наказывать Черкашина я не намерен.

Епишев крякнул и разговор прекратил.

В другой раз Коля решил написать материал о московских кольцах: Садовом, железнодорожном, шоссеином, подземном. Одним из колец, по его мнению, был ипподром. Бродя по его обширному хозяйству, журналист увидел клячу, которую рабочие собирались убить и освежевать. Коле стало жаль лошадь, и он ее выкупил за довольно приличные деньги. Более того, снял для нее загородную «резиденцию» и тоже немало платил хозяевам за простой у них копытного. Однако лошадь вскоре все равно околела.

Чтобы по-настоящему изучить флотскую жизнь, капитан 3 ранга Черкашин сумел добиться того, чтобы его назначили замполитом на действующую подводную лодку. Подобного прецедента Военно-Морской Флот не знал за всю свою историю, чтобы, значит, корреспондент центральной газеты в течение почти года выполнял штатные обязанности политра-

ботника. Правда, вдвоем с командиром они в результате чего-то там набедокурили. Сломавшуюся субмарину поставили в док на ремонт, а Колю с треском уволили. Однако он на живых, интересных впечатлениях от похода написал несколько весьма захватывающих книг.

Писал и пишет Андреич живо, увлекательно. И – много. На его счету – добрая полусотня книг и... полное собрание сочинений! А чего стоят названия тех сочинений: «Белые манжеты», «Знак Вишну», «Крик дельфина», «Покушение на крейсер», «Взрыв корабля», «Последний рейс «Нахимова», «Судеб морских таинственная вязь», «Пламя в отсеках», «Кровь офицеров...», «Унесённые бездной. Гибель „Курска“», «Тайны погибших кораблей», «Командоры полярных морей», «Я – подводная лодка», «Адмиралы мятежных флотов», «Авантюры открытого моря», «Последняя любовь Колчака», «Возмутители глубин». Думается, не зря же Валентин Пикуль сказал: «Из писателей-маринистов я выделил бы Николая Черкашина. Он трудяга, и дай Бог ему здоровья. Так и надо бороздить историю, в ней ещё немало интересных полных драматизма загадочных страниц. А он извлекает темы совершенно неизвестные. Молодец! Дело даже не в том, как он пишет, хотя пишет он нормально. Маринистика должна быть познавательна».

В «Красной звезде» мы с Черкашиным почти не общались. Мне всегда казалось, что по характеру он не самый коммуникабельный человек. Да и моряки народ, вообще-то говоря, гонористый, считающий (может быть, и не без оснований) себя и свое «морячество» лучше всех прочих государственных служб. Но однажды разговорился я с известным литератором Еленой Липатовой, которая знает Николая подольше моего. «Да тебе просто никогда не доводилось быть с ним в тесной компании, – сказала Елена. – А мужик Коля замечательный. В «Комсомольской правде» он был нашим всеобщим любимцем.

И когда мы оба вышли «на вольные хлеба», я словно заново открыл для себя Колю Черкашина. Оказалось, что он не только замечательный писатель-маринист (может даже и похлеще будет того самого Константина Станюковича, это я на полном серьезе утверждаю), но и великолепный собеседник. И просто хороший товарищ.

Работая исполнительным редактором газеты «Очная ставка», я с удовольствием привлек Черкашина к сотрудничеству. Показал пробный материал хозяину газеты Виктору Шварцу. Тому написанное понравилось. Только, сказал, пусть допишет полторы странички, чтобы получился размер нашей полосы. Витя, возмутился я, Коля – писатель. Он раскрывает тему в размере, где ни прибавить, ни убавить. Тем более, распорядился Шварц, если он писатель, пусть и расширит материал.

Разумеется, Черкашин не стал этого делать. Он просто написал другую статью. Какое-то время Черкашин был лучшим моим автором. А потом он повздорил с моим тогдашним хозяином, с которым трудно было сохранять нормальные отношения, и сотрудничать мы прекратили. Но отношения поддерживаем, как и подобает настоящим краснозвёздцам.

ЧУДОТВОРЕЦ ВОЗОВИКОВ

Однако самым талантливым краснозвёздским писателем, безусловно, был Владимир Возовиков. В журналистику, а потом в писательство он пришел с самой распространенной и потому самой рутинной офицерской должности взводного. Но теплилась в нем мощная искра Божья...

А начинал Возовиков со стихов ещё в раннем детстве. Оно прошло на Алтае. Родился в селе Фунтики Топчихинского района. Перед войной семья переехала в Павловский район, сначала на пятое отделение зерносовхоза «Павловский», а затем, в 1946 году, в деревню Арбузовка, где Володя и жил с родителями до 1954 года. Окончил с отличием деся-

тилетку в селе Лебяжьем в 1954 году. После Ташкентского танкового училища служил в Германии. Затем его перевели в Сибирский военный округ. И уже там Возовиков перешёл в

**Владимир Степанович
Возовиков**

околожурналистскую газету. Однако долго в ней не задержался. Талантливого самородка быстро заметила центральная военная газета и сделала ему такое предложение, от которого пишущему человеку трудно было отказаться. В «Красной звезде» Владимиру Степановичу ещё в звании майора поручили возглавить самый элитарный и, пожалуй, самый сложный отдел литературы и искусства. Писал Возовиков много и интересно. Дела в отделе тоже шли неплохо. Молодому редактору отдела помогали такие краснозвёздские киты, как поэт и писатель Юрий

Беличенко, признанная в журналистике эстетка Гелия Драчёва, великолепный знаток музыки и театра Эрнст Михайлов. И все было бы чудно, если б Союз писателей СССР совместно с Министерством обороны не объявили конкурс на лучшее литературное произведение, посвященное 600-летию Куликовской битвы.

Володя Возовиков и помимо конкурса бредил русской стариной, каждую свободную минуту пропадая в архивах и библиотеках. А тут ещё «подсурошил» такой стимул. И мужик с головой ушел в накопление материала. Но служба ведь есть служба. Тем более в «Красной звезде». Как раз приближался очередной съезд родной коммунистической партии, и газета обязана была делегировать в комиссию по его подготовке нескольких лучших своих перьев. Выбор, естественно, пал, в том числе и на Возовикова. Однако он честно заявил на редакционной коллегии, что не может принять столь почетную миссию в связи личными литературными планами. У главно-

го редактора Макеева глаза на лоб полезли. За бесконечную свою службу он ещё не встречал таких чудиков, которые бы отказывались выполнять его поручения, а уж тем более задания ЦК КПСС. Возовиков, тем не менее, стоял на своем. Тогда главный пригрозил строптивцу: вы, мол, не забываете, где и с кем разговариваете. Мне ведь недолго и власть употребить. И вместо очередного звания полковника вы можете лишиться и нынешнего.

И тут случилось такое, что долгие годы передавалось в редакции, как легенда невероятная. Ибо за всю историю главной военной газеты ни один её сотрудник не расправлялся со своей собственной карьерой столь решительно и радикально. Возовиков послал всех, включая главного и родной ЦК, куда обычно посылает русский человек в сердцах что-то ему опостылевшее. Повернулся, ушёл, и только его видели.

Здесь, в легенде, правда, возможны варианты. И мне некоторые краснозвёздовцы о том говорили, но не в них, в конце концов, дело. Жена Володи в расстроенных чувствах указала мужу на двери: кому хочется жить с сумасбродом, который способен так нелепо расправиться со службой, с налаженной жизнью. Краснозвёздовцы Юрий Теплов и Виталий Безродный помогли Возовикову снять где-то возле метро «Водный стадион» совершенно пустую трехкомнатную квартиру за пятьдесят рублей в месяц. Привезли туда списанный письменный стол, четыре стула-развалины и двадцать подшивок газеты «Правда», из которых соорудили писателю ложе. Почти полгода Володя провел в этой квартире, как в заточении, выползая из неё лишь эпизодически, чтобы заpastись крупой, картошкой, хлебом и водкой. Сам мне рассказывал, что писал, случалось, сутки напролет, покудова рука не занемет. Затем из последних сил выпивал бутылку водки, закусывал и на сутки-полторы проваливался в сон. И в таком неестественном творческом раже или угаре написал чудный, замечательный и никем непревзойдённый исторический роман «Поле Куликово». Это на самом деле так, дорогой читатель.

Если ты сомневаешься в моих словах, не ленись, разыщи эту вещь и другую – «Эхо Непрядвы» в какой-нибудь серьезной библиотеке и убедишься в моей правоте. Кстати, первый роман включен в «Золотую библиотеку исторического романа».

Когда дело было сделано, наступило и похмелье, и отрезвление одновременно. Жена через дочь срочно разыскала своего непутевого мужа, у которого вдруг образовалась по советским меркам совершенно сумасшедшая сумма денег – несколько десятков тысяч. Сам счастливый писатель приобрел себе костюм, дубленку и пыжиковую шапку. Пощеголяв в этом партикулярном уборе пару дней, вдруг появился к Юрке Теплову в камуфляжном бушлате. На вопрос, что случилось, Володя безразлично ответил: был, дескать, в гостях и, уходя, по привычке надел бушлат вместо дубленки. Да, хрен с ней! Ещё спустя какое-то время потерял и пыжиковую шапку, прикорнув в парке на скамейке. Хуже было другое.

Непривычно большие деньги очень быстро разлетелись, и перед ним, мужиком, не достигшим ещё и полувекового рубежа, встал вопрос, как дальше семью кормить. О возврате на службу не могло быть и речи: наш главный не на шутку обиделся за нанесённое ему оскорбление. Но все же смилостивился и зачислил Володю гражданским сотрудником в отдел очерка и публицистики. (Тогда там и оказался самый звездный состав едва ли не за всю историю «Красной звезды»: Алексей Хорев, Виктор Филатов, Александр Сгибнев, Владимир Возовиков, Александр Ткачев и Юрий Теплов). Тогда же мы с Возовиковым и познакомились. Свел нас Геннадий Барнев, тоже интересный поэт и человек, который раньше служил с Володей в сибирской газете «Советский воин». Мы часто засиживались втроем допоздна за шахматами и рюмкой. Гена мне рассказывал, что его друг обладает «некоторыми демоническими способностями», но через материалистическое свое воспитание, разумеется, я не верил всем этим глупостям. Да Возовиков и не был похож на супермена – по виду вполне

заурядный, слегка полноватый человек. И тем не менее, однажды он заставил меня поверить в свои оригинальные таланты. Как пообещал, что я почувствую зимнюю выюгу (это в августе-месяце-то!), так и сделал мне в отделе зимнюю стужу. Как это у него получилось – до сих пор я не понимаю. И ещё признался, что во время работы над историческими вещами часто сам себя вводит в это трансцендентальное состояние. А иначе не получается...

Запомнился случай, произошедший с Владимиром Степановичем, который (случай), если вдуматься, невозможен был больше ни с кем иным из нашего брата красноезвёздца. Когда Возовикова отлучили от газеты, коммунисты-пенсионеры ЖЕКа избрали его секретарем партийной организации. Примерно, через год в райком партии пришло возмущенное письмо от члена КПСС имярека, у которого уже год никто не брал партийных взносов. Возмущенный коммунист бил себя в патриотическую грудь и негодовал от того, что, конечно, на его пенсионные копейки родная Коммунистическая партия не зажиреет и они ей, возможно, даже не нужны. Но вот ему, человеку, поступившему ещё в члены ВКП (б) во фронтовых окопах сорок второго года, вовсе не безразлично: имеет ли он связь с партией (пусть даже через партвзносы!) или не имеет. В райкоме срочно провели ревизию, но оказалось, что из парторганизации ЖЕКа регулярно приходили ведомости со взносами, подписанные всеми коммунистами, в том числе и жалобщиком! Вызвали Возовикова, и тот как на духу сразу признался: платил свои деньги, подписывался за рядовых коммунистов, чтобы не тратить зря драгоценного времени на сбор партийной подати. Райкомовцы дружно зачесали репы. Случай в их практике был уникальный, экстраординарный. Когда партвзносы воруют - это понятно. Это все равно, что собака кусает человека. Но чтобы наоборот, чтобы кто-то свои кровные под видом партвзносов нёс в бухгалтерию за других – о таком руководители районного партзвена слыхом не слыхивали. Начинать расследование – бессмыс-

ленно, потому что все ясно. Точнее – ничего не ясно. И секретарь райкома нашел соломоново решение: пусть коммунисты ЖЕКа срочно переизберут себе секретаря парторганизации в связи с большой занятостью коммуниста Возовикова.

...Однажды я прочитал приятелю-краснозвёздовцу Николаю Калмыкову всё то, с чем вы, мой читатель, познакомились про покойного Возовикова. Коля почти возмущённо заметил, что многое я перепутал, а кое-где вообще наврал. Сначала я, засмутившись, решил было внести соответствующие коррективы, а потом передумал. Если я с помощью личного дневника привираю, то, где гарантия, что кто-то лучше меня просто так помнит?

Что еще знаю о Володе из его же собственных признаний. С юности мечтал стать летчиком, но подвело зрение. Растил он с женой двух дочерей, но я знал лишь Олю, которая работала у нас в «Красной звезде» библиотекаршей. Вот книги, написанные Возовиковым: «Кобры» под гусеницами», «Верность традициям», «Год спустя», «Звено выходит на цель», «Кедры на скалах», «Когда идет бой», «Командирский перевал», «Люди чести», «Маки «Красной пустыни», «Море вернёт янтарь», «Нелегкое испытание», «Осенний жаворонок», «Время алых снегов», «Поле Куликово» (книга переиздана не менее 7 раз!), «Сиреневые ивы», «В горах долго светает», «Особое задание», «Подарок для командира», «Прохоровское поле», «Соперники», «Сын отца своего», «Тайфун», «Тревожная тишина», «Хлеб и кровь», «Четырнадцатый костер».

... Мой покойный отец был наслышан от меня о Возовикове. Прочитав его «Поле Куликово», заочно в Володю влюбился. В один из своих приездов в Москву летом 1982 года, отец упросил меня устроить встречу с писателем. Потом признался мне, что никогда в своей жизни не встречал более необычного человека. Володю и впрямь, как говорится, Бог поцеловал в макушку. И в полном соответствии с давно извест-

ным, опять же Божественным, законом взял к себе своего любимца в пятьдесят три года.

Из написанного Возовиковым: «Жизнь бывает часто переменчива./ Падают из рук моих перо./ Позади – беременная женщина,/ Впереди партийное бюро. / И не пишется мне, не читается,/ И не мил мне домашний уют./ Потому, что везде причитается,/ И везде ни х...я не дают. / Начинаем передачу для тех, кто ни с кем не спит. / Давайте, мужики, выпьем за здоровье, а успехи с нас выжмут».

А вот ещё Володины стихотворные строки, которые всегда со мной: «Пока над землёй не взвоятся/ Салюты последних побед,/ Мы – воины всех революций,/ Иного призвания нет». «А ты заплачь или засмейся,/ И я перед тобой в долгу,/ За каждый лучик эдельвейса/ На обессиленном снегу».

ХОРЕВ ИЗ ПОСЛЕДНЕГО ВОЕННОГО ПРИЗЫВА

Полковник Алексей Петрович Хорев – очень дорогой мне человек, необычный во всех отношениях старший товарищ и коллега по службе в «Красной звезде». Кроме всего прочего он ещё был представителем уникального поколения последнего военного призыва.

К концу 1944 года почти вся территория Советского Союза была очищена от фашистской нечисти. Победа приближалась, но никто не знал, когда она случится. Поэтому 25 октября 1944 года Государственный комитет обороны поста-

Алексей Петрович Хорев

новлением № 6784сс объявил призыв на военную службу юношей 1927 года рождения. Всего в 1944 году мобилизовали 1 миллион 156 тысяч 727 человек. В том числе – Хорева. Призванные в возрасте 16-17 лет служили в подразделениях, не входивших в состав действующей армии. Они как бы шли следом за фронтом. Но выполняя боевые задачи, получали и ранения, и даже погибали. Только на территории европейских государств погибло 280 тысяч 18-19-летних советских юношей. И когда нынче кто-то в чём-то обвиняет наших воинов-победителей, поневоле думаешь о том, что мы освобождали Европу от её же коричневой чумы XX века просто-таки неслыханной ценой – самым молодым цветом нации. И всякая мразота ещё будет вякать...

Так вот Алексей Петрович Хорев во всех отношениях очень достойно представлял собой то, закалённое горнилом войны племя, о котором поэт сказал: «Давно отгремели военные годы,/ Никто нас теперь не бросает в прорыв./ Мы честно своё отслужили народу./ Мы – самый последний военный призыв». Скажу даже больше. Сын фронтовика, не вернувшегося с войны, он всю свою последующую жизнь в большом и малом держал как бы внутреннее нравственное равнение на своего отца-героя и потому никогда не допускал поступков и действий, хоть в чём-то предосудительных с точки зрения тогдашней общественной морали. Он во всём был порядочен и до конца честен. Ко всему прочему ещё обладал блестящими профессиональным журналистскими качествами. Младший коллега Хорева полковник Виталий Мороза написал по этому поводу: «Старшее поколение читателей «Звездочки», конечно же, помнит Алексея Хорева. Зритель порой спешит на спектакль только из-за участия в нём любимого артиста, смотрит не самый удачный фильм по той же причине. И в редакциях есть журналисты, выступлений которых ждут с особым интересом, читают от первого до последнего слова, порой – как заметил один из молодых газетчиков – с лупой и карандашом в руках. Алексей Петрович – из числа таких мастеров. Темы

для публикаций он находил неординарные, при письме решительно избегал общих мест, банальностей, назиданий. И слово к слову подгонял плотно, без щелей, чтобы мысль они несли живой и объемной. Давно уже на слуху, скажем, выражение «последний военный призыв». Можно подумать, что оно всплыло на поверхность из глубин минувшего века само собой. Но это не так. Первым его на страницах «Звёздочки» употребил, наполнив общественным звучанием, как раз Алексей Хорев. Ряды фронтовиков редели. Кому надлежало подставить руки, чтобы принять от них святую чашу памяти, традиций, правды о пережитом и нести её, не расплескав, дальше? Последнему военному призыву, считал Алексей Петрович. Хотя бы на несколько лет: истории важно даже мгновение».

Для меня лично Хорев был самым авторитетным старшим коллегой в «Красной звезде». Он действительно, как никто другой из журналистов-краснозвёздовцев, умел даже о самых сложных проблемах военного бытия писать просто, доходчиво и ясно. Вот выдержка из его публикации в журнале «Журналист»: «Ни одна из граней нашего ремесла – ни язык, ни стиль, к примеру, – не рождает столько споров и разногласий, сколько вызывает авторская позиция. Это вовсе не означает, конечно, будто читатель ко всему остальному в нашем деле безразличен. Но перевес читательского внимания к авторской позиции должен постоянно нам быть напоминанием о значении её предельной четкости и безупречной обоснованности, о коварном свойстве нашего оружия – слова, которое, подобно всякому оружию, стреляет в любую сторону. Его, как говорится, бери, да помни: не пальнуть бы невзначай по своим. Словом, сказал поэт, можно убить, словом можно спасти, словом можно на битву полки повести. К этому стоит лишь добавить: словом, особенно печатным, можно еще сбить с толку. И не одного человека, а тысячи людей. Нам, журналистам, следует помнить, что воспользоваться этой потенциальной силой, повести людей на трудное дело можно далеко

не всяким, не шальным, а лишь точно найденным, хорошо выверенным словом. И о том, что словом случайным, непродуманным можно невзначай увести людей не в ту сторону. Об этом, к сожалению, подчас забывают».

...Как-то Алексея Петровича делегировали от «Красной звезды» в Государственную комиссию по приему выпускных экзаменов в Военно-политической академии имени В.И. Ленина. Послушав ответы офицеров-редакторов, Хорев пришел в ужас от той трескучей схоластики, которую на кафедре журналистики насаждал её начальник полковник В.Н. Ковалёв. И Хорев написал в Главпур специальную докладную с резким осуждением казуистической околонанучности, гидропонным методом насаждавшей на профессиональной кафедре. Ковалёва после этого резко окоротили, а потом и вовсе убрали из Военно-политической академии.

Вечно улыбчивый Алексей Петрович слыл среди нас краснозвёздовцев великим либералом и человеком с острейшим языком. Ещё когда он работал в окружной газете, к нему однажды обратился коллега, имевший слегка неблагозвучную фамилию:

- Слушай, Леша. Я тут накопал роман о жизни казаков. Не хуже будет, чем шолоховский «Тихий Дон». Но, ты понимаешь: такую вещь я не могу подписать своей нехорошей фамилией. Мне нужен звучный псевдоним, который бы отражал и мой писательский талант, и мою любовь к Дону.

- Есть такой псевдоним! – мгновенно нашелся Алексей Хорев. – Иван Замудонский!

Увидев заголовок в «Комсомольской правде» «От перwokлашки до академика», он заметил: «А надо было бы комсомолатам написать – «до академашки».

Ещё за ним я записал: «Пока Ваня сидит, он – Сидельников, а встанет – Стояльников! (генерал, заместитель главного редактора «КЗ» по кадрам)/ «Что же после тебя, Леша, останется?» – «То же, что и после тебя – холмик». / Если утром хочется идти на работу, а вечером домой – это и есть

счастье. Другого в нашей жизни не бывает. / Чем хуже дела в приходе, тем больше работы звонарю. / Между Дон Кихотом и Котовским ничего общего, хотя оба были кавалеристами./ Воспоминания – это слоённый пирог из трёх частей. Первый слой – самое памятное. Второй уже требует некоторого углубления. Третий вообще нуждается в исследовании. Но первый – самый верный».

Спрашиваю Алексея Петровича, почему на его белом академическом ромбе нет железки с надписью «ВПА»?

- Да снял я её, чтобы каждая старуха в трамвае не спрашивала, почему не дешевеют продукты.

Алексей Петрович умел сказать, как припечатать. Его за это качество многие побаивались, но большинство любили. На творческих семинарах и летучках он никогда не говорил впустую или ради галочки. Всегда доискивался до сути проблемы и раскрывал её обычно весьма жестко и содержательно. Столь основательными были и его газетные публикации. Все статьи и очерки Хорева мы обычно прочитывали под лупу и с карандашом в руках. Его единственного из краснозвёздцев часто приглашали выступать в главном профессиональном издании страны «Журналист». Все это в совокупности сделало Хорева аксакалом, старейшиной редакционного коллектива задолго до того, как ему подоспел соответствующий возраст.

Признаюсь, как на духу, я всегда искал возможности пообщаться с Алексеем Петровичем. И эта моя настойчивость не воспринималась старшим товарищем, как недостаток. Он, умница, чувствовал и понимал, что мной движет исключительно желание умнеть, взрослеть и становиться профессиональнее при нём и с его помощью. Однажды (Алексей Петрович ещё возглавлял отдел культуры и быта) я написал и через его отдел опубликовал в «КЗ» публицистические заметки «Память сердца» о том, что мы все в долгу перед ветеранами-фронтовиками. Хорев позвал меня в свой кабинет и дал прочитать вот это письмо: «Родные мои, у меня была маленькая

надежда, что после госпиталя хоть накоротке повидаться с вами. От Вязников, где я лечился, до нашего дома недалеко. Но ранение мое оказалось нетяжелым, а нужда в нашем брате у фронта, видать, большая, поэтому снова еду на фронт, хотя кисть моей раненой руки сгибается плохо. Едем мы через Рязань, может быть, поедем и через нашу станцию Александроневскую. Очень, конечно, хотелось бы повидаться. Но отпустить меня из эшелона никто не отпустит, а уйти без разрешения я, вы знаете, не способен. Поэтому простите и прощайте. Буду жив – напишу.

Леня, сынок, тебе в случае моей гибели придется трудней всего, ты еще не встал на ноги. Но я надеюсь на твой разум, на твои способности. Советую тебе лхнуть к технике.

На этом до свидания. Крепко-крепко вас целую. Ваш Петр Хорев».

- Как видишь, даты под письмом нет. Но вот на обратной стороне треугольника – отчетливый почтовый штемпель: "Богоявленск, 22.8.42". Значит, свою станцию Александроневскую, от которой до нашего дома в деревне километров десять-двенадцать, отец мой точно проехал. Останавливался ли тут эшелон – трудно сказать. Но если б и остановился, отец – в этом я несколько не сомневаюсь – самовольно из эшелона не ушел бы. Человек он был беспартийный, малограмотный (в школу ходил лишь две зимы). До революции и после крестьянствовал в Новодеревенском районе Рязанской области. Позднее, в 30-е годы, работал на кирпичном заводе. Он не любил громких слов и никогда их нам не произносил, но отличался большой честностью, совестью, рассудительностью и трезвостью поведения. Перед ним, я более, чем уверен, стояла, несомненно, эта мучительная дилемма: повидаться или не повидаться с семьей. Ехал ведь не на курорт, а на фронт. А что это такое – он уже хорошо знал. В гражданскую немного понюхал порошу и в этой, Великой Отечественной, был уже один раз ранен.

И вот опять мой батя, красноармеец 173-й стрелковой дивизии ехал на фронт... Стоял, наверное, в дверях теплушки и мысленно прощался со своими родными местами.

Уже много позже, по архивным документам, мне удалось установить, что на станции Арчеда – это уже подступы к Сталинграду, 24 августа 1942 года выгружались из эшелонов и сосредоточивались прибывшие из резерва Ставки войска 24-й армии, в состав которой и входил 173-я стрелковая дивизия. В 15 часов 5 сентября армия перешла в наступление. Некоторые её части вступили в бой после 50-километрового марша. Задача – нанести по противнику удар в направлении Басаргино. Сбили боевое охранение гитлеровцев, но встретили упорное сопротивление в главной полосе обороны. К исходу 5 сентября продвижения не имели. В течение всего сентября нависали с севера над основным ядром вражеской группировки и вели упорные наступательные действия. Успех, если судить по отвоеванной территории, был невелик, но силы врага оттягивались и изматывались, истощались. Так по крупницам и добывалась победа. В тех кровопролитных, но малоуспешных боях и участвовал мой отец. Правда, опять очень недолго. Я не располагаю никакой информацией о том, как он воевал, но ни на йоту не сомневаюсь, что – на совесть, честно. По-иному просто быть не могло.

Это отцовское письмо от 22 августа 1942 года оказалось последним. Дальнейшая судьба отца оставалась неизвестной. Извещения о гибели мы не получали. На все запросы поступал стереотипный и странный ответ: "По спискам убитых, умерших от ран и пропавших без вести не зарегистрирован". Только в 1951 году, спустя девять лет после смерти отца, когда я был уже офицером и служил в Группе советских войск в Германии, на очередной мой запрос из архива на имя командира части пришло официальное сообщение: был ранен и умер от ран... похоронен...

Когда я уже работал в «Красной звезде» и в Центральный архив Министерства обороны СССР стал ходить как на

работу, мне удалось установить, что умер отец в полевом госпитале № 485 – 18 сентября 1942 года. Похоронен в братской могиле на хуторе Медведев Иловлинского района Волгоградской области. Значит, ранен он был где-то между 5 и 18 сентября.

Не услышал, увы, отец мой залпов нашего мощного контрнаступления под Сталинградом, не порадовался окружению нашими войсками более чем трехсоттысячной группировки гитлеровцев. Сколько и сегодня полынной горечи в этих подробностях!

Теперь тебе должно быть понятно, почему я заинтересовался твоими рассуждениями и поисками. Писать о героическом прошлом непросто. Трудно не сбиваться на одни восторженные эпитеты и казённый патриотизм. У тебя то и другое проскальзывает. Обрати внимание, где я тебя ненавязчиво подправил. А вообще-то ты молодец, что берёшься за такие темы...»

Сам Хорев регулярно писал блестящие материалы о Великой Отечественной войне. Его перу принадлежит до сих пор никем непревзойдённый целый цикл публикаций о полководцах Победы. В них всё: и редкие, никем не исследованные исторические документы, и блестящая, истинно херевская публицистика, и душа пишущего.

Уже упоминаемый Виталий Мороз писал: «А ещё была у Хорева безмерно волнующая его сердце страсть: любовь и интерес к Сергею Есенину. Алексей Петрович при случае мог прочитать наизусть многое и от других поэтов. Но Есенин! Он ведь, как и Хорев, – из самых наших, рязанских! Знаю, что в очень дружной семье Хоревых, в стенах их уютной квартиры всегда царил атмосфера преклонения перед русским словом, его культ. И вот теперь, когда Алексея Петровича нет уже среди живых, в этом доме бережно, с соблюдением всех литературоведческих канонов подготовили к публикации его переписку, связанную с С.А. Есениным. Черновые записи с мыслями о поэте, малоизвестными сведениями о

нём. Видишь, что сразу после войны Алексей Хорев при трёх маленьких звездочках на погонах с юношеским напором бомбардирует письмами тех, от кого это зависело, требуя переиздания Есенина. Пытается по-своему убедить всех, что для искалеченного войной поколения фронтовиков есенинское слово – бальзам, что разоренной стране оно нужно не меньше, чем хлеб, цемент и кирпич. Из журнала узнаю, что один из известных критиков тех лет, благословляя к печати толковую работу о Сергее Есенине, подкрепляет в рецензии свое мнение выдержками из письма молодого офицера Хорева, несущего службу где-то на Урале. Удивляюсь, сколь настойчиво капитан Хорев выясняет: действительно ли знаменитые «Персидские мотивы» его земляка родились, как утверждала доверенная энциклопедия, на земле Персии? Письмо долго гуляет по инстанциям. В конце концов, Алексей (отчество тогда из-за молодости можно было опустить) получает ответ, не вызывающий сомнений. Нет, не был Сергей Александрович Есенин в Иране, персидские мотивы ему навеял Азербайджан. И отвечал неизвестному офицеру Советской Армии человек, в бакинской квартире которого Есенин жил, который лично присутствовал там, где принималось решение удержать поэта на своей земле: в Персии присмотр и уход за ним обеспечивать было некому. Хорев не только переписывался с теми, кто знал Есенина, исследовал его творчество, не только собирал в домашнюю библиотеку раритетные издания его поэзии, книги и статьи о нем, но и не раз встречался с Корнелием Люциановичем Зелинским – критиком, человеком, любившим, понимавшим и ценившим Есенина столь же искренне, как и Хорев».

Алексей Петрович, в силу опять же того обстоятельства, что принадлежал к последнему военному призыву, не отличался могучим здоровьем. Отрочество и юность провёл в годе, холоде и нечеловеческих лишениях. В конце концов, он и умер в вагоне метро на пути из редакции домой. Выпивал поэтому на наших редакционных посиделках очень редко и

очень мало. И вдруг однажды приходит ко мне в отдел с бутылкой водки! Надо ли говорить, сколь я был удивлен, если не сказать ошарашен. Хотя, как говорится, я и набивался к нему в друзья, но о субординации ведь никогда не забывал и запанибратства себе не позволял.

- У меня с тобой деловой разговор будет, – сказал Петрович. – А какой же деловой разговор без бутылки. Так вот, хочу взять тебя в мой отдел. Что думаешь по этому поводу?

Честное слово, у меня вообще ступор наступил. Тут непременно следует подчеркнуть, что отдел очерка и публицистики, который к тому времени редактировал Хорев, считался, и не без оснований, самым элитным, самым звёздным отделом для «небожителей». Достаточно сказать, что его сотрудники могли вообще на службу не являться. Приходили они в редакцию лишь для того, чтобы сдать свои «нетленки» в печать, получить жалование и гонорар или на общие редакционные мероприятия. В отдел брали только лучших из лучших редакционных перьев, каковым, объективно, я не являлся, не смотря даже на некоторые спесь и гонор, к тому времени уже мною приобретенные. Однако, не до такой же степени, чтобы не понимать: не дорос я до хоревской компании. С другой стороны, такие предложения дважды не делаются, и если я им не воспользуюсь, то потом всю жизнь буду локти кусать. Но ведь еще хуже: назваться груздем, полезть в хоревский кузов, а потом всем продемонстрировать свою немощ и быть с позором изгнанным. Такого я не перенесу. Короче, я ответил Хореву, что хоть мне до чрезвычайности приятно и лестно его предложение, но я объективно еще не чувствую в себе сил принять такую честь.

Плеснув в стаканы по чуть-чуть водки (и больше, кстати, не наливал), Алексей Петрович сказал:

- Давно к тебе приглядываюсь и, мне казалось, что хорошо тебя изучил. Полагал, что сходу, не раздумывая, согласишься. А оно вон как обернулось. Уважаю...

Дальше он продолжал говорить обо мне очень тепло и по-доброму. Если бы в тот же вечер я даже не записал его слов в свой дневник, то всё равно никогда бы их не забыл, потому что, честно говоря, никогда не рассчитывал их услышать из уст такого человека. И, видит Бог, привел бы их в этих заметках, если бы Алексей Петрович был жив. Но его, представителя последнего военного призыва, уже нет с нами почти два десятилетия.

ОСТОРОЖНАЯ МУДРОСТЬ ПАНОВА

Генерал-лейтенант Иван Митрофанович Панов с июля 1985 года по март 1992 года возглавлял газету «Красная звезда». А трудился в ней с 1960 года. Прошёл все ступеньки не самой впечатляющей иерархической редакционной лестницы: корреспондент; «передовик» (редактировал так называемые флаги номера – передовицы); заместитель, редактор отдела боевой подготовки Военном-Морского Флота; первый заместитель и, наконец, главный редактор.

Главный редактор Иван Митрофанович Панов с начальником фото-отдела Дорофеем Петровичем Гетманенко.

В некрологе о нём писалось: «Подлинный профессионал своего дела. Любил газету и неустанно заботился о повышении её авторитета среди читателей, пополнении редакционного коллектива литературно одаренными работниками, способными принципиально ставить актуальные вопросы и отстаивать свое мнение до конца. Журналистское сообщество избирало И.М. Панова своим секретарем, делегировало представителем на Съезд народных депутатов СССР.

В непростое для страны и армии время Иван Митрофанович Панов, как главный редактор, сделал все, чтобы сохранить «Красную звезду», сберечь ее традиции и влияние на читательскую аудиторию. И.М. Панова отличали высокая требовательность, умение вдохновить молодых журналистов на творческий поиск, скромность и теплое отношение к людям. Он пользовался в редакционном коллективе заслуженным авторитетом, с ним охотно делились мыслями, дорожили его добрым советом. Позицию И.М. Панова как руководителя газеты ценили и уважали во всех структурах военного ведомства».

Ну, насчёт уважения «во всех структурах военного ведомства» автор сих строк бы доказательно поспорил. А в остальном – всё написано верно. Потому как я имел счастливую возможность испытывать благотворное, созидательное и даже вдохновляющее влияние Ивана Митрофановича на себе лично.

Ф.Н. Халтурин часто мне повторял: «Я не понимаю, Михаил Александрович, почему вы не дружите с Ваней Пановым. Ведь нет же в редакции интереснее человека, чем он». И он был прав стопроцентно, но я же не мог подойти к Ивану Митрофановичу и предложить: «А давайте мы с вами будем дружить». Между нами лежала пропасть возрастная, интеллектуальная, корпоративная и ещё черте какая.

После окончания военно-морского училища Панов попал служить на крейсер. Командир, внимательно рассмотрев молодое пополнение, распределил всех по боевым постам. Худого, как жердь, какого-то шарнирного Панова, на котором форма сидела, словно седло на корове и вдобавок еще в фуражке отсутствовала пружина, офицер в сердцах отправил «в обоз» – к политработнику. Через пару месяцев, однако, он затребовал нескладного Панова на первую боевую часть (БЧ-1): «У этого парня, – заметил удивленным офицером, – пружина, оказывается, не в фуражке, а в голове».

Самый близкий мой друг-краснозвёздец Чупахин говорит: «Так это ж байка, придуманная в застолье Бароновым – однокашником Панова!» И я соглашаюсь с Володей, который лучше всех, пожалуй, знает человека, лично бравшего его в «Красную звезду», а потом и оставившего вместо себя в кресле главного редактора. Но потом сам про себя думаю: а ведь ни о ком из куда как талантливых краснозвёздовцев не придумана такая славная легенда про пружину в голове. Нет, что ни говори, а Панов был особо мечен Судьбой...

Родился Иван в семье бригадира полеводческой бригады колхоза «Красный Октябрь» Воронежской области Митрофана Панова. Отец в 41-м ушел на фронт и пропал без вести. Но жестко воспитывала Ваню не мама, а старшая на 14 лет сестра Матрёна, ставшая Героем Социалистического труда. На Черноморский флот Панова призвали в 1944 году. Воевать ему не пришлось. Боевые действия на Чёрном море завершились, и моряки занимались ремонтом кораблей, причалов, но более всего – разборкой разрушений и завалов. Часто подрывались. Такая участь могла постигнуть и Панова. Но Судьба, как уже говорилось, определённо ему благоволила. А иначе как бы он попал на редакторское отделение Ленинградского военно-морского политического училища. Которое окончил с отличием и был направлен на тот самый крейсер «Свердлов».

Командир капитан 1 ранга Олимпий Рудаков действительно положил глаз на старлея Панова. И когда случился официальный визит корабля в Англию по случаю коронации Елизаветы II (да-да, той самой, Виндзорской, что правила Британией почти 70 лет!), взял молодого офицера с собой на банкет. И Ваня из Воронежского села Данково сподобился приложиться к ручке молодой королевы! Разумеется, – после своего доблестного командира. А последний от имени Правительства СССР вручил Елизавете горностаевую мантию. И эта пикантная деталь нашла своё место в отчёте, посланном старшим лейтенантом Пановым в газету «Советский флот».

В те годы она во всём соперничала с «Красной звездой». Что и неудивительно. Возглавлял главную морскую газету контр-адмирал Иван Золин. В войну он считался ведущим фронтовым корреспондентом «Правды». Именно он руководил группой журналистов, которая освещала подписание Акта о капитуляции Германии. Так вот Иван Иванович первым и разглядел в своём тёзке Митрофановиче будущего главного военного журналиста Советского Союза. Ибо, когда Военно-Морской Флот лишили министерского статуса, упразднили и газету. Именно тогда «Красная звезда» с подачи Золина, и пополнилась десятком лучших перьев из бывшего флотского соперника. И здесь капитан 3 ранга Панов оказался первым среди равных. Должности его редакционные я уже перечислял. Но забыл упомянуть о том, что, возглавив КГБ, Ю.В. Андропов организовал аналитическую структуру при своём Комитете. И затребовал туда Панова! Главный редактор «Красной звезды» генерал-лейтенант Н.И. Макеев грудью встал на защиту боевого штыка. Оказывается, он уже тогда рассматривал его на своё место. Иван Митрофанович Панов действительно был умницей из умниц. И совершенно неконфликтным человеком, которого, по-моему, просто невозможно было вывести из себя. Работать он мог с кем угодно. Как-то, походя, обронил о своём заместителе Сергее Быстрове, рвущемся к рулю военно-морского отдела, а в перспективе, как оказалось, и руководству «Красной звездой»:

- Серёжа из-за карьеры по чьим угодно головам пойдет.

- Тогда почему же вы от него не избавитесь? – искренне удивился я.

- Ну, работник-то он отличный, – заметил невозмутимо Панов.

Не я первый заметил, что у этих морских харизматиков наблюдались удивительные отношения, чем-то отдалённо напоминающие «любовь-ненависть в одном флаконе». Да нет, пожалуй, намного глубже. Быстров мог пикироваться с Пановым на любую тему и даже подтрунивать над последним. Его

рассказ о том, как шеф, обучаясь вождению на собственных «жигулях» несколько раз въезжал в зад одной и той же машины, знали со слов Сергея многие в редакции.

Однако Иван Митрофанович терпеливо сносил все подначки подчинённого: «Что поделаешь, люблю я его». И в тоже время сделал всё от себя возможное, чтобы любимец на занял его место. Уже один этот факт достоин глубокого и непредвзятого осмысления. Так я вам раскрою ещё более глубинную, пронзительно потрясающую ситуацию почти мистической связи этих людей. В «Красной звезде» всегда служило много моряков – примерно, четвёртая часть коллектива. Но упокоился краснофлотец Иван Панов, фигурально выражаясь, именно на руках моряка Сергея Быстрова.

Когда Иван Митрофанович выступал на летучках и прочих редакционных сборищах, я слушал его, не закрывая рта. И вот сейчас, честно, как на духу, признаюсь, искал его дружбы даже безотносительно халтуринского совета, потому что Панов, повторяю, олицетворял собой кругом и во всём интересного человека. Правда, отношения наши не складывались, как мне хотелось, и в силу уже упомянутых причин, да и просто потому, что я для Панова в те годы не представлял никакого интереса. Хотя, правда и то, что он никогда не упускал случая похвалить мои творческие удачи. Так молодых он всех хвалил и никогда им не чинил никаких козней. Более того, когда я ушёл из «Красной звезды» на работу в ТАСС, мне однажды генерал-полковник Н.М. Бойко передали отзыв Ивана Митрофановича: «Да, Николай Макарович, у Захарчука такое острое перо, что я бы лично не хотел быть им задетым».

Сам Панов владел пером безупречно и не побоюсь этого слова, виртуозно. Однажды посткор написал очерк о капризе, который уже «на сносях» перед пенсией давал фору молодым. Байка начиналась с подробного и красивого описания того, как уже пожилой мужик, почти полста лет, по утрам занимается физическими упражнениями, мучит железо, турник и всё

такое прочее. Панов перечеркнул страницу текста и вставил два предложения: "Проснулся. Сделал зарядку». Возвращая материал подчинённому, очерчивал один абзац со словами: «Здесь зарыт серьёзный очерк. Причём, не очень глубоко». Наш редакционный анфан террибль Виктор Филатов написал критический материал, как всегда «лохмато, но задиристо». Дежурный редактор всё по-краснозвёздovski «пригладил». Панов восстановил со словами: «Художник-реалист не может улучшить картину импрессиониста. К филатовскому творчеству нельзя подходить с мерками классической редакции. У него все сплошь спорно, дискуссионно, провокативно. Но, с другой стороны, – интересно же! А главное: люблю я этого «импрессиониста» лысого. Панов очень много читал. Наш отдел литературы и искусства выписывал все толстые журналы СССР. Если я не находил там очередной новинки, знал: «Ваня-пострел» уже успел.

...Первый день путча 1991 года. Дежурной группе Панов отдаёт приказ верстать номер исключительно из материалов, переданных по ленте ТАСС. Начальник корсети предлагает сообщения посткорров с мест: «Мотострелки поддерживают ГКЧП». «Авиаторы одобряют». «Моряки-подводники – за порядок». Иван Митрофанович ухмыляется: «Оперативные ребята. Поперед батьки в пекло лезут. Нет!» Начальник группы социально-политического анализа хочет опубликовать интервью о событиях: высказывания участников, как с одной, так и с другой стороны.

- Да Вы с ума сошли! – возмутился главный. – С одной стороны, с другой. Армия и так в жутких ножницах! Плохо, когда военный человек не получает конкретных приказов. Это – беда. Но если он получает противоречивую информацию и разные приказы с разных сторон, – это уже катастрофа. Володя Чупахин рассказывал мне: «Тогда нам, молодым, ретивым, казалось: Панов не просто осторожничают – трусит. И только со временем я понял: решать так, как он решал, оказалось самым мудрым выходом в той архисложной ситуации.

Минобороны молчало, Главпур молчал. На моих глазах Панов трижды звонил по «кремлёвке» Язову. Но порученцы каждый раз отвечали: «Министр отдыхает. Велено не беспокоить». Недоступен был и Шляга – начальник Главпура. Молчал и Манилов, начальник Управления информации Минобороны.

Что было делать главреду центральной военной газеты? Взять и встать под флаги ельцинистов, как это сделали некоторые высокопоставленные генералы? О, это сделало бы Панова эдаким «светочем демократии». И не увольнение из армии ему бы светило, а, возможно, какие-то новые витки карьеры. Но, впрочем, подобный вариант бессмысленно рассматривать даже гипотетически. Панов с его убеждениями никогда бы на такое не пошёл. Это же не идеологический перевертыш Волкогонов. То был ПАНОВ!»

В другой раз главный поставил Чупахину задачу: «Срочно готовьте справку «О названии газеты «Красная звезда». Судьбу её точно будут решать те, кому безразлично многое из того, что для нас дорого. Им наплевать, что «Красная звезда» – газета с великими традициями. Их не трогает то, что в годы Великой Отечественной – это была газета №1, в которой работали Симонов, Эренбург, Шолохов, Сурков. Им до лампочки то, что есть огромное число людей, причем не только военных, которые душой прикипели к нашей газете. Для нынешних «демокомиссаров» все это – сантименты. Но их, как быков, раздражает «красный цвет», и они начнут первым делом с атак именно на название газеты. Поэтому соберите все аргументы в пользу того, что это название – не только коммунистический символ. И обязательно докажите: «Красная звезда» – не просто название, это «бренд», которым надо дорожить». Так благодаря Панову, «Красная звезда» осталась «Красной звездой». А ведь были деятели, которые предлагали выпускать вместо неё «Войсковой круг», «Щит России» и много еще какой-то конъюнктурной мути!

В своё время Ивана Митрофановича избрали народным депутатом СССР. Причем, не по «квоте» КПСС, а от Союза

журналистов. С ним конкурировали Эдуард Сагалаев, Александр Бовин, Отто Лацис и другие менее известные кандидаты. Панов их всех победил, потому что сумел определить главное направление своей будущей депутатской деятельности: развитие местной прессы.

Став депутатом, он не рвался на трибуну, как многие экстремисты того времени. Зато активно работал в группе, подготовившей к принятию один из самых прорывных перестроечных законов – Закон о печати, который впервые заложил законодательные основы для отмены цензуры и свободы СМИ. Нынешний российский Закон о СМИ – это, в сущности, потомок того Закона советской поры, в котором Панов сыграл роль решающую.

После путча уже известный перевёртыш генерал Волконов заявил, что «Красная звезда» «идеологически готовила путч». Ему вторил «военный демократ» В. Смирнов с трибуны Внеочередного съезда народных депутатов СССР: «Необходимо немедленно снять с руководящих должностей всех уровней одиозные личности, разжаловать на несколько ступеней и уволить, потому что те, кто поддерживал путчистов, по сути разваливал армию. Необходима смена редколлегий и редакторов военных изданий, которые сознательно готовили своих читателей к путчу!». Первым номером в списке «приговоренных» стоял, конечно же, Панов.

А между тем, Иван Митрофанович был вполне себе прогрессивно мыслящим человеком. Однажды его пригласили на безумно популярную в ту пору телепередачу «Взгляд». «Звездные» ведущие Влад Листьев и Александр Любимов решили выставить гостя махровым ретроградом, противником военной реформы и устроили ему «допрос», задавая один каверзный вопрос за другим.

- Почему вы так оголтело противитесь идее «профессиональной армии»?

- А с чего вы взяли, что мы против? Мы просто призываем просчитать, сколько будет стоить то, что вы называете

«профессиональной армией», и прикинуть, есть ли сегодня у страны финансовая база для ее создания?

- Все вы, генералы, боитесь радикального сокращения Вооружённых Сил?

- Это в корне не верно. Сокращать надо. Только не «на глазок» и не механически. Для начала хорошо бы политическому руководству страны разработать новую Военную доктрину. Вот тогда и будет понятно, что можно рубить радикально, а что нельзя.

И так – по всем позициям Панов «обломал» взглядовцев. Любимов сник, а умница Листьев честно подвел итог:

- Да, Иван Митрофанович, если б все генералы были столь демократичны, мы за нашу армию были бы спокойны.

Кто-то если не скажет, то подумает: экого ангела с крылышками рисует автор из генерал-лейтенанта. Да нет, Иван Митрофанович был живым человеком, а, значит, и со многими недостатками. Как уже говорилось, любимчиков имел в редакции. Его осторожность зачастую переходила в откровенную перестраховку и чего там юлить, – даже в трусость. Ну, ведь не зря же о нём в редакции говорили: «Панов никого не боится, кроме жены, начальников и подчинённых».

Постоянный корреспондент в Чехословакии подполковник Анатолий Поляков прислал мне свыше ста писем советским воинам, написанных их родными и близкими. Их нашли в чехословацком городишке Блудове. Немедля я подготовил большой материал «Находка в старом доме», где не только приводились бесподобные по своему содержанию письма, но и указывались адреса фронтовые и тыловые. Разумеется, рассчитывал, что отзовутся и бывшие фронтовики, и те, кто им писал. А уж о предвкушении журналисткой удачи, по-моему, и говорить излишне.

Панов, тогда ещё первый заместитель главного редактора, и дежуривший по номеру член редколлегии, редактор по отделу пропаганды капитан 1 ранга Николай Шумихин категорически разделяли иное мнение о ценности материала. Бо-

лее того: предложили мне снять его с полосы. Как полагаете, что вызвало у них сомнения? Никто и ни в жизнь не способен будет о том догадаться!

- А вы можете нам гарантировать, – сказал Панов с металлом в голосе, – что все фронтовые адресаты либо убиты, либо возвратились с войны домой, то бишь, в Советский Союз?

- Побойтесь Бога, Иван Митрофанович, но я же вам не Ванга.

- Вот-вот. Юмор ваш я, конечно, ценю, но в то же время и замечу, что из более чем ста солдат и офицеров, кому написали их родные и близкие, пара-тройка человек запросто могли ведь попасть в плен и выжить там, на Западе. И вдруг откликнутся на нашу публикацию. «Красную звезду» ведь читают по всему миру. Вы представляете себе возможную ситуацию, и каким боком она нам может вылезть?

Представить подобное, взобраться на такую космическую высоту сомнений, конечно же, мне было не дано. Однако и отступать я не собирался, о чём категорично предупредил краснофлотцев Панова и Шумихина. Не представляя своих дальнейших действий, я понимал, что трусов-редакторов можно задавить только силой угроз. И пообещал им, что ни перед чем не остановлюсь, но письма эти опубликую даже в другой газете, даже с помощью ЦК КПСС. И Панов сдался. Скандал в собственной газете выглядел для него страшнее, чем им же вымышленное подозрение. Наш с Поляковым материал был напечатан в «Красной звезде» и даже отмечен.

Последний раз я свиделся с Иваном Митрофановичем на полсталетнем, как сказали бы моряки, юбилее Володи Чупахина, где исполнял обязанности тамады. Само собой, первое слово предоставил Панову. Ведь именно он, заметив в Черноморской флотской газете способного лейтенантика, взял того в штат «Красной звезды» и вырастил со временем из него своего приемника.

Иван Митрофанович говорил, как всегда, интересно, образно, но, по своему обыкновению, длинно и витиевато. Мне запомнилась одна, почти что фрейдовская деталь. Перед тем как окончательно решить вопрос с Чупахиным, Панов, оказывается, позвонил флотскому кэргэбэшнику и поинтересовался, что из себя представляет парень, так сказать, по «особой линии надежности». Контрик, по случайному совпадению оказавшийся и знакомцем Панова, дал Чупахину отличную характеристику, назвав как недостаток, нелюбовь лейтенанта к художественной самодеятельности. Ивану Митрофановичу недостаток этот наоборот импонировал – сам не любил на сцене кривляться.

Дождавшись окончания речи нашего патриарха, я предупредил собравшихся: столь длинно разрешается говорить лишь красноречивый легенде. Остальные должны помнить о краткости – сестре таланта. Думалось, удачно пошутил, а теперь, спустя много лет, вижу: что всего лишь назвал вещи своими именами: Панов действительно ещё при жизни своей стал живой легендой, последним могиканином, чудом сохранившимся реликтом даже не советской – сталинской эпохи, в котором чувство осторожности, опасности и даже страха гнезилось на генном уровне. Но, как ни странно, именно благодаря такой мудрой пановской осторожности и была в своё время сохранена главная военная газета России «Красная звезда». Ни больше, но и не меньше. А Панов будет жить в нашей памяти, покуда мы живы...

МОЙ ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

«Особым отделом» в советские времена называлось специальное подразделение, сотрудники которого следили за режимом секретности на предприятиях и учреждениях. Для меня особым, не в переносном, а в прямом смысле слова был отдел боевой подготовки Ракетных войск и Войск ПВО, который возглавлял полковник Алексей Николаевич Кулаков. Невысокого роста, плотно скроенный, он излучал почти ося-

заемое обаяние. Наверное, и потому, что в службе, в профессии и в быту этот офицер придерживался высочайшей партийной нравственности. Понятное дело, что нынче такое понятие, как партийная нравственность, тем более высочайшая звучит почти иронично. Но это лишь потому, что кое-кто из нас стал забывать, а многие и вообще не помнят, что члены

Редактор Алексей Николаевич Кулаков (в центре) с подчинёнными: слева – Олег Фаличев, справа – Николай Калмыков и Анатолий Белоусов.

Коммунистической партии бывали разные. Кулаков слыл коммунистом образцовым. Всегда и во всём. Участник Великой Отечественной войны он принадлежал к той особой плеяде краснозвёздовцев-фронтовиков, которых мне ещё посчастливилось застать.

Вот их имена: Николай Иванович Макеев, Иван Иванович Сидельников, Алексей Михайлович Крысов, Павел Семёнович Панасенко, Олег Борисович Баронов, Виктор Исаакович Попов, Андрей Архипович Кудрин, Евгений Алексеевич Смирнов, Михаил Леонтьевич Петрушин, Станислав Ивано-

вич Ковалёв, Иван Митрофанович Панов, Алексей Петрович Хорев, Михаил Степанович Кореневский, Александр Андреевич Сгибнев, Анатолий Никифорович Марков, Алексей Павлович Леонтьев, Манки Александрович Пономарёв, Василий Михайлович Пустов, Яков Алексеевич Ершов, Николай Тимофеевич Седых, Александр Николаевич Сергеев, Василий Миронович Змитренко, Андрей Иванович Бескоровайны.

Кулакова в этом бессмертном строю отличала потрясающая офицерская и человеческая порядочность. Никто и никогда не мог ему закинуть упрёк в каком-то недостойном или хотя бы неприглядном поступке. Никогда он не повышал голоса на подчинённых. Никогда не поступал вопреки своей совести.

Ну и, наконец, именно голос Алексея Николаевича оказался решающим, когда на редакционной коллегии обсуждался вопрос о зачислении в штат выпускника Военно-политической академии капитана Захарчука. Подводя итоги, главный редактор Н.И. Макеев сказал: «Ну что ж, будем брать. Хотя я не сторонник зачисления в штат младших офицеров. Но если за него ручается Алексей Николаевич, то у меня нет вопросов. Ещё не было случая, чтобы выдвиженцы Кулакова нас подвели».

А.Н. Кулаков прошёл ускоренный курс Уральской Троицкой военно-авиационной школы. Успел повоевать воздушным стрелком на самолёте Ил-2 в составе 109-й и 143-й гвардейских штурмовых авиадивизий. После войны работал литературным сотрудником газеты «Крылья Победы» 2-й воздушной армии. В 1950 году окончил Рижское военно-политическое училище ВВС. Служил корреспондентом газет «Советский пилот» и «Крылья Советов». Затем окончил редакторский факультет Военно-политической академии им. В.И. Ленина. «Красная звезда» взяла его постоянным корреспондентом по Бакинскому округу ПВО. С 1966 года Кулаков – в аппарате редакции. Возглавил один из ведущих отделов. Три года исполнял обязанности ответственного секретаря га-

зеты. Награждён тремя орденами. После 43 лет военной службы Алексей Николаевич трудился в газетах «Труд», «Ветеран». Редактировал Бюллетень Академии наук.

Ко мне Кулаков всегда относился по-отечески заботливо, но и требовательно. Однажды я пришёл на субботнее дежурство, как «свежая голова», в партикуляре. Алексей Николаевич заметил: «Не ходи на службу в гражданской одежде. Главный этого не одобряет. Да и не к лицу приличному офицеру манкировать формой».

В другой раз, уже будучи ответником, предложил: «Михаил, ты сделал интервью с Сенкевичем. А не мог бы попросить телеведущего, чтобы он устроил для газеты беседу с Хейердалом? Ведь знаменитый путешественник во время Великой Отечественной войны сражался на нашей стороне». Эксклюзивной сенсацией эта новость не являлась. Отечественный агитполитпроп нет-нет, да и вспоминал, что «великий Тур» воевал в составе советских войск. Однако я сразу оценил, что журналистской удачей, и, может быть, весьма крупной, здесь пахнет определенно. И сел названивать Сенкевичу. Дозвонился. А он, сквозь зубы, с явным раздражением дал мне сокрушительный отлуп: «Ты даже представить себе не можешь, какой у Тура плотный график. Такие вещи, дорогой мой, надо оговаривать загодя, чтобы для них резервировалось место и время. Бывай!»

Ну, как вам, читатель, описать мое тогдашнее состояние с учетом такого незамысловатого обстоятельства, что Кулакову я определенно пообещал материал сделать? И вот перед таким человеком я предстал бахвалом и пустобрехом. Да только откуда же мне было знать, что Сенкевич окажется столь неблагодарным? А ведь я ему очень пригодился. С гневом и злостью я поведал об этом Алексею Николаевичу. Он мне посочувствовал, и с тем мы отправились по домам. Меня донимала досада: долг Сенкевича имел такую прекрасную возможность покраснеть платежом (да простится сия таволо-

гия), а в итоге я, как та пушкинская старуха, оказался у разбитого корыта. Вот и верь после всего людям!

Ближе к полуночи позвонил Юрий Александрович: «Ты не обижайся, Михаил, но в создавшейся ситуации я тебе действительно ничем помочь не могу. Да ещё и задержали меня со всех сторон. Однако в следующий приезд Тура обещаю: интервью тебе будет всенепременно. Только интервью – это же пустышка. Предположим, уделит он тебе двадцать – тридцать минут. Ну, час – в лучшем случае. И что ты за это время через переводчика из Тура выудишь? Расхожие сведения, не более того. Я же тебе предлагаю оригинальный журналистский ход, которым самому недосуг воспользоваться – времени катастрофически не хватает. А вот ты, наверняка, сможешь это сделать. Пусть о Хейердале, о его участии в норвежском сопротивлении, в совместных боевых действиях с нашими воинами расскажут его самые близкие друзья. Пиши их телефоны и адреса. Можешь начинать с меня. О своём боевом прошлом Хейердал мне часто рассказывал».

Публикация в итоге у меня получилась более чем звонкая. Её перепечатали несколько норвежских изданий. Прозвучала она на Центральном телевидении в программе «Служу Советскому Союзу!». Вышла в литературно-художественном сборнике Политиздата «Они сражались с фашизмом».

Когда я пришёл на двухмесячную стажировку в отдел Кулакова, там трудились полковник Борис Григорьевич Ляпкало, Виктор Павлович Полежаев и Николай Сергеевич Калмыков. Два последних офицера были моими сослуживцами по окружной газете «На страже» Бакинского округа ПВО. И в этом месте я вот на чём бы хотел сделать акцент.

В те годы, когда я служил в «КЗ», сотрудников для её редакции подбирали, как уже говорилось, рассматривая их «под лупой». Что это значило? К возможному кандидату долго присматривались все работники отдела, предполагавшего взять новичка. Ему посылались задания, о нём наводились справки через кадровые каналы. Эта селекционная работа

могла длиться месяцами и даже годами. Наконец, наступало время, когда с будущим краснозвёздцем ехал знакомиться на месте член редколлегии. И только после его «добра» запускался процесс оформления в штат. Кулаков поэтому дважды приезжал к нам в редакцию, но там я его видел только мельком. Зато с двумя отобранными им офицерами меня связывали многолетние дружеские отношения.

Витя Полежаев был немножечко, как бы и не от мира сего. Разыграть его поэтому не представляло элементарного труда. Приезжает из очередной командировки и привозит «Эликсир по отращиванию волос на голове» (сам был лысый как бубен). И показывает рекламные фотографии, где совершенно плешивый субъект кавказской наружности становится кудрявым.

- Витя, – говорю, – их же в обратном порядке следует рассматривать. Неужели ты и в самом деле веришь в такой элементарный трюк?

- Ох, ты чёрт, а я об этом и не подумал.

Павлович был у нас знаменит тем, что проживал буквально у входа в метро... Полежаевская. Мы подтрунивали над его «жадностью»: надо же приватизировать аж целую станцию метро. А ещё Витя писал стихи. Читал их на моей свадьбе. Поэзии его я не помню, поскольку не шибко могучей она была. Но то, что на его служебном уазике мы вдвоём несколько дней доставили и возили продукты для моей бакинской свадьбы никогда не забуду.

РАДИОЛОКАТОРЖНИК КАЛМЫКОВ

Летом 1973 года, когда я прибыл после Львовского политехнициста в газету Бакинского округа ПВО «На страже» для дальнейшего прохождения службы Коля, нет еще для меня, лейтенанта, майор Калмыков, оказался в числе первых, с кем я близко сошелся. На почве фанатической преданности волейболу. Мы с ним первыми приходили по утрам на площадку, последними ее покидали. Он играл довольно средне,

но пасы мне умел выдавать удивительные – сантиметров 70-80 над сеткой. И я бил, простите за нескромность, пушечно. Так мы с ним несколько лет «тандемилы» на волейбольной площадке, всегда выигрывая.

А еще Коля всегда писал стихи. Очень, доложу, приличные стихи. Это я понимал и еще потому выделял Калмыкова среди других. Помнится, он мне дал «Автобиографию» Евтушенко. До сих пор она у меня хранится, переписанная рукой давно уже покойного тестя. Потом Колю взяли в «Красную звезду». Но не за поэтические – профессиональные способности. Военный инженер-радиолокаторщик Калмыков, как специалист, имел среди нас, журналистов в погонах, авторитет непререкаемый. Он шесть лет (без нескольких, по-моему, 16 дней) провел на острове Огурчинский, что невдалеке от Ашхабада. Та служба считалась ссылкой. О ней можно было написать душещипательную сагу. На военном сленге радиолокаторщиков называли ещё РАДИОЛОКАТОРЖНИКАМИ, что почти соответствовало истине. (Жаль, Коля

Николай Сергеевич Калмыков

этого не сделал, не написал про свою службу, как не издал своих очень глубоких рассуждений о русских дуэлях, хотя рассказывал о том и другом очень интересно). Паскуднее места службы в нашем громадном округе, как мне сдается, и не существовало. Многие там спивались, некоторые стрелялись. Николай не просто выстоял (в том числе и благодаря поэзии), а после Огурчинского ушел на повышение – инженером РЛС Тбилисского корпуса.

Из Тбилиси его взяли в газету «На страже», затем, как уже говорилось, в «Красную звезду». Меня с женой переселили в его освободившуюся однокомнатную квартиру на улице Каверочкина. Мы с тех пор и дружили семьями: его Марина и моя Татьяна тоже симпатизировали друг другу. Кроме всего прочего, меня лично Калмыковы покорили одним, не знаю даже, как и выразиться: подвигом – не подвигом, но таким, знаете ли, пронзительным жизненным сподвижничеством, на которое я бы вряд ли сподобился.

В своей книге «Алексей Баталов. Жизнь. Игра. Трагедия» я об этом так написал: «У меня есть приятель, коллега и однополчанин, которого я знаю ровно 45 лет. Вместе начинали службу в Бакинском округе ПВО. Он первым уехал в столицу. Мы с женой поселились в его квартире. Потом мы оба работали в газете «Красная звезда», а, выйдя на пенсию, сочиняли сканворды в российской-германской фирме, чтобы кормить семьи. Причём, именно я привёл туда дружка. У него – тяжёлый нрав и временами просто-таки несносный характер. Иной раз мне хотелось его поколотить. Однако я всегда знал, что не порву с ним дружеских отношений ни при каких обстоятельствах. Ибо в трудную минуту на него можно положиться, как на самого себя. Человек этот – высоких и твёрдых нравственных устоев. Пока в стране не переводятся такие люди – России стоять незыблемо.

Ещё на скрининге – первоначальном обследовании беременности – жену друга врачи настоятельно предупреждали: надо сделать аборт. Когда ребёнок всё же родился, те же врачи молодую мать убедили от него отказаться. Потому что доказательно и справедливо утверждали: ваша дальнейшая жизнь превратится в ад. И женщина, скрепя сердце, согласилась с приговором. А друг сказал: никогда не откажусь от сына. И 32 (тридцать два!) года потом вдвоём с женой его растил, воспитывал, на ночь, запирая в специальной клетке. Мальчик, затем взрослый юноша обладал внушительными умственными способностями, необыкновенной памятью. Но

когда случались приступы болезни, мог натворить страшной беды. Его уже нет на свете несколько лет. А друг с женой и дочерью счастливо живут. И я уверен: будут жить очень долго. Потому как Провидение таких людей метит по-особому и не засчитывает им время по уходу за неизлечимо больными детьми в срок земной юдоли».

Три года назад Коли не стало...

На последней академической стажировке я, естественно, напросился в отдел, где к тому времени трудился Коля Калмыков. Главная военная газета Советского Союза, конечно же, не являлась тем местом, где крепятся дружеские связи между ее сотрудниками, хотя как школа – явление в нашей с Николаем жизни исключительное. Нам просто повезло – так звезды расположились – многие годы нам трудиться в «Звезде» и при этом не порушить дружеских связей. Притом, что характеры у обоих явно не сахар. То есть в разведку с Колей, на сутки, за языком я пошел бы однозначно, а вот вместе полететь на полгода в космос – это вряд ли. Поцапались бы по идеологическим соображениям.

Уйдя в запас, мы, слава Богу, не потеряли друг друга. Коля давал мне заработать в газете «Щит и меч», куда сам перебрался, сняв погоны. А я же со временем перетащил его в «Логос». Мужик, правда, сопротивлялся, ссылаясь на свое прочное положение члена редколлегии, завидную для работающего пенсионера свободу, которая завсегда лучше приличных денег. Однако я проявил настойчивость и благодаря ей наши сканвордные издания заполучили надежную рабочую лошадку, которая и пахала глубоко, и огрехов не оставляла. А все потому, что личность моего друга представляла редкое для нашей нынешней профессии сочетание физика и лирика.

Мы сидели с Николаем Сергеевичем на своих рабочих местах спиной к спине без малого десять лет. Очень часто спорили, как уже говорилось, по упоминавшимся идеологическим дискурсам. Он долго не принимал и не понимал действия нашего президента. А после присоединения Крыма по-

звонил мне глубокой ночью и сказал: «Знаешь, Миша, я был неправ в отношении Путина. Признаюсь: ошибался». Для самолюбивого Сергеича сделать такое признание было ой, как не просто, но он его сделал. Во все прочих делах у нас наблюдалось взаимопонимание полное. Он был всегдашней и самой моей надежной поэтической справкой. Даже если и не вспоминал нужной мне стихотворной строки, то интуитивно, печенкой чувствовал, кому она принадлежит. И почти никогда не ошибался.

Особой статьёй для Калмыкова всегда были Пушкин, Лермонтов и русская история 18-19 веков. В этом ареале он знал почти все. Благодаря ему я прочитал практически всё, что написал Юрий Лотман. А книгу этого выдающегося советского историка «Быт и традиции русского дворянства» Коля мне подарил. Он – один из немногих коллег, чья библиотека по численности книг превосходила мою. Маниакальным слыл книголюбом. Потом мы вместе с ним приобрели ноутбуки, и чуть что я обращался к нему за помощью. Всё же инженером Коля тоже был от Бога.

...Однажды за рюмкой рассказал мне о своём сне, который периодически его посещает. Как будто сидит он за экраном РЛС и почему-то упускает «нарушителя воздушного пространства СССР». И всегда просыпался в холодном поту. Так аукалась его боевая молодость. И вот, когда он уснул навсегда, я подумал, что земля ему точно будет вечным пухом. У Провидения такие люди всегда на особом счету.

ВСЕГДА РОВНЫЙ АНАТОЛИЙ БЕЛОУСОВ

Отдел ракетных войск и артиллерии «Красной звезды» дал мне ещё двух друзей, о которых я расскажу в алфавитном порядке. И первым будет полковник Анатолий Васильевич Белоусов. Не могу сказать, что мы уж так сильно корешевали, но всегда испытывали друг к другу откровенную симпатию. Она для меня тем более ценна, что служба уготовила нам обоим в редакции не абы какое испытание. Чтобы не быть

голословным, приведу
рые выдержки из моего собствен-
ного дневника.

23.03.91, суббота.

В магазине на Хорошевке встретился с краснозвёздовцем Толей Белоусовым. Очень непродолжительное время он был моим начальником, а я его замом по отделу информации. Как человек пишущий, он, конечно, сильнее меня, а во всём остальном: в чувстве газетной сенсации, в рабочей оперативности, в остроте реакции уступал существенно. Но понимал это и не стеснялся советоваться особенно в форс-мажорных обстоятельствах. И у меня хватало ума не

Анатолий Васильевич Белоусов

гоношиться. Ладили мы поэтому отменно. Всегда медлительный, неспешный, он пришёл однажды на службу, сильно хромая. Наступил на крышку дорожного люка, а та провернулась и сильно повредила мужику голень. Говорю: «Анатолий Васильевич, если бы со мной это случилось – понятно: шустрый я. Но вы же даже на пожар никогда не бежите, а медленно идёте». – «Сам удивляюсь, – отвечает. – В академии однокурсники однажды объявили премию тому, кто увидит, как я бегу к трамваю или троллейбусу. Так никто премии и не получил. Потому как я вам не раз уже говорил: бегущий офицер в мирное время вызывает негодование, в военное – панику».

С тех пор, как я ушёл с «Красной звезды» в ТАСС, мы часто встречаемся на тех же остановках общественного транспорта, поскольку соседи. То есть, буквально живём в домах, стоящих рядом по улице Яблочкова. Люто осуждаем нынешнюю сволочную ельцинскую власть. Сегодня я заметил Толе: «Хлебом, картошкой, солью, капустой и водкой даже я бы обеспечил людей, а эти ублюдки поставили великую страну в

очередь за всем, что нужно для жизни». Васильевич, после паузы добавил: «И для смерти тоже».

30.07.92, четверг.

Белоусов отказался от моего материала «Отражение». На это я ему сказал: «Не могу хвалить собственное сочинение. Но то, что «Красная звезда» его не опубликует – её потеря, а не моя». А я успокоюсь словами Уильяма Шекспира: «Иногда мы в самой потере находим утешение, а иногда самое приобретение горько оплакиваем».

Васильевич прореагировал без своей обычной усмешки: «Я всегда завидовал вашей, Михаил, начитанности и образованности, которым сам, к сожалению, не обладаю. Но поверьте мне на слово: ваш материал настолько резок и остёр, что в нынешней «Красной звезде» его никогда не опубликуют. Вам это неизвестно, а я знаю. Не обижайтесь на меня. «Да ладно, Анатолий Васильевич херню пороть», – ответил я и мы обнялись.

14.08.94, воскресенье.

В пятницу я представлял коллективу свой бывший журнал и тех пятерых сотрудников, что привел в «Армейский сборник» с собой. Славно раскошелился на выпивку. Потом всем «пэвэошным» кустом мы отправились в свою бывшую редакцию. И как раз попали на торжества, связанные с 50-летием «Военно-исторического журнала». Пришлось держать речь. Не пожалел я добрых слов в адрес «ВИЖа». Во времена, когда им руководил Витя Филатов это был, безусловно, самый интересный и содержательный журнал. И – ещё надёжный оплот социалистических ценностей, не все из которых следовало нам выбрасывать на помойку. Сорвал нетрезвые аплодисменты. А потом стал откровенно «кадрить» секретаршу главного редактора «Военной мысли». Баба просто до безобразия красива. Слава Богу, что именно в этот момент подоспел Витя Филатов и буквально «вынул» меня из мгновенно образовавшейся паутины, в которой я стал запутываться, как комарик. Вышли на Пречистенку, бывшую Кропоткинскую. Взяли ещё по бутылке пива. С нами увязался Коля Мошкин. Так потихоньку и добрались до метро Кропоткинская. В вагоне поезда встретил Толю Белоусова, тоже хмель-

ного, возвращающегося домой из «Красной звезды». На выходе из своей «Тимирязевской» опять же взяли по бутылке пива. Рассказывал, что собирается на пенсию, но останется гражданским заместителем главного. Пьяно плакались друг другу в жилетку от того, что жизнь вокруг такая беспросветная. Вспоминали «золотые времена», когда у «Звёздочки» было 3 миллиона тиража и едва ли не самый высокий авторитет у народа. Конечно, это небывалое везение, что нам с Толей посчастливилось потрудиться в такой великой газете. Но расставшись с коллегой, я снова вспомнил, как был неожиданно сегодня поражён любовной молнией. Никогда со мной такого не случалось. И подумал, что сон среди недели обычно сбывается до пятницы. Знать, не зря мне приснилась школьная любовь Галка Шпотаковская...

25.06.95, воскресенье.

В шестом номере нашего «Армейского сборника» (на всякий случай, журнала для военных профессионалов!) наиболее объёмно представлен «День военных журналов и газет». Мероприятие, безусловно, серьёзное и нужное, но в нашем формате – это страничка не более. Однако ежемесячник, под мудрым водительством полковника Винника, «отстегнул» Дню вторую цветную полосу. На одном из фото запечатлена Елена Александровна Агапова в окружении Володи Чупахина, главного редактора «Красной звезды», его заместителя Анатолия Белоусова, офицера пресс-центра Сергея Ищенко. На первой странице три фото с текстом. На верхнем снимке – улыбающийся Николай Мошкин. Вторая страница тоже отдана под текст и снимок. Лишь потом идёт содержание номера! И последняя цветная страница обложки тоже отдана под празднества. «Посчастливилось» Станиславу Кравченко. Он беседует с читателями у одного из стендов.

10.12.98, суббота.

Среди событий минувшей недели, которые нужно осмыслить – дикая, чудовищно нелепая смерть Толи Белоусова. Каждый уход из жизни родного, близкого да и просто знакомого человека – это всегда потрясение. Кончина Белоусова – потрясение для меня страшное. Мы многие годы поддерживали добрые отношения, на многих событиях сермяжной жизни

смотрели под одним углом. Что-то мне родственное было в этом человеке. Толя возвращался поздним вечером с «Красной звезды», где работал уже гражданским заместителем главного редактора. Был выпивший. Последнее время он откровенно злоупотреблял «зелёным змием». Как и я: из-за кактлизмов, творящихся в стране, из-за глухой вражды с женой. Они жили в двухкомнатной квартире, в разных комнатах. Толю какая-то мразь, нелюди избili при переходе через железнодорожный путь. Превозмогая боль, он дополз до подъезда собственного дома. Подняться в квартиру сил уже не хватило – калачиком свернулся под лестницей. Соседи сообщили о том жене. А она презрительно отреагировала: «Проспится, пянь, и сам приползёт». Утром его нашли околелшим – скончался от гематом. Врачи констатировали: если бы накануне вечером кто вызвал «Скорую» – элементарно человек был бы спасён. Толя жил через несколько подъездов от моего. Изредка я вижу его бывшую жену, и всякий раз норовлю перейти на противоположную сторону, чтобы поскорее миновать эту стерву, чтобы злость моя не успела вскипеть и выплеснуться в словах, даже не представляю каких».

МОГУЧИЙ АЛЕКСАНДР ДОЛИНИН

Ещё одного хорошего друга Судьба мне подарила через отдел ракетных войск и ПВО. Если бы меня попросили нарисовать вербальный портрет, условно говоря, среднестатистического, или лучше будет, обобщённого краснозвёздовца, то я бы, видит Бог, не колеблясь, положил в основу того описания творческую личность Саши Долинин. Ключевое слово здесь «творческую». А среди других ценных качеств младшего товарища я бы, в первую очередь, назвал его порядочность. Без малого два десятка лет прослужив в «Красной звезде», он ни с кем не повздорил, вдрызг не разругался. Потому как терпелив и мудр всегда был не по годам. Один коллега ещё во время службы в редакции достал его, как говорится, по самое некуда. Однако Саша до сих поддерживает с ним хорошие отношения, и последний даже не подозревает, что «пользуется в кредит» добротой бывшего сослуживца. Высокие нравст-

венные, в лучших краснозвёздских традициях, качества личности Долинина просматриваются из такого, более чем красноречивого, примера.

С Юрием Беличенко он сошёлся на почве принадлежности к ракетным войскам. Подобное «военное землячество» в «Звезде» было не такой уж и редкостью. Ну, служили и служили, как поётся в песне, в одних тех же войсках

– эка невидаль. Но мужики привязались друг к другу, не смотря на разницу в возрасте, характерах, да и вообще в ментальности, если быть до конца откровенным. Однако, когда Юрка ушёл туда, откуда нет возврата, именно Саша, что называется, костыми лёг, чтобы издать вместе со вдовой Ольгой Ермолаевой посмертную книгу старшего товарища «Пишу пока дышу...». Уже за один этот благородный поступок «могучий Долинин» (так его обычно именовал Беличенко) достоин всяческих благодарностей и грамот. Так он же ещё учредил настольную медаль имени поэта-ракетчика Ю.Н. Беличенко. И тут уже исключительно лично учредил. На собственном неиссякаемом энтузиазме. Ничего подобного в столетней истории «Красной звезды» не наблюдалось и близко.

...Нынешней осенью 2023 года исполнится, как сказали бы моряки, полста пять лет с той поры, как семиклассник Сашка Долинин увидел в районной газете «Знамя труда» свою заметку «Лапиаку не гаснуть!» о местном пионерлагере. Та первая корреспонденция могла стать и последней, если бы не редактор многотиражки фронтовик Геннадий Павлович Чистяков. Он сумел ненавязчиво, но очень заинтересовано возбудить и взлелеять в юноше любовь к нелёгкому журналистскому труду. Практически всё, о чём писал школьник, по-

Александр Иванович Долинин (слева) и Михаил Михайлович Малыгин.

падало на страницы «Знамени». Это крепило веру пацана в собственные силы.

Ещё в школьной жизни Долинина случился рукописный журнал «МЫ», форматом с лист ватмана. Одноклассники писали туда всё, что им взбрело в голову. Саша, уже, как внештатный сотрудник районки, их редактировал. Всем процессом выпуска самопального журнала руководила заслуженный учитель России Лора Анатольевна Лаврова. Номера тех неуклюжих, но очень искренних ежемесячников до сих пор хранятся в школьном музее.

А потом в биографии Долинина наступили солдатская и офицерская службы в ракетном полку, что дислоцировался в Прибалтике. Печатался в смоленских и прибалтийских изданиях, в окружной газете «За Родину». Постигал непростую армейскую специфику, ещё больше усложнённую полной закрытостью его ракетной тематики. Поступил в Латвийский государственный университет на факультет журналистики. Обычно о военных заочниках гражданских вузов как говорили: «Несчастье для части, обуза для вуза, не отец для детей и находка для девушек с пониженной социальной ответственностью». Только к Долинину это присловье не имело ровно никакого отношения. Он учился столь же истово, как и служил. Университет окончил досрочно на год. И одна сердобольная преподавательница даже всплакнула от того, что приходится ей расставаться с таким усердным студентом. Другие педагоги тоже выражали ей свою солидарность: жаль, что такой студент их покидает.

Дипломированному офицеру политуправление Смоленской ракетной армии поручило внештатно редактировать внутриведомственный журнал «Комсомольский вестник». Это обычно такая сборная солянка из инструкций, наставлений, директив и методических пособий. Александр Иванович со временем сделал из него почти художественный альманах, где печатал репортажи, корреспонденции и даже стихи. Вестник стал первым в РВСН открытым печатным изданием. Главкомандующий отметил старание внештатного редактора Почётной грамотой. Тогда же офицера приняли в Союз журналистов СССР.

Сам Саша искренне полагает, что в «Красной звезде» он оказался вполне себе случайно. А это вовсе не так. Его пример – лишнее доказательство той великой философской истины, по которой количество всегда переходит в качество. Добросовестная служба офицера-ракетчика на каждом поручаемом ему участке не могла быть незамеченной людьми заинтересованными. А редактор «Красной звезды» по отделу ракетных войск и ПВО Анатолий Белоусов как раз и был лицом, крайне заинтересованным в том, чтобы заполучить себе надёжного сотрудника. И – именно ракетчика. Однако его выбор пал на Долинина отнюдь не по Пушкину, когда «и случай – Бог-изобретатель», а в результате длительных поисков. Но, когда нашёл «стоящего кадра» – искренне подивился: «О вас со всех сторон только хвалебные отзывы звучат». На что получил от Саши: «Так, стало быть, есть за что».

Долинина зачислили в штат «Красной звезды» в сентябре 1990 года, когда его младший сын Павел пошёл в первый класс. И с тех пор Александр Иванович 17 лет исполнял нелёгкую миссию постоянного корреспондента по Ракетным, Космическим войскам и Войскам Ракетно-космической обороны. Последние шесть лет службы в газете он одновременно занимал должности: корреспондента и редактора «боевого отдела», организатора-редактора газеты в газете «Военный космос», первого и последнего заместителя главного редактора «Красной звезды» по воспитательной работе. Уволился в феврале 2007 года. И схоронил своего младшенького Пашку.

От подобных ударов судьбы даже крепкие натуры обычно ломаются. Только Беличенко не зря называл Долинина «могучим». Даже такое горе не вышибло мужика из седла. После «Красной звезды» он семь лет трудился в Издательском доме «Московия». Редактировал там сразу три журнала: «Открытый урок. Образование Подмосковья», «Социальная защита. Подмосковье», «Местное самоуправление». В газете «Пенсионеры Подмосковья» вёл раздел «Клуб военного пенсионера «Служивые люди». В газете «Неделя» – рубрику «Арсенал», а в газете «Подмосковье» – «Фронтovou землянку». С 2013 года Долинин работает в Императорском Православном Палестинском Обществе, которое возглавляет Сергей

Степашин. И всё это время не порывал связи с газетой «Красная звезда». Ибо таких «могучих» людей, как Александр Иванович, приказом можно, конечно, вывести из штата издания. Но саму газету из их сердец не дано изъять никаким приказам.

Звонит мне Саша намеренно: «Слушай, хочу устроить в своем департаменте творческую встречу с Юрой Гладкевичем (Беридзе). Ты как смотришь на эту затею?» – «Саня, смотрю исключительно положительно. Два Юрия краснозвёздовца – Беличенко и Беридзе – поэты стоящие и настоящие. Так что снимаю перед тобой шляпу и сожалею лишь об одном: что не смогу присутствовать. И ты знаешь, почему».

Когда нас покинул замечательный краснозвёздковский штык Иван Иванович Иванюк, Долинин написал в соцсетях: «Шесть человек из "краснозвёздовцев" пришли проводить Ивана Иванюка. Хоть бы одного офицера делегировали в форме с номером газеты. Так выйдет, коллеги, что скоро и имя "Красной звезды" на 95-ом году её существования предадут забвению. Никому не в укор – и что причитать, если руководители газеты начинают свою деятельность с разгрома уникального музея, а вместо него ставят биллиардный стол; если на юбилее газеты премию за честь и достоинство вручают не фронтовику-"краснозвёздовцу", сидящему в зале, а автору забытой, никого не волнующей пьесы (человеку, который и о газете-то не знает); если на юбилее газеты «банкетничают-банкуют» молодые люди из холдинга, носящего светлое имя газеты, а ветеранам "Красной звезды", приехавшим из далёких городов, на этом пиру и места не находится. Скоро и некрологи писать будет некому. Снимок Ивана в форме еле нашли. Надо, полагаю, иметь архив памяти».

Вторично я обнародую эти строки товарища потому, что они написаны с душевной и сердечной болью, которую я лично разделяю до последнего знака препинания. Но ещё и со светлым чувством пишу. Ибо пока живы такие краснозвёздовцы, как Долинин, живой быть и нашей памяти о той, великой «Красной звезде», в которой нам посчастливилось служить.

БЕЗРОДНЫЙ С ГОЛОВОЙ НА ПЛЕЧАХ

Виталий Георгиевич Безродный сам полагал меня лучшим своим другом. И я в нём души не чаял. В «Красной звезде» ближе Виталика у меня действительно не было никого. Полковник Беляев – не в счёт. Всё-таки он – много старший товарищ. А тут мы были почти что ровесники. Мы, впрочем, и семьями часто встречались: Безродные имели дачу в Шаликово, где поселились ещё с полтора десятка краснозвёздцев. Любаня на своей «Волге» часто туда нас с Татьяной забрасывала. Одна-

ко жены наши не испытывали такой потребности друг в друге, как мы с Виталиком. Многожды я один приезжал к нему на выходные. Мы гуляли по лесу, играли в шахматы, обильно выпивали, и я не мог наслушаться Виталикиных

Виталий Георгиевич Безродный со своей женой Любой.

жизненных баек. Рассказчиком он слыл бесподобным, просто-таки уникальным. В редакции о нём говорили: единственный в Вооруженных Силах СССР полковник, у которого голова на плечах. На самом деле, этот большой, полуторастакилограммовый человек, совершенно лишён был шеи. Голова его, поэтому сразу переходила в плечи.

Имел он и такую слабость, если даже не болезнь: мгновенно засыпать на любых собраниях и «совещуках». То есть, на второй-третьей минуте сразу проваливался в сон. И в самый неподходящий момент (как будто специально подгадывал) ни с того ни с сего вдруг зычно, почти громоподобно всхрапывал. Так что все присутствующие непроизвольно вздрагивали. Из-за этого недостатка он очень часто страдал, продвигаясь по службе. И, тем не менее, будучи шпаком-

штафиркой (не закончив военного училища), сумел дорасти до полковника, стать одним из лучших краснозвёздских перьев, автором нескольких книг. Кроме того, выполнил норму мастера спорта по стрельбе из пистолета, получил высшую судейскую категорию. Нервы имел железные и здоровье отменное. Тем не менее, самый сложный полувекковой мужской рубеж проскочить не сумел и умер в сорок девять лет.

А ещё Виталик слегка заикался. Но обладая совершенно бесподобным чувством юмора, он, как бы сопрягая эти две взаимоисключающие черты характера, умел хохмить чудно, обворожительно, неподражаемо! Часами я мог слушать его байки, которым, казалось, не бывает конца-краю. И байки, доложу вам, приятель мой коллекционировал уникальные, неординарные, в большинстве из которых сам принимал участие или усовершенствовал где-то услышанные. Вот лишь некоторые из них.

В ростовской окружной газет «Красное знамя», где Безродный служил до «Красной звезды», как и во всех прочих советских трудовых коллективах, существовала запись-очередь на всевозможные бытовые приборы. Явившись в редакцию, Виталик, естественно, встал на все виды «очередного довольствия». И вдруг через пару дней ему приходит извещение на холодильник. Обрадованный мой дружок заказывает грузовую машину, одалживает триста пятьдесят рублей – очень приличная сумма по тем временам – и пулей мчится на товарную железнодорожную станцию, где, в соответствии с полученной карточкой, должен был взять драгоценный морозильный агрегат.

- Показываю девушке извещение, она ныряет в свой гроссбух и разводит руками: извините, мол, но мы вам этого извещения не посылали. То есть, как не посылали? Я в гневе иду к заму начальника станции. Тот смотрит мою бумажку и смеется:

- Товарищ капитан, вас разыграли ваши коллеги. Смотрите, какие извещения мы на самом деле шлем.

Сел я и пригорюнился. А снабженец вдруг говорит:

- Пойдите, у вас, я так понимаю, деньги при себе и машина есть, так? Вот и чудненько. А у меня в наличии один холодильник – заглашник. Идите, выписывайте документы. Шутников мы проучим, чтобы не были такими умниками.

- И ты думаешь, я домой тот холодильник поволок? Дудки. Заехал в редакцию, демонстративно открыл борт у машины и закурил. Знал, что все те, кто меня разыграл в окнах торчат. И, как бы, между прочим, зычно так, говорю рабочим, заинтересовавшимся моей покупкой: дескать, там, на товарной станции девять вагонов холодильников пригнали. Берут все, кому не лень. Одиннадцать человек купились и поехали по моему маршруту!

В той же газете работал очень медлительный ответственный секретарь и по этому поводу над ним часто подтрунивали. А однажды взяли и подсунули парню телеграмму о том, что человек полетел в космос.

- И откуда у ответсека прыть такая взялась. Обычно ходил как увалень. А тут пулей метнулся к редактору. Мы за ним не успели. Дверь к шефу приоткрыли и слышим уже взволнованный голос ответственного редактора:

- Товарищ член военного совета, редактор докладывает: новая победа советской науки – человек в космосе! Так точно! Спасибо, товарищ член военного совета! Выполняю!

Мы видим, что дело швах. Заходим, говорим, что так, мол, и так – пошутили. Редактор, вологоддец окающий, гневно нам заявляет:

- То есть, как это вы пошутили. Я уже и члену военного совета доложил. Знать ничего не знаю!

Потом сел, подумал, почесал репу и, сняв трубку, доложил:

- Товарищ член военного совета, только что пришла вторая телеграмма по телетайпу. Сообщение дано сугубо в предварительном порядке. И после этого всем нам четверым вкатил по выговору. Самое примечательное, что через четыре

дня на «Союзе-З» полетел в космос Георгий Береговой. А выговоры с нас редактор снял лишь через полгода.

Виталик был одним из немногих моих друзей, кого я не мог перепить. При этом он никогда не страдал похмельным синдромом. А ларчик открывался просто. Утром с бодуна, Безродный выпивал стакан водки, съедал сковородку жареной картошки на сале. И как огурчик шел на работу.

Испытывал почти болезненную тягу к земле. В нем, бесспорно, пропал Макар Посмитный. Дружбан мой каждую весну перетаскивал свои шесть соток в деревне Шаликово с места на место. Парники его давали по два урожая за короткое подмосковное лето, а картошки он снимал с квадратного метра земли больше, нежели самый передовой колорадский фермер. Мечтал Виталик устроить у себя на даче висячую птицеферму по образцу садов Семирамиды:

- Чтобы мы приехали с тобой на дачу, быстро оципали курицу, кинули на сковородку и – уже закусь готова!

Бесстрашным был. Однажды кинулся на защиту товарища прямо через витринное окно ресторана. В нескольких местах стеклом толщиной в палец вены порезал, но пока друга не отбил, на хлещущую фонтаном кровь даже не обращал внимания. Потом его еле в госпитале откачали. Порядочностью и честностью вообще обладал редчайшей. Во всех хмельных компаниях я всегда смешно и очень достоверно пародировал друга, но он никогда не обижался.

...Идем с Виталиком из магазина. У меня в руках – два наших дипломата и поллитровка за пазухой шинели. У него – в левой руке авоська с хлебом, колбасой и прочей не могучей закусью застойного времени. В правой – полная авоська яиц по 90 копеек (почему и взял их так много). Но яички маленькие и одно вдруг выкатывается из большой ячейки сетки. Чудом не разбившись, яйцо медленно катится по асфальту. Виталик неуклюже наклоняется (при его-то полутора центнерном весе!). Из-за его пазухи вываливается на мерзлый ас-

фальт литровая бутылка водки и – вдребезги! Виталик шмяк яйцами об землю: «А так мне старому дураку и надо!»

Парадоксальный ум Безродного солидно обогатил мою записную книжку, которую Виталька ласково называл «ЖО-ПОЙ-З» – журнал общественно-полезных афоризмов Захарчука: «Поклонение Бахусу – моя Ахиллесова пята. / Этого строгача я получил сгоряча. / Редактор наш имел в виду послать Безродного в поездку. Но тот ответил очень резко. И сам послал его в п..у (Ю. Теплов). / Теплов, как я устал с тобой жить и работать! / Сменить бы пешки на рюмашки и сразу же все прояснилось бы в моей голове. / Смотреть на муху и видеть слона – это, брат, не каждому дано! / И тогда я впервые в жизни почувствовал, что настоящий страх – это когда ты стоишь, а твоя душа шустро так убегает. / Определенно я отношусь лучше к человечеству, чем оно ко мне. / Я понимаю, что сейчас у тебя возникло тоскливое сосание под ложечкой, именуемое в народе трусостью. / Обстановка на редколлегии так накалилась, что ею спокойно можно гладить брюки. / Все знают, как зарабатывать, но редко кто знает, как сберечь заработанное. / Супружеская верность – это стог сена, который ты всю жизнь жуешь, не видя, что рядом каждый год зеленеет новая трава. / Обожди, я только шнурки проглажу и сразу тебя удовлетворю. / Наша «Красная звезда» для спокойствия слабо оборудована. / Жизнь как детская рубашка: коротка и обосрана. / Любовь, Мишаня, как рыбалка. Не клюет – сматывай удочки. / Доказательство моей старости в том, что я два часа с тобой разговариваю, хотя в молодости уже трижды тебя бы вые...ал. / Лучше раз родить, чем всю жизнь бриться. / Не оставляй работу на субботу, а любовь на старость. / Мои орудия производства – авторучка, чернила и талант. Причем чернил – сколько угодно. С талантом, правда, похуже. / В этом деле, как в альпинизме, нет никакого смысла. / Хронический юморизм почти всегда рождает цинизм, а с ним жить – врагу не пожелаешь. / Я так много видел, что мне нет смысла врать. / Черчилль ежедневно выпивал бутыл-

ку армянского коньяка, чтобы снимать стресс. На этом фоне у меня ежедневный хронический недобор. / О Бароноспособность «Красной звезды» (о сотруднике секретариата Олеге Баронове). / Олег легок на поминках (о нем же). / Отсутствие шахматного диалектического мышления у тебя заменено прочным хапужническим инстинктом (обо мне). / Яйца курицу не учат, даже диетические. / Одному из сослуживцев Виталик сказал: «Ты будь евреем дома и человеком в коллективе». О другом заметил: «Рожденный ползать, летать не может, но зато как шустро, падла, ползает!» / Поработав аврально с письмами, Безродный заявляет: «Твардовский как-то писал, что он отравлен литературным говном. Я поменьше буду, поэтому отравлен всего лишь говном читательских писем». / Гав-гав, дзынь-дзынь – это собаку переехал трамвай. А дзынь-дзынь, гав-гав – это жена пришла с работы. Так что от перестановки слагаемых местами сумма часто меняется, и сермяжная математика не всегда права. / Это игра в большую политику на детской площадке с песком. / Пьян да умен: два угодя в ём – это как раз обо мне мудрый наш народ сказал. / Я почему развелся? Да потому что мне надоело выращивать пантокрин из своих собственных рогов. / Сколько мной в этом отделе не сделано, а сколько еще предстоит не сделать, не в обиду Шумихину (редактор по отделу пропаганды) будет сказано. / Любимый анекдот Безродного: «Как сообщило Центральное статистическое управление СССР длина мужского полового х...я по сравнению с 1913 годом увеличилась на 4,5 сантиметров и составляет нынче 18,5 сантиметров. Однако глубина женского полового влагалища за истекший период существенных изменений не претерпела и осталась на уровне 19,5 сантиметров. Таким образом, недо...б, в целом по стране, составляет тридцать пять тысяч восемьсот семьдесят пять и пять десятых километров». / Когда кто-то над Виталиком подшучивал на тему его солидной тучности, дружок обыкновенно спокойно парировал: «А ты в-в-ы-веди глистов – та-аким же будешь».

...Схоронили мы Виталика Безродного на Хованском кладбище. Он бы по этому поводу обязательно как-нибудь пошутил – «сховали на Хованском». Не пошутит больше никогда. Дул пронзительно-холодный ветер при пятнадцатиградусном морозе. Стоял я с обнажённой головой и в плащ-пальто. В такую погоду на кладбища надо в дублёнки одеваться. Ну, тогда у меня её не было.

Рядом со мной горевали друг по училищу и академии Толя Гара, краснозвёздовцы Юра Теплов с женой Галиной, Юра Беличенко, Александр Пименов, Харис Абдулов. Нас торопили. Никто не говорил причитающихся слов – всё сказали о добром увальне Безродном в редакционном клубе. Потом поехали в кафе на Савёловском вокзале, где Любка Безродная была директором.

Из моего дневника.

22.01.91, вторник. Минувшей ночью мне приснился Виталик Безродный. Мы с Томой Ивановой (внучка Расула Гамзатова, работала в Общественно-политической редакции, моя закадычная подруга) пришли к нему в гости. «Папа» (иногда я его так называл) стал нас угощать. И я с радостью во сне понимаю: он, оказывается, жив! Потом Виталик поднялся и пошёл в клеверное поле. Стал я его догонять. И уже почти было настиг, как Безродный растворился. Проснулся я и долго не мог заснуть. Какие-то обрывочные мысли роились. И вдруг почему-то вспомнились слова Виталика Безродного: «Как было бы хорошо: родиться и узнать, что ты – внук Будённого».

26.01.91, суббота. Позвонила Любка Безродная. Спрашиваю её: «Как ты живёшь-можешь?» – «Сирота я, Мишаня, круглая сирота без папы-Виталика». Вряд ли между этими людьми была пылкая любовь, о которой в романах пишут. Но понимали друг друга именно так, как и должно любящим сердцам.

23.04.92, четверг. Съездили мы с моим водителем Виктором Волковым в кафе к Любке Безродной на Савёловский

вокзал. Прикупили на завтра спиртного, пива. Витя Павлов, тот который Левченко из кинофильма «Место встречи изменить нельзя» обещал завтра пригласить в баню на Кропоткинской коллегу-актёра Валерия Носика. Не хотелось ударить в грязь лицом. Что бы я делал без моей безотказной Любани Безродной? Где бы доставал такие разносолы в то время, когда магазинные полки пусты, хоть шаром покати?

22.07.99, четверг. Вчера у меня гостили Саша Пилипчук и Юра Теплов. Мы изрядно набрались – краснозвёздовцы по-иному не могут. Пиля старше меня на три года, Юра – лет на пятнадцать. Но оба они испытывают ко мне дружеские, пожалуй, что и братские чувства. Вообще их отношение греет мою стареющую душу. Это как у моего земляка Миши Гнидюка есть старший товарищ по фамилии Грох. Когда-то он работал директором Винницкого водочного завода. Связями поэтому оброс сумасшедшими. На старости лет возглавлял какую-то сельскохозяйственную конторку и во всём помогал Михаилу Феодосиевичу. Так вот у него была поговорка: «Грох с говном не дружит». Думаю, с полным правом так может сказать и наш краснозвёздовский аксакал Теплов.

Экспромты моих друзей во время нашего застолья.

«Я думал мелко-мелко,/ Мне крупно думать недосуг./
Нас встретил Витичка Кукленко/ И даже Миша Захарчук.

Нам устроили «Очную ставку»./ Так запомни же, Захарчук:/ Ты недавно ещё в отставке. Я – давно. Александр Пилипчук».

«Нам устроили «Очную ставку» преступников международных. Все четыре – давно в отставке. И – покойник Виталик Безродный». (На самом деле, Теплов, Безродный и я крепко дружили в «Красной звезде»).

Володя Житаренко, Юра Беличенко, Виталик Безродный и Юра Теплов были самыми моими близкими друзьями-краснозвёздовцами. В живых остался только Юра, дай бог ему здоровьица. Их дружбой, их ко мне почти братским отношением я буду гордиться до собственной гробовой доски.

ФИЛАТОВ – СПОДВИЖНИК ЖИРИНОВСКОГО

Виктор Иванович Филатов и Владимир Вольфович Жириновский.

Виталий Мороз часто рассказывал мне о своем сослуживце по окружной газете «Ленинское знамя» Викторе Ивановиче Филатове: «Человек поступка, но и на подлянку способен. Женился на дочери генерала. А когда его склочная семейка «достала», поднялся из-за стола и ушел из дому в одной военной рубашке. А вот писал и пишет Витя из рук вон плохо, путано, неряшливо. Ни один его материал в «Звезде» не проходил через редколлегию с первого предъявления».

Это говорилось от зависти к более способному коллеге. Потому что Филатов – как профессионал – всегда был на несколько порядков выше подавляющего большинства из нас, краснозвёздовцев. И то, что материалы его с постоянными трениями, неминуемыми при этом потерями продирались на полосу центральной военной газеты, не минус, а плюс Филатову. А вообще же в военной журналистике он был тем, что являл собой Евтушенко в советской литературе: компотом из фронды, скандала, лести, способностей, приспособленчества и наглости к меньшим. Поначалу я относился к Филатову ис-

ключительно с чувством завистливого восхищения, какое обычно случается у сопливого юнца к уличному заводиле. Первый раз серьезно разочаровался в кумире, когда он принародно, на летучке, смешал с грязью только что уволившегося фронтовика, полковника Александра Андреевича Стибнева, с которым Филатов рука об руку проработал добрых полтора десятка лет.

- Витя, да как же ты мог так с Александром Андреевичем-то поступить? – с изумлением спросил я его после летучки. Филатов с кислой миной на лице послал меня на три буквы. Обидеть, унижить человека для него всегда было делом не сложнее, чем помочиться через два пальца. Поэтому ни в «Красной звезде», ни за ее пределами Виктор Иванович никогда не имел настоящих друзей – или почитателей, или недоброжелателей. Тем не менее, я продолжал с неизбывным интересом изучать филатовские «чердаки» и «подвалы». Писал он, бестия, хоть и действительно временами сумбурно, но всегда интересно: энергичными фразами; вопросами в лоб; ответами – по щекам, наотмашь. Как Гитлер свою «Майн кампф». Наверное, не случайно спустя много лет, будучи уже редактором «Военно-исторического журнала» («ВИЖ»), Филатов публикует несколько страниц из этой одиозной книги, чем взорвет общественное мнение уже на ладан дышащего Советского Союза. Но я забегаю вперед.

В 1987 году я как спецкор ТАСС, Филатов как спецкор «Красной звезды» полетели на очередной вывод советских войск из Афганистана. В Шиндане, кажется, он опалил на солнце свою громадную, как у Сократа лысину и вдобавок еще простудил горло ледяной заграничной водой «Пепси» в металлических банках – диковинкой по тем временам. Всю ночь Витя пролежал в бреду. Мы с Сашей Прохановым и Тимуром Гайдаром разыскали американских медиков. Те влепили нашему коллеге лошадиную дозу антибиотиков. Утром с пересохшими, растрескавшимися губами Витя засел за материал. И, как всегда, у него получилось что надо. А вечером он

присоединился к нашей компании – Проханов, Гайдар, рыжий Гена Бочаров из «Литературки» и я от ТАССа. Мы всю ночь глушили водку, доставляемую представителем ЦК КПСС в Афганистане покойным Виктором Петровичем Поляничко, и писали Наджибулле подробный сценарий предстоящей первой пресс-конференции для зарубежных и советских журналистов. Помню, Проханов все норовил вставить про перспективу метро в Кабуле, за что Витя его осаждал, не забываясь дипломатичностью:

- Ты что, дурной?! Да в этой стране, кроме войны, никогда ничего невозможно в принципе!

В чем-то прав оказался Витя. И вообще я ему многое прощал за его иступленный профессиональный фанатизм. К тому же мы оба были «вознаграждены» за проделанную работу выговорами от самого начальника Генштаба за несвоевременный возврат заграничных паспортов.

Так называемую перестройку Филатов встретил лютой ненавистью и был последователен в этом неприятии любых перемен с тем же профессиональным фанатизмом. Прыть краснозвёздского публициста не осталась незамеченной тогдашним военным руководством, в частности, министром обороны Д.Т. Язовым. Филатова назначили главным редактором «ВИЖ». Вскоре он получил генерала – в военной журналистике звание очень редкое даже по меркам застойных времен. Генерал – он и в Африке генерал.

Филатов был генералом неглупым. «ВИЖ», им ведомый, стал на некоторое время главным редутом военной печати в войне с крепнувшими демократами. В «Красной звезде» сидел трусливый Панов, в «Коммунисте Вооруженных Сил» конъюнктурный генерал Николай Кошелев, а другие средства массовой информации сколь-нибудь реального влияния на советских людей не имели. Филатов в этих специфических условиях действовал напролом и мощно, круша «желтую» прессу налево и направо. Тираж сугубо специфического воен-

ного журнала Виктор Иванович довел до нескольких сот тысяч экземпляров, превратив его в массовое издание.

Больше всего Виктор Иванович задибался с Коротичем, которому, кроме интеллекта, ничем не уступал. Они даже судились. Филатов, к сожалению, проиграл. Хотя, если бы даже и выиграл, – ничего это не изменило бы ровным счетом. Более хитрой лисы-проститутки, чем Коротич советская печать не знала, притом, что подонков она знала предостаточно. Но это уже отдельная тема.

Когда в «ВИЖ» появились выдержки из упомянутой «Майн кампф», наши журналистские пути-дороги вновь пересеклись. Руководство ТАСС поручило мне сделать интервью с министром обороны, в котором тот должен был дать надлежащую оценку зарвавшемуся редактору. Что Язов и сделал моими руками или мозгами, как читателю будет угодно. Акция эта исходила от самого Горбачева, которому позвонил возмущенный Гельмут Коль, сказавший: мы за книгу Гитлера сажаем в тюрьму, а у вас ее публикуют в военных журналах. Горбачев затопал ногами, послал в ТАСС своего эмиссара, члена Политбюро хитроумного Александра Яковлева, тот поставил на уши весь наш «комбинат лжи». Во всей этой гигантской заварушке я был крошечной пешкой, и данное обстоятельство сильно меня угнетало. Как ни крути, получалось, что при моем содействии на карьере Филатова ставился крест. (В конце интервью министр обороны обещал крепко наказать виновника политической провокации). Однако переживал я напрасно. С головы Виктора Ивановича не упал в итоге ни один волосок притом, что их там не так уж и много было.

Могущественный маршал Язов не дал в обиду своего любимца Филатова не менее могущественным демократическим силам в тогдашнем Политбюро. К тому же мы с Виктором вскоре объяснились. Моя фамилия в грозном материале о нем появилась чисто случайно. В такого рода знаковых публикациях фамилия корреспондента ТАСС никогда не стави-

лась. Однако так получилось, что в преамбуле сошлись две фамилии Гитлера и Язова. Моей, хохлацкой, их как бы разнесли. Витя сказал мне свое обычное: «Нормальный ход, старик». И мы обнялись.

После путча Филатова, естественно, уволили из кадров в числе первых одиозных фигур, наиболее приближенных к Язову. Понимаю, сколь многих читателей, должно быть, раздражает мое яканье, но и в этом случае без него не обойтись, потому что (надо же было такому случиться) в приемной начальника Генерального штаба генерала армии В.Н. Лобова, который без длинных объяснений объявил Филатову об увольнении, опальный редактор «ВИЖ» первым встретил меня, сказав с издевкой:

- Ну, а ты продолжай лизать жопу Горбачеву!

Послепутчевый бардак и сумятица слабо способствовали сколь-нибудь серьезному и обстоятельному осмыслению происходящих событий. Помню лишь, что в моих чувствах преобладало сожаление в отношении судьбы Виктора Ивановича. Крутость победителей к побежденным во все времена не приемлю. Тогда и теперь поэтому убежден: энергию Филатова можно было употребить во благо, а не во зло. Что прекрасно проделал Владимир Вольфович Жириновский, сделав Филатова со временем своей правой рукой. Впрочем, я снова забежал вперед.

Прочитав мою статью о Язове в «Независимой газете», Витя позвонил и по своему обыкновению резко, кратко меня обругал жидовским прихвостнем, неблагодарным офицером и вообще говно-человеком.

- Я думал, что все твои предыдущие гадости, в частности, и в мой огород – досадные случайности. Но вижу, что ты вообще не наш человек.

Любые разрывы с людьми я всегда воспринимаю болезненно. С тем же Филатовым друзьями мы никогда не были, но все же его заявление больно меня задело, прежде всего, безапелляционностью тона. Он не хотел, даже не намеревался

ни о чём со мной спорить, потому что совершенно не считался никогда с той примитивной и простой истиной: в жизни сплошь и рядом встречаются полутона. Нет, как паршивый советский ксерокс, Витя всю многоцветность политического, экономического, нравственного, исторического и прочего бытия воспроизводил только в двух, доступных ему красках: черной и белой. Но потом я всё-таки Филатова дожал.

Мы встретились, обстоятельно поговорили. А весной того же 1993-го года произошло самовыдвижение Филатова кандидатом в столичные мэры. Вот что он написал в своем обращении к избирателям: «И я, генерал, получив власть в городе, вынужден буду действовать по законам военного времени. Отдать приказ построить новую большую тюрьму. На Москву сегодня надо смотреть, как на поле битвы. Борьба будет вестись по всем правилам войны. Батальоны возьмут под контроль дороги, вокзалы, склады и базу хранения».

Просто-таки изумленный поступком Виктора, я буквально за день сочинил едкий материал «И я, генерал, получив власть...», где были такие строки: «Страшно, что нынешние власть предержащие, похоже, не отдают себе отчета: в недрах народа как социума со скоростью девальвации деревянного рубля вызревает тенденция – долой демократов, которые сделали жизнь хуже, нежели при партократах. И если эту тенденцию не остановить реальными подвижками в той же жизни - люди наподобие Филатова легко придут к власти. И с дорогими демократами произойдет то же самое, что в 91-м году произошло с плохими партократами. Всё это столь просто, как яйцо, однако такая простота, увы, не всем понятна. Во всяком случае, демократические власти делают едва ли не те же ошибки, что и коммунистические. Конечно, генерал Филатов, став мэром, ни за какие коврижки не наполнит потребительскую корзину москвича, не оденет его и не обуует его. И вообще ни одной городской проблемы не решит. Для этого необходимо быть политиком, коммерсантом и хозяйственником одновременно. А откуда у нашего брата журнали-

ста, тем более военного, такие способности, ежели мы, окромя ручки и рюмки, отродясь, ничего существенного в руках не держали? И тут не спасут даже генеральские лампасы. Поэтому при всём моём добром отношении к Виктору Ивановичу я больше чем уверен, что в невероятно сложных коммунальных и социальных проблемах такого мегалополиса, как Москва, он смыслит не более среднестатистического пешехода, пассажира или ответственного квартиросъемщика. Правда, самоуверенности и наглости ему не занимать, но ведь москвичам, как я понимаю, нужна не генеральская амбициозность, а наполненные и, желательно, доступные прилавки, сносный быт, уверенность в завтрашнем дне. Как генерал этого добьётся? Сооружением тюрьмы, осадным положением, созданием мощных и мобильных комбинированных батальонов или принудительной «начать вкалывать на имеющемся оборудовании в три смены»? Господи, да ведь не раз проходили мы всё это!»

В это кому-то трудно будет поверить, но Филатов после моей статьи вовсе на меня не обиделся. Наоборот признался, что так правдиво о нём ещё никто не писал. Но насчет мэрства был агрессивен: «Не прикидывайся дуриком! Прекрасно ведь знаешь, что я не трехкомнатной квартиры добиваюсь, не благ, положенных мэру. Это – форма борьбы!»

Сам того не понимая, Витя обнародовал место, где зарыта была его личная генеральская собака. Филатову всю жизнь нужна была борьба, потому что она – форма и способ его существования. В спокойной, нормальной рабочей обстановке Виктор Иванович всегда киснет и чувствует себя как рыба, вынутая из воды. Зато в драке большой или малой, он оживает, словно червячок в яичном желтке. У нас, в «Красной звезде» Витя обычно слонялся в первой половине дня по кабинетам и по любому поводу задирает коллег: хамил им, дразнил их, смеялся над ними. До тех пор, покуда не нарывался на достойную отповедь. Немного лаялся, потом, «подзарядившись» таким образом, бежал в кабинет и строчил мате-

риал. И они у него получались «лохматыми», задиристыми, но всегда интересными.

...Редакции наших журналов (моего «Вестника ПВО» и Витиного «ВИЖ») находились в одном здании на бывшей улице Кропоткинской. Ещё там располагались подразделения военной прокуратуры, военная цензура, военный котлонадзор и лучшая в стране библиотека Генерального штаба. Витя спускался туда со своего второго этажа в генеральских портках с лампасами и... в тапочках на босую ногу. Когда ошеломленные встречные офицеры с ним здоровались по-уставному, он отвечал по обыкновению:

- Привет, привет, – и пулей шлепал по своим нуждам.

Однажды при мне, находясь в здании Генерального штаба на Новом Арбате, Витя позвонил своему приятелю тоже генералу Борису Васильевичу Пендюру, с которым работал еще в газете Киевского военного округа «Ленинское знамя», а потом в «Красной звезде» и попросил того:

- Боря, будь другом, пришли мне машину! Ну, как я в таких штанах пойду по городу?

Редчайший случай, на моей памяти почти уникальный, когда бы генерал стеснялся своих лампасов. Обычно за них жизни кладут. Но Витя Филатов вообще был, как я уже не раз повторял, уникальным человеком. Один мой сослуживец, ознакомившись с моей рукописью о газете «Красная звезда», заметил:

- Больше всего у тебя написано про Филатова, а некоторых наших краснозвёздовцев ты вообще даже не упомянул.

Сущая правда. Филатова у меня, правда, действительно много. Но ведь и личность-то какая!

...Уйдя от Жириновского, Филатов некоторое время выпускал экстремистскую газету «Лимонка». Потом бросил вторую жену, бывшую вторым секретарём Краснопресненского райкома партии и уехал в Сербию. Говорили, что тестем у него стал нефтяной магнат. Ничего удивительного. В своё

время Витя даже наладил хорошие связи с самим Саддамом Хусейном.

Однажды мы встретились с Жириновским на юбилее Михаила Звездинского. Спросил я: «А где сейчас ваш бывший помощник-генерал Филатов?». Владимир Вольфович ответил равнодушно: «А хрен его знает».

Какое-то время Витя выпускал Интернет-газету «Клич». Попробовал я было с ним связаться – не получилось. Оказалось, что я Виктору Ивановичу неинтересен. А вот я, несмотря ни на что, сохраню о нём добрую память. Прежде всего, за его истовость в профессии, которой сам лишён...

***

Вспоминает краснозвёздовец **Михаил Луканин**: «Однажды Александр Ткачёв, в ту пору капитан 2 ранга и спецкор «Красной звезды», был назначен докладчиком на летучке. В его задачу входило дать свою оценку самым заметным публикациям за неделю. А самым ярким газетным событием за обозреваемый период был, несомненно, очерк Виктора Филатова «Ярость», написанный им по итогам афганской командировки. Это было, кажется, в 1984 году. Я делал тогда только свои первые шаги в «Красной звезде», в отделе боевой подготовки ВМФ, и мне было страшно интересно, что же скажет Ткачёв о филатовском творении. Мнение о нем в редакционном коллективе было неоднозначным.

Насколько помню, главной темой очерка была тема мести. Автор утверждал, что боевой дух на афганской войне есть ничто иное, как ярость мщения. Наши бойцы мстят моджахедам за погибших от их рук боевых товарищей, а те в свою очередь мстят за своих умерших. И никакой идеологии, никакой партполитработы не надо – люди сами знают, за что они воюют. Материал был написан по-филатовски страстно, в нем действительно клокотала ярость. Стопроцентный газетный «гвоздь»! Чувствовалось, что Филатов очень ждал летучки – и даже не столько для того, чтобы выслушать похвалу своему очерку, сколько, чтобы ринуться в бой, если начнут критико-

вать. Можно не сомневаться, что он, с его-то бешеным темпераментом, своего критика порвал бы просто на куски.

Надо заметить, что у Ткачёва и Филатова, а оба они принадлежали к краснозвёздской элите, к спецкорам, были натянутые отношения. Причин взаимной неприязни я не знаю, но несколько раз Ткачёв, пока готовился к летучке, заходил к нам в военно-морской отдел и рассказывал, какую, «как всегда, муть» написал Филатов – косноязычно, поверхностно, неубедительно. Но одно дело непочтительно отзываться о Филатове за глаза, в кулуарах. И совсем иное – публично, с официальной редакционной трибуны.

И вот – летучка. И ни одного слова из уст обозревателя об очерке Филатова! Ни хорошего, ни плохого – просто ничего. Как будто и не было на неделе такой публикации. О каких-то даже совсем проходных корреспонденциях Ткачёв нашёл, что сказать, а редакционную звезду первой величины начисто обошел вниманием. Эффект от этого умолчания был, как от разорвавшейся бомбы. Когда ждешь, что окажешься в центре внимания, когда не сомневаешься, что вокруг твоего опуса развернётся нешуточная полемика, когда ты во всеоружии приготовился сразить оппонента, а он на схватку не явился – это сильнейший удар под дых. Побагровевший Филатов вскочил было с места, но быстро сел назад, поскольку понял, насколько глупо с его стороны было бы требовать от докладчика, чтобы тот хоть как-то отозвался о его очерке. Вот если бы кто-то другой возмутился демаршем этого наглеца Ткачёва, тогда и самому автору было бы уместно встрять. Но прожженные редакционные зубры, мигом раскусившие умысел обозревателя, только переглядывались между собой и поглядывали в сторону главного редактора «Красной звезды» генерал-лейтенанта Николая Ивановича Макеева. Ждали его реакции. Макеев же, выслушав от Ткачёва «Доклад окончен», тоже ничего не сказал. Просто понимающе улыбнулся и кивнул головой. Вот такие были времена, такие нравы в «Красной звезде».

КОЗНИ КАШУБЫ

Когда маршала Д.Т. Язова арестовали, я выступил в «Независимой газете» с большим материалом «Дед» или «Комбат». Трагедия маршал Язова». Публикация объективно была направлена на защиту военачальника. Однако его помощник генерал-майор Г.П. Кашуба в газете «Ветеран» взялся защищать Дмитрия Тимофеевича от... меня большим материалом «Спекуляция на трагедии» (№ 7 1993 г.). И лучше бы

Геннадий Пантелеевич Кашуба – в центре снимка.

он этого не делал, ибо, как известно, нет вернее способа засадить подсудимого в тюрьму, чем вручить его защиту бездарному адвокату. Да простится мне ситуационная аналогия. Ибо именно в это время Язов как раз сидел в «Матросской тишине». И тут не обойтись без отступления.

С Кашубой мы проработали в «Красной звезде» несколько лет. При весьма и весьма скромном творческом потенциале он обладал виртуозным даром, выражаясь военным жаргоном, «где надо – лизнуть, где нужно – гавкнуть». Эта способность в тогдашние, жутко застойные времена позволила Кашубе стать редактором отдела боевой подготовки, а потом

и замом главного. Вот тут, мягко говоря, мы и не понравились друг другу. Но при разных весовых категориях, конечно же, автор этих строк всегда оставался битым. Однажды довольно сильно. Решался вопрос о моем назначении постоянным корреспондентом по войскам ПВО. Много сил и энергии я потратил для этого. Обаял, как мог, редактора по отделу ракетных войск и артиллерии полковника Александра Александровича Пименова. Решил множество других проблем. Вопрос о моём назначении вынесли на заседание редколлегии. Первым слово взял заместитель главного редактора Кашуба: «Я считаю, что нельзя Захарчуку поручать самостоятельную работу. На днях в Большом театре он в форме стоял у оркестровой ямы и кричал Плисецкой: «Браво, гений, бис!» А потом еще и букет цветов швырнул на сцену». И этого было достаточно, чтобы мою кандидатуру сняли.

В бытность Д.Т. Язова начальником Главного управления кадров, Кашуба написал о нём большой трескуче-розовый очерк, опубликовав его в газете и книге. Естественно, возглавив Министерство обороны СССР, Язов немедленно взял к себе ушедшего борзописца, назначив его начальником пресс-центра, присвоив ему генеральское звание и снабдив его множеством материально-бытовых привилегий. Краснозвездовцы одновременно и ликовали, и печалились: избавление от Кашубы было благом, но назначение его – злом. Если до сих пор от его махрового ретроградства, коварства и иезуитства страдал один творческий коллектив, то с некоторых пор эту участь разделяли многие.

Трудно и невозможно вычислить тот вред, который нанесли советским Вооруженным Силам такие, как Кашуба, окруженцы Язова. Собственно, они и подвели его к роковой августовской черте. Это настолько бесспорная истина, что опровергать мог взяться разве что только сам Кашуба. Что он и попытался сделать в «Ветеране», пройдя по моей публикации поабзацно. Если бы такой труд предпринял кто-то иной, был бы смысл опровергать его заблуждения. Спорить с Ка-

шубой, с учетом вышеизложенного, бессмысленно. Тоска по прошлому – его доминанта. Какой резон доказывать ему, что никому не продавался хотя бы потому, что никто меня и не пытался купить. И писал я о Язове без той ненависти, которую выплеснул на меня отставной генерал. Потому что, несмотря ни на что, как человека, фронтовика, генерала я Дмитрия Тимофеевича уважал и уважаю. А то, что министр обороны из него объективно не получился (пусть простится мне солдатская прямота), так ведь это и его, и моя, и наша общая трагедия. О чем тоже сказано в материале. Другой вопрос, что для Кашубы она была счастьем. Верна, видно, половица: кому война, кому мать родна.

...Лето 2011 года. Отдыхаю в санатории «Архангельское». Сижу в кабинке и принимаю лазеротерапию. Вдруг слышу голос медсестры: «Свет Саввич!» И мне сразу подумалось: «Турунов. Больше таких редких сочетаний в ФИО трудно встретить». Подождал, представился. Восьмидесятишестилетний адмирал, конечно же, меня не вспомнил. Слишком мелкой сошкой я представлялся ему в те времена, когда он был приставлен от ЦК КПСС к министру обороны. Мы ходили с Туруновым по архангельскому парку. Вспоминали многое из тех далёких, уже почти былинных времён. «А я сам ушёл от Язова, – рассказал Турунов, – когда Дмитрий Тимофеевич стал набирать себе в помощники таких людей, как этот, – отставной адмирал запнулся, а я возьми и подскажи, – Кашуба, что ли? – Вот-вот, – обрадовался Турунов. – Очень скользкий и очень недобрый человек. – Да негодяй он, Свет Саввич, кому ж это было неизвестно. – Ну я бы так, наверное, не сказал, но память по нему храню недобрую».

И я в который раз подумал: «Вот сколько людей в моём окружении знали Кашубу, а ещё ни один из них не сказал доброго слова о Пантелеече. Ни один! Вестимо, всё-таки сволочью он был порядочной. Хотя не исключая, что в той же «Красной звезде» найдутся и сторонники генерала. Бог им судья».

Вот некоторые выдержки из моего дневника, практически о том же.

16.05.91, четверг. Став начальником пресс-центра, Кашуба попытался было «прибрать меня к рукам». Однако я в таких цветах и красках расписал перед своим шефом Военно-политической редакции ТАСС Комаровым «подлючесть Пантелеевича», что возмущённый Николай Яковлевич пригрозил пожаловаться на него министру обороны. Кашуба вмиг стал тише воды, ниже травы. Спорадически со мной общаясь, он источает всякий раз скорпионью любовь и тюремную преданность. Сегодня, через силу улыбаясь, почти униженно просил «дать отчёт об этом важном мероприятии как можно шире». Дам, конечно. Брифинг Кашуба организовал действительно на уровне. Было несколько телевизионных камер.

Но действует Кашуба, как всегда, в своей иезуитской манере. За полчаса до моего прихода отправил в ТАСС своё возмущение выступлением «Комсомольской правды» по событиям в Молдове. Пробежал я по диагонали кашубинское казённое неудовольствие игрой комсомолов с огнём, и мне показалось, что тема, как бы обозначена. Однако, вернувшись в ТАСС и вникнув в суть, понял: сильно ошибся. Первый заместитель гендиректора Геннадий Аркадьевич Шишкин, прочитав уже на ленте действительно неуклюжие пассажи Геннадия Пантелеевича, возмутился: «Это филькина грамота, а не политическая оценка очень тревожных событий». Через несколько минут мы с шефом были у зама Генерального директора ТАСС В.Е. Кеворкова. Вячеслав Ервандович опять предложил для политического комментария кандидатуру Кашубы! Почти брезгливо я возразил на том основании, что слово командующего Одесским военным округом, в крайнем случае, начальника штаба того же округа куда весомее будут в данной ситуации, чем бормотание тупой министерской шестёрки. Не говоря уже о том, что он меня задолбает своими уточнениями. Вячеслав Ервандович согласился: Кашуба рыбёшка слишком мелкая, Захарчук прав. И я за два часа соорудил классную байку от командующего округом. Заодно и здорово умыл Кашубу: учишь, стервец, как надо работать!

Геннадий Пантелеевич из кожи вон лезет, пытаюсь заявить о себе, как о главном военном информационщике, но пишущая братия дружно игнорирует усилия новоиспечённого

генерала. Серёжа Ищенко рассказывает о методах работы Кашубы. Тот норовит любой чих министра обороны упредить, отполировать, сгладить, упаковать и обложить ватой. Как будто Дмитрий Тимофеевич глупее в десять раз самого Кашубы. Таких перестраховщиков, утверждает Сережка, свет ещё не видывал. А я бы добавил: и таких примитивно мыслящих экземпляров трудно сыскать в окружении Язова. Безо всякого преувеличения, без пристрастия, без малейшей попытки свести запоздалый счёт с этим человеком, так много мне нагадившим, вынужден с грустью признать: худшего кадрового просчёта в подборе себе помощников Дмитрий Тимофеевич не допускал и вряд ли уже допустит. Поразительна и другая вещь. Если взять навскидку и опросить десять, пятьдесят или даже сто коллег, военных журналистов, то лишь редкие единицы останутся к Кашубе безразличными.

Те, кто имел с ним хоть какое-то отношение, обязательно выскажут резкое неприятие. В «Красной звезде» его никто не любил, не уважал, а многие так и просто презирали. Если бы вдруг меня Кашуба за что-то в те времена похвалил, я бы насторожился сильно, а может, и расстроился. Другого заместителя главного – Халтурина, к слову, тоже подавляющее большинство не любило, но всё же не до такой степени. У нас даже существовало презрительное прозвище – «кашубинец» - для тех, кто шёл к цели напролом, не заморачиваясь никакими нравственными соображениями. Надо же умудриться так настроить против себя поголовно всех окружающих. С кем ни заведи речь о начальнике пресс-центра – только плюются. Генерал Валерий Леонидович Манилов – правая рука министра – называет Кашубу не иначе, как «дубом», а когда тот особенно его достанет – величает «дубьем». О подчинённых Геннадия Пантелеевича уже и говорить не приходится. Если бы они не носили погоны – все бы завтра слиняли из пресс-центра.

8.07.91, понедельник. Сегодня Манилов доверительно сообщил мне, что Кашуба вознамерился возглавить редакцию «Красной звезды». «Но ведь это же будет катастрофа!» – совершенно искренне изумился я, поскольку даже в самом страшном сне не представляю этого военного упыря в кресле

главного редактора пусть даже и после труса Панова. Так ведь какой рафинированный интеллигент последний! И какое «дубьё» Кашуба! Валерий Леонидович словно всеми фибрами души почуяв моё возмущение, добавил рассудительно: «Говорят, слон может съесть тонну овощей? Съесть-то он съест, но кто ж ему даст?»

15.03.94, вторник. Ко мне в редакцию приходил Сергей Ищенко. Он трудится в информационной группе министерства обороны. Рассказал мне историю, которую я в будущем озаглавлю: «Бунт в отсеке язовского корабля». Дело было ещё тогда, когда Дмитрий Тимофеевич сидел в кресле министра обороны. Одиозный Кашуба устроил своему шефу «выступление в прямом радиоэфире». Он и до этого нахраписто использовал не только своих подчинённых для написания всяких подмётных писем в различные издания. Однажды привёз из госпиталя Александра Руцкого, чтобы тот поставил свою подпись под заранее заготовленным пасквилем. Но радиоэфиром превзошёл все мыслимые нравственные ограничения. Вызвал полковника Николая Медведева и предложил тому озвучить вопрос, как будто от имени капитана Эсанбаева. Не существующего в природе. Коля возмутился: «Я не Эсанбаев, я – Медведев!» Кашуба по очереди вызывал всех своих подчинённых, и они категорически отказывались от профанации. Тогда этот тупорылый генерал разыскал офицера, ожидавшего квартиру, и пообещал ему ускорить дело, если станет Эсанбаевым. Посул возымел действие. И вот Язов в прямом эфире. Ему сначала прокручивают «магнитофонные» вопросы. Министр отвечает. Доходит очередь до бесквартирного офицера. Он спрашивает уже в прямом эфире: «Товарищ маршал, вы служили в нашей Кантемировской дивизии, служили на многих должностях. Какая из них осталась в вашей памяти?» – «Как ваше имя отчество?» Мужик тихо бормочет в микрофон: «Но здесь же не написано». Министр обороны понимает, что попал в ловушку и примирительно замечает: «Ну хорошо, я буду обращаться к вам по званию». И дальше читает заготовленный Кашубой ответ. После чего улетает в Чехословакию в сопровождении любимого Кашубы.

В это время четыре его подчинённых пишут рапорты о том, что не могут более выполнять столь паскудные поручения своего шефа. И несут бумаги генералу Манилову. Валерий Леонидович хватается за голову и бежит советоваться с другим помощником министра генерал-полковником Ларионовым. Но обсуждали они отнюдь не подлянки Кашубы, а офицеров, допустивших коллективное неповиновение пусть и генералу-придурку. Возвратившийся Кашуба беседовал со всеми строптивцами, признавая, что поступил не совсем этично. «Но кто дал вам право писать рапорты, не дождав-шись меня?» В результате произошла реорганизация подразделения Кашубы. Всех четырёх офицеров перевели на другие должности с понижением. Каждый из них потерял 60 рублей, когда деньги ещё что-то значили.

ВЫСОТЫ ГЕНЕРАЛА МАНИЛОВА

Другой выходец из «Красной звезды» В.Л. Манилов был полной противоположностью Кашубе. В редакции Валерий Леонидович работал заместителем редактора по отделу пропаганды. Понадобилось тогдашнему министру обороны Д.Ф. Устинову выступить с докладом, посвящённом очередной «красной» дате советского календаря. Помощники быстренько «сварганили» шефу 20 страниц кондового текста. Министр его почитал, и у него чуть не случилось несварение желудка – таким зубодробительным, в лучших идеологических традициях оказался доклад. «Вот что, братцы,- сказал помощникам,- пусть один доклад подготовят в Институте военной истории, другой – в академии Генерального штаба, третий в редакции газеты «Красная звезда». И ещё указал две какие-то организации, я уже их не вспомню. Принесли министру пять докладов. Устинов их внимательно изучил. Взял один за основу и написал собственноручно шестой вариант. Но и это ещё не всё. Дмитрий Фёдорович приказал разыскать автора понравившегося ему варианта. Им оказался как раз подполковник Валерий Манилов. Маршал сначала взял его собственным референтом, потом назначил руководителем референтуры МО. В дальнейшем Валерий Леонидович станет заместителем

секретаря Совета Безопасности РФ, а закончит службу в должности первого заместителя начальника Генерального штаба Вооружённых Си РФ.

Здесь я сознательно выношу за скобки неизбежный вопрос о том, как мог обыкновенный, хоть и толковый, журналист занять столь высокую должность в военном ведомстве. Небезызвестный журналист-депутат Саша Хинштейн по этому поводу писал: «Сначала я в это просто не поверил. Даже переспросил: "Неужели так все и было?" Родионов (Игорь Николаевич, бывший министр обороны – М.З.) обиделся. Он не привык, чтобы кто-то сомневался в его порядочности. Родионов не позволил этого даже президенту Ельцину. Когда Верховный грубо оборвал его доклад, он демонстративно встал из-за стола и вышел вон, зная, что на другой день проснется уже бывшим министром обороны...

Этого полководца знает вся страна. Правда, ни одного сражения он не выиграл, но для того, чтобы стать известным, этого и не требуется: главное – как можно чаще мелькать по телевизору. Он регулярно проводит брифинги для журналистов. Рапортует о новых победах в Чечне. Уверяет: вот еще совсем немного, еще чуть-чуть... В горах уже блокированы две

На снимке слева направо: Иван Митрофанович Панов, Владимир Леонидович Чупахин, Валерий Леонидович Манилов, Владимир Григорьевич Косарев.

тысячи боевиков... три тысячи боевиков... четыре... Ему хочется верить: волевой подбородок, золотое шитье погон. В конце концов, на трибуне не какой-нибудь пресс-секретарь – первый зам. начальника Генштаба, один из главных стратегов страны. И никому даже в голову не может прийти, что в этом-то как раз и заключается основная работа генерал-полковника Манилова: очаровывать журналистов шитьем золотых погон.

Я не был (да и не мог быть) свидетелем этого разговора, но для того и дана журналисту фантазия, чтобы домысливать, оживлять сухие факты, растворять их, словно каши быстрого приготовления, в кипятке эмоций и ощущений, превращая в полноценную еду. Совсем нетрудно представить, как все это было: вот – гигантский кабинет министра обороны. На приставном столике – россыпь телефонов. Вот один из них, с надписью "председатель правительства". Звонок.

- Слушаю, Виктор Степанович, – говорит министр.

- Привет, Игорь Николаевич.

Они о чем-то беседуют – мало ли у министра и премьера тем для обсуждений. Потом Черномырдин говорит:

- Кстати! Поздравляю, к тебе в Генштаб назначен новый зам. начальника.

- Кто? – удивляется министр Родионов.

- Генерал Манилов.

Пауза. Родионов молчит – он осмысливает услышанное, но прийти в себя не может.

- Как же так, – выдавливает он наконец, – я ведь был против его назначения.

Настала пора удивляться премьеру:

- Ты что?! Вот же передо мной свежий указ. На нём – твоя виза.

- Моя?!! Не может этого быть! Я ничего не визировал!

Черномырдин ошарашен не меньше Родионова.

- Ладно, приезжай, будем разбираться.

И как вам, читатель, подобное «домысливание и оживление»? Лично я не верю ни одному слову. Просто потому, что хорошо знаю Манилова. Почти семь лет работал под его, если так можно выразиться, оперативным руководством, бу-

дучи специальным военным корреспондентом ТАСС при министре обороны Д.Т. Язове. Видел Валерия Леонидовича в самых разнообразных ситуациях. Часто спорил с ним. Он всегда прислушивался к моим резонам. Однажды говорю: «Не надоедает вам ковыряться в моих заметка? Ведь я же собаку на них съел». – «Миша, не обижайся. Но Язов в день по двести бумаг различных пописывает. Я им придаю видимость его стиля».

В другой раз Витя Филатов опубликовал с своим журнале «ВИЖ» отрывки из «Майн Кампф» Гитлера. Возмущённый Канцлер Колль позвонил своему корешу Горбачёву: «Мы за такие публикации сажаем в тюрьму. Разберитесь там со своим генералом. Горбачёв «вздул» Язова, заставив его выступить в печати.

- Валерий Леонидович, вы будете руководить, а я писать или я руководить, а вы писать? – спросил я Манилова.

- Ты же знаешь, Миша, что я тебе верю...

Когда Манилов окончил Одесское общевоинское командное училище, я учился в седьмом классе. Служил Валерий Леонидович на различных должностях в Южной группе войск, в Забайкальском военном округе. Окончил Военно-политическую академию и Академию Генерального штаба. Кандидат философских наук, доктор политических наук, академик РАЕН и Международной академии информатизации. Но никогда, ни на йоту я не чувствовал над собой демонстрации его превосходства. Всегда ровное, уважительное отношение, правда, что и не дружеское. Там дальше в своей инвективе Хинштейн описывает Манилова, как проныру и чуть ли не проходимца. Наглая ложь. Манилову не надо было нигде, никогда и ни перед кем заискивать, лукавить. Продвижение по службе, потом в государственной деятельности он обеспечивал себе, прежде всего, своими недюжинными способностями и невероятным трудолюбием. (На моём пути не встречались более работоспособные люди). А уже потом он использовал, разумеется, и впечатляющие связи на всех этажах государственного здания.

Кстати, никто о нём никогда плохо не отзывался. Во всяком случае, я не слышал. Манилова я бы сравнил с Ми-

хаилом Сперанским. И тот, и другой, словно рождены были для того, чтобы покорять вершины государственного управления.

Уволившись со службы в звании генерал-полковник, Валерий Леонидович успел побывать президентом Академии проблем геополитики и безопасности, членом Совета по внешней и оборонной политике, губернатором от Приморского края, первым заместителем председателя Комитета по обороне и безопасности, членом Комиссии по контролю за обеспечением деятельности Совета Федерации и Комиссии по методологии реализации конституционных полномочий Совета Федерации, а также Комиссии по информационной политике. Неужели кто-то всерьёз может подумать, что таких высот можно достичь, не обладая врождёнными и большими талантами? Между прочим, его младший брат Александр тоже стал генерал-полковником, только пограничником.

Кто-то подумает: эх, мужичок щебечет, дифирамбы напевая своему благодетелю! А вот и нет. Несколько лет назад мой друг Станислав Кравченко отмечал свой юбилей в одном из престижных столичных ресторанов. Манилов сидел в противоположном конце большого зала. Помахал мне рукой. В ответ я – тоже. И всё. Даже не поговорили. Манилову это оказалось не нужным. А у нас, советских, своя гордость...

АГАПОВА – ПОМОЩНИК МИНИСТРА

Елена Агапова стала единственным в стране генералом от военной журналистики в юбке. Впрочем, погон она никогда не носила, как известная говорящая голова МВД Ирина Волк. Но по сути своей Елена Александровна была генерал-полковником. Почему? Это долго объяснять, да и повод не подходящий. Про другое хочу сказать.

Ещё Пушкин упрекал нас за леность и не пытливость. А многие из нас, так ещё и глупы, как пробки. Заглянул в Википедию, чтобы уточнить некоторые данные Лены и, оказалось, что её нет там. Зато есть просто-таки жутко огромнейшая статья о Бузовой! И вот я мысленно взвешиваю Елену Агапову и Ольгу Бузову. И прихожу к трагичному,

Елена Александровна Агапова никогда не теряла интереса к общению с руководителями ведущих военных СМИ, да и вообще с журналистами.

ужасному для себя выводу. Мы, наше общество, движемся куда-то не туда, коли предаём забвению агаповых и безудержно восхваляем бузовых.

Елена Александровна Агапова была помощником генерала армии Павла Грачёва в продолжение большей части его политической карьеры. В своё время очень грозный, но, увы, уже покинувший сей бранный мир генерал Александр Лебедь утверждал, что «Агапова хотела устроить нам всем ГКЧП-3». И этим самым очень сильно поднял котировку бывшей краснорозвёздочки в политических коридорах России, где она и без того несколько лет играла весьма заметную роль.

Не знаю, как насчёт ГКЧП, но министр обороны Грачев действительно не решал ни одного своего имиджевого вопроса без активнейшего участия Агаповой. Если она заходила в кабинет шефа, жизнь военного ведомства могла замереть на несколько часов. Обиженные крупнорозвёздные начальники, ко-

торые вынуждены были по несколько часов ожидать своей очереди в приемной министра, пускали о нём и его помощнике в юбке слухи один скабреезнее другого. Представители Совета Безопасности Олег Лобов и Валерий Манилов заставляли Лену в кабинете министра обороны даже в самые критические минуты, незадолго до штурма «Белого дома». А толкуто? Над ними, если они и предавались любви, со свечой никто не стоял, поэтому сексуальная тема между Грачевым и Агаповой очень быстро девальвировалась. Тем более, что все воочию убеждались: если даже пресс-секретарь и вершит все свои дела с помощью женских чар, то далеко и отнюдь не только ими.

Дела же выпали на долю нашей красновзвёздной красавицы Ленки Агаповой совсем не веселые. Вместе со своими помощниками она, образно говоря, собственными руками порезала всю военную печать до такой степени, что от последней остались рожки да ножки. Иного в том жутком безвременье всё равно было не дано, но, тем не менее, у военного люда осталось в памяти: военную печать угробила Агапова. Если в СССР было около четырех десятков военных журналов и газет, то она их урезала в два с половиной раза. Зато собственное Управление информации и печати (УИП) расширила более чем в тридцать раз. На пике своего могущества Лена, как истинный генерал в юбке, командовала почти тремя с половиной сотнями подчиненных!

Справедливости ради следует признать, что ни в «Красной звезде», ни уже за её пределами у нас с Агаповой не наблюдалось дружеских отношений. Но правда и то, что после ликвидации журнала «Вестник противовоздушной обороны» я остался в армии благодаря, в основном, поддержке Агаповой. Поступок её, со всех сторон благородный, и я его никогда не забуду.

В различных средствах массовой информации, в своих книгах я писал о Елене Агаповой многое и разное. Честно говоря, не всегда взвешенное и объективное. (А бывает ли такое вообще?). Однако, что написано пером, то, как известно, не вырубить топором. Хотя если бы это можно было сделать, то я, конечно же, кое-что у себя подрубил бы да подчистил.

Не подрублю и не подчищу. Но самое для меня главное то, что Лена никак не прореагировала на мои выпады. То есть, от слова вообще никак. Удел сильных и мудрых личностей...

Жизнь наша, известно, строится по каким-то не до конца нами понимаемым законам и принципам, в которых разобратся, увы, не с нашим убогим умишком. Взять ту же Агапову. В высшей степени порядочный человек, она сохраняла хорошие отношения с бывшим шефом до самой смерти последнего. И вообще, как оказалось, она столь ревностно относилась к своим служебным обязанностям, что ничего выше их для себя не представляла. А мы, все те, кто её окружал, этого не понимали. Во многом и поэтому она потеряла единственного сына. И, наверное, поэтому, далеко не случайно, стала трудиться в Общественном центре Императорского Православного Палестинского общества по защите христиан на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Как-то я прочитал её признание: «Россия будет духовно сильна, пока мы откликаемся на чужую боль». Агапова, судя по всему, достойно откликается.

...Во время работы Агаповой в «Красной звезде» был такой случай. Лена написала материал: «ТУ-160: суперсамолет глазами его экипажа и специального корреспондента «Красной звезды». Публикация позитивная, с любовью и гордостью повествующая и о самолете, и о летчиках, и об их семьях. Но в ткань текста Лена по просьбе авиаторов вплела факты, связанные с конструктивными и эксплуатационными недоработками сверхзвукового бомбардировщика-ракетоносца. Министр обороны Д.Т. Язов возмутился. Главного редактора И.М. Панова на заседание коллегии Минобороны жестко отчитали. «Белые лебеди» (Ту-160) считались нашим грозным ответом на американские «Лансеры» (В-1). Министру хотелось бы видеть в газете, как расписываются их достоинства, как доказываются, что мы тут превзошли вероятного противника по всем статьям.

- А что мы видим в «Красной звезде»? – громыхал министр. – Какие-то мелкие придирки, дискредитирующие уникальный самолет. Получается, льем воду на мельницу вероятному противнику? Разберитесь, и накажите виновных.

Панов, к его чести, не стусевался, а спокойно и убедительно доказал, что Агапова написала вовсе не о «мелочах». Что опасный дефект в креслах катапультирования, о котором рассказала Елена, – это вопрос безопасности экипажа. Что нехватка защитных шлемов и кислородных масок на столь современном самолете – это вообще нонсенс. Ивана Митрофановича поддержал тогдашний главком ВВС маршал авиации Александр Ефимов. В результате, вместо разноса на коллегии получился конструктивный разговор. А создатели Ту-160 признали недочеты, указанные в газете, исправили их. Панов потом на редколлегиях не раз ставил работу Агаповой в пример: вот, мол, какой глубины должен быть аналитика в газете.

Лена не только писала хорошо, но и в творческом коллективе вела себя достойно. Несколько лет мы с ней заседали, как члены парткома редакции. Некоторое время Агапова проработала заместителем главного редактора. А потом её взял к себе министр обороны П.С. Грачёв. Об этой стороне её деятельности некоторые выдержки из моего дневника:

28.01.94, пятница. Во второй половине дня всё-таки свиделся с Агаповой. Перед тем пообщался с Володей Косаревым. Заручился его поддержкой на тему назначения. Лена меня с порога спросила: «Ну и кем ты себя видишь в новом журнале Генерального штаба?» Так же без обиняков и я ответил: «Должность первого заместителя главного редактора мне будет в самый аккурат». – «Так и запишем», – то ли пошутила, то ли серьезно решила помощник министра. И ещё поёрничала насчёт моей бороды. Тут же я рассказал анекдот. Увидев мужика с густой и длинной бородой, другой мужик поинтересовался: «Скажите, пожалуйста, а когда вы спите ночью, бороду кладёте сверху одеяла или под него прячете?» С тех пор бородач потерял сон навсегда. «Так что ты смотри, Лена, не заставь меня своим вопросом страдать бессонницей».

Потом мы пили кофе и «мыли косточки» краснозвёздцам. Узнал я от Елены, что Александр Ткачёв будет назначен главным редактором бывшего журнала «Советский воин» (впоследствии «Честь имею»). Не удивительно. Агапова ведь немного поработала под началом Ткачёва в «Красной

звезде». До этой беседы я наверняка виделся Лене таким странноватым, слегка даже чуток чокнутым бородатым полковником, способным на экстравагантную выходку. Мне же девушка представлялась забронзовелой бабищей, самой могущественной среди представительниц прекрасного пола, находящихся на службе в армии. Заблуждались мы оба, но Агапова все же больше.

3.03.94, четверг. По дороге на службу заехал к Агаповой. Её на месте не оказалось. Попросил Володю Никанорова передать Ленке подарочек ко дню рождения. И он стал отказываться! Поначалу я даже опешил. Потом стал стыдить друга. В самом деле, что за идиотическая перестраховка? «Мы что с тобой не друзья? А все трое, вместе с Леной, мы не многолетние коллеги по Красной звезде? Если ты меня не уважаешь, так хоть себя не унижай, Володя!» До маланца-Берчика, наконец, дошло, какую он глупость сморозил. Стал отгребать «взад»: мол, мы с тобой действительно рисуем из мухи слона. «Это ты рисуешь, художник хренов!» – выпалил я и на службу ехал в дурном настроении. Как может изменить человека совсем небольшой властный бугорок, на котором теперь восседает Никаноров – всего лишь заместитель начальника управления информации.

15.08.94, понедельник. Звонил Акраму Муртазаеву и по первое число отчитал его за критику «хозяйств» Агаповой и Косарева. Вся она построена на истеричных инвективах генерала Николая Кошелева. Низкий, подлый и бесчестный человек (в прошлом главный военный комсомолец быть иным не может по определению), он ведь не за справедливость воюет, а за свою кормушку – журнал «Армия», ещё некоторое время назад – «Коммунист Вооружённых Сил». «Ну, нельзя же умным людям, а я вас полагаю за умных, идти на поводу у таких гнусных личностей!» – «А ты бы, полковник, взял и написал про «вотчину Агаповой», если такой умный!» – «Ты смеешь мне предлагать такое, зная, что я ношу погону? За кого ты меня принимаешь?» – «Ну, ладно, ладно пошутил я».

2.09.94, пятница. Главред моего журнала Валерий Винник с утра усилено инструктировал меня, как и что я должен сказать Елене Агаповой. В ТАССе сегодня пройдёт приём

столичной прессы, на котором обязательно будет присутствовать «правая рука Грачёва» со своей командой. После обеда я поехал на бывшую свою работу. Агапову и её свиту – Володю Косарева, Володю Никанорова, Юру Мамчура – встречал с ребятами из моей военно-политической редакции. Потом мы бродили по бесконечным коридорам «комбината лжи», и я про себя откровенно радовался собственной популярности в этом специфическом заведении. Редко кто из многочисленного коллектива тассовцев не уделил мне внимания: кивком, словом, рукопожатием, объятием. Агапова натужно сохраняла дипломатическую выдержку, а Володя Косарев откровенно восхищался: «Миша, ты здесь, как прима-балерина!» – «А чему удивляться, старик, я в этих стенах пахал как папа Карло. И все это видели, знали. Как минимум, я не унизил военного сословия».

Сказано было больше для Лены. Её я патронировал особенно. И всё, что просил Винник, ей сказал. Уже привыкшая к генеральскому вниманию, она воспринимала моё ухаживание спокойно, даже слегка равнодушно. И, как всегда, это случается, излишнее рвение обернулось досадным случаем: я неосторожно девушке плеснул водочкой на рукав. Слава Богу, без особых последствий. А в зале редколлегии мы причащались славно. Даже на брудершафт с Леной выпили. Потом всей ватагой пошли провожать её до её серой служебной «Волги», за рулём которой сидела баба-прапорщик. «Серую акулу возит серый автомобиль», – хотелось мне сострить. Говорят, что Лене нравится прозвище «Серая акула». А ну, если только говорят. И я благоразумно промолчал.

29.04.95, суббота. Сегодня – День российской печати – нелепый, как и все новоиспечённые праздники. На службу мы выйдем уже аж 3 мая. За это время мне надлежит подготовить речь для министра обороны Павла Грачёва, с которой он должен выступить 9 мая на Поклонной горе. В другое время я бы откровенно гордился подобным поручением: не каждому военному журналисту доверят писать за министра обороны. Однако сейчас у меня столько левой и дурной работы на Шварца, что заниматься настоящей, качественной публицистикой, признаться, недосуг. Тем более что грубо и цинично

говоря: еврей платит, а министр норовит на халяву. Но и левой ногой выполнить поручение Агаповой, совесть мне не позволяет. Так что напрягусь и сделаю. Но в следующий – откажусь решительно.

14.07.95, пятница. С утра поехал в ритуальный зал госпиталя имени Бурденко. Там состоялся траурный митинг в память о редакторе «Красной звезды» по фото отделу Дорощее Гетманенко. Агапова стояла в почётном карауле. Вчера я с ней встречался в министерстве обороны и лишний раз убедился: не стоит ожидать от неё помощи в присвоении Лёне Якубовичу капитанского звания. Для девушки это слишком в лом будет.

1.08.96, четверг. Якубович сегодня мне выдал: «Знаешь, как говорят о твоём министре обороны Грачёве. «Он имеет с колыбели казус белли./ И к тому же полкомплекта интеллекта». Но гонений ни на кого генерал не устраивает по той причине, что не понимает содержания эпиграммы. «Лёня, я с твоей прибауткой согласен лишь отчасти. Положим, что с интеллектом у Паши-мерседеса напряжёнка. В этом смысле не поможет ему и Лена Агапова, которая тоже чтением книжек не сильно увлекается. Но что-то в Грачёве всё же есть. Не верю я в то, что кругом круглые нули могут просто так взбираться на столь головокружительные высоты». – «И как полагаешь, она присвоит мне капитана?» – «Боюсь, что нет».

Наверняка есть у Паши какие-то иные недюжинные способности, из которых и складывается в конечном итоге та самая харизма, неуловимая для разбора и анализа. А то, что Грачёв – харизматик, как и Ельцин, и даже Руцкой, и Хрущёв в прошлом и ещё многие другие выдвиненцы социализма – в этом даже сомневаться не приходится. Агапова и не сомневалась...

ЮРИЙ МАМЧУР – ПОМОЩНИК АГАПОВОЙ

Юра был, безусловно, талантливым журналистом, с той самой искрой божьей, которая так редко встречается у людей нашей профессии. Покойный мой друг Володя Житаренко очень любил Юрку, почти восхищаясь его способностями.

Они встретились в Группе советских войск в Германии. Мамчур служил в дивизионной газете, Володя был постоянным корреспондентом «Красной звезды» по ГСВГ. Помогал младшему коллеге, как только мог помогать этот щедрый душой человек. То, что Юра после академии попал в «Красную звезду», целиком заслуга Житаренко. Он нам всем уши прожужжал рассказами о талантах Мамчура.

У меня, грешного, даже какая-то ревность шевельнулась. А когда почитал Юркины материалы – успокоился. Парень на порядок лучше, интереснее писал, чем я на ту пору. Но нашел себя Юра отнюдь не на ниве журналистики, а в сложном и, что бы там ни говорили, все-таки гнусном мире высокого военного чиновничества. Смутно я догадывался, что такой выбор своего любимого ученика Житаренко вряд ли одобрял. Однажды мы втроем: Теплов, Мамчур и я провели могилу Житаренко. Сидел я между двумя Юриями, и мы выпивали. Вот тогда, заливаясь слезами, Мамчур и подтвердил мою догадку. Оказалось, что на эту тему они с Володей даже спорили. И не раз. Почти равнодушный к служебной карьере, наш Михалыч не понимал и не принимал того самого паркетного рвения у своего любимца. Ему всегда казалось, что молодой и способный Мамчур должен был писать звонкие материалы, а не угождать Грачёву и его команде.

Меж тем, Юрка, выросший в семье секретаря парткома Северо-Кавказского военного округа, с детства привык к определенному уровню жизненных благ. С некоторых пор журналистика перестала обеспечивать этот уровень даже для очень способных её служителей. И Мамчур сознательно сделал свой выбор. С равным успехом он умел обаять и Елену Агапову, и того же одиозного генерала Здорикова, и еще роту

Юрий Юрьевич Мамчур

других нужных и полезных крупнозвёздных начальников. С уходом с политической арены Грачёва и его команды, чудом не ставший генералом Мамчур мягко приземлился в одном из фондов, якобы спонсируемым известным авторитетом Михаилом Живило, и даже успешно им руководил. Мы с Юркой не приятельствовали ни в «Красной звезде», ни тем более, когда он взлетел на министерские выси, хотя я лично всегда ему симпатизировал.

МАСТЕР КОСАРЕВ

В «Красной звезде» мы с Володей Косаревым как-то очень быстро сблизились. Наверное, прежде всего потому, что в разное время работали под началом бывшего военного лётчика подполковника Владимира Мухина. К сожалению, он ушел из жизни более двух десятков лет назад. Косарев меня ещё приятно подивил своей неистовой любовью к джазу. Что такое джаз я уже имел довольно недурственное представление. Мой начальник по отделу и однокашник по училищу Володя Каушанский был просто заполошным фанатом этого музыкального направления. Потом служба на некоторое время развела меня с Косаревым по разным заведениям. Между тем Володя стал по ней продвигаться прямо-таки аллюрным темпом.

Послужив некоторое время в Службе информации при президенте Горбачёве, он вновь вернулся в «Красную звезду» уже первым заместителем главного редактора. А потом ушёл в Министерство обороны и там получил генерала. Чрезвычайно редкое, доложу, звание для нашего брата пишущего журналиста. Пальцев одной руки хватит для их перечисления.

Некоторое время Володя был моим непосредственным начальником. Многие его действия тогда я не одобрял, некоторые воспринимал просто в штыки. И с какой-то обречённой грустью понимал: прежней дружбы между нами уже не быть никогда.

Слишком на разных ветвях военного дерева мы с ним сидели. Уволившись со службы, я на некоторое время вообще потеря из виду Косарева. А он взял и организовал первое в

мире «Агентство военных новостей» и несколько лет его плодотворно возглавлял. Согласитесь: спуститься с генеральских высот на каменистую информационную почву не каждый сподобится. Да и не каждом журналисту по плечу выдержать потогонную информационную мясорубку. Знаю о чём говорю. Несколько лет был заместителем редактора «Красной звезды» по отделу информации и семь прослужил в ТАССе. То были сковородки одна другой раскалённее. Косарев просидел на подобной десять лет, а потому ушёл на вольные хлеба.

Что Володю всегда отличало и чему я не переставал в нём удивляться, даже завидовать, так это его спокойная, несуетная устремлённость при достижении поставленной цели.

Всегда он был собранным, немногословным. Но если брался за какое дело, дожимал его вопреки любым привходящим моментам. И ещё одно чрезвычайно важное обстоятельство, из-за которого я лично прощал Володе многое такое, чего другому бы не простил. Он всего в жизни добился сам, своим трудом и просто-таки сумасшедшим упорством. У выходца из простой семьи, проживающей в городке Лысьва Пермской области, не наблюдалось не то, что «волосатой руки» - «волосатый палец» отсутствовал. И клан национальный его не поддерживал, поскольку ни к каким кланам парнишка не принадлежал.

...Прочитав в одной из моих книг о себе, что он — штафирка — человек, пришедший на службу не через воен-

Владимир Григорьевич Косарев — на снимке слева. Очередное интервью с генеральным секретарём ЦК КПСС. На ходу...

ное училище, Володя не то, чтобы обиделся. Иначе бы мы с ним не встретились недавно и не возобновили дружеских ношений. Но вот обратил внимание. Это он ещё не прочитал о себе в моём «Миллениуме». Но я уверен: не осерчает. Писал я о том, что было. А было и случалось не всегда то, что нам хочется. Но мы должны смиренно и мудро относиться к своему прошлому. Думается, того и другого Володе не занимать.

Прощание со службой или выход на окончательную пенсию многими из нас воспринимаются как индульгенция к ничегонеделанию. Но не таков Владимир Косарев. Он увлёкся танго. Сам стал танцевать и одновременно запечатлевать на фото других танцующих. К давнишнему увлечению джазом добавилось новое – ТАНГО. Для него эти удивительные миры стали параллельными. Член Союза фотохудожников России провёл несколько персональных выставок. А недавно выпустил уникальный, единственный в мире фотоальбом «TANGO». Листал я его и восхищался. Одно слово – мастер!

ТЕПЛОВ – ОТЕЦ РУССКОЙ РЫБАЛКИ

Звонит мне Теплов: «Я читал твою заметку про меня. Там в одном месте есть ошибка». «Юра, дружба мой старый, – перебил я его, – ты извини, но ошибки у меня быть не может потому, что писал я о легенде, звонком мифе «Красной звезды». И где там правда, а где мой домысел, уже некому установить, если это касается тебя. Ты – наш аксакал, саксаул. Да нет – древний баобаба». Теплов речот, а я продолжаю:

Юрий Дмитриевич Теплов (справа) и Александр Сергеевич Пилипчук.

«Впрочем, тебе есть за кем стремиться. Наши генералы Сидельников, Бескоровайный сотенный рубеж преодолели». Опять смеётся. И голос бодрый. И ум светлый. И журналистский наш труд ещё не похерил. До сих пор ведёт свою страницу в «Дзене». Ведь профессиональное братство для него не пустой звук. К нему часто навещаются бывшие краснозвёздовцы Кузьма Пашикин и Станислав Грибанов. Его многолетняя дружба для меня как самая высокая корпоративная награда. Мы знаем и любим друг друга 44 года – половина из им прожитых лет и две третьих моей сознательной жизни.

У Теплова большая круглая голова и вообще полу тартарское обличье с вечно приклеенной на нем широкой улыбкой. Периодически подшучивает на другими, над собой – постоянно. Однажды рассказал мне случай: в конце рабочего дня выпил. Возле дома с соседями добавил. Утром проснулся на садово-парковой скамейке с двумя железобетонными перилами, которая стояла... в его собственной квартире. Попробовал вынести – поднять не может. Вдвоем с соседом еле освободили квартиру от уличной мебели.

- Нет, но ты представляешь, какая спяну и сдуру сила у человека может появиться! – удивлялся он сам себе.

...Как-то за рюмкой водки я пожаловался Теплову на свою нелегкую долю при бестолковом редакторе по отделу. Мыслимое ли дело: пятнадцать моих материалов лежат у того безо всякого движения.

- А ну-ка, принеси их мне! – велел захмелевший Теплов. Всю ночь потом он читал мои опусы и попутно их правил. Наутро «подбил бабки»:

- Девять материалов хоть сейчас можно сдавать в секретариат. Над двумя надо еще плотно поработать. Остальное – в корзину! Если согласен – сей момент несу материалы Крысову (Алексей Михайлович, капитан 1 ранга, бывший в ту пору ответственным секретарем «Красной звезды» – М.З.).

Подумав, я отказался от такого «рывка». Никто бы по тем временам, кроме Теплова, не встал бы на мою сторону. Ссора вдрызг с редактором по отделу Морозом не сулила мне вовсе никаких перспектив. А у подавляющего большинства краснозвёздовцев сложилось бы обо мне такое мнение, как в

том армейском присловье: то ли он украл папаху, то ли у него ее сперли. Но был замешан. И от меня «замешанного» пусть и в творческой склоке многие (если не подавляющее большинство) отвернулись бы. Что автоматически бы значило: надо уходить из редакции. Теплов с моими рассуждениями согласился:

- Ну, а коли кишка тонка за себя постоять, – сказал рассудительно, – то и сиди в отделе тише воды, ниже травы, не вякай и жди лучших времен, которые обязательно придут – это я тебе гарантирую!

В начале восьмидесятых Теплов организовал в редакции главной военной газеты клуб «Импо-80». Чтобы веселая, хоть и скабрзная шутка получила продолжение, я стал активно привлекать в клуб новых членов. Юра их всех браковал на том основании, что «членом моего клуба может быть только тот, у кого видит око, да х...й неймет».

Рыбак Теплов не просто заядлый, а почти что чокнутый этим экзотическим видом времяпрепровождения. Написал с десяток книг о рыбалке, которую разные издательства пиратски издавали, наверное, раз пятьдесят или сто. Сам подготовил и выпустил о ней же вечный настенный календарь, которым заинтересовались даже иностранцы. Знает о рыбалке всё.

До недавних пор Юрий Дмитриевич писал занимательные, приключенческие книги. Одну из последних отнес как-то в крупнейшее столичное издательство, а там ему говорят: «Сейчас же платим вам две с половиной тысячи долларов, но книга выйдет в свет под псевдонимом... Фридриха Незнанского». Далеко не богатый военный пенсионер Теплов от такого благодеяния отказался: у советских – своя, не всем понятная, гордость. И работники издательства (редчайший случай!) пошли на попятную, начав издавать тепловские бестселлеры. Один из них – «Чёрные вдовы» – Юра мне подписал мне следующим образом: «Почти классику Мишани Захарчуку, с которого я, в силу своей наглости, списал одного из своих героев».

Короткая выдержка из того детектива: «Пилот решительно набрал домашний телефон старого приятеля Мишани Захарчука. Когда-то они служили в одном полку. В те време-

на старший лейтенант Захарчук был кучеряв, знал кучу анекдотов и бесподобно исполнял хохлацкие песни и русские романсы. Если к этим достоинствам добавить его богатырский рост и породистую физиономию – труба и погибель женскому полу. Особенно боготворили его официантки из офицерской столовой и активно ублажали двойными мясными порциями. Ну, и он их, конечно, ублажал. Их вдвоем с Пилотом отобрали для учебы в спецбурсе. Но в «БД-7» Мишаня не попал. Погорел на бабах.

Однако для другой конторы сгодился. Так и разошлись их служебные стежки-дорожки. Но связи они не утратили. Изредка перезванивались, еще реже встречались, и каждый раз – к взаимовыгодному сотрудничеству. Когда спецслужбы стали дробить, его не турнули, как многих спецов. Спасли дамского угодника природное обаяние и умение контактировать с людьми. Даже больше: назначили певучего Захарчука в отпочковавшуюся структуру начальником отдела на генеральскую должность. Вот только беспросветную звезду на погоны он так и не получил.

- Тряхнем стариной, Мишаня? – предложил в то сиреневое воскресенье Пилот, когда Захарчук откликнулся. – Закажемся в «Яр»? Уговаривать бывшего сослуживца не пришлось. Не чокаясь, полковники приняли на грудь третью – за тех, кого нет и уже не будет. Мишаня молча уставился в опустевшую рюмку. Да, и его укатали крутые горки. Светлые локоны заметно поредели, намекая на скорую лобную лысину. Крупно вылепленное лицо оставалось ещё породистым, но житейские передряги уже провели на нём первые борозды. Да и огонь в карих глазах перестал полыхать, но пока ещё тлел».

Не могу так уж сказать, что «себя, как в зеркале я вижу, но это зеркало мне льстит». Однако чувства появляются довольно странные, хотя бы потому, что не каждый же раз видишь из тебя срисованный портрет для художественного образа – я так в первый раз. Это куда как реже встречающееся явление, нежели художественно написанная картина. Ну да ладно, не это главное, а то, что, видать, каким-то Макаром я запал в душу Теплова, равно, как и он мне.

На несколько лет мы с Юрой было расстались, но потом встретились в издательстве «Парус» и уж совсем надолго сошлись, когда я начал работать уже в другом издательстве «Логос-Медиа». Откровенно говоря, я прямо-таки силком заставил Юру заниматься кроссвордами и сканвордами. Довольно приличный писатель, он рассматривал этот вид деятельности, как что-то почти ущербное, во всяком случае, недостойное для серьёзного литератора. Тем не менее, я проявил настойчивость в решающей степени потому, что кроссвордно-сканвордная поденщина очень прилично оплачивалась, и это давало другу экономическую стабильность, которой, увы, не приносила его писательская деятельность. Несколько лет мы проработали с Тепловым плечом к плечу. Благодаря мне, он освоил компьютер. Теперь не расстаётся с ноутбуком. И всё-таки, в конце концов, мы вынуждено расстались. Юра каждое лето на четыре месяца регулярно уезжал в свою Башкирию. А такое длительное отсутствие даже для очень хорошего работника, коим Теплов и являлся, издательство позволить себе не могло.

В «Красной звезде» я не был первым любимчиком Теплова. Покойного Витю Светикова и ныне здравствующего Колю Медведева он привечал куда как сильнее. Но воистину души не чаял в покойном Виталике Безродном. У меня есть фотография, где Юра с женой Галей и я стоим у могилы нашего общего друга. Юра, куда больше моего повидавший в жизни, плачет...

Мне в записную книжку Юрий Дмитриевич однажды записал: «Что нам обещано, завещано-/ Вся чаша выпита до дна.../ Со мной лежит чужая женщина,/ по паспорту – законная жена». Кто скажет после этого, что он не поэт. Во всяком случае, в Литинститут его приняли, в том числе, и за это четверостишие. И учился он в нем без малого три десятка лет! Но всё-таки закончил, когда надобности в том не наблюдалось никакой. Просто из принципа, как Евгений Евтушенко.

...За развод с женой руководство «Красной звезды» в своё время вынуждено было Теплова уволить. Но как ценному и способному работнику генерал-лейтенант Николай Иванович Макеев предложил помощь в обустройстве при любой

из окружных газет. Разведенец подполковник Теплов тепло поблагодарил главного, но попросил у того разрешения поехать на холодный БАМ редактировать многотиражку. Великий советский генерал-редактор, больше которого в «Красной звезде» уже никогда не будет, чуть не прослезился от благодарства и мужества подчиненного. Спустя какое-то время он вернул Теплова в центральную военную газету, даже с повышением, чего в ней отродясь не случалось за всю историю.

О Байкало-Амурской магистрали Юрий Дмитриевич написал книгу «Красный поезд». Потом о ней же еще одну, по-моему «Закон – тайга». Всего же из-под его пера вышло больше двух десятков книг. Чтобы свободно заниматься писательством, Теплов написал рапорт с просьбой уволить его в запас на следующий после пятидесятого дня рождения. Многие удивлялись такому шагу. В «Красной звезде» обычно руками, ногами и зубами держались за службу. Теплов мотивировал свой поступок тем, что строго выполняет приказ министра обороны, предписывающий полувековым полковникам уходить в запас.

За гонорар от первой книги Юрий Дмитриевич купил для матери дом. Причём, как и все, что делает в жизни, купил оригинально. Пришел к хозяину: «Сколько просишь за это жилье?» – «Пять с половиной тысяч (разумеется, еще твердых, советских) рублей». – «Пошли оформлять документы...» – «Постой, – удивился хозяин, – так дела не делаются. Давай я тебе покажу все, расскажу». – «Не надо, я доволен тем, что речка близко». – «Так ты дом или речку покупаешь?» – «И то и другое». – «Станный ты человек. Торговался бы, я уступил бы тысячу. Ладно, быть по сему. Оставляю тебе все, что есть в доме и на хозяйстве. И триста рублей в придачу».

...Когда мы сходились в теплой компании и выпивали, я всегда просил Теплова почитать стихи. Он помнит наизусть всего Есенина, Маяковского, Симонова и еще много других поэтов. Может на спор читать три, пять, десять часов. И, кстати, чертовски задушевно читает, не наслушаешься. В свое время Юра дружил с Василием Макаровичем Шукшиным, рассказывал тому на рыбалке свои байки и великий русский

писатель, как честный человек приобретал их за бутылки коньяка.

В свое время Теплов оказывал помощь в предвыборной агитации кандидату в губернаторы Московской области Александру Тихонову. Потом, как известно, бывшего четырехкратного олимпийского чемпиона посадили в СИЗО. И почти все его приближенные, роем жужжавшие вокруг Тихонова, когда тот был при очень больших деньгах, вмиг слиняли. Никому не хотелось светиться рядом с опальным, обвиненным во всех смертных грехах предпринимателем. И лишь один Юрий Дмитриевич Теплов на свою военную пенсию слетал в Новосибирск, встретился с Тихоновым «на зоне» и выступил с большим материалом в его защиту в нашей «Мужской газете». В который раз я его зауважал. Настоящий мужик – одно слово.

В день семидесятилетия Теплова я написал на внутреннем сайте несколько добрых слов в его адрес. Закончил так: «Даже, если бы я ничего другого хорошего не сделал для «Логос-Медиа», а только привел сюда Юрия Дмитриевича, мне бы следовала премия. Такие люди – золотой запас любого коллектива». И ведь святая правда...

БЕСКОРОВАЙНЫЙ – ГЕНЕРАЛ ОТ ПЕЧАТНОГО СТАНКА

Генерал-майор Андрей Иванович Бескоровайный был самым известным советским военным полиграфистом, кавалером орденов Отечественной войны I степени, Трудового Красного Знамени, трёх орденов Красной Звезды, ордена «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени и четырнадцати медалей, Заслуженным работником культуры России, лауреатом трёх литературных премий. Со 100-летним юбилеем генерала поздравлял Президент России В.В.Путин.

...Когда я пришёл капитаном в главную военную газету Советского Союза «Красную звезду», Андрей Иванович возглавлял издательство и типографию. Понятно, что пересекались мы по служебным делам крайне sporadически – где был я, а где был он.

Однако распределением жилья для офицеров, служащих редакции, издательства и типографии ведал как раз Бескоровайный. Поэтому, когда мне вручили смотровой ордер на квартиру в Капотне, я записался к нему на приём и сказал, что не хочу отправляться на ПМЖ в этот неблагополучный по экологии район, поскольку у меня две маленькие девочки.

- Две девочки, говоришь, – Андрей Иванович запустил свою большую пятерню в густые, слегка посеребрённые волосы и продолжил, словно и не ко мне вовсе обращаясь. – Что же ты бракодел-то такой? Впрочем, у меня тоже две девушки, но ещё и сын есть. Ну да ладно, оставь этот ордер, а завтра зайди после планёрки.

На следующий день я получил от Бескоровайного квартиру по улице Яблочкова, где проживаю и по сей день. Когда устраивал для сослуживцев новоселье, зашёл к генералу, чтобы и его пригласить.

- Извини, дружище, – Андрей Иванович заглянул в календарь, – но в этот день никак не смогу – вызывают на сессию Моссовета. Да ты садись, в ногах правды нет, – достал из шкафа початую бутылку коньку, рюмки и конфеты. – Хотя нет её и в других частях тела. А вот то, что ты с товарищами своё жильё обмываешь, за это хвалю. Давай за твою хату, как говорят у вас на Украине, и выпьем.

Почти полвека мелькнуло с той поры, а вот не забывается...

Заместителем у Бескоровайного был подполковник Арнольд Казьмин, ставший одним из самых близких мне друзей-краснозвёздовцев. Благодаря ему, я со временем не то, чтобы крепко подружился

Андрей Иванович Бескоровайный

с Андреем Ивановичем, но виделись мы к обоюдному удовольствию довольно часто. К тому же я работал с его младшей дочерью в журнале Генерального Штаба «Армейский сборник». Регулярно интересовался: как там батя? На любое семейное торжество Арнольд обязательно приглашал своего бывшего командира. И мы с генералом, давно уже оба покинувшие «Красную звезду», обязательно возвращались памятью в нашу общую службу. С весёлым, никогда не унывающим Андреем Ивановичем общаться было всегда одно наслаждение – рассказчиком-балагуром он слыл чудным. Лишь однажды, помнится, видел я старика в горе и печали, когда он сына, капитана 1 ранга схоронил...

Четырнадцатилетним пацаном Андрюша Бескорвайный устроился на работу в поселковую типографию Большого Коровино Московской области. Начальник, бывший работник знаменитой Первой образцовой типографии Василий Маковеев сразу положил глаз на разбитного юношу. Присматривался к нему, помогал. Благодаря такой крепкой поддержке, Бескорвайный за четыре года в совершенстве освоил профессии наборщика, верстальщика, печатника. «Ну что, Андрюша, – сказал Маковеев, – с лёгким сердцем отдаю типографию в твои руки. Верю, не подведешь». И бывший сельский паренёк не подвёл. Выстроил просторное помещение для типографии, раздобыл новое печатное оборудование, достал несколько комплектов шрифтов. Словом, развернулся во всю удаль характера. Суровая жизнь, однако, жёстко окоротила трудовую прыть Бескорвайного. По ложному доносу органы арестовали его брата Василия, сельского механизатора. Секретарь райкома партии с сожалением предложил Андрею уволиться. И он подался в столицу к сестре Марии, работавшей, благодаря тому же Маковееву, в Первой образцовой типографии.

В трудовом коллективе Бескорвайного быстро оценили по достоинству и направили в типографию газеты Московского военного округа «Красный воин». Там печаталась многотиражка Высшего военного училища имени Верховного Совета РСФСР «Кремлевец». Её-то Андрей и верстал. И казалось ему, что всё уже наладилось наилучшим образом. Не тут-то было. Как-то вызвал его директор типографии, посадил

напротив себя за стол и достал бутылку со спиртом: «Всё что я тебе сейчас скажу, паря, – строго между нами. Пришло печальное известие: следом за братом, органы посадили и твоего отца. Так что, если здесь задержишься – не сегодня-завтра и тебя «заметут». Обвинят, что ты – сын и брат «врагов народа» специально устроился в военную часть, чтобы вредить. Я поговорил со своим другом, героем Гражданской войны Иваном Васильевичем Горюновым. Он возглавляет типографию газеты «За индустриализацию» и возьмёт тебя наборщиком. Надёжный человек. Не даст в обиду».

Точно не дал. А ещё определил наборщика-верстальщика на заочное обучение в полиграфический техникум. Из этой типографии Андрей летом 1940 года отправился на службу в Красную армию. Прошёл учебку по инженерно-сапёрному делу в Заполярье. Был откомандирован в армейскую газету «Часовой Севера», располагавшуюся в Мурманске.

В мае 1941 года Бескоровайному присваивают офицерское звание техник-лейтенант и назначают начальником типографии газеты. В этой должности он и обеспечивал регулярный выход «Часового». Потом лейтенанту Бескоровайному поручили типографию газеты 19-й армии Карельского фронта «Сталинский боец». Именно эта армия освободила советское Заполярье и Карелию от гитлеровских оккупантов. В той же газете уже старший лейтенант Бескоровайный в 1942 году встретил свою суженную Люсю – Людмилу Ивановну. 77 лет они прожили вместе. Людмила Ивановна присматривала за правнуками. Их у неё – девять. А ещё есть три внука и три внучки...

Осенью 1944 года 19-ю армию перебросили на 2-й Белорусский фронт, которым командовал Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский. В том войсковом объединении Бескоровайный принял участие в операциях по освобождению Польши, Померании, Германии. Думалось, что в фашистском логове и закончится его война. Однако пришлось ещё поучаствовать и в разгроме милитаристской Японии. Далее Андрей Иванович служил в Бакинском и Московском округах ПВО. Окончил заочно Московский полиграфический ин-

ститут. В 1956 году стал заместителем, а спустя какое-то время – начальником издательства и типографии главной военной газеты страны – «Красной звезды».

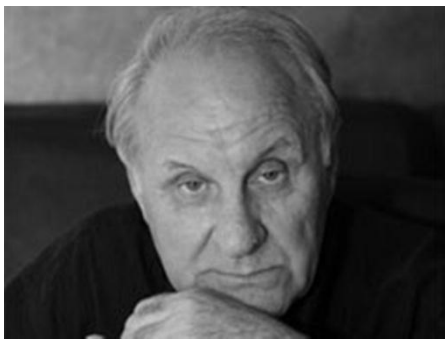
Во многом благодаря именно ему, эта специфическая структура превратилась в мощнейший полиграфический комплекс с современной оснасткой и огромными тиражами. Типографский комплекс был специально спроектирован и построен на Хорошевском шоссе в 1962 году по ходатайству военного ведомства и по решению правительства. И не случайно: в те времена тираж одной только «Звездочки» превосходил 3 миллиона экземпляров. А ведь здесь печаталась ещё добрая половина всех «толстых» журналов Советского Союза. Всем этим громадным мегахозяйством в продолжение нескольких десятилетий и руководил Бескоровайный. Прямо скажем, руководил безупречно. Не зря же ему одному за всю историю Советского Союза по личному ходатайству министра обороны Дмитрия Фёдоровича Устинова присвоено звание генерал-майора.

...В 2006 году автор сих строк выпустил итоговую книгу жизни «Встречная полоса. Эпоха. Люди. Суждения». Естественно, что раздел, посвящённый тринадцати годам службы в главной военной газете СССР получился самым объёмным. Оно и не мудрено. «Красная звезда» – главный мой жизненный университет.

Не все коллеги-краснозвёздовцы восприняли написанное спокойно и терпеливо. Некоторые обвиняли меня в не объективности. Скажем, бывший мой редактор по отделу прямо сказал, что личность заместителя главного редактора «КЗ» генерал-майора Ф.Н. Халтурина выписана ложно и карикатурно. И я обратился к Андрею Ивановичу, который дружил с Фёдором Николаевичем. Он прочитал мой достаточно объёмный труд и вынес решение: «Именно таким Федя и был в жизни, как у тебя написано». На мою «Встречную» было много рецензий. В том числе в «Комсомольской правде», «Литературной газете», других изданиях. От генерала Бескоровайного – лучшая. Кроме всего прочего, ещё и потому, что сам он написал три книги: «Строки – тоже оружие», «В небе Севера», «И в сердце каждом отзовется».

ФИЛОСОФ КАЗЬМИН

Арнольд Константинович Казьмин был из породы тех людей, смерть которых увеличивает и укрупняет их личности. Истинный гуманист, философ-просветитель, редкой оригинальности мыслитель. Многолетнюю дружбу с ним я, безо всякого преувеличения, как на духу, полагаю великим и щедрым подарком госпожи Судьбы. Мы вместе служили в газете «Красная звезда». Арнольд исполнял обязанности заместителя начальника издательства и типографии. Поначалу я к нему и относился как к специалисту по полиграфии, а проще – никак не относился. Но однажды на вечеринке в отделе литературы и искусства услышал, как Казьмин поет под гитару. Испытал нечто сродни потрясению. Никто в многочисленном коллективе «Звездочки» не владел с такой виртуозностью голосом собственным и гитарой в придачу. Еще в больший восторг я пришел, когда узнал, что музыку-то, оказывается, Казьмин сочиняет сам, а стихи ему пишет жена Тамара Павловна! С тех пор я многожды и с восторженной благодарностью слушал Арнольда в отделе литературы и искусства, к которому он, как и я, испытывал пиететные чувства. Многие его стихи даже были опубликованы в «Красной звезде». Однако, когда Казьмин уволился со службы, а я ушёл работать в ТАСС, мы следы друг друга потеряли.

Арнольд Константинович Казьмин

Однажды супруга попросила свезти её на бывшую ВДНХ, которая тогда представляла собой сплошной блошиный рынок. Прохаживаюсь я возле машины, и вижу: навстречу шагает Арнольд. Мы, радостные, обнялись, расцеловались.

Пошли расспросы, вопросы, воспоминания: как-никак, больше десяти лет не виделись! К тому времени я уже работал первым заместителем главного редактора журнала «Армейский сборник». Казьмин был техническим директором акционерного общества «Московские учебники и картолитография». Естественно, мы обменялись координатами, но как это обычно бывает у занятых, профессионально не пересекающихся москвичей, тут же забыли о своих взаимных, почти клятвенных обещаниях.

Еще прошло немало лет. Приятель мой, тоже краснозвёздец Юрий Беличенко выпустил книгу «Лета Лермонтова». Даже не читая её, а, только листая, обнаруживаю, что «издательские и полиграфические работы осуществлены ОАО «Московские учебники и картолитография», где генеральным директором С.М. Линович, а техническим, разумеется, А.К. Казьмин. Выполнена книжка была на высоком полиграфическом уровне. И Юрка с восторженной благодарностью мне это подтвердил:

- Знаешь, Миша, если бы не наш Арнольд, я бы никогда не увидел изданным своего главного труда жизни. Сейчас времена, увы, не для повествований «о биографии великого русского поэта, ее загадках и темных местах». Темные места и сплошные загадки сейчас в нашей жизни, экономике, в наших душах мятущихся.

Кинулся я к своим кипам визиток, разыскал казьминскую, чтобы поблагодарить его за дело доброе, но на другом конце провода мне сообщили, что Арнольд Константинович – в длительной зарубежной командировке по своим типографским делам. «Ясное дело, – подумал я, – технический директор такой известной фирмы, небось, только по заграницам и разъезжает».

Как-то я наведалься к своему старому приятелю, опять же краснозвёздцу Ромену Звягельскому, который возглавлял тогда журнал «Российский адвокат». И Ромик интересуется:

- А ты видел книгу нашего Арнольдика Казьмина?

И вручает фолиантик в чисто-белой суперобложке. Первая мысль была: наверное, Константинович собрал-таки, наконец, свои песни на слова супруги и тиснул их, пользуясь собственными безграничными типографскими возможностями. Или же что-нибудь профессиональное, из полиграфии выдал на-гора. Однако то, что открылось моим глазам, то, что я затем неспешно стал читать, заставило меня в который раз изумиться и удивиться неисчерпаемым талантам Арнольда Казьмина!

В самом деле, его книга «Теория интеллекта: Как выбрать президента» буквально огорошила меня тем, что в ней «впервые дано определение интеллекта, как высшей формы процесса мышления, при котором в результате синтеза приобретенных свойств ума и чувств человека, формируется нравственно-этический фактор – главное социальное качество. Предложена модель интеллектуального поля общества и выделены области социальной специализации личностей. В отдельной главе представлена методика расчета уровня интеллектуального процесса, приведены примеры для ряда исторических личностей. Новые понятия о цивилизации, культуре, путях и условиях нравственной эволюции человека поднимают исследование на уровень поиска общечеловеческой социальной стратегии выживания. Парадигмальные идеи реформаторского, а не революционного содержания имеют значение фундаментального научного знания, которое может быть востребовано в решении стратегических проблем современного существования природы на земле». Ничего себе Арнольд завернул!

У меня много приятелей из научного мира. И все они, как один, годами, десятилетиями, с юношеских времён упорно вышагивали по каменистым научным ландшафтам. Ибо кому ж неизвестно, насколько тяжелы те научные тропы. Но Арнольд, от которого я слова из научной терминологии никогда не слышал и вдруг: «Данная книга представляет собой эври-

стически философское научное исследование». Проще говоря, приятель мой совершенно неожиданно не только для меня, но, пожалуй, для всех, кто его знал по «Красной звезде», написал вдруг трактат такой глубины и такой степени сложности, что даже оценить его содержание не каждому из нас под силу. Книга эта есть в Интернете, она несколько раз переиздавалась и до сих пор продаётся в некоторых книжных магазинах.

«До настоящего времени ни одна наука, ни с какой точки зрения не дала объяснения понятию «интеллекта». И так уж случилось, что удивление и сомнение, объединившись на долгие годы, захватили мое сознание и заставили заниматься втайне от всех этим, казалось бы, безнадежным делом. Проведение серьезного исследования в данной области представлялось весьма затруднительным из-за отсутствия времени, а за неимением других вариантов от идеи пришлось отказаться на долгие годы. Однако, поселившись в мозгу, мысль о проблеме интеллекта с течением времени стала жить своей собственной жизнью. Это означало, что практически любая личная или производственная ситуация, требующая какого-либо «умственного» выбора, проходила непрерывное сканирование, а мысль служила для сканирования эталоном».

Мне надо здесь перевести дыхание и просто осмыслить весь масштаб сделанного Арнольдом, потому, что «теория интеллекта, как новое знание дает человеку шанс с этим новым знанием сделать осмысленный шаг на следующий виток своей эволюции». Ни больше и не меньше. То есть, я, конечно, прекрасно понимаю, что с появлением книги Казьмина «Теория интеллекта», ничего в этом подлунном мире не просто существенно, но даже никак не изменилось. И о его совершенно уникальном научном труде многие, если не все, мои потенциальные читатели узнают только лишь из этих заметок. Но само узнавание, равно как и полнейшее безразличие социума к новому слову в философии, политологии, наконец, просто в нашей с вами ментальности ровным счетом ни о чем еще не говорит.

Не забывайте, что вертолет был изобретен легендарным Леонардо да Винчи, а впервые построен нашим соотечественником Б.Н. Юрьевым лишь 400 лет спустя. Пути научных знаний неисповедимы. Правда, интеллект не железка, пусть и летающая, и с приоритетом, по его оценке, расчетам человечество, смею полагать, разберется несколько шустрее. Однако как бы там ни было, а пусть только предчувствие полной, исчерпывающей истины о нем по праву теперь принадлежит отныне и навсегда моему, безвременно ушедшему приятелю Арнольду Константиновичу Казьмину.

Помнится, я работал несколько лет ради хлеба насущного в сканвордном издательстве «Логос-медиа». Казьмин предложил: «А слабо тебе готовить для моей «Российской философской газеты» тематические кроссворды и сканворды?» Попробовал – получилось! И Арнольд радовался моим успехам в практическом постижении «науки наук», как ещё величают философию. К слову, упомянутую философскую газету, быстро завоевавшую необыкновенную популярность в России, Казьмин выпускал с завидной регулярностью практически на собственные сбережения. При этом сам регулярно выступал в собственном издании с интересными, опять-таки очень нестандартными философскими изысканиями.

Арнольд обладал какой-то незаметной, но очень притягательной силой. К нему постоянно тянулись люди. Писательница Лариса Васильева (автор «Кремлёвских жён») была своим человеком в семье Казьминых. Советник-наставник мэра Ю.М. Лужкова – Любовь Кезина – после того, как получила две пули в голову, регулярно навещалась к Арнольду послушать его песни. «Они мне помогают восстанавливать умственную способность», – утверждала на полном серьёзе. Михаил Веллер (автор «Легенд Невского проспекта») души не чаял в Арнольде и говорил мне: «Ни с кем не получаю такого удовольствия от философских бесед, как с Арнольдом». Вёл он те беседы и по российскому радио, и просто так, в частых застольях.

...Звонит как-то мне Казьмин: «Завтра я ангажирую тебя на весь вечер. Поедем в Центр Высоцкого. Там Люда Абрамова (мать детей поэта и барда) презентует книгу своего бывшего директора школы». Поехал на Таганку. Когда мне предоставили слово, я сказал, что вот, дескать, наш Арнольдик ещё одно доброе дело в своей жизни сделал: помог выпустить книгу авторитетного педагога. Людмила Владимировна на правах хозяйки и нашего давнишнего знакомства меня перебила: «Нет, Михаил, он не помог. Он банально взял и издал книгу моего замечательного учителя. Арнольд Константинович, спасибо вам, дорогой!» И до земли ему поклонилась.

С грустной, но светлой печалью добавлю: в решающей степени благодаря Казьмину вышла в свет и моя книга «Босая душа или Каким я знал Высоцкого». К другой моей книге «Заметки для внука» Арнольд написал предисловие, где были такие строки: «С интересом я читал эту книгу, потому как ожидал: а чем же ещё выдумщик Михаил нас порадует. У меня есть право на подобное приватное обращение к автору – с Захарчуком мы дружим значительную часть прожитой нами жизни. И не побоюсь этого определения – душевно дружим, к обоюдному удовольствию».

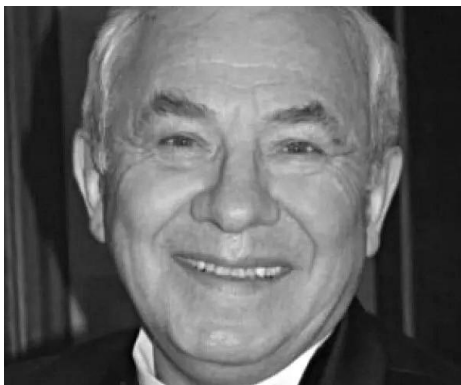
А потом Арнольд серьёзно и надолго заболел. Он очень надеялся выздороветь и снова взяться за любимое детище – не получилось. Болезнь оказалась сильнее человека. Конечно же, философская газета приказала долго жить. Философский факт, лишний раз доказывающий истину о том, сколь важна роль личности в нашей с вами истории. Вечная тебе память, мой славный друг, и земля пухом!

ОТКРОВЕНИЯ ЗВЯГЕЛЬСКОГО

Суворовец Ромен Аронович Звягельский окончил Киевское училище связи. Работал корреспондентом «Красной звезды» по группе советских войск в Германии, заместителем главного редактора журнала «Советский воин». Выйдя в от-

ставку в звании полковника, Звягельский организовал газету «Человек и право», а потом журнал «Российский адвокат».

Ромен Аронович Звягельский

меня, желторотого капитана, не смотрел свысока. Несколько раз брал с собой в командировку. И каждая из них оставалась в моей памяти, как нечто удивительное и необыкновенное. Потому что никто из фотокорров «Звёздочки» не обладал столь потрясающей коммуникабельностью и умением расположить к себе собеседника, как Ароныч.

Однажды мы полетели с Ромой на Камчатку. Арабских шейхов не всегда так встречают, как нас в ту далёкую пору. В любом гарнизоне у Звягельского обнаруживались давнишние знакомые. Все они его прекрасно помнили, но и Рома никого не забывал: не заглядывая в блокнот, каждого называл по имени и отчеству. Памятью он обладал удивительной.

Тут надо непременно отметить: как хороший футболист одинаково классно пробивает по воротам с двух ног, так и Рома умел замечательно писать и просто-таки великолепно фотографировать. Его книга «Откровения» – блестящее тому подтверждение. Её читаешь с неподдельным интересом и дивные фотографии рассматриваешь, как полноценные произведения искусства.

Но кроме этих бесспорных дарований Звягельский, как истинно талантливый человек, обладал ещё массой других

Мы с Ромой очень крепко дружил. В поры нашей молодости газета «Красная звезда» – в народе «Звёздочка» – была великой газетой. Щедрая судьба даровала мне дюжину лет службы в штате. Когда я после академии туда пришёл, подполковник Звягельский уже считался мэтром. Однако на

достоинств. Необыкновенные мобильность и пытливость были едва ли не главными его качествами. Так, будучи заместителем главного редактора Леонида Головнёва, они оба подняли журнал «Советский воин» в необозримо-заоблачные выси. В нем стало трудиться больше офицеров, нежели в «Красной звезде»!

Журнал имел своих корреспондентов во всех округах, на флотах и в группах войск. Некоторое время издание выходило на нескольких иностранных языках! Сам, как корреспондент, Звягельский мотался по стране и делал головокружительные, сногшибательные материалы, которым потом завидовали в «Красной звезде» и во многих других изданиях. С некоторых пор советские космонавты стали летать в космос не с удостоверениями «Красной звезды», как раньше, а с ксивами «Советского воина», что, конечно же, организовывал Звягельский.

Рома побывал в полусотне стран мира, но Камчатка, Сахалин, Курилы, вообще Дальний Восток был любимой его стороной. Оно и понятно: семь лет из сорока, отданных службе, пропахал на Чукотке. Будучи военным корреспондентом, прыгал с парашютом, спускался на подводных лодках, ходил в дальние походы, поднимался в заоблачные выси, дрейфовал с полярниками на станции «Северный полюс-23». Написал двенадцать книг, пятнадцать киносценариев. Один из них – «Вторая жизнь старого фото» – на кинофестивале в Риме получил Гран-при.

Когда Рома вернулся из Италии, то рассказал мне, как потратил причитающуюся ему сумму гонорара в 10 тысяч долларов. Тем, кто не читал его «Откровений», сообщаю: он пригласил практически всех участников фестиваля (более 300 человек!) на фуршет! И на все 10 тысяч зелёных устроил пир на весь мир!

Обладая хорошими голосом и умением играть на гитаре, Звягельский не вылезал из «гавани, куда заходят корабли».

Имею в виду популярную когда-то телепередачу с одноимённым названием Эдуарда Успенского.

Долгие годы Ромен Звягельский дружил с Булатом Окуджавой, и история этих отношений достойна отдельного рассказа. Однажды Ромке позвонил его старый приятель полковник внутренних войск Паневин, начальник одной из колоний строгого режима. У меня, говорит, тянет срок отличный мужик Константин Чередник. Посадили его по злому навету якобы за убийство, а парень ни в чем не виноват. Дрались пять прибалтов, они же своего и порешили, а кинувшегося разнимать Чередника и побили до полусмерти, и еще навесили на него «мокрое политическое дело». Помоги, если можешь. Тогда Аронович впервые и встретился с Шалвовичем, который был членом комиссии по помилованию при президенте. Опуская бесчисленные подробности, скажу, что в итоге Константин Чередник, отсидев шесть из полученных тринадцати лет, был освобожден. Надо ли говорить, что он почитает Ромку как отца родного.

В другой раз Звягельский помог подняться на ноги человеку, почти ставшему бомжом, кстати, родному сыну великого татарского поэта, узника фашистской тюрьмы, автора «Моабитской тетради» Мусы Джалиля. А когда Ромка узнал, что ветерану войны в свое время на фронте, перестраховавшись, не вручили звезду Героя Советского Союза, – дошел до Горбачева, но справедливость восстановил. Была у моего приятеля фотография, запечатлевшая какое-то военное событие с участием последнего президента СССР. К этому «Герострату XX века» я отношусь с понятным предубеждением, но то, какими влюбленными глазами «отец перестройки» смотрит на Ромку – кадр для меня в высшей степени символический.

Как-то поехал Роман в Бельгию по делам Российской гильдии адвокатов (он был вице-президент этой организации). Случайно в Антверпене встретился на выставке с местной художницей Викторией Спейс и, опять же случайно, узнал, что на самом деле она – кубанская казачка Виктория Ва-

сильевна Сорина. Надо быть Звягельским, чтобы оттолкнувшись от этого примитивного, приземленного факта написать чудную книгу «Виктория» – пронзительный, удивительный, совершенно потрясающий рассказ о любви нашей соотечественницы, еще девушкой угнанной в Германию и бельгийского юноши, тоже заключенного в фашистском концлагере!

Рома Звягельский был одним из немногих моих друзей, кто ни разу не запамятовал моего дня рождения.

В журнале «Российский адвокат» трудились многие мои друзья-краснозвёздовцы: Владимир Селёдкин, Валерий Рязанцев, Игорь Вашкевич, Юрий Теплов. Сам я регулярно туда пописывал. Когда Рому потряхнул первый инфаркт, я шёл на встречу с ним после той беды и в голове крутилось: «Укатали Сивку крутые горки». А он налил нам по рюмке коньяку, взял гитару и стал петь. Таким, поющим, он навсегда останется в моей памяти.

...Эпиграфом уже упоминаемой книги Звягельского «Откровения» стали слова Плиния Старшего: «Нам отказано в долгой жизни. Оставим труды, которые докажут, что мы жили». Рома Плиния дополнил. Доказал миру и себе, что жил неподражаемо блестяще.

Владимир Голопило: «Михаил Александрович, докладываю. Осенью 1981 года корреспонденты Красной звезды Звягельский и Житаренко работали в Дрездене в 249-м гвардейском мотострелковом полку. И не обошли своим вниманием мою 6-ю, в то время лучшую мотострелковую роту в 11-й гвардейской танковой дивизии 1-й гвардейской танковой армии, где для очерка о замполите полка Владимире Васильевиче Материкине в полковом учебном центре Швепниц Звягельским была сделана позже опубликованная в газете фотография, на которой изображены также наши офицеры и солдаты. Газета сохранилась у проживающего ныне в Саранске наводчика-оператора ефрейтора Александра Потапкина, который на фото рядом с В.В. Материкиным слева от него».

«ПРИКИПЕВШАЯ» К «ЗВЕЗДЕ» ПАВЛЮТКИНА

Крупным, по-особому значимым и уникальным событием минувшего, 2023 года, для всех нас, краснозвёздцев, явились публикации в социальных сетях глав из будущей книги бывшего главного редактора газеты «Красная звезда» Владимира Чупахина. Среди постоянно откликающихся на мемуары главреда в числе постоянных лидеров – моя давняя подруга Ирина Павлюткина.

Вот лишь один из её отзывов: «Ещё и ещё раз спасибо за все строки, что написаны вами о замечательных, ярких людях, сложившихся, работавших рядом с вами. После того, как стала читать именно ваши воспоминания, стала понимать, почему из "Красной звезды" невозможно уйти никогда. Даже, если уже и трудишься где-то ещё. И осознала исток личного "прикипания" к ней. Почему придя в газету поработать простой учётчицей в отдел писем только на год-два (на время окончания института), Ира Юмашева (увы, сменившая фамилию позже на Павлюткину), работает на нашей Хорошевке уже 41 год?!

Мне повезло смотреть, как трудятся мэтры, как создаются великолепные очерки, корреспонденции. Общение с ЛИЧНОСТЯМИ, пусть и отчасти "на ходу", у меня была параллельная жизнь, связанная с бардовской песней, с тесным общением в другой среде, во многом формировало мою гражданскую позицию. И, каждый раз, решая всё же уволиться, начать зарабатывать деньги, а не гроши, что платили, да и

Ирина Владимировна Павлюткина в день получения из рук министра обороны РФ Сергея Кужугетовича Шойгу государственной награды.

платят в газете гражданскому персоналу по сию пору, устав от постоянных подработок (во время которых сама работала, и как редактор), всё равно оставалась. Да, личные обстоятельства тоже имели место быть. Но была, была в газете та особенная энергетика творчества, которая помогла мне осознать силу именно – СЛОВА.

Сейчас всё чаще вспоминаю какие-то отдельные моменты с людьми, с которыми общалась, а с некоторыми и общаюсь донныне более тесно. Светло на душе, тепло на сердце, когда вижу у вас рассказы о приметах жизни газеты в самые сложные времена. Читаю фамилии, дорогие мне. Беличенко, стихи которого я впервые прочла в альманахе "День поэзии" ещё во втором классе, по-моему, году в 1971, когда папа служил в ГСВГ – книг в доме было много, а родители ещё выписывали и чуть ли не все газеты и журналы, выходившие тогда в Союзе. Увы, именно этот альманах у меня потом "заиграли" знакомые уже во время моей учёбы в институте. Всё собираюсь его найти. В нём ещё был напечатан отрывок из поэмы Алигер "Зоя". И его строки помню до сих пор. Каушанский. С Володей общалась близко и после его ухода из редакции, с одной из дочерей не теряю связь и сейчас. Горный казак Ткаченко... Он посоветовал мне прочитать интереснейшую историческую книгу "Диди Моурави", и честно приносил для меня редакцию все её тяжёлое многотомье. Михаил Захарчук, гейзер энергии, он казался мне тогда человеком-феерией, с характером сложным, многослойным, с массой комплексов и уникальной памятью, которую он по-военному дисциплинированно подстёгивал и системными заметками, извините за повтор – именно "на память". И его записи потом вылились в оригинальные воспоминания. Сергей Пашаев, человек талантливый, харизматичный, который казался мне тогда несколько высокомерным, но недавно возобновившееся общение с ним раскрыло мне в нём лучшие качества человека и – гражданина.

Фамилии людей, которые в памяти остаются именно – краснозвёздцами, синонимом таланта и неординарности, могу перечислять и дальше. А истинным добрым открытием для меня стали Вы, один из моих главных редакторов. Первым был в давние времена Макеев. От него в памяти осталось ощущение некоей незыблемости, нерушимости редакционных порядков. И даже - архаичности, понимание, что время таких подходов в работе неизбежно уходит в прошлое. А сейчас уходит в прошлое, хотя так и НЕ ДОЛЖНО быть, и сама наша газета. Впрочем, как и практически все "бумажные" СМИ. Но это другой разговор».

Чухахин Павлуткиной ответил: «Ирина, Вы – настоящий патриот "Звёздочки". Благодаря таким, как Вы, она и живет. С огромным уважением и благодарностью воспринимаю все, что Вы написали, все те чувства, которыми поделились!»

Вмешался я: «Ирина, редактор не совсем точен. Вы, Ириша, не патриот. Вы – талисман, домовый "Звёздочки". Надо иметь нечто такое, чего у многих из нас нет, чтобы так верно служить "КЗ". Вот я думаю: а не поженить ли вас с Морозом?)))

Ирина парировала: «Миша, вот, как всегда, нарываешься!»)))

Мой ответ: «Ирина, и ты знаешь – почему».

Да потому, прежде всего, что мы с Ирой никогда дружеских отношений не порывали, хотя я официально ушёл из «Красной звезды» летом 1991 года. Эта маленькая пичужка оказалась большим краснозвёздцем, чем многие из нас. А неуклюжая моя шутка насчёт её женитьбы с Морозом не на пустом месте произрастает. Если сложить годы их совместной службы в столетней «Красной звезде», то не хватит какой-то малости тоже до столетия.

За 42 года труда в редакции, Ириша, как минимум, 42 раза могла из неё уйти. Особенно в год «Миллениума», когда у неё случился невероятный творческий взлёт. На «Русском

радио» состоялась премьера песни на её слова, музыка В.В. Лоткина «Непогода». На всякий случай, в исполнении Аллы Пугачёвой. Да 99 из 100 поэтов-песенников точно бы с головой нырнули в эстрадный омут с такой стартовой тумбы. Тем более что «Непогода» пошла гулять буквально по России. И не только.

После гастролей Пугачёвой в Америке текст песни перевели на английский: «Она взошла на трон, он был весь из льда». «Коммерсантъ» написал, что в ближайшие два года «Непогоду» будут крутить везде, даже в «зоне». Почему? Из-за слов: «Как же мне решиться совершить побег». Музыкальный редактор картины Карена Шахназарова «Яды, или История всемирных отравлений» включил «Непогоду» в ткань фильма как знак времени. Но тот успех не вскружил голову Ирише. И она в который раз не предала «Красную звезду».

...Портрет Ирины Павлюткиной не случайно помещён на обложке второго тома моей книги «Через Миллениум или 20 лет на изломе тысячелетий». Выразил я ей благодарность и в своей книге «Вячеслав Тихонов. Тот, который остался». А в другой собственной книге «Алексей Баталов. Жизнь. Игра. Трагедия» написал: «Большое спасибо моей давнишней коллеге и сослуживице по газете «Красная звезда» Ирише Павлюткиной, которая для меня – Юмашева».

Далеко, как читатель понимает, не случайно...

«АВТОНОМНЫЙ» ТКАЧЁВ

Сашу Ткачёва я зауважал, когда случайно узнал, что он, оказывается, каждый вечер, возвратившись с работы, садится дома за письменный стол и пишет до глубокой ночи большую исследовательскую работу про... «Слово о полку Игореве», перелопачивая ради нее свыше тысячи первоисточников! Неожиданное это открытие (в моем представлении заниматься «Словом...» – все равно, что изобретать вечный двигатель) настолько меня потрясло, что я пошел на активное сближение

с Ткачёвым. Друзьями большими мы, к сожалению, так и не стали по причине повышенной Сашиной душевной замкнутости. Невозможно себе представить, чтобы он с кем-то делился сокровенным, наболевшим. Однако приятельствовали славно и долго.

Александр Владимирович Ткачёв

дядей братии с помощью Ткачёва.

Ко времени моего ухода из редакции, Саша встал у руля отдела культуры и быта, заменив там всеми нами уважаемого Юрия Теплова. Некоторое время в подчинении Ткачёва работал и Елена Агапова, что впоследствии решающим образом сказалось на судьбе моего приятеля. Сашка был на другом конце земного шара в океанском походе, где его настигла телеграмма от помощника министра обороны Елены Агаповой: «Подтвердите согласие стать главным редактором журнала «Советский воин». Ткачёв дал «добро» не сразу – думал, надо полагать. В глубине души, где-то в очень отдаленных её тайниках, он, как мне кажется, лелеял надежду возглавить «Красную звезду». Фортуна, однако, оказалась более благо-

склонна к его сопернику Чупахину по причине более толерантного характера последнего. Саша всё же больше боец-одиночка, та самая кошка, которая любит гулять по крыше самостоятельно. Свое осознанное превосходство над другими он умело прятал. Перед Чупахиным такой проблемы вообще не существовало, что не мог не видеть, не чувствовать осторожный и мудрый змий Панов.

Ставший из «советского» «Воином России» журнал, возглавляемый Ткачёвым и бережно патронируемый Агаповой, мне нравился, и я продолжал в нем сотрудничать. Равно как и продолжались наши с Сашкой «беседы при ясной луне» с «мытьем косточек краснозвёздовцам». Рассказчик он весьма интересный, хотя и в малой степени не обладающий элементарными артистическими способностями. Поэтому не имеющий никакого представления о форме повествования, он всегда был ценен мне только его содержанием. («Если у нас мучают женщины, то мужики при этом непременно бабеют»). Что касается редакторских способностей, то их Сашка проявил весьма незаурядно, сделав в плане общей редакционной политики журнала всего лишь одну крупную ошибку, когда полностью опубликовал собственное монументальное исследовательское сочинение о севастопольском периоде в биографии Льва Толстого. Правда, с моей стороны эта констатация осуждением быть никак не может по одной весьма прозаической причине: в своем журнале, куда более «военизированном» нежели Сашкин, я полностью тиснул собственную повесть о Высоцком «Босая душа». Известное дело: своя рука – всегда владыка.

ПРО ИВАНА ИВАНОВИЧА ИВАНЮКА

Ваня родился в начале сентября, а спустя 63 года в нём же и умер. Наш общий приятель-однополчанин по «Красной звезде» Саша Долинин тогда написал: «Шесть человек из краснозвёздовцев пришли проводить Ивана Иванюка. Хоть бы одного офицера делегировали в форме с номером газеты.

Так выйдет, коллеги, что скоро и имя "Красной звезды" на 95-ом году её существования предадут забвению. Никому не в укор – и что причитать, если руководители газеты начинают свою деятельность с разгрома уникального музея, а вместо него ставят бильярдный стол; если на юбилее газеты премию за честь и достоинство вручают не фронтовику-краснозвёздцу, сидящему в зале, а автору забытой, никого не волнующей пьесы (человеку, который и о газете-то не знает); если на юбилее газеты «банкетничают-банкуют» молодые люди из холдинга, носящего светлое имя газеты, а ветеранам "Красной звезды", приехавшим из далёких городов, на этом пиру и места не находится. Скоро и некрологи писать будет некому. Снимок Ивана в форме елe нашли. Надо, полагаю, иметь архив памяти».

Иван Иванович Иванюк

Это – святая правда, что надо. Но архива, увы, не будет, потому как не за горами времена, когда военная печать, и «Красная звезда» в частности, вообще починут в бозе. Бумажные СМИ, как и опера, похоже, доживают свой век. Как говаривал анекдотический чукча: «Тенденция, однако». И остаётся только наша память. Если она настоящая, то ей совершенно безразличны всякие «информационные поводы», «форматы» и прочие условности. Вот и я вспоминаю Ваню. И спешу закрепить в строчки свою память о нём перед тем, как ТАМ с ним встретиться ...

Ваня был много моложе меня и в «Красную звезду» пришёл значительно позже. Худой, мелким ликом невзрачный и к тому же – из штафинок. В редакции главной военной газеты той поры – самое начало восьмидесятых – трудилось, примерно, 70-75 процентов военных, остальные «гражданские лица». Не сказать, чтобы мы, люди в погонах, как-то презрительно относились к штатским, но какое-то еле заметное, трудно уловимое чувство превосходства всё же наблюдалось.

Примерно, на уровне того армейского присловья: «Ну, а если вы такие умные, так почему же строем не ходите?».

Всё это я к тому, что поначалу даже и не замечал Ваню – коллектив-то огромный. И лишь потом вдруг узнаю, что, оказывается, Иванюк-то хоть из штафинок, но давно уже капитан. После Московского энергетического института парень три года учился в аспирантуре МЭИ на кафедре физики. Кандидатом, правда, не стал по причине «истечения срока аспирантской отсрочки». И был призван отдавать воинский долг в качестве офицера-двухгодичника (при МЭИ была военная кафедра). Служить Иванюк попал в военно-строительные части. Какое-то время исполнял обязанности замполита военно-строительной роты. Но отцы-командиры быстро разглядели толковость в парне и взяли его в аппарат Главного военно-строительного управления.

После года службы Иван решил связать свою дальнейшую судьбу с армией. Тем более что к этому времени начал активно писать в «Красную звезду». И, в общем-то, у него неплохо получалось, хотя в передовики и активисты особенно не рвался. Но однажды случилось событие, заставившее меня елико возможно пристальнее взглянуть на молодого коллегу. А произошло нечто действительно невообразимое в «Красной звезде». Её сотрудник И.И. Иванюк опубликовался (без разрешения руководства!) в самой газете «Правда»! Тогда измена родной жене офицером-журналистом не так жестоко преследовалась, как хождения «налево» в другие издания. Даже под псевдонимами. Потому как ежели их «вскрывали» – кара следовала незамедлительно. Не могли разбазаривать «семенной фонд» по сторонам, «оплодотворяя» только родную «КЗ». Над головой ИИИ занеслась секира. А он так спокойной и невозмутимо на заседании редколлегии отвёл её в сторону, как мешающий абажур. «Поначалу, – сказал Ваня, – я подготовил материал для нашей газеты. Но его признали не нужным в принципе. А я «напрягал» очень многих людей при подготовке статьи. С теми людьми мне в дальнейшем предстоит постоянно работать. Так что только ради них я пошёл на «должностное преступление». Мудрые наши члены редколлегии почесали своих седые и лысые головы и сочли ар-

гументы молодого коллеги из отдела строительства вполне убедительными. А я Ваню откровенно зауважал.

Мы с ним не водили закадычной дружбы. Иванюк был вечно в делах и хлопотах. Спорт его интересовал мало, спиртное, кажется, ещё меньше. А вот книги читать любил. Здесь мы пересекались плотно, временами даже пикировались-состязались: «Неужели ты не читал Х? Ну, брат, это даже не прилично в твоём возрасте не знать Х». «У тебя сколько книг в домашней библиотеке?» - «Пять с половиной тысяч». - «Слабак. У меня – шесть с половиной тысяч». Так или примерно так мы друг друга подьялдыкивали. Подобному всегда, с юмором. Наш отдел литературы и искусства выписывал все толстые журналы, выходящие в Советском Союзе. А в них публиковались все отечественные литературные новинки. И если я просил у работницы отдела Гелии Драчёвой какую-нибудь из них, но её не оказывалось на месте – знал: журнал уже перехватили Панов или Иванюк. Он обладал очень приличной цепкой памятью, и потому я временами прибегал к его помощи, вроде, как сейчас, к Википедии.

Уже в те времена Иван пописывал очень даже серьёзно и основательно. Вот как о нём вспоминает наш коллега, публицист Геннадий Попов: «Знакомство наше состоялось в начале восьмидесятых. При редакции сатирического журнала «Крокодил» был организован так называемый «Крокодилский лицей». Целью этого лицея было воспитание будущих фельетонистов. Был объявлен отборочный конкурс. Мы с Ваней попали в первый лицейский набор. Там же, в журнале «Крокодил», появились наши первые фельетоны. Позже наши творческие линии постоянно пересекались. Во время моей работы редактором в отделе сатиры и юмора Всесоюзного радио Ванины рассказы постоянно звучали в таких популярных веселых радиопередачах, как «С добрым утром!», «Вы нам писали» и других. Вскоре Ванины публикации были замечены в профессиональной среде, и его пригласили фельетонистом в штат газеты «Социалистическая индустрия». Для начинающего журналиста приглашение в центральный орган печати было высшей оценкой его деятельности. Параллельно с нашими основными работами мы с Ваней публиковались в

самых востребованных изданиях того времени. Самым престижным местом тогда был, пожалуй, «Клуб «12 стульев» «Литературной газеты». Публиковались мы и в таких популярных изданиях, как «Московский комсомолец», страницы которого послужили трамплином для многих писателей-сатириков, и известной своими сатирическими традициями газете «Гудок». Из «Социалистической индустрии» Иван Иванович перешел в газету Вооруженных сил «Красная звезда». Для того чтобы стать военным журналистом, ему пришлось из лейтенанта запаса стать действующим офицером Советской армии. К работе в «Красной звезде» Ваня отнесся со свойственной ему самоотдачей. Он, конечно, продолжал печататься в различных изданиях, но основная, военная тематика отнимала все больше времени».

Ну о двадцати годах, отданных Иванюком «Красной звезде», у нас разговор впереди. А пока что вспомню следующее. Где-то в середине «лихих ельцинских девяностых» я редактировал международную правовую газету «Очная ставка» и решил привлечь к сотрудничеству бывшего коллегу по главной военной газете, в основном, чтобы публиковать у себя его афоризмы. Ваня, находясь уже накануне увольнения из кадров, приехал ко мне в редакцию. Мы несколько часов с ним проговорили, вспоминая «минувшие боевые баталии». Обсуждали всё, что на ум нам взбрело. Помнится, дружок поинтересовался: «Тебе сколько хозяин платит?» Узнав, хмыкнул: «Мне нужно, как минимум, в два раза больше. Я себя очень высоко ценю». Признаться, я тогда слегка даже опешил от такой непривычной откровенности однополчанина. Уже много позже, обмозговав, как следует, сказанное Иванюком, понял одну императивную вещь, над которой раньше как-то не задумывался. А она заключается в том, что человека, знающего свою истинную цену, невозможно купить, а уж тем более унижить. Ибо он всегда, во всех своих проявлениях самодостаточен.

...Все свои поминальные молитвы по ушедшим друзьям и коллегам я всегда поверяю на своём старом друге Владимире Чупахине, который почти семь лет возглавлял «Красную звезду». В таких сокровенных начинаниях он – мой главный

советчик и лучший правщик, ещё ни разу не обманувший возлагаемых на него надежд. Вот и сейчас я тоже попросил Володю вспомнить «про Ивана Ивановича Иванюка».

«Для меня Иванюк по-настоящему раскрылся после августовского путча 91 года, когда он, будучи ещё майором, сменил полковника Льва Нечаюка на посту редактора отдела. Тогда это был уже отдел социально-экономических проблем (СЭП). Со временем мы его серьезно укрепили, переведя туда сильного журналиста Юру Гладкевича, сына Дорофея Гетманенко – Олега – тоже способного парня. Кроме них, под началом Иванюка работал такой «зубр» военной журналистики, как Петр Иванович Алтунин, бывший главный редактор журнала «Тыл Вооруженных Сил». Не портил общей картины и полковник запаса Станислав Телегин – бывший зам. ответственного редактора газеты МВО «Красный воин». В общем, команда подобралась довольно сильная и профессиональная.

А время было действительно лихое. Гайдаровская «шоковая терапия», резкое обнищание народа, и в том числе – служивого люда. Постоянные задержки выплат денежного содержания, усугубляющееся бесквартирье, дикие провалы в финансировании газеты. В армии не хватало всего. Замерзали целые гарнизоны. Регулярно отключали энергоснабжение от стратегических объектов. Железнодорожники и авиаторы отказывались перевозить военных по проездным документам, а в общественном транспорте вообще штрафовали за «безбилетный» проезд... Да ты, разве сам этого бардака не помнишь?

Вот этот «воз» проблем и решал Иван Иванович все годы, пока руководил СЭПом. По памяти перечислю тебе его заметные публикации: «Строевым шагом – за черту бедности», «Ехал на ярмарку нищий начпрод», «Голодный солдат – позор для страны» «Без денег можно строить иллюзии, но не жилье», «Завтрак съешь сам, обед отдай Минфину, а ужин – Минэкономике», «Сколько солдатских жизней стоит «финансовая стабилизация?», ну и так далее. Уже по одним этим заголовкам можно понять, сколько собственного критического запала и журналистской страсти вкладывал Иван в борьбу за спасение армии и за достоинство военных людей.

Ты знаешь, у Вани, при всей его внешней «тихости» и «скромности» было чрезвычайно ценное качество – он удивительно легко входил в доверие к крупным начальникам. Он сумел «обаять» практически всех тыловых начальников, многих руководителей главных и центральных управлений. С начальником Главного управления военного бюджета и финансирования ВС генералом Василием Васильевичем Воробьевым вообще был «на дружеской ноге». Тесные контакты имел с первыми лицами военной медицины (ЦВМУ), вещевого и продовольственных служб, ГлавКЭУ, ну и конечно, со своими родными строителями. Поэтому информации о реальной ситуации с социальными проблемами армии у него всегда наблюдалось в избытке. Ещё и с другими делился.

Огромный пласт в работе отдела и соответственно Иванюка занимали материалы правового характера. В начале 90-х один за другим принимались новые законы («О статусе военнослужащих», «О воинской обязанности и военной службе», «О военных пенсиях» и т.д.). Многие их положения и юридические нюансы надо было разъяснять служивым людям. Вот почему почти в каждом номере «КЗ» появлялись полосы и рубрики консультационного характера: «Все о льготах и правах», «Правовой курьер», «Энциклопедия военного пенсионера», «За советом – в «Красную звезду», «Ваш домашний адвокат» и много ещё в том же духе. Полагаю, тебе не надо говорить, какая это была трудоемкая, скрупулезная, отнимающая массу времени и сил работа. Очень нужная и полезная, но, конечно же, скучноватая для такого яркого журналиста, как Иванюк, работа. Благодаря его усилиям, Министерство юстиции РФ даже удостоило «Красную звезду» за «большой вклад в правовом просвещении граждан» Почетной медали имени выдающего российского юриста А.Ф. Кони. Ясно, что для коллектива это – большая честь. Но самому-то Ивану ради неё приходилось наступать на горло «собственной песне».

Чего уж там изобретать какие-то фигуры: его ироничной натуре и интеллектуальному потенциалу тесновато было в этой рутине. Острое и язвительное перо фельетониста и сатирика рвалось бичевать миазмы и маразмы окружающей действительности. Но, увы, фельетон в те годы Иванюк напи-

сал только один. Зато какой! Назывался он «Линчуют ли в армии негров?». В начале 94-го случился очередной всплеск антиармейской истерии. Словно по команде (а скорее всего – именно по команде) сразу в ряде изданий вышло несколько публикаций с разного рода спекуляциями о ситуации в Вооруженных Силах. Причем, в основном, это была такая откровенная ложь и нелепица такая, что мы все только диву давались. И Ваня решил ответить злопыхателям не обычным развенчиванием конкретных публикаций, а фельетоном классического плана, где рисовался некий собирательный образ циничного либерального журналиста, исповедовавшего в жизни три принципа «зашибать башли», «косить деньги» и «ломать баксы». Иванюковскому антигерою наскучило критиковать «банальные» армейские недостатки, и он измышляет некие «массовые избиения негров» якобы происходящие в российской армии. Сам «процесс» рождения подобной «сенсации» был описан с едкими шутками и прозрачными намеками на реальные антиармейские публикации. У меня прямо руки чешутся процитировать весь тот фельетон. Не могу сказать, что при его чтении меня пробивало на хохот, но улыбки и усмешки он, несомненно, вызвал. А вот Иванюк был недоволен, пришел ко мне в кабинет хмурый и расстроженный:

- Когда я писал эту байку, казалось, будет смешно. А прочитал в полосе, и вижу: не то! Искусственно, надуманно, вычурно. Нет, фельетон, как жанр, не работает в ситуации, когда вся жизнь вокруг – сплошной фельетон.

- Иван Иванович! Мне ли вам напоминать гоголевское: «Смеха боится даже тот, кто ничего уже не боится»? – попытался я как-то подбодрить парня.

- В том-то и дело, что Гоголю было легче в его XIX веке, - горько усмехнулся он. - Сейчас народились такие упыри, которых никаким смехом не прошибешь. Они боятся только одного – когда их реально берут на цугундер.

Фельетонов он потом долго не писал. Но жгучей иронии во многие свои публикации добавлял изрядно. Посильнейшего иного фельетона была, на мой взгляд, его статья «Солдатские сапоги как средство антиармейской пропаганды», посвященная бюджетным проблемам 95-го года. В ней Иван про-

сто-таки «размазал по стенке» заместителя министра экономики Сергея Васильева. Тот накануне дал интервью «Аргументам и фактам», где разглагольствовал на тему того, что, мол, Минобороны постоянно завышает свои заявки и сметы. Чиновник лихо манипулировал цифрами, и, в частности, заявил, что за обычные солдатские сапоги военные хотят якобы получать из бюджетных средства аж 170 тысяч рублей (в ценах того времени). Иванюк разоблачил это вранье, по документам установив, что на самом деле речь шла о сумме в 5-6 раз меньшей. Ну и тут уж Иван позволил себе поёрничать от души: мол, замминистра, видимо перепутал солдатские кирзачи с женскими сапогами итальянского производства.

Ну а то, как Иванюк в октябре 96-го давал «отлуп» самому министру экономики Евгению Ясину, пожалуй, стоит просто процитировать, чтобы почувствовать стиль журналиста. Высокопоставленный руководитель после многочисленных обещаний погасить огромные задолженности перед Вооруженными силами вместо реальных действий решил еще потянуть время, заявив, что надо мол, проверить, как в Минобороны тратят бюджетные средства. И это притом, что за предыдущие 2 года более 40 комиссий из разных министерств и ведомств всё это проверяли. «Похоже господину Ясину, - написал тогда Иванюк в материале «Вместо денег – отряд ревизоров?», – хочется поиграть в древнюю китайскую игру – поиск черной кошки в темной комнате, в которой никакой кошки нет. Ибо если в августе текущего года Министерству обороны не было перечислено ни копейки, то даже самый отпетый мошенник, самый вороватый тип при всем желании ничего украсть не сможет».

Ну а далее уже журналистский гнев Ивана, доводит его уже до совсем смелых обобщений по поводу убогости и бесперспективности всей проводимой либерал-реформаторами социально-экономической политики: «Как видно, российские финансово-экономические круги упорно не хотят замечать то, что невозможно почувствовать даже органами обоняния и осязания, – все мы по вине этих «кругов» оказались по уши и по ноздри в зловонной жиже разлагающейся экономики. И все вокруг истошно кричат: «Давайте же что-то сделаем!». А в

ответ – глухой ропот, как в одном старом анекдоте: «Не колыхай!».

Ноша, которую приходилось в те годы тащить отделу СЭП, и в первую очередь его редактору, была весьма тяжелой. Но Иванюк готов был взваливать на себя ещё и ещё. Я откровенно дивился его двужильности. Когда в 92-м из редакции ушел Руслан Макушин – «изобретатель» такой рубрики, как «Брифинг для читателей» (краснозвёздовская вариация «Аргументов и фактов» – интересные ответы на интересные вопросы читателей), казалось, её многолетняя история на этом и закончилась. Нет. Пришел ко мне Иванюк и сказал: «Отдайте "Брифинг" моему отделу!» – «Куда вам? – удивился я. – У вас и так полно забот. Не потянете!» – «Потянем», – уверенно сказал он. И не обманул.

Как потянули они и выпуск регулярных вкладышей «Линия жизни», которая выпускалась совместно с появившейся тогда Военно-страховой компанией. Это приносило «Красной звезде» довольно неплохие средства на покрытие убытков от издательской деятельности, а также помогало увеличивать число подписчиков. С подачи Иванюка были налажены добрые взаимовыгодные контакты с такой организацией как РОСТО (бывший ДОСААФ), и начался выпуск ежемесячных вкладышей «Патриот России». Это тоже приносило и дополнительные деньги, и дополнительных подписчиков. Хотя, казалось бы, разве связи с РОСТО и вообще патриотическая тематика были заботой отдела СЭП, которым руководил Иванюк? Нет. Но он просто брался и делал именно то, что нужно газете. По идее «непрофильным активом» для иванюковского отдела была ежемесячная страница «Книжный клуб», на которой публиковались интервью с руководителями книжных издательств, новости о выходе новых книг и рецензии на наиболее интересные из них. Но как сказать. Ведь Иван был страстным книголюбом. Он успевал посещать элитные книголюбские тусовки, всегда бывал в курсе того, что появляется на книжном рынке. И даже меня в этом смысле «подтягивал». Помнится, что в самые трудные моменты, после каких-то очередных стрессов, он заходил ко мне в кабинет и эдак вкрадчиво говорил: «Плюньте на всё и почи-

тайте на ночь хорошую книжку». И подсовывал что-нибудь эдакое. Помню, что после одного весьма жесткого разговора с начальником Генштаба Колесниковым Иван принес мне «Имя розы» Умберто Эко, и так хорошо, так успокоительно и лечебно было вечером после работы убежать от текущего начальственного маразма в «милые» средневековые страсти-мордасти.

Иван поражал меня количеством и разнообразием своих интересов и увлечений. К примеру, он очень глубоко интересовался историей Древней Греции, и довольно часто использовал свои познания при подготовке различных материалов. Иногда, как мне казалось, несколько перебарщивал. У нас даже вышел небольшой спор по этому поводу.

- Ну ладно, – говорил я ему как-то. – Когда вы в викторине «Шпионские страсти» задаете читателям вопрос о том, какой шифр придумал древнегреческий философ Полибий, это можно принять: речь ведь все-таки о викторине. Но, когда в статье, где вы критикуете министра финансов Лифшица, и притом шутите, что финансист, возможно использует пятеричную систему счисления, принятую в Древней Элладе, я не уверен, что многие поймут такую шутку. Мне пришлось сходить в библиотеку из-за этой «пятеричной системы».

- О! – возликовал Иванюк. – Даже вы, главный редактор, сочли необходимым пойти в библиотеку. Да, пусть хотя бы тысяча-другая наших читателей сделает то же самое, и это хорошо! А насчет Полибия... Мы получили больше ста верных ответов от читателей. Кто-то может настолько начитанный, что знал ответ, кто-то опять же порывлся в источниках. Ну и ладненько! И то, и другое – замечательно!

Ох, не прост был Ваня Иванюк, ох, непрост. Это с виду он выглядел эдаким простецким малым. А, когда он принес мне в подарок только что вышедший сборничек стихов, я вдруг увидел его в новом свете. В редакции многие писали стихи, стихотворные подборки многих сотрудников мы довольно часто печатали в газете. У нас были такие признанные поэты, как Юрий Беличенко и Вячеслав Лукашевич. Иванюк никогда не предлагал своих стихов для публикации в КЗ. Он мало писал о службе, еще меньше о политике. Основную

часть его поэтического творчества составляла любовная лирика, причем это были очень пронзительные, страстные стихи.

«Я жить без тебя не смогу,/ А если смогу, то не жить,/ А раненым волком в снегу/ Безумно кружить и кружить./ И думать – что смерть – это миг,/ А жизнь – десять тысяч ночей,/ Где я, окруженный людьми,/ Бездомный, подбитый, ничей».

Читаешь такое и думаешь, какие же потаенные страсти бродили в душе Ивана! И как сильно и беззаветно умел он любить.

...После «Красной звезды» полковник запаса, заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей России, лауреат премии «Лучшее перо России» Иван Иванюк занимал пост главного инспектора, а затем заместителя директора Департамента стратегического контроля социально-экономического развития Счётной палаты РФ. В ранге государственного советника РФ 1-го класса. Он оставил нам такие пронзительные поэтические книги, как «Рождается ветер», «Деревья», «Перекры́сток» – больше десятка томов. Одна из его книг особенная – «Поклонимся великим тем делам». В ней рассказы о военачальниках-фронтовиках из инженерных войск. А ещё с нами всегда будут мудрые афоризмы Вани: «Маскарад устраивают для того, чтобы каждый мог показать своё лицо»; «С телеграфным столбом тоже есть о чём поговорить, если он тебя уважает»; «Дайте мне точку опоры – и вы у меня повертитесь!»; «Далеко не каждое падение можно объяснить законом всемирного тяготения»; «Время – лучший лекарь. Жаль только, что долго приходится ждать своей очереди»; «В жизни, как в математике, очень много мнимых величин»; «Каждая пустыня гордится своими миражами»; «Даже тот, кому нечего сказать миру, найдёт для него пару крепких слов»; «Это какой же надо быть фауной, чтобы не любить флору!»; «За нимб святости часто принимают ореол славы»; «Вечность производит впечатление только первые минуты»; «Труднее всего спланировать, вылетая в трубу»; «Когда узнали, что в нём спит гений, все стали ходить на цыпочках»; «Крылья, позволяющие высоко летать, мешают

на земле»; «Чувство долга ко многому обязывает. Особенно, если сумма большая».

ДЖАЗМЕН КАУШАНСКИЙ

Владимир Яковлевич Каушанский был известным в стране знатоком джаза, отцом двух прекрасных дочерей, свидетелем на моей свадьбе полвека назад. Володя – очень большой кусок моей жизни в продолжение нескольких десятилетий. Мы с ним работали сначала в окружной газете Бакинского округа ПВО «На страже», потом в «Красной звезде», затем, оба уйдя на пенсию, – в издательстве «Парус». Отношения всегда поддерживали ровные, товарищеские. Ещё находясь на курсантской скамье, я написал ему письмо, зная точно, что попаду в «На страже». Он ответил, как и полагается старшему коллеге: приободрил, обнадёжил. Уже потом, бу-

Снимок после очередной творческой встречи, которую провёл в редакции «Красной звезды» Владимир Яковлевич Каушанский (стоит крайний справа). Гостями в тот раз были (сидят – слева направо) директор Московского государственного театра эстрады Борис Сергеевич Брунов и заслуженная артистка РСФСР Светлана Афанасьевна Светличная.

дучи моим начальником отдела комсомольской жизни, товарищески поддерживал все мои робкие начинания. Никогда не старшиновал надо мной, не показывал своего превосходства, которое, говоря военным сленгом, конечно же, наличествовало. Володю с курсантской поры отличали особая интеллигентность, начитанность, врождённая влюблённость в музыку. Руководил нашим курсантским самодеятельным ансамблем «Нонпарель». Сам прилично играл на гитаре. Поэтому во всех редакционных посиделках был всегда душой компании.

Как журналист-профессионал Каушанский тоже заявил о себе ещё с курсантских времён. На последней стажировке в 1972 году он один представлял наше училище в «Красной звезде».

Помню, написал Володя очень приличный материал о конном цирке в популярную по тем временам краснозвёздскую рубрику «Землянка». Мы все тогда ещё поняли, что главная военная газета Советского Союза обязательно возьмёт к себе такого ценного кадра. И, в принципе, не ошиблись: так оно в итоге и оказалось. Но жизнь и служба военного журналиста весьма сложная и всегда непредсказуемая субстанция. Того же Каушанского она после ликвидации газеты «На страже» определила начальником отдела боевой подготовки в газету Закавказского военного округа «Ленинское знамя». Рафинированный интеллигент, он долгие годы вынужденно занимался в принципе, делом, к которому душа не лежала. Однако долг есть долг, а его Володя всегда чтит. Поэтому работал, не покладая рук, параллельно обучаясь в Военно-политической академии имени В.И.Ленина на заочном отделении. Руководство «Красной звезды» не упустило из виду старания Каушанского, и со временем поручило ему почётные, весьма ответственные обязанности постоянного корреспондента по Закавказскому военному округу. Весь гамсахурдиевский бред, когда из цветущей, самой сытой советской республики, Грузия превратилась в дымящее пепелище, выпал как раз на долю Каушанского.

В то время я, корреспондент ТАСС при министре обороны, приехал в Тбилиси с конкретной задачей: сделать ин-

тервью с командующим Закавказским военным округом генерал-полковником Валерием Анисимовичем Патрикеевым, в котором бы военачальник на всю страну обратился к Президенту Горбачёву с просьбой ввести или прямое президентское управление или объявить в «горячем» кавказском регионе режим чрезвычайной ситуации. Мы с Володиёвым поэтому пообщались, как писал наш великий краснозвёздский коллега Константин Симонов «на тычке» – кратко и оперативно.

Показывая на вмятину служебного Уазика Володиного, интересуюсь: откуда она. «А, бандитская пуля», – махнул рукой дружок. Думалось, как всегда, шутит, с него станется. Потом уже узнал: точно попал Каушанский под обстрел местных нациков. Дела там разворачивались серьёзные – далеко не командно-штабные игры на ящиках с песком. Поэтому перевод в Киевский военный округ Володя воспринял как награду, которой перевод, по существу, и являлся. Но кто же знал, что и братская Украина уже забеременела незалёжностью. И пришлось Каушанскому срочно эвакуироваться в Москву.

Кроме всего прочего, белокаменная всегда влекла его еще и как столица русского джаза. На этой «музыке для богатых» «наш Каушанец» (так мы, друзья, его ласково называли) всегда был тихо, но по-хорошему помешанный. Признаюсь, я даже завидовал столь замечательной его «чокнутости». Которая и определила всю дальнейшую судьбу Володи в столице. За ничтожно короткий срок он стал своим человеком в легендарном оркестре Олега Лундстрема. Полмира объездил с его музыкантами. А потом Каушанского пригласил в свой Московский Джаз-ангажемент другой выдающийся музыкант современности Юрий Саульский. Входить в доверие к людям была главной чертой личности моего дружка. Кстати, свою вторую жену (первая отказалась ехать в москальскую столицу) Володя взял из джазовой тусовки.

Как раз в «лихие ельцинские времена» Каушанский обрёл и по-настоящему своё призвание, став редактором «Красной звезды» по отделу культуры. Можно сказать, что шёл он к этой высокой должности всю свою службу. С неё же и уволился в запас.

...Как-то гостил я в родительском доме. Смотрю, по ОРТ передают большой джазовый концерт с участием американских военных музыкантов. Ведущий – Владимир Каушанский. А отец и мать мой никогда живьем его не видели, а только много о нём слышали из моих пристрастных рассказов. Батя-покойник заметил: «Какой маленький, а какой умный у тебя дружок». Что и было сущей правдой. Но для меня даже не это самое главное.

В Баку, на улице Фабрициуса, наши столы стояли напротив. Каушанский со своей первой женой Лидой, как уже говорилось, на моей свадьбе были свидетелями. А спустя три десятка лет, мы, уволенные в запас полковники, вновь стали работать вместе в издательстве «Парус». И наши столы опять оказались напротив. Однажды позвонила старшая дочь Каушанского Илона, которую, так получилось, я не видел более тридцати лет. Сказала, что помнит меня. И ещё заметила, что наша с её отцом встреча в чём-то загадочно-мистическая. Пожалуй, девушка права.

Смерть Володи Каушанского потрясла всех, кто знал его. И все единодушны во мнении: до обидного преждевременно ушёл из жизни очень яркий, не стандартный, чрезвычайно колоритный и замечательный человек. Таким он и останется в нашей памяти.

«БЕЛЫЙ АИСТ» ПИНЧУКА

Аркадия Федоровича Пинчука я знал лет тридцать с гаком. Познакомился с ним в юности, когда учился во Львовском политехническом институте. Пинчук тогда работал постоянным корреспондентом «Красной звезды» по Прикарпатскому военному округу. И писал книги, пьесы. Одна его пьеса «Лейтенанты» шла в местном армейском театре. Нас как-то строем повели на нее, и мне совсем не понравились пинчуковские лейтенанты. Вообще я был всегда категорическим противником восприятия искусства строем. А потом так случилось, что художник театра имени Марии Заньковецкой Мирон Киприян познакомил меня с корифеем Львовского русского драматиче-

ского театра Советской Армии Аркадием Ивановичем Аркадьевым, и народный артист СССР достаточно просто и профессионально втолковвал мне, в чем истинные плюсы и минусы спектакля, а в чем и его особая прелесть.

Надо ли говорить, что после столь авторитетного просветительского урока я изменил свое мнение и по поводу пьесы (даже написал о ней короткую рецензию в училищной многотиражке), и, что самое главное, по поводу автора. Когда его пригласили к нам на кафедру для дежурного какого-то выступления, я смотрел на тогда еще майора Пинчука почти что с придыханием. Между тем он оказался очень простецким и веселым мужиком. Не надувая щек, не менторствуя и не глядя на нас, желторотых курсачей, свысока, Аркадий Федорович доступно и живописно рассказал нам о будущей журналистской жизни и службе.

Короче, очень мне понравился старший коллега, и я просто навязался на дружбу с ним, а он, вечно занятой, перепоручил меня своему боевому помощнику Владимиру Житаренко. И все курсантские годы они оба возились с моими жалкими опусами, пристраивая некоторые из них даже в «Красной звезде».

Аркадий Фёдорович Пинчук

Пинчук был выходцем из окружной газеты «Слава Родины». На его место пришел капитан Андрей Захаренко. И это был круг моих кумиров: Пинчук, Захаренко, Житаренко. Потом жизнь нас разлучила на долгие годы. Вспоминал я о Пинчуке, лишь когда встречал его новые книги, пьесы, кинофильмы. А надо сказать, что семидесятые годы были для этого быст-

растающего писателя очень плодотворными, и вскоре он стал едва ли не самым признанным лидером в военно-патриотической тематике. Обо мне же Аркадий Фёдорович забыл напрочь. В этом я убедился, когда в восьмидесятом пришел работать в «Красную звезду», где уже трудились и Захаренко, и Житаренко. Пинчук тогда «посткорил» по Ленинградскому военному округу. В очередной его приезд в столицу представляюсь ему и вижу – в упор не помнит. И так мне обидно стало: вот она, черная неблагодарность кумира. Фёдоровичу о моих переживаниях стало известно от Володи Житаренко.

- Прости, – говорит, – меня, старого дурака. Но за четверть века знаешь, сколько военных журналистов через мои руки прошло, не мудрено и забыть кого-то. И давай сегодня выпьем по сто граммов за мировую.

Прихватив Житаренко, мы поехали ко мне домой (жена с детьми как раз отбыли на Украину). Со спиртным у нас был порядок полный – пять бутылок водки, – а закусь составляла лишь быстро сварганенная Володей яишенка, на которую Житаренко одолжил у Пинчука десяток яиц. В Ленинграде тогда наблюдалась напряженка с этим продуктом, и Аркадий Фёдорович по просьбе жены купил в столице аж целую сотню яиц.

За ночь мы уничтожили все спиртное, что неудивительно, все же трое здоровых мужиков выпивали. Удивительно другое: Пинчук увез на берега Невы только два десятка яиц. С тех пор у нас с Фёдоровичем яичная тема, была как бы смешным паролем. А что сроднило нас по-настоящему, так это светлая память о Володе Житаренко, которого оба мы любили по-настоящему. Когда я стал главным редактором журнала «Вестник ПВО», Пинчук деятельно помог мне в становлении постоянной литературной рубрики «Дальний гарнизон». Дал мне первому для публикации и свою повесть «Берлинская стена», привлек других военных писателей к сотруд-

ничеству. Тогда же я впервые опубликовал интервью со старшим товарищем.

- Аркадий Фёдорович, как тебе удастся так много писать?

- А я следую завету древних: ни дня без строчки.

- Но это же невозможно! Ведь в жизни много таких ситуаций, когда человек физически не в состоянии сесть за стол, чтобы написать эти самые несколько строчек.

- Все это глупости, Миша. Ты же при любых обстоятельствах находишь возможность умыться, почистить зубы, побриться. Некоторые успевают еще и зарядку сделать. А если еще на полчаса подняться раньше и на столько же позже лечь спать, то за это время, при определенных привычке и сноровке можно написать пять - семь страниц. Пустяк вроде бы. Но за месяц скапливается около 200 страниц – размер малой книжки. Ну, еще полтора месяца уйдет на ее доводку и столько же времени на переговоры с издательством. В результате получается три книжки в год. Но это в теории. На практике – одна книжка, потому что вмешиваются наша пресловутая лень и те самые твои обстоятельства. Но все же в год по книжке – это вполне реально.

...Когда мы оба стали пенсионерами, дружба наша словно бы приобрела второе дыхание. Мы регулярно переписывались и столь же регулярно перезванивались. Нечастые встречи в обеих русских столицах выливались для нас в нескончаемые беседы и литературные споры. У меня есть все книги Пинчука с дарственными надписями на каждой. Разумеется, и свои книги я дарил Фёдоровичу. И регулярно писал ему: «Еще только наполовину люд московский проголосовал «за Путина» (14 марта 2004 года – М.З.), а я уже благополучно закончил читать твой замечательный, прекрасный, великолепный роман «Белый аист летит». В голове роятся тучи рваных мыслей, в душе – шторм смятенных чувств. Нечто подобное я испытывал, когда прочитал «Ивана» Богомолова, «А зори здесь тихие...» Васильева и «Сашку» Кондратьева. Вообще

должен тебе признаться, что я прочитал практически всю военную литературу – «рядовую», «лейтенантскую», «полковничью», «генеральскую» и «маршальскую». Ну, может, слегка привираю, но чего-то такого совсем уж неизвестного из военной литературы для меня не существует – это не хвастовство, правда.

Но твоя военная проза читалась мною по-особому: ты как бы стоял у меня за плечами, сбоку, сидел впереди меня. Это сложно передать тебе так чтобы было вразумительно, но ты же понимаешь, что одно дело, когда просто читаешь литературную вещь и совсем другое, когда читаешь вещь хорошо знакомого тебе человека – друга. И если мой первый бросок в твой роман поразил меня узнаваемыми штрихами твоего постижения нашего непростого ремесла, поскольку многое там писалось как бы и про меня, то второе погружение открыло мне твою войну. И это оказалось главной составляющей романа. И заголовок книги поэтому – в точку. А с финалом – это вообще отпад! Аист принес тебя, аист и унесет. Как у Сенеки: для мудреца смерть не смерть вообще.

Вон какую жизнь ты прожил, однако самым главным в ней оказалось те полгода, которые проведены тобой на войне. Ты пару раз пробовал нам, твоим читателям, объяснить, что твоя война как бы и не совсем всамделишная, но доводы твои оказались, брат, хлипкими. По книге, во всяком случае, видно, что главное в твоей жизни – война и всё, что с ней связано. И осмыслена тобой она достаточно основательно, как осмысливал ты в дальнейшем свою офицерскую, шире государственную службу. Вот беду с репрессированным отцом ты не осмыслил до конца. Тебе не хотелось этим заниматься. Даже на уровне, вровень, по степени глубины не осмыслил как то же третирование тебя системой. Может быть, лишь захороненная мама в Питере оправдывает в этом смысле твою пассивность, некоторую даже невнятность.

Тебе, безусловно, в жизни везло вообще, на людей – в частности, я уже об этом писал, по-моему. В самом деле, это

же надо чтобы так подфартило курсанту пехотного училища, которых во времена твоей учебы было несколько десятков, чтобы именно там встретить будущего начальника ГлавПУра! Уже не беру сошек помельче, как тех же Средина, Зинченко. И во многом, чего ты в жизни добился, тебе помогли люди такого и помельче калибра. Но хрен бы их помощь была столь эффективной, если бы ты сам не вя...ывал за двоих, троих, за четверых! Это роман о неутомимом труженике! О великом армейском труженике, который занимался с полной выкладкой всем, чем его жизнь заставляла заниматься. Ты из породы круглых отличников, которые выполняют всё, что от них требуется. В конце концов, все твои награды, перечисленные и не упомянутые – это награды круглому, разносторонне одаренному отличнику. Это же надо, бля, когда нужда приперла, – писал картины и на них зарабатывал! Талант – во всем талант. А пел, а стрелял, а бегал...

И не стязатель ты вдобавок. Потому что при твоих работах мог бы наскладировать «презренного металла», чтобы, как еврей, иметь в лихую годину. А она тебя (лихая година) подкосила точно так же, как и нас, обыкновенных людей, не получавших твоих гонораров. И, в связи с этим (не по роману, Аркаша, по сути, но для меня сейчас твоя жизнь и твой роман так переплелись, что и не разберешь, где что) алогичным поступком выглядит твоя затея с Чехословакией. Как ни крути, а получается, что погнался неглупый, талантливый человек за длинным рублем. Небось, когда тебя тянули в помощники начглавпура по литературе – отбоярился, понимал: на кой эта клерковская должность пишущему чеку. Да и в романе эта самая «пражская весна» выглядит тем самым стоп-сигналом у зайца. Тоже она не осмыслена как следовало бы.

...Судьба частенько поворачивалась к нему спиной, нещадно испытывала на прочность, гнула долу, но сломать так и не смогла. Человек выдержал все ее удары, выпрямился и впоследствии достойно представлял свое поколение и на военной службе, и в журналистике, и на писательском поприще:

отмечен Государственной премией РФ, удостоен звания «Заслуженный работник культуры». До конца жизни был полон творческих замыслов, работал специальным корреспондентом газеты «Красная звезда». Будучи заместителем генерального директора фонда «Победа – 1945 год», Аркадий Фёдорович активно участвовал в ветеранском движении, руководил Международной ассоциацией писателей баталистов и маринистов, являлся членом Правления Петербургской организации союза писателей России, трудился ответственным секретарем общественно-политического и литературного журнала «Медный всадник», увлекался живописью.

И с нами живут его книги. «Белый аист...» полёт продолжает.

НАШ ЮРИСТ ВАШКЕВИЧ

Свою родную газету «Красная звезда», которой отдана чёртова дюжина лет, я читаю sporadически, то есть крайне нерегулярно. В основном потому, что читать там вот уже лет двадцать, ну, совершенно нечего. Но некрологи в «КЗ» всегда отслеживаю. Поскольку возраст у меня уже подоспел соответствующий. И вот узнаю, что «Редакционная коллегия, ветераны газеты «Красная звезда» с глубоким прискорбием сообщают о смерти полковника юстиции в отставке Вашкевича Игоря Михайловича, двадцать лет проработавшего в редакции и много сделавшего для качественного улучшения освещения на страницах газеты актуальных проблем правового воспитания и социальной защиты военнослужащих. Выражаем глубокое соболезнование его родным и близким».

Игорь Михайлович Вашкевич

Михайловича, двадцать лет проработавшего в редакции и много сделавшего для качественного улучшения освещения на страницах газеты актуальных проблем правового воспитания и социальной защиты военнослужащих. Выражаем глубокое соболезнование его родным и близким».

И всё. Фотографии единственного военного дипломированного юриста, когда-либо трудившегося в главной военной газете, в редакции, похоже, не нашлось. Да и кондовость самого некролога свидетельствует о том, что смерть Игоря Михайловича просто отмечена галочкой. Не более того. С одной стороны, спасибо вроде бы и на этом. Спасибо, что заметили, не прошли мимо. С другой – вдруг почему-то вдвойне грустные мысли возникли в связи со смертью коллеги...

Мы с Игорем не дружили – он лет на пятнадцать меня старше, но отношения поддерживали очень добрые. Сам он, помню, не предложил даже, а потребовал обращаться к нему на «ты». Он был такой шепутной, весёлый, я бы даже сказал смешливый быстрослов. Что-нибудь прочирикает и временами приходилось просить повторить, чтобы понять его. Но на подковырки, насмешки и даже издёвки не обижался – первый признак ума. Работал Вашкевич при мне в отделе культуры и быта, который редактировал полковник Шанаев Афанасий Васильевич. Ещё в том отделе трудились Конюшкова Галина Эразмовна и мой близкий друг Володя Гавриленко. И вот никого из них уже нет в живых...

В «Красную звезду» Игорь пришёл, хоть и кружным, но достаточно проторённым для военного газетчика путём. Сначала трудился ответственным секретарём дивизионной газеты в Южной группе войск (Венгрия). Там его заметил Александр Щёлоков, работавший в групповой газете «Ленинское знамя». Потом Щёлокова взяли в комсомольский отдел «Красной звезды», а Вашкевич поступил на юрфк Военно-политической академии. В стенах военного вуза они встретились случайно и уже больше не расставались. Щёлоков все четыре года опекал Вашкевича и вместе с редактором комсомольского отдела «КЗ» Фёдором Халтуриным они провели непростую операцию по переводу Игоря из военной прокуратуры в редакцию. Случилось это осенью 1966 года. То есть, к тому времени, когда я пришёл в «Звёздочку», Вашкевич трудился в ней 14 лет.

Каких-либо «забойных» публикаций Игоря я, к сожалению, не помню, но знаю точно, что словом он владел весьма прилично и журналистское видение проблемы в нём присутствовало. Поэтому я часто носил ему свои заметки на предмет

подсказки или совета. Одно время редактор по отделу очерка и публицистики Алексей Петрович Хорев даже намеревался взять к себе Вашкевича. Что уже говорит о многом. В тот самый элитный отдел «КЗ» брали исключительно талантливых краснозвёздовцев. Но Хореву «кислород перекрыл» кадровик Иван Иванович Сидельников, заметивший: «Алёша, гениев у нас хоть пруд пруди, а толковый юрист, как в том анекдоте, – один. Так что ищи себе другую кандидатуру».

Вторично мы с Вашкевичем хорошо «законтачили», когда оба уже уволились со службы. Какое-то время он работал в журнале «Российский адвокат», редактируемом нашим однополчанином Роменом Звягельским. Ну и я там периодически подвизался. А потом мы оба ушли на «заслуженный» и потерялись. А в 2014 году «Красная звезда» отмечала своё девяностолетие. И в «Военно-историческом журнале» читаю я заметки ветерана «КЗ» полковника юстиции в отставке И.М. Вашкевича «Звезда моей судьбы». Звоню: «Игорь, приветствую тебя! И вижу, прочитав твою «Звезду», что есть ещё порох в пороховницах». – «Ага, – живо откликнулся Вашкевич, – и ягоды в ягодицах». Ну, разумеется, мы перемыли косточки всем краснозвёздовцам, кого вспомнили, и то оказалось наше последнее общение...

КАК УХОДИЛ СЕРЁГА ТУРЧЕНКО

С Турченко мы вместе работали в газете «Красная звезда», а когда отправились на пенсию, я привлёк его к сотрудничеству в международной правовой газете «Очная ставка», которую тогда редактировал. Серёжа приносил мне добротные материалы, но они не вписывались в привередливые требования хозяйского формата и я их «дорихтовывал». Ещё и потому, что дружок собирал деньги для операции на сердце. Прошла она впоследствии удачно, и Серёжа получил ещё четверть века возможности потрудиться на нашей скудной и чахлой журналисткой ниве. Когда он организовал на свои сбережения «Российский героический календарь» (РГК), уже

я стал ему посильно помогать в становлении нового для нас обоих интернетного дела, написав для друга более сотни заметок.

Флотские офицеры-журналисты (на снимке слева направо): Александр Сергеевич Пилипчук, Владимир Михайлович Вербицкий, Сергей Иванович Турченко, Василий Юрьевич Фатигаров.

В год 75-летия Великой Победы я стоял в соцсетях на личной Вахте, посвящённой этой замечательной дате. Серёга тогда подставил своё плечо. Написал для меня несколько заметок по морской тематике. А для материала «Война и плен» прислал вот такое письмо отца: «В 1939 году я, Иван Алексеевич Турченко, был призван в Красную Армию. Окончил Гомельское стрелково-пулеметное училище. лейтенантом 21 июня 1941 года прибыл в полк, номер которого никак не вспомню, так как на следующее утро началась война, и я не успел получить взвод. Это было на западной границе с

Польшей, недалеко от станций Шепетово и Чижово. Вместе с остатками разбитого полка отступал в направлении Минска. Под Минском был контужен и попал в плен. Сначала находился в лагере 1У-б недалеко от города Мюльберга. Осенью вместе с другими пленными рыл траншеи. Убежал, но в лесу пойман собаками. Меня подвесили на столбе лагерной площадки. Потом отправили в штрафной лагерь №304 „Аш“. Случайно уцелел, хотя в этом лагере погибло более 30 тысяч из 36 тысяч пленных. Меня из мертвецкой вытащил русский фельдшер, тоже военнопленный, по фамилии Фастов, москвич. Определил меня в санчасть, где я провалялся всю зиму. Остальные военнопленные жили в земляных норах от холода, и гибли ежедневно. Весной 1942 года с группой военнопленных я рыл траншеи для осушения заболоченных почв у одного немецкого помещика. По окончании работ возвращен в лагерь, который назывался Элвениг недалеко от города Торгау. Из этого лагеря нас водили на разные земляные работы. Видать, немцы строили бомбоубежища. В начале 1944 года мне удалось убежать. С двумя товарищами я прошел всю Германию и был схвачен на старой польско-немецкой границе. Нас определили в тюрьму для военнопленных в городе Кюстрин. В апреле 1944 года перевели в концлагерь „Саксенгаузен“. Когда немцы этот лагерь эвакуировали, я в третий раз сбежал. В лесах дождался прихода своих. Прошел комиссию, госпроверку. Меня восстановили в воинском звании и уволили в запас. Все свои злоключения в плену я подтвердил либо документами, либо свидетелями. А проверяли меня основательно. Так и должно быть, сын. Потому как среди военнопленных попадались люди всякие, но это уже другая история. Ты можешь не стыдиться за своего отца. Я прошёл через ад буквально, но остался человеком и Родина это по достоинству оценила. Из государственных наград у меня – медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг».

Вот так и помогали мы друг другу тянуть профессиональную ляжку, поскольку оба были приговорены к профессии. А это как крест, который надо тащить, не всегда даже отдавая себе отчет в верности избранного движения. Теперь уже я буду шагать один. Мог бы я и «РГК» продолжить и в память о друге, и за его содержательность. Но воспротивилась супруга Сергея, по каким-то ей ведомым причинам. А я её в глаза никогда не видел. Ну и Бог ей судья.

Когда у меня случился очередной день рождения, Серёжа у себя в РГК опубликовал интервью со мной и это был, пожалуй, самый лучший подарок мне к тогдашней годовщине. По электронной почте мы обменялись какими-то незначущими фразами, что и стало нашим последним общением в этом подлунном мире. Свой 73-й год я встретил уже без друга...

Морской офицер, ставший военным журналистом, Турченко был не стандартным в творчестве, в быту и даже в дружеском общении. Мы не всегда смотрели с ним под одним углом на жизненные перипетии, особенно по части общественно-политических событий, происходящих в стране. Здесь мы оказывались временами на диаметрально противоположных позициях. И, тем не менее, ни разу не повздорили. За сорок лет дружеских отношений. Достойный пример взаимной уважительности.

Зная, что конец его близок, Сергей Иванович Турченко написал АВТОНЕКРОЛОГ. И попросил внука опубликовать его после своей кончины.

«Извините, дорогие друзья и читатели, за вроде бы неуместную иронию, но этот некролог пишу о себе сам в дни, когда несколько пошатнулось здоровье. Зачем кого-то утруждать, да еще и напишут что-то не то. Лучше уж самому... А самому о себе без иронии писать как-то даже неприлично. Впрочем, и долго растекаться ни к чему. Главное, что хочу высказать, — это величайшую благодарность всем, с кем жил и дружил на нашей Земле, особенно — родным и близким: низкий поклон!

Вехи, о которых стоит сказать. Родился в 1951 году. Детство прошло в станице Петровской на Кубани и в Краснодаре. В 1973 году окончил штурманский факультет Каспийского высшего военно-морского Краснознамённого училища имени С.М. Кирова. В 1981 году — редакторское отделение Военно-политической академии имени В.И. Ленина. Служил на Краснознаменной Каспийской флотилии, на Краснознаменном Северном флоте, на Дважды Краснознаменном Балтийском флоте. Участник ирано-иракской войны в Персидском заливе (1987 год), приднестровского и грузино-южноосетинского военных конфликтов. Участник перехода отряда советских военных кораблей из Балтийска во Владивосток, нескольких боевых служб советских кораблей в Северном Ледовитом, Атлантическом и Индийском океанах. Участник противостояния государственному перевороту Ельцина в 1993 году.

Награжден орденом «За защиту Советской власти — 1993» (награда Постоянно действующего Президиума Съезда народных депутатов СССР). Есть и другие награды, но эта для меня самая дорогая.

У нас с женой Натальей Владимировной двое детей, пятеро внуков, одна правнучка. Дай Бог им счастья, радости и мира.

О смерти в своей жизни думал мало. Было некогда. А что мыслилось, вылилось в следующие строки. Которыми я с вами всеми и прощаюсь: «Живущий в этом мире/ С рожденья обречен./ Мы, словно цели в тире,/ Мы, словно в бурю чёлн./ Нет большего обмана,/ Чем в этом мире жизнь./ Мы в розовых туманах/ Живем до самых тризн./ Нет ничего надежней,/ Чем в этом мире смерть./ Ведь людям невозможно,/ Живя, не умереть./ Меня грызет сомненье,/ Меня терзает мысль./ Какой же смысл в рожденье,/ Какой же в жизни смысл?/ Быть может, смысл увидишь,/ Когда взглядишься в высь?/ Быть может, смерть не финиш,/ А дверь в иную жизнь?»

ВОЕННО-МОРСКОЙ ОТДЕЛ

Флотские офицеры «Красной звезды» в день посещения редакции газеты главкомом ВМФ СССР Адмиралом Флота Советского Союза Сергеем Георгиевичем Горшковым (в центре – рядом с главным редактором).

Традиционно этот отдел в «Красной звезде» всегда был очень сильным. Прежде всего, наверное, потому, что в Вооруженных Силах СССР до середины пятидесятых существовала центральная военно-морская газета «Советский флот». Там селекционировались очень крепкие журналистские кадры, и, когда издание, закрылось, многие пишущие моряки перекочевали в «Красную звезду», образовав в ней свое, достаточно замкнутое «землячество» или правильнее будет «водничество».

Засилье моряками творческого коллектива при моем там появлении, наблюдалось, как говорится, невооруженным глазом. Никуда они не делись и в продолжении моей службы. Начальником штаба – ответственным секретарем «Красной звезды» был капитан 1 ранга Алексей Крысов, его заместителем – капитан 1 ранга Олег Баронов; редактором первого ведущего отдела пропаганды работал капитан 1 ранга Николай Шумихин, его заместителем – капитан 1 ранга Анатолий

Поздняков. В этом же отделе трудился капитан 2 ранга Георгий Самолис. В отделе очерков тоже были два капитана 1 ранга Михаил Кореневский и Геннадий Савичев. В отделе строительства опять же два каперанга – Игорь Крупницкий и Лев Куликов. Отделы информации и писем возглавлялись соответственно капитанами 1 ранга Василием Воронежским и Владимиром Ермолаевым. У последнего замом трудился капитан 2 ранга Михаил Шашуто. Более того, со временем и отдел авиации «Звездочки» был укреплен редактором каперангом Альбертом Контиевским.

Перечисляя моряков-краснозвёздовцев по памяти, уже сейчас вижу упущения. Так в отделе пропаганды трудился старшим консультантом мой закадычный приятель Вячеслав Кочеров. Уволившись, он одно время работал в «Российской газете», а меня приобщил вести там рубрику всяких забавных баек, которая так и называлась «Анекдоты от полковника Захарчука». Долгое время после увольнения со службы Слава возглавлял журнал «Провиант».

Собственно, в боевом отделе ВМФ всегда собирались силы творческие и крепкие, в основном, благодаря мудрой и осторожной политике Ивана Панова. Но еще больше потому, что сама служба морская как бы предполагала отбор более строгий, из людей более способных, чем в других видах и родах войск. Согласись, читатель, если человек отправляется в поход на полгода, то за это время он передумает и осмыслит свою службу, место свое в ней куда больше и глубже, нежели пехотинец, танкист или летчик. Давно я заметил, что умные, по-хорошему впечатлительные люди, хоть раз «пропахавшие» мировой океан, и на жизнь земную смотрят куда мудрее, нежели мы, остальные, планетарной водной стихии не нюхавшие. В свете этих рассуждений, не случайно, наверное, что и сам Панов, и его подчиненный Чупахин возглавляли «Красную звезду».

Капитан 1 ранга Сергей Быстров, порулив боевым отделом ВМФ, тоже хотел было возглавить эту великую газету во

времена перестроечного бардака и сумятицы. У него, как уже говорилось, не получилось. Но вот я сейчас, как на духу думаю: черт его знает, а вдруг бы он со своими напором, порой даже и нахрапистостью вытянул бы газету на тот уровень, где ей положено быть в государстве, которое почти всегда где-нибудь, да воюет. Как знать, как знать. Да и потом, куда как примечательно то, что уйдя из «КЗ», Быстров создал две газеты. При мне он пришел в штат из посткоров. С подчиненными Сергей Иванович вел себя и круто, и жестко. Но как к профессионалу никто претензий ему предъявить не мог. А как пишущий человек, он был одним из лучших краснозвёздских штыков.

«Во Владивостоке стояла трогательная южная осень. Когда первые листья стыдливо и нечаянно падают на еще чистый асфальт, когда Тихий океан выливает все дожди на Японию, щадя промоченный за лето город, и ровное тепло дня остается таким же ночью, прихватывая несколько градусов в долг у прогретых чуть ли не до дна заливов». Это хорошая быстровская проза. И сотрудников, своих подчиненных, он подбирать умел. Во многом благодаря Быстрову, в «Красной звезде» появилась мощная морская генерация: Александр Пилипчук, Сергей Ищенко, Владимир Урбан, Олег Одноколенко, Владимир Ермолин, Александр Орлов. Жизнь показала, что никто из этих моряков-краснозвёздцев в журналистике оказался не случайно.

С Быстровым, впрочем, я никогда и нигде не пересекался. Правда, он приглашал меня в им созданную газету «Служба». Не решился я. А вот с его супругой, увы, покойной Таней мы дружили крепко. Был у нас в «Красной звезде» такой боевой квартет: Людмила Дедова, Елена Гречко, Татьяна Быстрова и я. По логике вещей я, как Д'Артаньян, должен был верховодить «мушкетёршами-дамами». Но у нас атаманом была Людмила Дедова. Она нас водила на всякие выставки, на спектакли, в творческие дома. Изредка – в рестораны. Есть

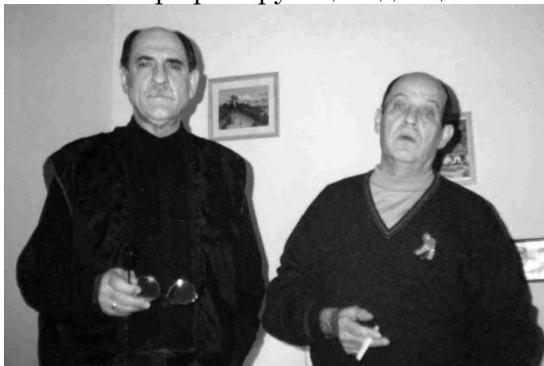

фото, где я, весь такой из себя, сижу между Дедовой и Гречко. А фотографировала нас Таня...

МОРСКИЕ МИЛИ САШИ ПИЛИ

Среди моряков-краснозвёздовцев мой первый друг, конечно же, Володя Чупахин. Но уже второй – Александр Пилипчук – Саня Пиля. Во Львовское политехническое училище его в свое время зачислили с тройкой по профилирующей дисциплине.

При наших сумасшедших конкурсах, иной год доходящих до тридцати, а то и сорока человек на место, с тройкой не приняли бы даже генеральского сынка. Но Пилипчука лично зачислил великий полковник Непейвода. И в который раз оказался провидцем.

Александр Сергеевич Пилипчук (слева) и Руслан Александрович Макушин.

Капитан 1 ранга запаса Пилипчук был в свое время лучшим флотским газетчиком. А ещё возглавлял «Мужскую газету», которую сам же и придумал; работал в различных столичных изданиях; в пресс-центре губернатора Подмосковья Бориса Громова; сам редактировал многие издания. Мы вместе с ним многие годы трудились в газетах «Красная звезда», «Третий глаз», «Мужская газета», в журналах «Пентхауз» и «Юридический мир». Не скажу насчёт пуда совместно съеденной соли, но приличную цистерну вдвоём выпили точно.

...В разгар борьбы за трезвость в нашей стране, я приехал к Пилипчуку в Калининград, где он был посткорром «Красной звезды». А накануне мне присвоили «подполковника». Естественно, вечером я зову его в офицерское кафе. Выпиваем за мое звание. По старой доброй традиции я вновь

наполняю рюмки, «чтобы пуля между первой и второй не пролетела», а Саша наотрез отказывается пить:

- Видишь ли, я завязал. И если бы совсем не пил, ты подумал бы, что я боюсь репрессивных мер. Не боюсь: рот испачкан, но и пить больше не буду, даже не упрашивай. Кремень!

В не очень дипломатических выражениях я высказал Пилипчуку всё, что думал о его безобразном поступке: испортить мне такой командировочный вечер мог только враг – не друг. Саня оставался скалой. И тогда я, грешен, пошел на хитрость:

- Ну, ладно, за меня можешь не петь! Но за Непейводу, который сделал тебя курсантом, грех не поднять сто граммов. И Пиля, действительно крепко завязавший, сам наполнил свою рюмку. Мы наперебой стали вспоминать...

На следующий день я «поправился», а он не стал – продолжил «завязку» еще на некоторое время и даже в Москву проводил меня «насухо». Потом сам вышел в море. Однажды собрал в своей гостевой каюте всех знакомых офицеров, накрыл стол, налил себе, приглашенным и с торжественным пафосом произнес:

- Дорогие друзья! Я собрал вас всех для того, чтобы объявить: сегодня, такого-то числа такого-то года приказом министра обороны СССР мне не присвоено очередное воинское звание капитана первого ранга!

Большой Пиля оригинал. Только познакомившись со своей будущей второй женой, ушёл в Индийский океан. И оттуда каждый день разговаривал с Машей по спецсвязи. Но ничего не слышал, кроме бульканья в трубке – обычный недостаток военной высокочастотной шифросвязи. Лейтенант связист всё ему переводил. В один из дней Пилипчук позвонил связисту и предложил: «А давай мы с тобой сегодня вдвоём попиз...им и не будем Маню лишний раз беспокоить за тысячи километров». Когда я обнародовал эту байку, Саша обижено заметил: «Навыдумывал всё Захарчук. Так бы меня и допустили до секретной связи». Он просто забыл, что мне рассказывал. А делился многим. Разве ж такое придумаете?

«Как-то в Североморске, где мы служили со Славой Крысовым в газете "На страже Заполярья", у нас оказалось полтора литра спирта и ни крошки закуски. Вышли из положения так: набивали полные рты снега, проделывали в нем дырочку и заливали туда спирт. И так все осушили.

Однажды меня на подпитии вознамерилось арестовать комендантское отделение солдат. У них ничего не получилось. Вызвали весь взвод. И у тех бы ничего не получилось, но один боец исхитрился и сломал мне руку. Только тогда бойцы меня повязали. На парткомиссии потом офицеры уважительно обо мне отзывались: дескать, ну, не совсем же человек был пьян, если некоторое время противостоял целому взводу солдат. По существу, эта диспропорция в соотношении сил меня и спасла от неминуемого увольнения из Вооруженных Сил».

Пилипчук написал обо мне в соцсетях пост «Как корреспондент ТАСС Михаил Захарчук под воду лазил»:

«Однажды в командировку на Балтийский флот приехал корреспондент ТАСС при Министерстве обороны подполковник Михаил Захарчук. И мы решили объединиться и двумя перьями написать материал для «Звёздочки» с борта аварийно-спасательного судна. (Репортаж «В колоколе на глубину» с комментарием начальника поисково-спасательной службы флота капитана 1 ранга Данилкива был опубликован в номере за 22 января 1987 года). В двухсоткилометровый путь мы пустились на посткоровском «уазике», в дороге вспоминали курсантские годы, родное училище, которое мы окончили с разницей в два года.

Командир дивизиона после возвращения СС-30 в базу сказал нам, что аварийно-спасательная служба судна полностью готова к ответственному испытанию. При этом капитан 2 ранга внимательно вглядывался в лица вояжеров из центральной прессы, стараясь понять, в каком же ключе они собираются осветить увиденное и услышанное. (Чего захотел, мне самому каждый раз после сбора материала хотелось знать, куда меня заведет рыскливое перо). И тут Миша решительно обратился к нему с просьбой дать ему возможность получить непосредственные впечатления от работы водолазов,

то есть, позволить ему погрузиться в полном водолазном облачении в воды морского канала, в котором стояли суда дивизиона. Ошеломленный капитан 2 ранга не сразу нашелся, что ответить, а когда заговорил, то начал с того, что будущий водолаз, прежде чем первый раз спуститься под воду, проходит многомесячную разностороннюю теоретическую и практическую подготовку, что перед каждым спуском на глубину проверяется состояние его здоровья. При этом, разумеется, ссылался на самые последние инструкции. Но Миша был настроен решительно и насел на командира дивизиона всерьез.

Память стала уже не та, и сегодня я не смог бы припомнить, в какой момент капитан 2 ранга сломался. Помог мне сам Миша. Он рассказал мне, что, представляясь по прибытию в Калининград члену Военного совета Балтфлота вице-адмиралу Корниенко, высказал желание «под водой лазить». На что Анатоли Иванович возразил, что без специальной подготовки разрешить ему такое он не может. А кто может, спросил Миша. Ну, разве что Главком ВМФ (адмирал Чернавин), но не будете же вы ему звонить, отделался вице-адмирал, полагая, что вопрос на том и исчерпан. Но Миша, по его словам, испросил разрешения из его кабинета позвонить Владимиру Николаевичу и получил разрешение.

Впрочем, важно то, что командир дивизиона, в конце концов, распорядился, чтобы корреспондента ТАСС, что называется, «одели и обули». Процедура, надо сказать, очень похожа на утренний туалет венценосной особы в окружении придворных. Сначала Миша самостоятельно проделал самую интимную часть обряда – надел шерстяное водолазное белье. А затем «свита» из двух человек натянула на него тугой резиновый костюм (что тоже напоминает известное интимное действие), прикрепили к ногам свинцовые подошвы весом в 21 килограмм. И потом уже нахлобучили на голову медный шлем-трехболтовку (16 килограмм в сборе), предварительно показав, как движением головы нажимать на клапан внутри шлема для стравливания воздуха. И, наконец, под ручки подвели к водолазной беседке, поставили на нее, и с помощью кран-балки окунули журналиста в канал, глубиной 10 метров. Когда Мишу через некоторое время подняли на борт, я уви-

дел в переднем иллюминаторе его довольное и в то же время несколько разочарованное лицо. Когда с него сняли шлем, он сказал: «Дно илистое и всё загажено бутылками и пустыми консервными банками, вокруг ни одной рыбешки». Так, наверное, бывает с каждым, кто при первом же погружении ожидает увидеть экзотический подводный мир и несметные сокровища с затонувших кораблей».

Хорошо, складно и даже романтично (на счёт сокровищ), не правда ли? За исключением маленького «пустяка», о котором я Пиле написал, но он его почему-то «запамятовал». Такая у Саньки голова: тут помню, а тут – не помню. А вот как было на самом деле: «Подняли. Матросики стали меня разоблачать. В это время кран начал переносить металлическую клетку на борт соседнего корабля. Прямо между судами она вдруг обрывается и через несколько секунд с бульканьем исчезает на той же глубине в тридцать шесть метров! Белый как стена командир прошептал мертвецки-синими губами:

- Никогда в жизни больше не опущу постороннего в скафандре. – И, повернувшись ко мне, добавил: - А вы, товарищ подполковник, видать в рубашке родились. Представляет, что случилось бы, если бы вы там находились ещё хотя бы пару минут?

- Да, представляю, – признался я ему, почему-то совершенно отрешенно наблюдая бульбочки от клетки, – только то была не совсем, брат, рубашка, как рассказывала мне бабушка, а обыкновенная плевра.

Саня Пилипчук молча протянул нам с командиром сигареты, и они, как по команде, заплясали в наших дрожащих руках».

Из высказываний Александра Пилипчука, мной записанных: «И мне вдруг так захотелось похвастаться харчами! / Я ответственности не боюсь, я боюсь работы./ Отсель грузить мы будем шведу! (заголовок статьи)./ Тлетворное влияние Западного... округа Москвы. / После каторжного труда имею же я право на каторжный отдых: напьюсь до усрачки. / Командующий флотом адмирал Феликс Громов инструктирует офицеров перед пресс-конференцией: «Если матрос заметит ползущего по стенке таракана, пусть аккуратно его плечами

задавит, не привлекая внимания господ журналистов. А ты, Пилипчук, подготовь мне их примерные вопросы. После паузы: «И ответы – тоже!»/ Любой снайпер преследует свои цели./ Обкома нет, а колокола звонят. По ком?/ Не будь красивой, а будь с ксивой. / Работа, как палка, о двух концах: для людей делаешь – качество дай, для дураков – дай показуху./ Моряки с хохотом рассмеялись./ Здесь можно выпить, закутить и под ляжку запустить./ Жизнь превратилась в сплошные понедельники./ Фешемобельный магазин./ Антисемитские близнецы./ «Мобила» неизвестного солдата./ Этот День Победы... Иосифом пропах./ Забокальский военный округ./ «Девушка, вы совершеннолетняя?» – «Нет, я совершенно зимняя»./ Женщина на корабле – быть бидэ./ Самый мерзкий из человеческих пороков – порок сердца./ Каждая баба мнит себя женщиной».

«Учти, Миша, я в честь тебя сына Захаром назвал!» - каждый раз твердит мне Саня Пиля. И я знаю точно, что это неправда. Сын назван в честь деда по отцовской линии. Но не возражаю. Не то, чтобы мне это льстило. Просто понимаю, что мы с земляком стареем, и надо прощать друг другу всякие возрастные закидоны...

ЛЕГЕНДАРНЫЙ БАРОНОВ

И ещё об одном краснозвёздском моряке хочу рассказать. Потому как Олег Борисович Баронов был легендарной личностью в нашем творческом коллективе.

В 1984 году редакция газеты «Красная звезда» отмечала 60-летний юбилей. Редколлегия утвердила специальную комиссию из представителей нескольких отделов, в обязанности которой входила организация и проведение различных праздничных мероприятий, связанных с почтенной датой. Председателем назначили полковника Юрия Беличенко, меня – его заместителем. Некий парадокс подобного назначения заключался в том, что я был очень молодым сотрудником – три года редакционного стажа и майорское звание. А в моём как бы оперативном подчинении оказывались многоопытные коллеги,

и в больших званиях. Подобных несурaziц в краснозвёздском коллективе обычно не случалось – воинская иерархия соблюдалась неукоснительно. Но в то время ситуация сложилась особая.

Командование «Красной звезды» в лице главного редактора генерал-лейтенанта Н.И. Макеева, его заместителей, партийной, комсомольской и профсоюзной организаций страстно желали, чтобы 60-летний юбилей широко отметили на Центральном телевидении СССР. Однако, руководство военной программы «Служу Советскому Союзу!» в лице заведующего Михаила Лещинского находилось «в контрах» с министром обороны Маршалом Советского Союза Д.Ф. Устиновым. Поэтому на письмо

Олег Борисович Баронов

главреда «КЗ» руководство ЦТ ответило: «Разумеется, дадим сюжет в программе «Служу». Вот тогда Беличенко и предложил редколлегии сделать меня своим замом. Он знал, что я ещё со времён обучения в академии нештатно сотрудничал с военной программой на телевидении. Ценой, чего уж там скромничать, титанических усилий мне удалось убедить своего тёзку Лещинского в том, что юбилей главной военной газеты и министр обороны это, как говорят в Одессе, две большие разницы. И потому надо отметить 60-летие очень достойно. «Лещ» внял моим доводам и отдал распоряжение: сделать четыре получасовых сюжета о «Красной звезде». Первый – довоенный период; второй – Великая Отечественная война;

третий – послевоенный период и четвёртый – повседневная деятельность редакционной коллегии.

Кто-то из моих читателей, в этом месте, верно, подумал: при чём здесь память о Баронове и хвастливые авторские воспоминания? А вот при чём. Четвёртую часть телевизионного повествования о «Красной звезде», как наиболее сложную и ответственную, взялся режиссировать сам боевой заместитель Лещинского Лев Быковских. И вот мы идём с Лёвой и его помощницей Леной по коридору редакции, а навстречу нам со скоростью Карлсона, который живёт на крыше, несётся Баронов. Шлёпнув меня по ладони, умчался.

- Кто он такой? – интересуется Быковских. – Заместитель ответственного секретаря, – отвечаю. – Сегодня дежурит по номеру.

- Лев Николаевич, – встрянула Лена, – а вам не кажется, что этот человек чем-то удивительно олицетворяет собой вечно кипучую редакционную круговерть?

Поэтически одарённый Лёва одобрительно хмыкнул и распорядился: «Бери оператора и снимай этого деятеля, как считаешь нужным и где полагаешь необходимым».

Короче, «Красную звезду» показывали затем в программе «Служу Советскому Союзу!» в продолжение месяца по полчаса в каждом выпуске. В заключительной передаче почти час рассказывалось о газете и её замечательных сотрудниках. По итогам юбилейных торжеств главный редактор издал приказ, в котором Беличенко объявлялась благодарность, и он же награждался ценным подарком. Обо мне, героически и доблестно, практически в одиночку занимавшемся гостями, буклетами, выпивкой, закуской, в том числе и самым главным – телевизионными съемками, – приказ стыдливо умолчал. Когда мы отмечали завершение работы комиссии, Юра сказал мне, поглаживая свои моржовые усы:

- Думаешь, главный и все члены редколлегии не ведают, кто в комиссии по-настоящему воз тянул, а кто лишь числился в пристяжных? Прекрасно знают, но такова у нас, увы,

краснозвёздная этика: подчиненные пашут, а почести получают начальники. Хотя какой я для тебя начальник. Но это, Мишель, еще не самая большая несправедливость, возможная в нашем специфическом коллективе. Ты на такие вещи смотри философски и никогда на них не зацикливайся, если не хочешь обмелеть душой и помыслами. Идущий – дойдет, ищущий – обрящет, а умный должен понимать: всё суета сует и суета всяческая.

Баронов, присутствовавший на нашем «отмечании» – без него в редакции не происходило ни единого сабантуя, – взял слово:

- Ты, Юрка, конечно, прав на все сто. Только не до конца. Во всём я виноват. На редколлегии усилия и старания Мишеля предлагалось отметить. Но встал Кашуба (тогда ещё редактор по отделу Сухопутных войск – М.З.) и доложил, что телепередачу следует полагать как неудавшуюся и провальную. Главному редактору она отвела 37 секунд, членам редколлегии по 5 – 10 секунд. Некоторые ветераны редакции в ней вообще не упомянуты. Зато Баронова, всего лишь зама ответственного секретаря, показывали почти пять минут!

И редколлегия с Кашубой согласилась!

Как-то Сергей Быстров сказал в сердцах про нашу редколлегию: «А что с них взять – одно бздуньё». На самом деле в руководящем коллективном органе главной военной газеты люди находились разные. (Кстати, и сам Быстров был его членом). Но в описываемой ситуации они действительно продемонстрировали заскорузлую недалёкость именно того самого «бздунья». Причём, не по отношению ко мне вовсе, а к Олегу Борисовичу. Меж тем, посторонние телевизионщики рассмотрели в нём именно то, что и представляло самоё сердцевинную сущность Баронова. Он являл собой в «Красной звезде» нечто среднее между мудрым, заботливым домовым и добрым барабашкой. Когда Олег дежурил по номеру, в котором шёл какой-нибудь мой материал, я не вылезал из его кабинета. Да и так наведывался к нему чаще, чем к другим

старшим коллегам. С Бароновым можно было спокойно решить любой вопрос. Даже не разрешаемый. Он, как секретарь Верочка из фильма «Служебный роман», знал всё обо всех. И при этом никогда не сплетничал, не ябедничал, всегда брал под своё крыло слабого и обиженного. Меня, в частности.

Отношения мои с редактором по отделу не складывались. На газетные полосы я поэтому прорывался редко. Но когда шёл мой материал, Баронов верстал его на полосу первым и уже вокруг размещал другие заметки, чтобы мне не пришлось сокращать ни единой строки. А ежели всё же требовалось что-то ужать, брал карандаш и указывал, где лучше это сделать. «Мишель (всегда так ко мне обращался!) любой материал можно сократить. Можно вообще писать одними глаголами: «Пришёл – сиди. Грустишь – уйди». И вся картина как на ладони».

Однажды Олег сказал мне: «Знаешь, Мишель, большинство офицеров, попавших в «Красную звезду», заболевают недугом своей особой значимости, избранности, что ли. Упаси Бог тебе пополнить их ряды. Поэтому запомни: даже если предположить невероятное, что все перья и боевые редакционные штыки вдруг бы исчезли, то я с курьером спокойно бы ещё месяц выпускал газету». У него определённо было право на подобное утверждение. Ну, ведь не случайно же редакционные остряки придумали крылатый и весьма красноречивый слоган: «оБАРОНОспособность «Красной звезды» обеспечивает Олег Борисович лично». Правда, они же съязвили: «Олег, легок на поминках».

Вспоминает бывший главный редактор «Красной звезды» Владимир Чупахин: «Да, Миша, Баронов был очень яркой фигурой, можно сказать, любимчиком редакции. Большой выдумщик, парадоксальный остряк, в молодости – заводила многих общередакционных мероприятий. Панов как-то признался, что из их знаменитой военно-морской тройки (Крысов – Панов – Баронов) последний был самым талантливым. Но с карьерой в КЗ у него не сложилось. Однажды заявил,

что завязывает с писаниной и отныне "кладет свою жизнь на талер". Мы с тобой застали его уже пожилым, хотя еще и весьма жизнерадостным замом ответсека. Во время моего главредаторства он был уже серьезно болен. В 1995-м заявил, что его главная мечта – "дотянуть до 50-летия Победы". Дотянул. Во многом именно благодаря его усилиям мы сумели выпустить тогда копию "победного номера "Звёздочки" с портретами Сталина, Черчилля, Рузвельта. Сейчас выпускать такие "сканы" фронтовых газет – левое дело. Но в ту пору это было технологически очень сложно. Именно фронтовик Баронов, бывший штурманский электрик, войну закончивший совсем мальчишкой и почти таким же сохранился чуть ли не на всю жизнь. По крайней мере до 1970 года – точно. Тогда с горящими глазами и юношеским задором он бегал, решал все технические вопросы с типографией. Для него это было, видимо, неким символом, неким личным "подведением итогов". Номер на День Победы вышел, и он тут же подал заявление об увольнении. Конечно, у меня есть замысел написать об Олеге Борисовиче. Тем более что как-то пообещал сделать это его бывшей невестке Татьяне».

Таня, к слову, тоже у меня в друзьях. Равно, как и сын Баронова – Дмитрий. Причём, знаем мы друг друга не один год. Как знаю я и то, что у Баронова уже десять правнуков. И вдруг пару недель назад меня, словно, что-то подтолкнуло. Спрашиваю Диму: не помнишь, когда твой отец покинул нас? Двадцать лет назад, – ответил. И я вспомнил, как живого Олега Борисовича. Невысокого роста, чернявого и шустрого, как ртуть, кавалера ордена Отечественной войны II степени и медали Ушакова. Последнюю он особенно ценил, потому что «вся она из себя морская, с якорем и цепочкой». «Знаешь, – говорил, – сколько девочек я поймал этой цепочкой. Особенно на танцах».

Человек жив, куда о нём помнят. Прочитав эти строки, о Баронове многие нынче вспомнят. Легендарной был личностью.

РЕБРОВ – КОСМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛИСТ №1

«Мне довелось разговаривать с каждым из космонавтов накануне старта и после полета, и каждого я спрашивал: «Что бы вы хотели делать дальше?» Все отвечали одинаково: «Снова летать!» И это были не только слова. Многие из космонавтов уже дважды, трижды и четырежды совершали полеты и не собираются ставить на этом точку».

Михаил Фёдорович Ребров

Так написал в одной из своих 30 книг инженер по авиационному спецоборудованию, военный журналист, писатель, редактор отдела науки, техники и космонавтики газеты «Красная звезда», претендент в отряд космонавтов от Союза журналистов СССР, полковник авиации Михаил Фёдорович Ребров. И более никто из когда-либо живущих людей на планете Земля не имел, не имеет

и никогда уже не будет иметь права на подобное заявление. Да, о космосе сейчас пишут многие – с некоторых пор путешествие на околоземную орбиту перестало быть даже экстремальным приключением. Даже актриса туда вскорости полетит. Можно ещё проще: заплати бабки и лети. Но чтобы вести постоянную, глубокую и подробную летопись покорения неведомых пространств мироздания от первого в мире космонавта Юрия Гагарина и потом методично в продолжение 37 лет – такого журналиста, повторяю, не было, нет и никогда уже не будет. И заодно – большой привет пресловутой «Книге рекордов Гиннеса», в которой нет ни строчки о первом, единственном, уникальном космическом журналисте Реброве,

всего себя до капельки, до умственного и душевного донца отдавшего Космосу.

Хотя почему-то сейчас подумалось: если бы Михаил Фёдорович (ЭМЭФ, как я его называл) прочитал то, что я о нём здесь написал, непременно бы поморщился и сказал: «Это вы, Михаил, пожалуй, хватили лишку с восторгами». При всей своей звёздной известности – подавляющее большинство космонавтов, включая многих американских, обращались к нему на «ты», сам Сергей Павлович Королёв уважал и ценил Реброва – был он на удивление простым, не заносчивым, почти что скромным. Мне посчастливилось, другого слова и подбирать не хочу, в продолжение многих лет дружить с этим замечательным человеком и сейчас вспоминаю о нём, как об одном из самых дорогих жизненных приобретений. Не смотря на приличную разницу в возрасте – семнадцать лет – Михаил Фёдорович всегда относился ко мне, как к ровне, помогал и всячески поддерживал во всех моих скромных начинаниях. Короче был надёжным старшим товарищем. Он вообще с желанием и охотой взращивал молодых коллег по главной военной газете. В этом смысле как нельзя более характерен такой пример.

Когда я ещё служил в газете «На страже» Бакинского округа ПВО, начальник моего комсомольского отдела Владимир Каушанский вознамерился перейти в «Красную звезду». Однако у него возникли проблемы с так называемым «пятым пунктом». И Ребров прилетел из столицы, чтобы разобраться с теми проблемами. Правда, в тот раз у него ничего не получилось, но вспомнился случай отнюдь не поэтому. Мне казалось, что Михаил Фёдорович намеревался заполучить именно в свой отдел подающего надежды молодого журналиста. Но как потом оказалось, об этом не могло быть и речи. В отдел науки, техники и космонавтики «Красной звезды» набирали только авиаспециалистов с академическим образованием. Выходит, Ребров просто споспешествовал толковому младшему коллеге.

Об этой созидательной черте его характера хорошо написал Ярослав Голованов: «Когда я вспоминаю Михаила Фёдоровича, прежде всего на память приходит отсутствие у него даже тени какого-либо ревнивого соперничества, что, вообще говоря, было свойственно подавляющему большинству журналистов космодрома. Реброву это чувство не то, чтобы не было знакомо вообще, но он никогда не был здесь человеком мелочным. Потом я не раз убеждался, что с Мишей можно делиться любой, даже самой эксклюзивной информацией, поскольку он наверняка не обнародует её без твоего разрешения. С ним можно было обсуждать планы своих ещё не написанных книг. Он регулярно подсказывал номера нужных мне телефонов, добыть которые было трудно. Да что тут долго объяснять: полковник Ребров был человеком истинно офицерской чести, а проще говоря, был во всём порядочным человеком, очень дорожившим своей репутацией порядочного человека. И еще Михаилу было неведомо чувство зависти – явление тоже не столь часто встречающееся среди пишущей братии. Помню в 1984-1989 годах Миша публиковал в "Красной звезде" полосы о выдающихся наших ракетчиках, академиков-героях: Глушко, Бармине, Пилюгине, Рязанском и других. И помню, что я ему завидовал. Завидовал размаху, масштабу этих публикаций. Но потом я признался себе и в том, что, откровенно говоря, было мне несвойственно: я завидовал и чисто журналистскому мастерству, с которым эти полосы были написаны. А вот сам Миша, мне кажется, никогда мне не завидовал. Вообще Реброва отличала тоже не часто встречающаяся в газетном мире доброжелательность. Мои наблюдения за ним показывают, что он априори полагал, что человек, с которым он встретился впервые и о котором ничего не знает, это хороший человек. В свою позицию он мог дальше вносить какие-то коррективы, но изначально это было именно так».

К взаимоотношениям этих двух выдающихся космических журналистов, друживших 31 год и один день, я непре-

менно вернусь. Пока же познакомлю читателя с биографией Михаила Реброва. Родился он Ленинграде. Когда мальчику исполнилось пять лет, его отец уехал на войну защищать республиканскую Испанию. Был удостоен звания Героя Республики. Потом прошёл всю Великую Отечественную. Генерал-майором уволился в запас с должности заместителя начальника Главного ракетно-артиллерийского управления МО СССР. По его стопам пошёл и Михаил. Окончив среднюю школу, поступил в МВТУ им. Баумана на факультет «Ракетная техника». После первого курса перевёлся в Военно-воздушную инженерную академию имени Н.Е. Жуковского, чтобы стать военным ракетчиком. В звании инженер-лейтенанта Ребров служил в 49-м истребительном авиационном полку Московского округа ПВО. Там же впервые взялся за перо и написал очерк для журнала «Вестник воздушного флота» (впоследствии - «Авиация и космонавтика»). В 1957-м – год начала Космической эры – Михаил Фёдорович стал штатным сотрудником журнала. В этой должности провожал и встречал первого в мире космонавта Юрия Гагарина. Потом уже Ребровы и Гагарины дружили семьями.

В 1964 году военного журналиста Реброва перевели в газету «Красная звезда», где он проработал до самой своей кончины. Летом того же года, после удачного полета первого многоместного корабля «Восход», у Главного конструктора Королёва возникла мысль послать журналиста в космос, чтобы тот профессионально осветил проблемы невесомости и всё, что с ней связано в безвоздушном пространстве. Сергей Павлович и сам бы с удовольствием слетал хотя бы на околоземную орбиту, но врачи запретили ему даже думать об этом. Тогда Главный и пригласил для испытаний десять военных журналистов, среди которых оказался Михаил Ребров. И только он и журналист из «Комсомолки» Ярослав Голованов успешно прошли углублённое медицинское обследование, получив заключение комиссии о годности к спецтренировкам. Краснозвёздовца откомандировали в Центр подготовки кос-

монавтов. Барокамеры, центрифуги, полеты на невесомость, сурдокамеры, вибростенды, велоэргометры, гидробассейн, множество других тренажёров, выживание в различных климатических условиях, поездки на космодромы и прыжки с парашютом – через всё это и ещё через много другое, о чём долгие годы даже писать не разрешалось, прошёл Михаил Фёдорович. Ему посчастливилось участвовать в испытаниях системы ручного управления при моделировании возвращения на Землю со второй космической скоростью спускаемого аппарата лунного облетного корабля 11Ф91 по программе «УР500К-Л1» – так называемая Лунная программа. Одновременно с космической подготовкой Ребров окончил факультет журналистики при Высшей партийной школе. Довольный недюжинными успехами своего подопечного журналиста, Сергей Павлович приободрил его: «Готовься, Миша, встретить своё 35-летие в космосе». Однако в самом начале 1966 года Главного не стало.

Проект полёта журналистов в космос дружно похерили во всех инстанциях вплоть до ЦК КПСС. Справедливости ради следует отметить, что руководитель подготовки космонавтов Николай Каманин предлагал любимцу Главного вступить в отряд космонавтов, но Ребров, поразмыслив, отказался от суперзаманчивого предложения, о котором мечтал долгие годы. Моё удивление по этому поводу ЭМЭФ парировал, как всегда спокойно и рассудительно: «Понимаете, тёзка, ко мне в то время уже подкрадывался «сорокет», как любит выражаться дочь Оля. А это, поверьте, не самый оптимальный возраст для начала штурма космоса. Хотя Жора Береговой совершил свой полёт на сорок седьмом году, а Лев Дёмин ещё на год старше. Только это ведь исключение, которое было для меня слабым утешением. Да и газета уже втянула меня в свою воронку, из которой по доброй воле редко кто выпрыгивает».

Мне всегда доставляло истинное наслаждение долгое или короткое общение с Михаилом Фёдоровичем. Врождённый интеллигент, грамотный, глубоко образованный интел-

лектуал – это как раз о нём. При своей колоссальной занятости по работе ведущего отдела газеты, он, тем не менее, ухитрялся читать всё, чем радовала нас тогдашняя текущая литература. А под занавес двадцатого столетия, что бы там ни говорили, но отечественная писательская мысль испытывала подъём. И не было случая, чтобы я не прочитал того, что советовал ЭМЭФ. Потом мы с ним подробно обсуждали ту или иную вещь. И я не переставал удивляться тому, как он точно подмечал и выхватывал из прочитанного самое существо, главный нерв произведения. Благодаря именно Реброву, я открыл для себя обоих Ерофеевых, Пелевина, Сорокина и многих других писателей.

Сам Михаил Фёдорович выписывал несколько толстых журналов, брошюр и добрый десяток газет. Скрупулёзно вёл досье по различным направлениям истории авиации, космонавтики. Как-то в разговоре посетовал, что объём накопленных сведений уже не помогает ему в работе, а наоборот тормозит её из-за невозможности находить нужное. Профессиональное досье я тоже вёл и поэтому сталкивался с теми же проблемами, может быть, только в меньших масштабах. Короче, мы вдвоём с ЭМЭФ скооперировались, договорились с переплётным цехом и там нам переплели накопленное из журналов за многие годы. У меня оказалось 18 томов. У Реброва – 52! Недавно общался со вдовой Реброва, и Людмила Васильевна сообщила: «Всё что Миша переплёл я храню».

Размышляя сейчас над необычной судьбой своего старшего товарища, я прихожу к выводу, что, конечно, Реброву повезло в жизни. Судьба вывела его на одну из самых передовых, если не самую передовую, отрасль человеческой деятельности: Космос. Он дал возможность Михаилу Фёдоровичу в полной мере проявить себя, свои способности. Но будем откровенны до конца: определённо повезло ведь и отечественной космонавтике в том, что она заполучила в лице Реброва такого звёздного Нестора-летописца, мирового лидера в области космической журналистики. Только в одной «Крас-

ной звезде» он написал за 34 года активной журналистской деятельности несколько тысяч (!) материалов по развитию космической энергетики, транспорта, связи, различных биотехнологий. Но его главной темой всегда был космос, а главными героями - космонавты и те, кто помогал им прокладывать дорогу в неведомые дали Вселенной. Об этом его книги: «Дневник лётчика-космонавта»; «Я – «Аргон» – о командире космического корабля «Союз-3» Георгии Береговом; «Байконур на проспекте Мира»; «Космонавты»; «Над планетой людей»; «Грани популяризации, или пути к читателю» – из опыта научно-технической пропаганды в газете; «Советские космонавты»; «Тени с острова Узедом»; «Космические катастрофы: странички из секретного досье».

В предисловии к последнему капитальному труду, который Ребров вынашивал не одно десятилетие, он написал: «Долгие годы космос был как бы двуликим – известным и неизвестным. О первом мы узнавали из бодрых и восторженных сообщений ТАСС. Было в этой информации много интересных подробностей и деталей, но были и недосказанность, «белые пятна». При всём при этом вершились подвиги, а нам они преподносились столь упрощёнными и обыденными, что кое-кто ставил под сомнение заслуженность наград героями». Михаил Фёдорович, скончавшийся в апреле 1998 года, всё же успел рассказать о том, что многие годы было тайной за семью печатями и не удавалось опубликовать раньше. Снимки фотохроники ТАСС, АПН, из архивов космодрома Байконур и Звёздного городка, личных архивов лётчиков-космонавтов и самого автора сделали эту удивительную книгу поистине уникальной.

Ещё один труд Реброва: «Сергей Павлович Королёв. Жизнь и необыкновенная судьба» вышел четыре года спустя после смерти журналиста. Величие последнего труда Реброва как раз в том и состоит, что он имел право после всех этих слов добавить: я лично был свидетелем всего того, что здесь написано. Впрочем, я не прав. Почему последнего? У той же

вдовы Людмилы Васильевны есть готовая к печати ещё одна рукопись её покойного мужа: «Совет главных». Это увлекательный рассказ о «Великолепной шестёрке» – выдающихся главных конструкторах, которые с 1946 года занимались ракетно-космической программой на руководящих должностях: Владимир Бармин – главный конструктор стартовых комплексов; Валентин Глушко главный разработчик жидкостных ракетных двигателей; Сергей Королёв – разработка ракет-носителей, спутников, баллистических ракет и других изделий этого направления; Николай Пилюгин – заместитель главного конструктора по автономным системам управления; Михаил Рязанский – главный конструктор по аппаратуре радиосвязи для ракет; Виктор Кузнецов – главный конструктор гироскопических командных приборов.

Почему я останавливаюсь на неопубликованной рукописи моего старшего товарища. Да потому что вдова его с ног сбилась, но не может найти спонсора для выпуска в свет уникального произведения, которому, без преувеличения цены нет. И всё без толку. Это притом, что ей всячески помогает внук Молотова, депутат Государственной Думы Вячеслав Никонов. Вдвоём они презентовали «Совет главных» в Музее Космоса, в МИДе, в Госдуме. Но воз и ныне там.

Как бы отнёсся к такому безобразию Михаил Фёдорович? Могу определённо утверждать: терпимо. Выдержка, такт, умение взглянуть на ситуацию беспристрастно, за вычетом всяких личных эмоций – это тоже были определяющие черты характера ЭМЭФ. Никогда не забуду, как в начале девяностых (я уже был главным редактором журнала «Вестник ПВО») мы встретились с Ребровым «за рюмкой чая». Тогда я собирался выпустить целевой номер ежемесячника под интригующим названием «НЛО и ПВО». Проект обещал принести хоть какую-то прибыль. Ведь редакция в те времена еле концы с концами сводила, была бедной, худой и бледной. Михаил Фёдорович наши проблемы понимал и, в принципе, не возражал против моих резонов и доводов в пользу не-

обычного издания. Однако одно условие всё же поставил: «Понимаете, Миша, выпуск такого издания, да ещё и столь многотысячным тиражом, это, как ни крути, но плевков в вечность. Проблемы, о которых вы говорите, если и не сиюминутны, то локальны по крайней мере. Так вот для того, чтобы вам потом не пришлось краснеть за потакание низменным страстям и чувствам всё-таки не очень «продвинутых» читателей, давайте я напишу для вас обстоятельный материал, в котором камня на камне не оставлю от всех этих космических пришельцев. Которых нет и быть не может». И он написал. А я его опубликовал...

Ребров знал о космосе, казалось, всё. Иной раз его откровения по этой тематике повергали меня буквально в ступор. Он, например, говорил: «Это очень плохо, что мы в своё время намертво привязали космос к военному ведомству. Войки алчны, всегда только о своих конкретных проблемах и думают, а на перспективное развитие космоса им наплевать с высокой колокольни. Американцы оказались гораздо умнее нас. Они создали НАСА (Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства) и, в итоге, уже давно оставили нас позади по всему спектру космической проблематики. И чем дальше, тем это отставание будет все разительнее».

В другой раз сетовал: «Понимаете, Михаил, всё покорение Космоса, если исходить из того состояния научной мысли, которого достигли мы и американцы, ну ещё некоторые европейцы, это – всего-навсего возделывание 6 космических соток. А миллиарды миллиардов другой «космической земли», условно говоря, – непаханая целина. И средства нашего космического производства в обозримом будущем (даже если мы сумеем достичь скорости света!) позволят нам «вспахать», дай Бог сотню, другую гектаров. Поэтому всякий «разговор» наш с космосом бессмысленен. Представьте себе, что Юлий Цезарь задал вопрос Космосу, а ответ ему пришёл бы лишь в наше время. И что?»

Перечитав написанное, вдруг поймал себя на мысли: а ведь читатель может подумать, что Ребров был таким журналистским анахоретом, только писавшим свои статьи и книги и ничем больше не интересующимся. Категорически – ни в коем случае! Сошлюсь опять же на Ярослава Голованова: «Миша не халтурил никогда. Более того, помнится, именно его репортажи были самыми подробными, а за их размеры он получил прозвище "Сикейрос" – в честь мексиканского художника-монументалиста, автора гигантских фресок. И все эти замечательные человеческие качества моего друга дополнялись чувством неиссякаемого юмора. Остричь, шутить, разыгрывать – тут Ребров мог потягаться с кем хочешь».

Звонит: «Тёзка, вы мне завтра нужны на полдня по крайне неотложному поводу». – «А в чём дело, дорогой ЭМЭФ?» – «Отвечу вам словами Саахова из «Кавказской пленницы»: завтра всё узнаете». Приезжаю, сажусь в жигули Реброва. Едем в Переделкино к Голованову, который отмечает своё шестидесятилетие. Чувствую себя неловко. Мы, конечно, с Ярославом Кирилловичем давнишние знакомцы, но не до такой степени, чтобы приходить к нему на юбилей без приглашения. Тем более – без подарка. Меж тем Михаил Фёдорович вручает юбиляру какой-то свёрток и просит его встать между нами. «И вот между двумя Михаилами ты должен загадать самое заветное своё желание. И поверь, Ярослав, оно непременно сбудется! Михаилы тебя посетили необычные».

Тот же Голованов годом раньше написал на шестидесятилетие своего коллеги: «Соединяли, Миша, нас/ Редакторов приказы,/ А раз пришел такой приказ,/ Снимаемся мы с базы/ И вылетаем в Тюра-Там,/ В Караганду и прочее,/ Писали разное мы там,/ И складно и не очень./ Нас видел Бостон и Техас,/ Морей его кораллы,/ И руку пожимал не раз/ Нам генерал Шаталов!/ На годы впредь идти готов/ К свершенью новых планов/ С тобою, генерал Ребров,/ Ефрейтор Голованов».

Между прочим, Ребров мог запросто стать генералом. К тому его подвигали не только друзья-космонавты, но даже и многие ответственные военные начальники. Михаила Фёдоровича периодически звали на различные соблазнительные должности, на головокружительные проекты, даже в депутаты Государственной думы. Но он всегда мягко и деликатно отказывался от всех повышений и продвижений. От добра, говорил, добра не ищут. Газету «Красная звезда» он полагал и главным своим университетом, и родным домом. Не многим известно, что Реброву в своё время предлагали даже возглавить военный отдел газеты ЦК КПСС «Правда», где бы он уж точно получил вожделенные для большинства военного люда генеральские лампасы. Отказался. Главная тема в жизни – звёзды космоса – была ему определёнno дороже генеральских звёзд.

...- Люся, расскажи, как вы познакомились с Михаилом Фёдоровичем?

- Благодаря его маме. Она увидела меня у наших общих знакомых и сказала Мише. А он маму буквально боготворил. Нашёл меня. Мы больше года встречались, потом поженились. Когда Мише исполнилось бы 90, нашему знакомству, стало быть, – 65 лет. Замечательный был человек. Не для себя, для других жил. Я тебе такой случай расскажу. После гибели Гагарина прошло уже много лет. Его старшая дочь Лена закончила школу и собиралась поступать на искусствоведческое отделение МГУ, но робела и как-то в разговоре с Мишей проговорила об этом (мы дружили семьями). Миша выслушал её. Поехал потом в МГУ, нашел там одного ведущего профессора-искусствоведа и сказал ему: «Такое дело: дочь Гагарина намеревается поступать к вам. Но она очень переживает от того, что её примут в университет именно потому, что она дочь Гагарина. А я Лену хорошо знаю. Она очень гордая девушка, и она не хочет, чтобы для неё делались какие-то поправки, исключения. Я вас прошу, не могли бы вы поговорить с ней и в беседе выяснить, насколько она подготовлена?

Профессор согласился. После беседы он сказал: «Елена Юрьевна, мне кажется, что вы могли бы поступать сразу на второй курс. И поверьте, я предельно искренен».

...Предложил я ЭМЭФ однажды: «Обращайтесь ко мне на «ты». – «Ну и вы обращайтесь ко мне так». – «Нет, Михаил Фёдорович, я не могу». – «Вот вы и ответили на свой вопрос. А мы должны быть с вами во всём на равных».

СОСЕД МОЙ СВЕТИКОВ

Виктор Светиков был ярким и талантливым парнем. Вот что написал о нём наш краснозвёздковский аксакал Юрий Дмитриевич Теплов: «Не могу не назвать фамилии еще одного бамовца – Виктора Светикова. После Львовского училища его отправили на БАМ как злого самовольщика. Он работал в газете бригады, которая дислоцировалась в Февральске.

Виктор Светиков

Несколько раз мы с ним встречались. По виду шалопай, но с царем в голове. Его публикации в газете заметно отличались от остальных и в литературном отношении, и по глубине разработки темы. Я посоветовал ему писать в центральную военную газету, чтобы его заметили.

– Бесплезно, – ответил он, – взысканий, как блох, к тому же ко мне львовянка недавно приехала. Живем по согласию, рано еще жениться. Он не предполагал, что через полгода она все же наденет на него брачный обруч. А я и представить не мог, что через три с небольшим года мы встретимся за семь тысяч верст отсюда. В Закавказье я рабо-

тал два с половиной года. Сдружился с редактором окружной газеты Сашей Кирюхиным. Ему нужен был корреспондент в комсомольский отдел. Я рассказал ему про Светикова. Через полгода Светиков стал работать у Кирюхина. Мы встретились. Он рассказал, что женился на львовянке Свете, а в Тбилиси живут пока в общаге. И добавил, что теперь будет писать в «Звёздочку».

Благодаря тому же Телову, Светикова взяли-таки в отдел партийной жизни «Красной звезды». Мы дружили как-то вяло, несмотря на то, что жили через один подъезд и разделял нас всего один курсантский год. Витя писал в «Красной звезде» легко и много, однако по-настоящему свой талант раскрыл лишь в бизнесе. Ради него в течение трёх дней расстался со службой в главной военной газете. Взял займы 100 тысяч долларов, на всякий случай, у писателя Юлиана Семёнова, и открыл собственную книжную торговлю в Европе. Именно, в Европе, а не конкретно в Германии, где находился его главный торговый офис.

Книжные магазины Светиков имел, кажется, во всех европейских столицах, начиная от Мадрида и заканчивая Варшавой. С Юлианом Семёновым, естественно, рассчитался. Показывал мне документы на сей счёт. Рассматривая их, я набрёл на расписку от Артёма Боровика, который взял уже у Светикова в долг 50 тысяч долларов. «Вернул? – спрашиваю. – Пока нет, но вернёт, куда ж он денется с дыркой в жопе».

Ещё Витя хвастался дарственными книгами от таких известных сочинителей, как Окуджава, Незнанский, Акунин, других. Коммуникабельностью дружок обладал поразительной. У нас, в России, Вите с книгами помогали Женя Буркун выпуска 1970 года и... генерал-майор в отставке Борис Васильевич Пендюр. С обоими у меня тоже были дружеские отношения, поэтому мы часто «мыли косточки» Светикову. Все, кто его знал, единодушно отмечали и такую черту характера, как щедрость.

Женя рассказывал: «Пригласил Витя меня и Володю К. в своё шикарное – 500 квадратных метров, с зимним садом – германское имение. «Проезд ко мне, – говорит, – и полный пансион обеспечиваю. Ну, а уж обратно езжайте за свои». И что ты думаешь, Володя, попросил денег на обратный путь, сославшись на стеснительное финансовое положение». Говорю: ты чего поощряешь иждивенчество у нашего брата? «Да, ладно, – отвечает, – где наше не пропадало. А потом, может, у него действительно с грошами туго». Неисправимый хлебо-сол. В ресторанах первый всегда расплачивается и, как правило, – за всех».

Это я уж могу точно подтвердить. Звонит: «Мишель, жду тебя в кабачке возле нашего метро Тимирязевская». Беру ноутбук и топаю в нашу кафешку. У Вити уже стол ломится от всяких яств, и он по мобиле наяривает.

- В этот раз откуда будешь?

- Из славного города Парижу.

- И, как всегда, без сна и отдыха? Это же 2800 километров с гаком, если не ошибаюсь?

- Не ошибаешься – почти 3 тысячи. Ну, нет, конечно, заправка, еда и малая с большой нужды – это вынь да положь. Ладно, соловья баснями не кормят.

Наливает, выпиваем, закусываем, чем Бог послал. Между первой и второй пуля у нас никогда не пролетала. Как и традиционным был всегда «Третий тост» – за тех, кто навсегда ушёл. Мы с Витей ездили однажды вместе в Афганистане. А вот с четвёртым тостом у нас со Светиковым всегда возникали проблемы: он засыпал, отодвинув тарелку и положив голову на обе руки. Не мудрено. С любой из европейских столиц в белокаменную нашу, впрочем, как и обратно, дружок мой всегда ездил практически безостановочно. Один раз, правда, задержался надолго, так как у него увели все до единого документы и деньги. Так и стоит ли удивляться тому, что Витя буквально, а не иносказательно, сгорел на своей работе...

У такого человека, как Виктор Светиков не могло быть мало друзей. Люди буквально липли к нему. Но Гена Каутсис, проживающий сейчас в США, все же был ближе остальных. Они вместе, кстати, окончили Суворовское училище. А в училище Львовском всегда сидели рядом.

«Да, Миша, ты прав, – рассказывал Геннадий, – со Светиковым мы были очень близкими всегда, до самой его нелепой смерти. Может, самыми близкими. Я и сейчас на телефоне со вдовой Светой и его младшим братом Пашкой в Тамбове. Я ездил в Тамбов и провёл там неделю с его родственниками. Выполнил наш договор о том, что после смерти одного из нас второй навестит друга на кладбище и помянет. Есть и другие обязательства, которые выполняю до сих пор. Когда договаривались, думал, что наш договор ляжет на него, но жизнь, как видишь, распорядилась по-другому».

Александр Злаин: «Виктор – мой однокашник. Не сразу он попал в главную военную газету. По распределению загремел в бригадную многотиражку желдорвойск, откуда его вызволил Юрий Дмитриевич Теплов. Вызволил не по благу, а по таланту. Виктор первым из нашего выпуска ушёл в мир иной. Ушёл, успев опубликовать одну книгу. А мог бы стать не только коммерсантом, а большим писателем. Светлая ему память».

Михаил Поселёнов: «Самыми молодыми в нашей группе были суворовцы Светиков, Седых, Бурых и Каутсис. Остался Гена Каутсис. Первые три уже ушли от нас. Каутсис по-прежнему связывает наш курс своим неуёмным оптимизмом и желанием поддерживать отношения, как будто мы по-прежнему курсанты. Многие перед ним в неоплатном долгу. В чём это заключается, говорить не буду. Слишком многие попытаются "скорыстаться" его безотказностью. Гена – это человек широкой души. Ну, а тем, кто ушёл от нас: Светиков, Седых, Бурых – долгая память и царствие небесное».

Александр Воробьев: «Среди нас, бамовских военных корреспондентов (бригадные многотиражки желдорвойск)

Виктор был постоянной уносящейся куда-то звёздочкой. Талантлив, но как тот огонь, смотришь на языки пламени, они радуют, но их уже нет. Сгорели. Общение с ним всегда на ходу: улыбнется, пообщается и уже Виктор в новой стихии... Вот не знал, что в «Звёздочку» определился он в такой сложный отдел, где зачастую рождались официозы – передовые статьи, руководящего характера... это не его хлеб... Интересный человек, который, по-видимому, хорошо знал цену себе и обществу, в котором жил. Не уберется».

...Да, братья мои по курсантскому строю, человек жив, пока о нём помнят. О Светикове мы помнить будем.

РЕЛОКАНТ ОЛИЙНИК

Терпеть не могу разной словесной англомути. Но в данном случае она оправдана. Потому что назвать Олийника русским словом перемётчик – слова жалко. Вот учились они вместе со Светиковым. Но, Боже ж ты мой, до чего же разные, вопиюще противоположные личности! Светиков, словно оправдывая свою фамилию, всегда светился жизнерадостностью, добром и оптимизмом. Олийник же всё больше был угрюмым, злым и замкнутым. Одно слово – кашубинец. Не все в боевом отделе сухопутных войск удостаивались столь «высокого звания». За этим субъектом прозвище закрепилось с первых дней его пребывания в редакции. Признаться, я мало внимания обращал на Сашу, когда мы вместе служили в «КЗ». Правда, однажды достаточно круто прошёлся по совершенно безобразной выходке младшего коллеги. К тому времени я уже работал в ТАСС. Случилось так, что в очередной афганской командировке мы накоротке пересеклись с Володей Никаноровым и фотокорром Алексеем Ефимовым. Вернувшись из Афганистана, случайно узнаю, что тогдашний постоянный корреспондент в Ограниченном контингенте Александр Олийник «накатал телегу» на Никанорова и Ефимова за то, что они его, якобы, проигнорировали, не обращались к нему за помощью и потому-де крайне бездарно провели время командировки. Итожилась жалоба кодой, совершен-

но немислимоу из-под пера ни одного здравомыслящего краснозвёздвца: «Редколлегии впредь следует тщательнее подбирать кандидатов для командировки в Афганистан».

Краснозвёздвцы в недоумении крутили пальцами у висков: да у Олийника никак крыша поехала! А я пошёл дальше и высказал своё возмущение этим нелепо-вздорным поступком в редакционной многотиражке «Красная звёздочка». В самом деле, гадить сослуживцам через редколлегию – до такого «стукачества» никто и никогда из краснозвёздвцев раньше не опускался. Но потом прошли годы, даже десятилетия, и я, конечно же, забыл и об Олийнике, и о его подлости. Возможно, так никогда бы и не вспомнил, если бы не один случай.

Несколько лет назад встретился с Олийником в санатории Марфино. Мы даже обрадовались друг другу. Вечером я с бутылкой завалился в гости к Саше. Слово за словом, «этим» по столу и, конечно же, мы вырулили к событиям на нашей малой родине. И вот тут я в буквальном смысле охренел. Даже другого слова подбирать не хочу, так меня огоршил бывший коллега. Он не просто повторял ублюдочные зады бандеровской, порошенко-вальцмановской идеологии, царившей тогда на пост майданной «нэзалэжной». Он с лютой агрессивностью одобрял (!) убийство Олеса Бузины и сожжение одесситов! А Россию при этом поносил последними злобными, подзаборными словами, которые мне даже повторять не хочется. Передо мной, брызжа слюной, витийствовал с самыми пошлыми и лживыми аргументами лютей враг страны, которая его и меня вскормила, выучила, дала возможность проявить себя в профессии и в жизни. Дальнейшее общение с таким с позволения сказать однопольчанином становилось невозможным. Поднялся я и ушёл, сожалея лишь о том, что в порыве добрых чувств подарил этому негодяю свою книгу «Встречная полоса».

Долго потом не спал в своём номере. Никак не давали покоя диковинные ядовитые речи, услышанные от бывшего коллеги. Думалось, ну ладно нынешние необандеровцы-свидомиты... Их годами, десятилетиями кувалдой обдалбливала средневековая, кругом античеловеческая пропаганда. Но

Олейник-то с капитанов трудился в «Красной звезде». Несколько лет провёл спецкорром в Афганистане, а после – посткорром по Московскому военному округу. Уволившись в звании полковника, работал в военном информангентстве. Сын его – офицер в российских органах. И вот оказался таким «нехорошим человеком», такой «редиской-сволочью». Полковник Виталий Мороз, наш земляк, в разное время бывший нашим с Олейником начальником в «Красной звезде», говорит, что у всех выходцев из Тернопольской области – части Галиции – бандеровщина впитана с молоком матери, и Олейник её умело скрывал до поры до времени. Утверждение это верно лишь отчасти, и мало что объясняет. Потому как получается, что какая-то там бандеровщина в оконцовке сильнее мощнейшей государственной идеологии, которой мы все служили и которую в меру своих сил-способностей проводили в жизнь. Но получается, что так. Что фантомные националистические вывихи способны изуродовать человека до неузнаваемости.

...Помнится, спросил я Олейника: ну раз уж ты такой Аваков-Шкиряк-Герашенко в одном флаконе, чего же не едешь на родину?

- И поеду! – зло выпалил он. – Вместе с женой поеду. Она полностью разделяет мои взгляды!

Разумеется, не поехал, гадёныш. Живёт себе припеваючи в «стране-агрессоре». И, судя по внешнему лоснящемуся виду, очень даже неплохо живёт. На следующий год я снова увидел его в Марфино. Пришёл гнусный перевертыш и на вечер, посвящённый 100-летию «Красной звезды». На фуршетте жрал ипил за счёт «страны-агрессора». Трижды подходил ко мне, пытаясь завязать разговор. И я всякий раз усиленно проводил языком по верхнему небу, чтобы не сорваться и не врезать по жирной, лоснящейся морде. Ну, не по чину мне связываться с подонком и портить людям праздник. А самый главный краснозвёздский ветеран Мороз стоял за одним столом с бывшим своим подчинённым, выслушивая его льстивое бормотание. Виталий Иванович не знает подноготной этого релоктанта? Полноте, отлично знает. Однажды этот пакостник сорвал с Мороза георгиевскую ленточку. И ему это

сошло с рук. И некоторые краснозвёздовцы до сих пор не переставали его терпеть. Только не я.

Посещение группой краснозвёздовцев знаменитых курсов «Выстрел». Едва пришедший в газету Олийник (на снимке – в центре заднего ряда) сразу стал пользоваться доверием коллег и полноценно участвовать во всех значимых редакционных мероприятиях.

...Когда Украина провозгласила свою «незалежність», сотни тысяч офицеров, в том числе и наши однокашников по ЛВВПУ, остались в Киевском, Прикарпатском и Одесском военных округах. Хитрый лис Кравчук одним росчерком пера превратил их всех в клятвопреступников, заставив присягать офицеров по второму разу. И таким образом, как вор в законе, повязал всех скопом служивых людей с предательством собственным. На самом деле, это очень большая трагедия, и я более чем уверен, что многие советские офицеры, разумеется и наши львовяне, перенесли её мучительно, тяжело и больно. По-иному и быть не должно, если у человека есть совесть и элементарный нравственный стержень. Здесь не время и не место развивать столь щепетильную тему, но на собственный скромный опыт сослаться не грех.

Так вот, в описываемые времена не только многие мои земляки, но и отец родной, как могли и умели, настойчиво понуждали меня перейти служить в украинскую армию. Батя, покойничек, сильно отравленный бандеровской пропагандой,

так и говорил: «Бо як бы ты був справжнім українцем, то вжэ давно пэрэйшов бы в нашу армию, як багато хлопців тэ зробылы». Признаюсь честно, как на духу: если бы не присяга, и я бы, наверняка, подался на малую родину. Но присяга, она ведь сравни совести, мучает вовсе не того, кого надо, а того, у кого она есть.

С другой стороны, пусть не оправдать, но хотя бы понять офицеров, оставшихся служить на Украине, можно. Не по своей же вине они превратились в клятвопреступников. Громадный общественно-политический катаклизм на просторах СССР исковеркал их офицерские судьбы. Со многими из них я, кстати, поддерживаю дружеские отношения. (Не хочу называть фамилии. Ведь в недогосударстве запросто могут посадить в тюрьму за активность в соцсетях). Курсантское братство для нас никогда пустым звуком не являлось. Тем более что мужики очень разумно и адекватно реагируют на тот бардак, который десятилетиями длится на моей малой родине. И ведут они себя, хотя бы в тех же соцсетях, вполне взвешено, достойно, как и подобает порядочным офицерам. Однако немало и таких бывших выпускников ЛВВПУ, которые «окрасившись в те цвета, в которые они себя окрасили» по «меткому» выражению «философа и ритор» Кличко, даже стали круче его, круче папы римского и намного «свидомитнее» обоих. Это особая порода предателей, перевёртышей и фарисеев, о которых можно сказать словами Евгения Шварца: «Всех учили. Но зачем же ты оказался первым учеником, скотина этакая?» По большому счёту они неинтересны даже как образцы предательства и фарисейства по причине общей тупости, заданности и ограниченности. Это типичные продукты «бандеровско-геббельской» пропаганды, более трети века бушующей на Украине. Они там живут, и Бог им судья. Но Олийник живёт в России. С ним-то как быть? И у меня нет ответа на такой вопрос.

Информация к размышлению:

Из Галиции по всей Украине распространился дурно пахнущий миф о том, что именно здесь живут настоящие украинцы. Самое смешное в том, что в качестве «мозга на-

ции» пытаются представить наиболее отсталую и забытую бывшую польско-австрийскую провинцию. Многовековой польский гнет создал мутантов, отвергших свои древнерусские корни. Они несут в себе черты неполноценности, страдания и страха быть уничтоженными. Привитая галициантам психология национальной ненависти – «во всем виноваты клятые москаля» – стала смыслом их жизни.

Галиция – самый бедный и дотационный регион, родина миллионов эмигрантов, бежавших от безысходности и отчаяния. Это анклав потомков предателей православия, подписавших Брестскую унию, и наследников убийц из УПА и дивизии СС «Галиция». Сегодня он является рассадником ненависти, лживой идеологии, исковерканной религиозности, откровенно придурковатой лжеистории и абсолютно нереальных амбиций. Безуспешными попытками навязать свои ценности и образ жизни всей стране галицианты вызывают только презрение и отторжение оставшихся здоровых сил украинского общества. Ибо, Галиция – это всего лишь три области: Львовская, Тернопольская и Ивано-Франковская. Менее 11% населения, а вони от них хватает на всю Украину. Почему они другие? Потому, что почти 700 лет, с разгрома ордынцами Киева в 1240 году и до знаменитого пакта Молотова-Риббенторпа в 1939, жили в составе Польши и Австро-Венгрии. Галицкая знать ассимилировалась в «поляков», отказалась от русского языка, православия и стала новоявленной польской шляхтой. Так усилиями поляков и австрийцев на исторических землях Руси удалось создать галицкий плацдарм, на котором появился мутант с комплексом неполноценности и навязчивой идеей о вековом угнетении его москалями. Они возомнили себя элитой сверхнации «від Сяну до Дону», а все остальные для них «недоукраинцы», не способные решать свою судьбу! Поразительно, но эти потомки свинопасов и польской прислуги, вылезшие из навоза, решили переделать остальной украинский народ! Такое могло зародиться только в голове у мутантов. И закономерно, что именно здесь появились тысячи добровольцев в бандитские формирования ОУН-УПА и войска СС.

СПОРТСМЕН ОЛЕГ ВИХРЕВ

Олег Алексеевич Вихрев стоит крайний справа на снимке после очередного мероприятия, проведённого редактором «Красной звезды».

Олег Алексеевич был одним из самых близких моих друзей по работе в газете «Красная звезда». Всю свою службу он провёл в отделе физподготовки и спорта. Командовал тем отделом, без преувеличения выдающийся журналист и общественный деятель полковник Гаврилин Вячеслав Михайлович. Достаточно сказать, что, уволившись в запас, он возглавлял газету «Советский спорт», был заместителем председателя Госкомспорта СССР по международным вопросам, вице-президентом Национального олимпийского комитета СССР, первым вице-президентом Международной ассоциации спортивной прессы. Гаврилин умел отбирать себе надёжных помощников. В мою бытность с ним работали Михаил Шлаен и Андрей Петров. А Вихрев многие годы был заместителем у Гаврилина.

Однажды, ещё будучи майором, Олечка дежурили по отделу. Двадцать часов вечера. Вот-вот подпишут номер и можно по домам. Вдруг раздаётся звонок. Да не какой-нибудь, а от министра обороны Маршала Советского Союза Родиона Яковлевича Малиновского: «Товарищ майор Вихрев, мне кажется, что вы слишком редко печатаете шахматные за-

дачи и этюды». Олег был наслышан о горячей любви министра к шахматным головоломкам и потому не ударил в грязь лицом. «Как сказать, товарищ Маршал. Например, в завтрашнем номере выйдут аж четыре шахматные задачи. «Четыре – это очень хорошо», – одобрительно крикнул Малиновский и положил трубку. А Вихрев мгновенно остановил выпуск четвёртой полосы, переверстал её, выставив четыре шахматные задачи. На следующий день главный редактор генерал-лейтенант Макеев объявил Олегу благодарность за проявленные смётку и находчивость.

Вихрев был действительно разбитным мужиком. Помимо того, что соображал практически во всех видах спорта, так ещё и умел сносно общаться на основных международных языках. Умение то было очень востребованным. Ведь работники отдела освещали все (буквально!) важные спортивные мировые состязания. Не было такого случая, чтобы сотрудники «Красной звезды» пропустили хотя бы одно из них. Так Олег Вихрев побывал в 84 странах мира. Его коллега, а мой большой друг Миша Шлаен – в 92 странах. А их редактору Гаврилину легче было перечислить те страны, в которые его нога не ступала, чем те, где он побывал. Во многих и по многу раз.

Вихрев ко мне относился поначалу свысока и даже несколько пренебрежительно: подловил на том, что я спутал кнессет с книксеном. Но поскольку я смолodu даже подначки использую для самообразования, то спустя какое-то время мы очень даже славно поладили. И не единожды делили застолье в отделе литературы и искусства, где нас обоих мужики всегда привечали.

...Сидим однажды нашей тесной компанией: Юра Беличенко, Эрик Михайлов, Вихрев и я. Изрядно выпили. Трёп в разгаре и дым коромыслом. Вбегает испуганный гражданский работник отдела Валерий Раджабли: «Олег Алексеевич, вас вызывает Макеев!». Картина маслом и финальная сцена из «Ревизора». Олег нетвёрдой рукой достаёт из кармана коро-

бочку, вынимает из неё две таблетки: «Не сыте, мужики! Всё будет в ажуре». Ушлый Макеев сразу определил, что подчинённый пьян в дупелину. Чтобы окончательно в этом убедиться, подошёл к нему и обнюхал. И не обнаружил запаха!

- Вихрев, я не понимаю, вы что уже седалищем водку употребляете? Ведь я же вижу, что вы пьяны. Но запаха от вас нет. В чём дело?

- Не могу вам врать, Николай Иванович. Вот эти американские таблетки убирают амбре.

- Амбре, говорите, убирают. А если я попрошу у вас парочку? Не для себя, конечно, для зятя. Он у меня, дурачина, имеет привычку садиться за руль выпивши.

- Берите все.

На том и расстались.

Конечно, Вихрев был мужик оригинальный. Взял вдруг и женился на нашей редакционной машинистке. И стал на два года старше своего тестя. Уволившись из «Красной звезды», Олег работал в пресс-службе ЦСКА. Главный армейский спортклуб его и схоронил.

ВЕЗУНЕЦ МИХАИЛ ШЛАЕН

В этом же отделе спорта работал служащий Михаил Григорьевич Шлаен. Вечно занятой, он редко посещал наши компании и мои отношения с ним были более чем прохладными. Тёзка был в нашем воинском редакционном коллективе не просто белой – белоснежной костью. Впрочем, и весь их отдел физподготовки и спорта при мне состоял исключительно из небожителей: редактор полковник Гаврилин Вячеслав Михайлович, сотрудники: подполковник Вихрев Олег Алексеевич, Петров Андрей Николаевич и, стало быть, Шлаен. Всё потому что краснозвёздские спортсмены с завидной регулярностью выезжали за границу. И не просто там в какие-то босяцкие страны социализма, которые были «не за границей, как курица не птица», а в самые что ни на есть «загнивающие», включая Англию, Францию, Германию и даже США!

Но вот что удивительно: гонора за спортсменами не наблюдалось.

- Миша, ну как там Канада загнивает?

- А ты думаешь я её видел? Проторчал в ледовом дворце весь чемпионат.

- А вообще, в скольких странах ты побывал?

- Мишаня, тех, где я не был, значительно больше.

Михаил Григорьевич Шлаен

Нас со Шлаеном единила ещё любовь к балету и конкретно к самой выдающейся балерине мира Майе Плисецкой. То есть, в Большом театре мы были своими людьми. Конечно, я всегда немножечко завидовал тётке. И тому, что он много больше моего мира увидел, и его профессиональному мастерству, и просто-таки невероятной работоспособности. Радовало лишь то, что Миша никогда не задирает носа и всегда видел во мне ровню, коллегу, товарища. Потом мы достигли положенного возраста и ушли на заслуженный отдых. Точнее, я ушёл. А старше меня на целых одиннадцать лет Шлаен остался и в спорте, и в профессии. Мало того, продолжая сотрудничать на сайте «Российского стадиона», Михаил Григорьевич продолжил и свой писательский труд. Сначала он выпустил книгу «Годы как птицы» – захватывающие воспоминания о том, что довелось ему пережить, включая время Великой Отечественной войны. Затем последовала книга «Чёрный паук на виноградной лозе» – захватывающая переключка прошлых времён с днём сегодняшним. Привожу пример: «Грустным было это известие из-за океана – умер Мохаммед Али, легендарная личность, порхавший на ринге, как бабочка, а жаливший больно (более полусотни нокаутов), как оса. Мне довелось дважды сталкиваться с этим великим мастером, олимпийским

чемпионом Рима (тогда он выступал под своим настоящим именем — Кассиус Клей) и неоднократным чемпионом мира среди профессионалов. Впервые в Москве, а затем и на Олимпиаде-2000 в Сиднее».

Не многие журналисты в мире могли бы похвастаться воспоминаниями такого масштаба. Но и это ещё не всё. Везунец и любимец Фортуны, Миша заполучил от неё чудную подругу жизни Олю, в девичестве – Приходченко. Талантливая и в высшей степени интересная женщина, она написала трилогию под общим названием «Одесситка» и удостоилась хвалебной рецензии от своего знаменитого земляка Михаила Михайловича Жванецкого. А ещё супруги в тандеме выпустили в высшей степени захватывающий труд под названием «Я и Ты».

Михаил Шлаен, как и положено красноречивцу-наставнику, внимательно следит за моими заметками в соцсетях. И спуску мне не даёт. «Ты, должно быть, имел в виду генерала армии Третьяка, а не Третьякова».

И, как всегда, тёзка, прав.

ЛИДЕР АНАТОЛИЙ КРИЧЕВЦОВ

Анатолий Яковлевич – одному из самых близких и надёжных моих друзей по жизни. Два года мы учились вместе во Львовском высшем военно-политическом училище. Толя был двумя курсами старше меня. Вдобавок командовал своей группой. Так что мы пересекались крайне редко, если не сказать, что и совсем мало знали друг друга. Это при том, что как раз с его курса у меня было больше друзей-приятелей, нежели из курса собственного. А уже в академии мы с Толей учились вместе. И сошлись очень тесно. Организовали мы прикольное общество «Ягорок», куда входили два белоруса – Кричевцов и Гара, трое русских – Андрейцов, Ермилов, Отёкин и один украинец – автор сих строк. Мы как-то чаще друг друга встречались, общались и учились, помогая друг другу. И до сих пор периодически общаемся. За вычетом Толи Гары, которого уже нет с нами.

Дружеская вечеринка завершилась. Анатолий Яковлевич Кричевцов – крайний справа.

Кричевцов по многим жизненным азимутам служил для меня если и не законченным образцом, то хорошим примером точно. Он из породы врождённых лидеров: в учебе, в быту, на работе, на охоте, в отпуске, за границей. Всю жизнь командовал: курсантами, слушате-

лями, гражданскими людьми. Считанные разы могу вспомнить, чтобы он повышал на кого-то голос, выходил из себя. Только побледнеет лицом и гнёт свою линию. И жена Маша у него была такой же – кругом без недостатков. Более примерной супруги среди жен моих многочисленных друзей мне встречать и не приходилось. Разве что Света – супруга Коли Рязанова, однокашника Кричевцова была такой же безупречной. Кстати, все положительные характеристики относятся и к их двум сыновьям Александру и Дмитрию. Воспитанность, как бы фирменная черта Кричевцовых.

...Заночевал я как-то у них, по причине изрядного поклонения Ивашке Хмельницкому. Слышу утром сквозь дрожащий уже сон, как Маша будит мужа:

- Толичка, вставай, не то в академию опоздаешь!

Дружочек мычит что-то нечленораздельное и наотрез отказывается покидать четвероногого друга-кровать. Видя такое дело, женщина пускается на хитрость: достает из холодильника запотевшую бутылку пива и начинает ее переливать на весу в высокую саксонскую кружку (Кричевцовы пять лет служили в Германии). Конечно, я бы уже давно схватил ту кружку, но мне интересно, чем же закончится борьба долга и

похмелья. Побеждает Маша. Толя поднимается, выдувает залпом пиво и, смачно отрыгнув, интересуется:

- Марсик, а почему не спрашиваешь, как мы с Захаром здесь оказались?

- После, Толичка, после обо всём расскажешь! А сейчас одевайся и Мишу буди. Вы же в академию можете опоздать!

Потом я восхищаюсь ангельской кротостью Маши, а Толя кривится:

- Да просто такой человек, моей тут никакой заслуги.

И ещё вспомнилось... При поступлении в академию мы жили в палатках. Бывало, ляжем спать, а Толя Кричевцов начинает вещать всякую чепуху голосом Брежнева. И так достоверно имитировал дружок покойного генсека, что однажды я случайно подслушал разговор двух абитуриентов:

- Ну, пятая палатка точно поступит в полном составе. Они же всю ночь слушают магнитофонные записи Брежнева.

Мы действительно поступили всей палаткой. В радиодифицированных аудиториях академии Кричевцов имел привычку взобраться во время перерыва между лекциями за кафедру и отгачивать свое умение имитировать голос генсека. И однажды был вызван замполитом, который предупредил: еще раз мне донесут о вашем безобразии – из академии уволю.

Толя Кричевцов пришёл в «Красную звезду» уже после того, как я её покинул. А всё равно он – большой кусок моей жизни. Что видно из собственного дневника.

6.08.91, вторник.

Позвонил Толя Кричевцов, один из тех моих друзей, на кого я равняюсь в бытовой жизни. Сейчас дружок работает в окружной газете «На боевом посту». Мы, если так можно выразиться, находимся в одном пэвэошном пространстве. Возможно, и Крича мне завидует в связи с моим назначением главным редактором журнала «Вестник ПВО», но, конечно, не так примитивно, как Гара и Андрейцов. Он глубже и умнее их. Обладает врождённой способностью руководить людьми, чему я только учусь. После Кричевцова разговаривал с другим однокашником по академии Сашей Голдой – ответственным секретарём журнала «Коммунист вооружённых сил». Предложил ему обменяться материалами. Хочу вообще сде-

лать у себя подобную обменную рубрику постоянной. Однако Саня совершенно не воспринял моей новации. Спесивый, гордый и заносчивый малый с того же курса, что и Кричевцов. Но какая разительная разница! Все три года учёбы в академии просидел с патронными пулями в ушах. На самом деле. Все наши коллективные междусобойчики игнорировал, за что получил прозвище «Заочник». Один из немногих (кроме меня), кто читал книги. Но живого ума и стоящей мудрости они ему не принесли. Никогда не хотелось с ним пообщаться, поспорить.

26.07.94, вторник.

Кричевцов просил подсобрать ему в назначении на должность ответственного секретаря редакции «Красной звезды». Чем я отличаюсь от друга Толи Яковлевича? А тем, что действительно поговорю с Володей Чупахиным и предметно втолкую ему: Кричевцов – отличный работник, ценный и нужный кадр. Умеет ладить с людьми и дело знает. Его следует обязательно назначить ответственным секретарём «КЗ». Однако в своё время Толя откровенно посмеялся над моей возможностью возглавить «Красную звезду». А я ему злорадно не отомстил. Молодец Захарчук, что забываешь обиды, но помнишь завет Давида Юма: «Злорадство есть ничем не вызванное желание причинить зло другому лицу, чтобы путём сравнения с собственным положением испытать удовольствие».

21.08.94, воскресенье.

С женой поехали на свадьбу сына Толи Кричевцова. Оказалось, что дружок уготовил для меня тяжкие обязанности тамады. К свадебным экспромтам, равно как и к любому застолью, которым тебе предстоит руководить, следует тщательно готовиться. Но в данном случае мне пришлось действовать, как говорится, с листа. Поэтому «разогревал» публику простенькими, незатейливыми анекдотами.

Привередливая супруга Таня поставила мне по итогам застолья твёрдую «тройку». Полагаю, она слишком придиричива, с учётом того, что я действительно работал экспромтом. И на самом деле, за вычетом деда и бабки со стороны невесты, регулярно мешавших мне веселить свадьбу, всё остальное

прошло на добротном идейно-политическом уровне. Толя Кричевцов теперь мой должник. И как раз он мне выставил отличную оценку.

23.08.94, вторник.

Позвонил Толя Кричевцов. Подумалось: ещё раз дружку захотелось поблагодарить меня за тамадовство. Уж он-то сам многожды руководил застольем, знает, что к чему. Всё оказалось куда неожиданней и трагичней.

- Ты помнишь у нас на свадьбе бабку невесты?

- Ещё бы мне не помнить эту старую стерву! Толя, видит Бог, лишь из-за уважения к тебе и через то, что пил я мало, на Сашкиной свадьбе не случилось вселенского скандала. Эта подлая, молодящаяся бабка невесты, словно, задалась целью вывести меня из себя. Какая гадина! Была бы мужиком – нюх начистил ей всенепрременно!

- Это не родная бабушка невесты – вторая жена дедушки. Она действительно молодится и не самого доброго нрава. Но я сейчас не об этом. В минувшее воскресенье она пошла в магазин, и её машина сбила насмерть...

Мне стало дурно от такой вести. Больше всего, потому что я так зло думал об этой женщине. Господи! Ну ясно же, как дважды два, что это дикая, нелепая, одна на миллион случайность, которыми наша жизнь переполнена. Собственно, вся она, жизнь, из случайностей и состоит. Потому что прав был Пушкин: «Случай – Бог-изобретатель». А всё равно не по себе. И весь день я ходил под гнётом трагической вести.

14.02.95, вторник.

Долго трепались по телефону с Толей Кричевцовым, ставшим «заслуженным дедом Российской Федерации». Сын Саша подарил внука. «Завыдоватьбудэм», как говорил товарищ Сталин. О Володе Чупахине Толя отзывается с нескрываемым восторгом, что для его уравновешенной природы выглядит даже несколько лукаво и предвзято. Откровенно говоря, это неприкрытый месседж в мою сторону. Криче хорошо известны мои товарищеские отношения с Чупахиним. Надеется, что при случае я замолвлю за него доброе слово. И я-таки это сделаю! Вернее, уже вчера сделал. Из секретариата зашёл к главному редактору «Красной звезды» нашему курсо-

вому тихоне Владимиру Леонидовичу Чупахину и открытым текстом призвал однокашника не маяться дурью, а скорее назначать Кричевцова ответственным секретарём газеты. Самое интересное, что мои потуги оказались излишними. Вова уже давно для себя решил этот кадровый вопрос. Только просил меня не разглашать раньше времени его намерений. Как там говорила героиня Ивановой в фильме «Служебный роман»: «Надо спрятать лошадь! – заявила Шура Новосельцеву. – Зачем? Кому она сдалась? – изумился Новосельцев. – Как вы не понимаете, Новосельцев. Важно, чтобы юбиляр не увидел лошадь и не обрадовался раньше времени!» И Кричевцов у меня точно не обрадуется раньше времени. Ещё и потому, что я всю жизнь исповедую железное армейское правило: покуда нет приказа, звездочки на погоны не прикручивать!

14.07.97, понедельник.

Позвонил Толя Кричевцов. Про мою свадьбу он не слышал, и я полагал, что обидится. Ведь у его старшего Саши мы с Татьяной гуляли на свадьбе. Даже тамадить мне пришлось. Ничего подобного. Толя – умница. Возможно, самый рассудительный и спокойный человек из моих друзей. Хотел мне показать земельный участок где-то в том районе, что и дача Якубовича. Разговорились со старым приятелем. Он вскоре увольняется и хочет устроиться где-то на прибыльную работу. Слышал про моего Шварца, не прочь пойти и к нему. Это было бы великолепно, если бы Виктор Ильич нашёл работу для Кричи. Во-первых, мой человек в «гнезде жидовском» (прости меня, Господи, за мой дурной язык!). А, во-вторых, и это самое главное, – Толя прекрасный работник. Мне не стыдно будет перед Шварцем за ручательство. Татьяна говорит, не бери Толю, а то не будешь первым при Шварце. Нет, женщина, у меня много недостатков, но есть и достоинства. И едва ли главное из них – я не боюсь умных людей. Наоборот, питаю к ним слабость. Вот тот же Шварц, или Сладков, или Якубович, ведь наверняка полагают меня таким селюком, возможно даже, добрым, незлобивым малым. Почему и якшаются со мной. Но в глубинах своих еврейских душ все трое уверены, что умнее меня. А я вот так никогда не думаю. Просто уверен, что не глупее их. И потому никому из

них не завидую, не боюсь никакого жидо-масонского заговора. Знаю определённо: там, где прошёл хохол, еврею делать нечего. К белорусу Кричевцову это тоже относится...

ИЗ КРАСНОЗВЁЗДОВСКИХ «КАМЕШКОВ НА ЛАДОНИ»

Общий снимок редакции «Красной звезды» в составе середины 1970-х.

Редактор по отделу писем капитан 1 ранга Владимир Ермолаев докладывает на редколлегии о жуткой обстановке, царящей в одном из воинских коллективов: пьянство, мордобой, взяточничество. Отправить бы туда корреспондента, да вот беда – письмо анонимное. Редактор по отделу партийной жизни полковник Борис Пендюр философски замечает:

- Хэ, да с адресом на руках любой дурак письмо расследует. Вот попробуйте без адреса это сделать.

С Ермолаевым мне позже пришлось поработать ещё и в ТАССе, где он после увольнения был заместителем заведующего Военно-политической редакцией. Близких отношений между нами на наблюдалось. Но и не вздорили, слава Богу.

***

Пробегая по лестнице, коллега здоровается:

- Привет, Пендюр.

Борис Васильевич делает зверское лицо:

- Сам ты – пендюр!

С Борисом Васильевичем мы очень близко сошлись уже после того, как оба сняли погоны. Он работал у моего друга

Вити Светикова, который в своё время служил в партийном отделе «Красной звезды» под началом Пендюра.

***

На редколлегии идет обсуждение вопроса о грядущей сексуальной революции и как на нее реагировать такой специфической газете, как «Красная звезда». Спецкор полковник Михаил Кореневский роняет:

- Это будет первая революция, в которой я личного участия принимать уже не смогу.

***

Главный спрашивает своего любимца начальника пресс-бюро Василия Змитренко:

- А как вы, Василий Миронович, относитесь к сексуальной проблематике?

- Спасибо, Николай Иванович, что вы сочли возможным задать мне такой вопрос.

***

Начало статьи подполковника Юрия Романова: «В мир солдатского сапога-80 меня ввел фронтовик, потерявший руку на Курской дуге». «Юра, – говорю ему, – тебе не кажется, что слова в этой фразе сплошь чужие друг другу, а заодно и смыслу?» Романов внимательно читает написанное: «Да всё здесь нормально!»

***

В загонной полосе стоит коротенькая басня о воробьях. Полковник Виталий Мороз в шутку говорит военному цензору полковнику Б. Куликову, что на самом деле басня эта – о старослужащих. Цензор басню снимает. На всякий случай.

***

В конце каждого года мы в отделе вузов давали сводную полосу объявлений об условиях поступления в военные вузы, их полное название и почтовые адреса. И надо же было такому случиться, чтобы очередная наша полоса попала на глаза отставнику из города Урюпинска (так, я видел ксерокопию письма! - М.З.). Бдительный советский гражданин написал лично начальнику Генерального Штаба Н. Огаркову: «Это что за расхлябанность такая, товарищ Маршал Советского Союза!? Это же получается, что стоит любому американскому

шпиону раскрыть «Красную звезду» и, пожалуйста, – все военные училища у него как на ладони! Безобразие!»

Военное руководство чутко отреагировало на сигнал и спустило распоряжение: впредь любое средство массовой информации может опубликовать только 5 названий военных училищ в одном номере. Если каждый день обнародовать разрешенное число вузов, то за месяц получалось все те же 150 училищ или наша полоса. Но в один день дать, скажем, 8 названий, а на следующий вообще их не упоминать категорически не разрешалось. Между тем мы обязаны были раз в месяц выпускать курсантскую страницу «Азимут». Можете себе представить наши трудности и настроение. Сто раз мы «ставили вопрос» перед руководством газеты и столько же раз получали презрительные щелчки по носам. От дикого произвола страдали и остальные издания. И, наконец, цензура смиловилась, разрешив публиковать в одном номере 25 училищ. Эта дикость длилась лет пять. (Юридически запрет, кажется, до сих пор не снят, просто о нем забыли, как о жутком сне).

Собака примера зарыта вовсе не в моих чувствах и переживаниях (хотя настрадался я от цензурного гнета больше, чем от прочих служебных тягот и невзгод, целое эссе по этому поводу написал). Дело в том, что сколько раз я рассказываю разным уважаемым людям об этих урюпинских бдениях краснозвёздовской военной цензуры, столько раз натываюсь на одну и ту же реакцию. Посмеявшись, мои слушатели начинают искать... логику в этом диком, маразматическом, крестинистическом ограничении!

И тут поневоле вспоминаешь Н. Лескова, который писал о том, что после крымской войны в Петербург приехал один известный английский инженер Б-лей. Как человек любознательный, он купил себе указатель и бегал с ним повсюду, все сравнивая с описанием и делая обо всем заметки. Таким образом, обходя известный «мраморный дворец», он заметил, что в строении этого дворца гораздо более участвует гранит, чем мрамор. Это его смутило. Англичанин заподозрил, что в его гиде непременно опечатка, что дворец, вероятно, называется «гранитный», а не «мраморный». Он рассердился, пере-

менил гид, но и в другом опять стоит дворец «мраморный». Турист окончательно впал в недоумение; он обращался к книгам, к людям за разъяснением затрудняющего его противоречия, и нигде не находил разъяснения.

- Почему же вы не называете этого дворца гранитным? – спросил он, наконец, одного администратора, а администратор, которому англичанин надоел своими доуками, отвечал ему:

- Нельзя этого.

- Но почему нельзя? – добивался англичанин.

- А потому, что это уж так называется, – сказал ему, чтобы отвязаться, администратор.

Англичанин не успокоился. Но вот проходит еще неделя, и вдруг в конце апреля на марсовом поле собираются войска.

- Что это такое? – спрашивает англичанин.

- Майский парад, – отвечают ему.

- Как майский, когда у вас теперь апрель?

- Да уж так, – говорят, – майским это называется.

- Но почему же он не называется апрельским? – А так, не называется и все тут.

Англичанин снова к администратору, а тот категорично:

- Так следует.

Тогда англичанин обратился к обрусевшему соотечественнику. Тот убедился, что их никто не слушает и говорит:

- Видите ли, сэр, в России объяснять – запрещено!

Обрадовался англичанин, ибо хоть какую-то логику увидел.

Так и в приведенном мной примере совершенно отсутствует любая логика, кроме той, что Тютчевым еще сформулирована: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить, у ней особенная стать, в Россию можно только верить».

***

«Ах, Миша, вьющиеся волосы! / Сидит с Татьяной он у стенки / И шепчет самым подлым образом: / Не дам бутылку Перестенко».

Это четверостишие написал мне в блокнот покойный уже Вячеслав Лукашевич. По молодости лет он всячески стремился в поэты, но не получилось. Татьяна Быстрова, Елена Гречко, Ирина Юмашева из отдела писем и Людмила Дедова из секретариата были ближайшими моими подругами. Спустя многие годы первая возглавила отдел писем в газете «Труд», вторая осталась в «Красной звезде». У Юмашевой уже другая фамилия – Палюткина, и она до сих пор работает в газете. А Дедова уехала за границу и о ней я ничего не знаю. Александр Иванович Перестенко, работавший в отделе Беляева, был самый лучший мой партнер по шахматам во всей редакции. И бутылок ему я и впрямь проиграл достаточное количество. Мы дружили до самой его смерти.

***

Краснозвёздовский фельетонист (числилась у нас и такая экзотическая должность!) полковник Александр Дровосеков перед выступлением предупреждает:

- Не буду растекаться мыслью по древу.

Специальный корреспондент полковник Александр Сгибнев:

- Было бы чему растекаться.

Редактор отдела иллюстраций полковник Александр Сергеев добавляет:

- А дерево всегда найдется.

***

Идет обсуждение военно-политического обозрения – фирменного блюда отдела иностранной жизни. Его редактор полковник Анатолий Марков интересуется:

- Ну кто еще желает метнуть гранату в наш огород? Милости прошу.

***

В этом же отделе работал полковник Манки Пономарёв. Как известно, имя другого международного Стуруа – Мэлор сконструировано его родителями из Маркса, Энгельса, Ленина, Октябрьской революции. Нашему Пономареву отец и мать придумали имя от Манифеста коммунистического интернационала. Своей жутко-сердитой дикцией он однажды сооб-

шил на летучке: «Этот международный империализм болтается промеж ног у передового человечества».

***

На редколлегии «задробили» материал отдела Военно-Морского Флота. Его редактор капитан 1 ранга Сергей Быстров в сердцах произносит:

- Да что с них взять, одно бздуньё собралось в редколлегии!

Насчет «бздунья» – это Серега в самую точку попал. Громоздкая и неуклюжая редакционная коллегия «Красной звезд» представляла из себя законченный вариант охранительного коллективного идеологического органа – лучшее изобретение советского партгосноменклатурного синклита. Главная ее цель заключалась в том, чтобы «бдить» против любой крамолы. Поэтому семнадцать полковников из редколлегии были заточены исключительно на эту цель. Осторожные в основном ветераны, соревнуясь друг с другом, выискивали намеки, нюансы, тончайшие писки чего-то веселого, свободолобивого, раскованного. Поэтому ни одного материала редколлегия никогда по определению не могла улучшить – только ухудшить, иной раз до степени дебильной. Единственный человек, который всегда заинтересованно и в целом доброжелательно читал загонные материалы в «Красной звезде», был Николай Иванович Макеев. Что закономерно и правильно: любое издание – это, прежде всего, его главный редактор, которому на фиг нужна редколлегия. Сам я был главным редактором, поэтому знаю, что говорю.

***

Работая в отделе вузов, я часто захаживал в отдел пропаганды, где трудились мои товарищи майоры Вячеслав Житников и Игорь Тарасевич. Оба они откровенно недолюбливали своего занудистого заместителя редактора по отделу капитана 1 ранга Анатолия Позднякова и, по правде говоря, не без оснований. Слегка наклоняя голову вправо, он мелкими, быстрыми шажками, как всегда, врывается в комнату, нарушая наш мирный треп. Однажды я поднялся ему навстречу и с перекошенным гневным лицом, глядя на Позднякова немигающим взором, грозно его спросил:

- Вы почему **э т о** себе позволяете?

- Что «э т о» позволяю? – опешив, интересуется Анатолий Павлович.

- А то, – жутко ехидно, издевательски и вдобавок агрессивно продолжаю я, – что ведете вы себя как глупый мальчишка, а не как руководитель центральной военной газеты!

- Позвольте, позвольте...

- Нет, не позволю! И хотя бы имейте мужество выслушать всю правду о себе. Я вам не эти два подхалима, которые смотрят в ваш рот, потому что откровенно счат сказать всю правду «любимому начальнику», а я ее скажу вам прямо в глаза!

- Да вы что себе позволяете?! – красный, как рак, Поздняков срывается на фальцет и начинает размахивать руками.

- А то и позволяю, – продолжаю я греметь, – что называю вещи своими именами, как и подобает, между прочим, офицеру и коммунисту! Вот вы-то как раз забыли о своем партийном и офицерском долге! Так я вам о нем напомню! Не сомневайтесь! И не надо в меня метать грома и молнии своим сердитым взглядом! Мне наплевать и растереть на ваше недовольство! Я где угодно скажу, что вы поступаете преступно!

- Вот что, вы – хам и нахал! Как старший по званию я вам приказываю прекратить это безобразие и замолчать!

- Ах, как вы меня испугали, как испугали! Прямо поджилки у меня задрожали! Повторяю и буду повторять: вы поступаете вздорно, преступно, не жалея себя, своего здоровья, вкалывая на отдел за двоих, да что там – за троих вкалываете! Потому что я вижу, как вы и за этих двух лодырей трудитесь. Кто вам, я спрашиваю, кто дал право так надрываться на работе? Предупреждаю вас: если это безобразие и дальше будет продолжаться, я ни перед чем не остановлюсь! Я пойду в партком, к главному, в ГалвПУР напишу о том, что вы себя не щадите! А ведь вы же нужны газете, нам всем нужны!

Поздняков на глазах тает. Его мясистое лицо расплывается в блаженной улыбке и он примирительно произносит:

- Уф, как вы меня покритиковали!

- А вы думали! – итожу я. Житников с Тарасевичем тихо сползли под столы от беззвучного хохота.

Слава Житников – шпак. Он закончил Ташкентский университет. В академии мы пару лет учились вместе, жили на одном коридоре, сдружились семьями. Его Валентина и моя Татьяна тоже симпатизировали друг другу. До сих пор мы поддерживаем спорадические связи. И вдруг звонит: «Миша, завтра мы хороним Валю». Его жена, Валя, – моя ровесница. И ее уже нет...

Игорь Тарасевич – мой однокашник по Львовскому политехническому институту. Его отец служил начальником охраны кандидата в члены Политбюро, первого секретаря ЦК Узбекистана Рашида Рашидова. Поэтому как элитный отпрыск, Игорь не мог не то, что дружить, но даже общаться с такими как я мужичками от сохи. Тем более, что учился на три курса старше. В компании Тарасевича поэтому был сын генерал-полковника Вотинцева – Владимир, сын ответственного секретаря «Красной звезды» Вячеслав Крысов. Эта троица вела себя в политической кузнице довольно вольготно. Они регулярно «пьянствовали водку», «нарушали всяческие безобразия» и совершенно были не приспособлены к журналистскому, что бы там ни говорили, все же довольно тяжкому труду. Поэтому я совершенно не понимаю, каким образом тот же Игорь Тарасевич попал в «Красную звезду». Мне было откровенно жаль Игоря, потому что как человек он очень хороший. Но безвольный в плане спиртного. Ну, все, думал я с грустью: пропадет человек. И вдруг встречаю его на одной из столичных тусовок! Поздравь, говорит, через два дня меня рукоположат. Тарасевич – священник! Кто его знает, согласится: это очень круто!

На курсе Игоря учился Евгений Буркун. Естественно, в курсантские годы мы никак с ним не общались по причине, о которой мне уже и лишней раз вспоминать неохота – так много я о ней рассуждал. А сошлись с Женей уже в полковничьих званиях, когда он трудился в отделе культуры журнала «Советский воин». Много я писал для него, мы не раз причащались, и я откровенно ему говорил: «Как жаль, Женя,

что жизнь нас с тобой не свела раньше». Мы и нынче с Буркуном в отличных отношениях.

***

В образовавшейся вдруг паузе по подготовке очередного выпуска газеты Олег Баронов вдруг ни с того ни с сего вспоминает: «Только что сыпанул в борщ перцу, так от борща можно было прикуривать.

***

Он же дешевое вино именовал: плодово-выгодное.

***

Редактор по отделу спорта полковник Олег Вихрев, проинструктировав своего гражданского сотрудника Валерия Раджабли, итожит:

- Свободен, как сопля в полете!

***

Ответственный секретарь капитан 1 ранга Алексей Крысов спрашивает своего подчиненного подполковник Хариса Абдулова:

- Это тот отдел, которому все в редакции мешают работать?

Он же мне однажды сказал: "Я почти не встречал таких людей, которые хотели казаться именно тем, что они из себя представляли. Человек обязательно себя завышает и это не самый его большой грех».

***

Упоминаемый уже Александр Андреевич Сгибнев писал даже не розовые – алые материалы о советских вооруженных силах. А по жизни был юморным мужиком. Зная о моей записной книжке, однажды на летучке, от нечего делать, оставил там аттестацию на среднестатистического советского офицера, которая, несмотря на свою гротескную гиперболичность, очень реалистична: «Старший лейтенант Пупкин военную службу любит, так как больше ни к чему в жизни неспособен. Систематически работает над устранением вновь выявленных недостатков, которых допускает все больше и больше. Военную форму уважает и аккуратно донашивает до ниток. Периодически работает над изучением новой техники, потому что старой не знает. Уделяет много внимание изучению ино-

странных армий, но штатным подразделением командует не твердо. Старые уставы забыл, новые изучает, но запоминает с трудом. Знает топографию, хорошо разбирается в картах – битый мизер ловит без записи. Усердно изучает иностранные языки, хотя русские газеты читает по слогам. Пьет с отвращением, зато помногу. Отмечавшиеся ранее факты распущенности в половой жизни, ввиду неспособности к последней в настоящее время, – изжил полностью. Склонен к карьеризму. В должности командира взвода – десять лет. Терпелив и усидчив, особенно в гостях и в туалете. Уважает юмор, часто улыбается во сне. Умеет постоять за себя и полежать за товарища. По характеру груб, но только с подчиненными. Физически развит, может стоять на лыжах в тихую, безветренную погоду. Здоров, но мучается склерозом: забывает ходить на службу. Зрение хорошее: в ведомости расписывается без очков. Военную тайну хранить умеет, так как никогда ее не знал и знать не желает. Идеологически выдержан – на семинарах всегда умно молчит. Со старшими не пререкается из-за лени говорить.

Вывод: Занимаемой должности соответствует, но так, как за долгую службу совершенно отупел, целесообразно все-таки уволить в народное хозяйство».

***

С режиссером Центрального телевидения Евгением Хохловым выходим из редакционной столовой. Вижу вдали по коридору идет хорошо знакомая мне сотрудница. Что называется, на мягких лапах, совершенно бесшумно подбегаю к ней сзади, нежно так обнимаю и... пардон, опять же нежно беру ее за груди. Она испуганно поворачивает голову, и наступает мой черед испуга: эту женщину я впервые в жизни вижу! Обознался.

- Извините, ради всех святых, – лепечу я, а она, улыбаясь, отвечает, - Да ничего, ничего».

Врубившийся в ситуацию Женя Хохлов убегает, зажав рот ладонью.

***

Работник Главпура некий полковник Лядов был нашим военкором и подписывал свои примитивные опусы «Бор. Ля-

дов». Потом он зачастил в редакцию и, будучи жутко похотливым, соблазнил одну из наших сотрудниц. Об этом стало известно Макееву. Рассердившийся главный очередной материал главпуровца подписал собственноручно: «Б. Лядов».

***

Полковник Николай Калмыков написал воскресную передовую статью и озаглавил ее «Честь офицера». Так называемый «флаг номера» в «Красной звезде» всегда обсуждался самым тщательным образом. Тот раз исключением не был. Члены редколлегии накидали Николаю столько замечаний, что когда все они были собраны и отпечатаны, выяснилось: помимо написанной статьи, материала хватает еще на... четыре передовых! Растерянный Калмыком пошел к дежурному редактору: «Как мне быть?» Тот посмотрел в точнячок и сказал: «Учтите правку главного, Халтурина и Шумихина. Мою и прочих членов редколлегии можете проигнорировать». Узнавший об этом Виталий Мороз смеялся до упаду:

- Ну, и дурак, ну и дурак, – причитал он, заливаясь смехом, – нашел, о чем писать: о чести офицера. Да они все по три раза переженились! Вот я пишу: «Соревнование и штаб». И ни одного замечания не имею, потому что ни в соревновании, ни в штабной работе все они – ни бельмеса!

Мороз отчасти был прав. Тот же Иван Сидельников, многие другие члены редколлегии, да и наш главный, действительно не раз женились и в самом деле сильным знанием сермяжной армейской жизни не отличались...

КОГОРТА ИЗ ЛВВПУ-1973

В год столетия «Красной звезды» мужики из нашего курса отметил полувековой юбилей с той поры, как мы, курсанты факультета журналистики Львовского высшего военно-политического училища, стали офицерами. Наверное, летом того далёкого уже теперь – 1973 года кто-то из нас и мечтал попасть в главную военную газету Советского Союза, как автор этих строк. Но, полагаю, таких энтузиастов тогда наблюдалось немного. Все мы знали, как это непросто стать краснозвёздовцем. Вот более чем примечательная статистика на сей

счёт. С курса на три года старше нашего лишь один Владимир Гавриленко попал в «Красную звезду». Курс на два года старше дал газете Александра Пилипчука и Анатолия Кричевцова. Курс старше нашего на год пополнил редакцию лишь Владимиром Каушанским. Из выпускников 1973 года 8 (восемь!) человек в разное время трудились в этой славной газете: Анатолий Боровков, Иван Есютин, Михаил Захарчук, Иван Косенко, Виталий Лаптев, Владимир Никаноров, Олег Фаличев, Владимир Чупахин. Такая численность если и не рекорд (говорят «олимпийский» курс 1980 года наш превзошёл), то для меня, во всяком случае, прекрасный повод рассказать о каждом из своих боевых побратимов, которые сумели украсить свою офицерскую и журналистскую биографию службой в главной военной газете страны. Что бы кто ни говорил, но это определённая доблесть и безусловная удача каждого из нас.

ЕЛЕЦКИЙ БОРОВКОВ

Полковник в отставке Анатолий Викторович Боровков

Анатолий Викторович Боровков

– мой однокашник по Львовскому высшему военно-политическому училищу. На сегодняшний день единственный львовский краснозвёздoveц, ушедший в мир иной.

...Мы познакомились ещё на вступительных экзаменах: Вадим Буртовой, Анатолий Боровков и я. Держались друг друга, что твои герои Ремарка. Однако Буртового на приемном решете все же потеряли, как ни старались помогать парню. С Боровковым все четыре года потом я дружил по-настоящему крепко и даже самоотверженно, несмотря на то,

что учился он во второй – параллельной группе.

Толя Родом из русского города Ельца, где его до конца учебы ждала школьная любовь – Света. У ребят были настоящие чувства. В этом смысле я Толику даже хорошо так завидовал. Еще дружочек мой писал стихи, не очень, правда, могучие. Во всяком случае, на мой восторг, тем более на зависть, они определенно не тянули. Тем не менее, одно стихотворение Боровкова: «Атака – лучшая судьба» – я пронес с собой через всю жизнь. Как бывает, запоминаешь простенький мотив незамысловатой песни, который можешь вспомнить вдруг – ни с сего, ни с того: «Туман над нами зябко стынет,/ Мы в наступленье, и пока/ Нам надо взять высотку «Дыня» –/ Задача нашего полка./ Мы ждем атаки. Тихо ку-рим,/ В рукав шинели пряча дым./ Сейчас – вперед./ Пока не трудно./ Но дальше будет столько «Дынь».../ Больших и малых, каменистых,/ Простых и сложных, как удар,/ И мы лишь крепче зубы стиснем,/ Глаза сощурим и – «ура!»/ И, кровь из носа! – завоюем высоты жизненных атак.../ А «Дыня» ждет, а «Дыня» чует,/ Что мы внизу не просто так.../ Нам времени немного дали./ Атака – лучшая судьба!/ Ведь, атакуя, побеждаем/ Главнейшее – самих себя».

Дружба наша с Толей на финише курсантского марафона внезапно подверглась чрезвычайно серьезному испытанию. Заключение двухмесячную стажировку я проходил вместе с Виктором Харченко в газете «Защитник Родины» Одесского военного округа. Без ложной скромности скажу, что зарекомендовал я там себя очень и очень пристойно: написал кучу всяких материалов; заработал около полутора тысяч рублей – деньги по тем временам совершенно немыслимые, и крепко запал в душу женской половине творческого коллектива. Мужская половина тоже осталась мною довольна. Во всяком случае первые перья редакции: Марк Виленский, Федор Черняев, Алексей Абрамов, Владимир Щелев, Николай Петров, Петр Ефимов и Валерий Воронин пошли к редактору Николаю Сердюкову и попросили, чтобы он отправил в училище ходатайство: прислать по выпуску лейтенанта Захарчука в газету «Защитник Родины». Осторожный Николай Ивано-

вич такую бумагу действительно отправил во Львов, но... без указания моей фамилии.

Впрочем, я не шибко переживал из-за редакторской осторожности, поскольку соперников на эту конкретную окружную газету не имел. Он неожиданно, как черт из табакерки, появился буквально в день нашего распределения. И стал им летчик-испытатель, Герой Советского Союза, командир авиационной эскадрильи, участник высокоширотной арктической воздушной экспедиции «Север-2» гвардии капитан Виктор Дмитриевич Боровков – отец моего друга. Он пришел на государственную распределительную комиссию, запакотанный весь в медалях и орденах. Шутка ли, почётный гражданин Шуи был награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны 1-й степени, тремя орденами Красной звезды и десятком медалей.

- Отправьте моего Толика, – вежливо попросил членов комиссии, – елико возможно, в Одессу. У него больные ноги, а морская вода, возможно, улучшит состояние сына.

Члены комиссии, естественно, пошли навстречу Герою. Толя потом божился и клялся мне, что отец, боевой летчик, «совершил маневр» без его участия. Вполне возможно, и даже наверняка, что так оно и было. Во всяком случае, если бы Толя меня попросил уступить ему Одессу, я бы, видит Бог, сделал это, не колеблясь: ноги у дружка действительно побаливали. А наши с ним отношения были почти что братскими. Но, с другой стороны, возле Баку, куда меня в итоге направили, тоже ведь плескались морские каспийские волны, однако, отец и сын их почему-то проманкировали, что не укрепляло моего оптимизма в отношении нашей дружбы. Расстались мы с Толиком, тем не менее, по-хорошему – хватило ума у обоих не зацикливаться на досадном случае.

Много лет спустя после училища мы с Боровковым несколько лет вместе проработали в газете «Красная звезда». Он был постоянным корреспондентом по Северо-Кавказскому военному округу. В передовиках никогда не числился, поскольку исповедовал обыденную житейскую мудрость: неделя позора в год (на совещании постокорров) стоит остальной сладкой жизни вне любимого коллектива.

Несколько раз я навещал Толю в Ростове-на-Дону. Лишь там познакомился со Светланой. Она мужественно растила двух детей, и жаловалась мне, что Толик не очень-то хороший помощник в семейных делах. На эту тему мы с дружкой переговорили много и были единодушны в том, что нашим женам выпала совсем нелегка судьба – быть спутницами людей, как правило, самодовольных, амбициозных, для которых профессия всегда на первом месте, а «атака – лучшая судьба». Правда, об «одесском чейндже» разговора мы никогда не затевали.

Уволившись в запас, Толя остался на ПМЖ в Ростове-на-Дону. Схоронил свою Свету. После её смерти мы некоторое время поддерживали связь в соцсетях, но как-то вяло и без энтузиазма. Что-то такое незримое, неосязаемое и необъяснимое словно витало вокруг нас. Или мне только так казалось. Многие для меня в этом смысле прояснили воспоминания младшего моего товарища Геннадия Алёхина, из которых, собственно, я и узнал о кончине друга.

«Толя всегда старался помочь людям: друзьям, сослуживцам, просто малознакомым. В свое время очень помог мне. Никогда не забуду, как осенью 92-го я вновь оказался в Ростове, прибыв из Забайкалья. Несколько месяцев находился за штатом. Боровков настоятельно продал меня в штат. Он убедил тогдашнего редактора газеты полковника Валерия Бунина, своего однокурсника по училищу, что «из Алёхина будет толк». Часто приезжал ко мне во Владикавказ во время первой чеченской войны. Вдвоем мы коротали время в моей холостяцкой обители, что располагалась на осетинской слободке. Мне с ним всегда было интересно. И в творческих беседах, и в футболе, и в застольных компаниях. Толя, правда, не был кругом белым и пушистым. И мужским слабостям был подвержен. Все мы по этой части не безгрешны. Вполне возможно, что и любовь к традиционным русским напиткам сократили его годы. Не знаю, и судить не берусь. Но что знаю точно: Боровков был добрым, настоящим мужиком. Светлая ему память! Прощай, Толя! Всегда буду помнить тебя!»

С досадой и даже болью разделяю воспоминания Генки.

АКТИВИСТ ЕСЮТИН

Хоть курсант Иван Есютин учился в параллельной группе, но мы с ним крепко дружили в училище, ничем не омрачили своих отношений и после. Ваня слыл среди нас человеком с повышенной общественной активностью. Всегда выступал с горячими и пламенными речами на всех собраниях. Но и в профессии «не пас задних». Кроме меня, лишь Есютин публиковался в курсантской странице «Азимут» газеты «Красная звезда».

Все четыре года учёбы мы с ним занимались в литературной студии при редакции газеты Прикарпатского военного округа «Слава Родины». При всём том Ваня отличался поразительной бесконфликтностью. Встречаясь с однокашниками, мы всегда вспоминаем наперебой и хорошее, и плохое из курсантских будней. Не помню случая, чтобы о Есютине кто-нибудь хоть слово недоброе молвил. Это тем более удивительно, что, повторюсь, тихушником, мямлей он никогда не

Курсант Есютин (крайний слева) всегда был во взаимодействии с замполитом факультета журналистики подполковником Кузнецовым.

был, наоборот, везде проявлял комсомольскую, затем партийную активность. Но вот, поди ж ты, умея работать по жизни локтями, никого при этом не задевал. Умение, если вдуматься, дорогого стоит.

Наш преподаватель по русской классической литературе Роман Давыдович Цивин написал нам на прощанье в «Атаке»: «Когда сегодня я думаю о нынешнем выпуске курсантов-журналистов, то он мне представляется по-особому неповторимо, волнительно и близко. С ним – образца 1969 - 1973 годов – связан мой дебют в вузе, защита диссертации. И самое главное – литературное единомыслие, если так можно выразиться, возникшее на лекциях и закреплявшееся на занятиях в литературной студии.

Перед глазами – неистовый в своих суждениях, и в стихах Юрий Попов; элегантный Владимир Коржавых с его любимым словечком «отменно», к счастью, верным ему и в учебе, и в труде; румяный и не по-юношески рассудительный очеркист Михаил Захарчук; неистошимый, упрямый новеллист Валерий Глезденев. Не могу забыть, как читал на некрасовском вечере стихи поэта Иван Есютин: мягко, лирично, с неподдельным чувством. Названы всего лишь «представители», а ведь пишут все, наверняка, каждый молодой лейтенант в душе поэт, критик, публицист, обязательно – АВТОР».

А вот дневниковая запись Виталия Лаптева: «4 ноября. Началась тренировка к параду. Непейвода приказал первой шеренгешить лычки старших сержантов, а правофланговым – ефрейторские. Все доводят по этому поводу до белого каления Никанорова. Дескать, наконец, он дослужился до такого высокого воинского звания. Ваня Есютин потерял ключи от ружейного парка. Был очень круто облян начальством, но ключи нашлись сами собой. Везунец Ваня».

С учетом всего сказанного, я был искренне удивлен поведением Есютина на нашей встрече, посвященной 30-летию со дня выпуска. И дело было даже вовсе не в том, что Ваня вдруг ни с того ни с сего начал «тянуть на себя одеяло компании». К этому-то как раз я привык за долгие годы своего тамадовства. Поразило другое: получив слово, наш однокашник вдруг заявил, что все эти наши «сопливые ветеранские

воспоминания» – муть и чушь голубая. Нам, дескать, надо смотреть в будущее.

Ну, да, раз в тридцать лет собрались, и давай строить прожекты, как нам обустроить СНГ, Россию и собственные пенсионерские судьбы. Слава Богу, эта «детская болезнь левизны» никого больше не затронула – серьезных ребят оказалось подавляющее большинство. И Ваня Есютин вынужден был убедиться, что «Борис, ты не прав».

В «Красной звезде» мне Ваня ничем не запомнился. Хотя при его, безусловно, недюжинном творческом потенциале мог бы определённо стоять в шеренге лучших краснозвёздских перьев. Но у парня, судя по всему, наблюдались несколько иные соображения ума относительно профессии и службы. Ваня успел поработать в пресс-центре Министерства обороны.

Потом «пробил» себе службу в ГСВГ. Николай Рязанов, старше нас на два курса, рассказывал мне: «Есютин через пару дней после прибытия в группу, потребовал от меня устроить его супругу на работу. Я говорю ему: «Ваня, я уже второй год здесь служу, но ещё не определил Свету на работу. Надо и тебе подождать». А он так серьёзно отвечает: «Извини, Коля, но мне ждать некогда».

После ГСВГ Есютин перевёлся в Министерство внутренних дел. Работал в газете «Щит и меч» заместителем главного редактора. Организовал частное издательство. Говорю же, деятельный и пробивной малый. К слову, после того памятного выступления на 30-летию выпуска, Ваня больше ни на одном из наших собраний не присутствовал. Это не в осуждение ему сказано – так штрих. Ведь я и сам в последние годы не бываю на наших междусобойчиках. Живу вдали от столицы, вообще во Владимирской области. А Ваня обитает, кажись, под Звенигородом. Покойный наш однокашник Володя Чилигин, долгие годы боровшийся с раковой болезнью, рассказывал мне: «Какой замечательный человек наш Есютин. Я в Израиль летаю по несколько раз на год. И всякий раз Ваня даёт мне ключи от своей московской квартиры».

Тоже штрих, согласитесь...

СТРАННЫЙ КОСЕНКО

Из того же дневника Виталия Лаптева: «25 апреля. Свадьба у Ивана Косенко. Возвращаясь с неё, Родин, Бунин и Ткачев перепрыгнули через забор у санчасти. Нарвались на её начальника подполковника Лукомского. Тот их «загипнотизировал» и завел в санчасть. Ребята, как водится, представились КПровцами. Лукомский вызвал дежурного по КПру и попутно обозвал Родина «сволочью». «Сволочь» ответила: «А ты – коновал». Разгневанный Лукомский на минуту вышел. Парни открыли окно его кабинета и выпрыгнули.

3 мая. Все училище было выстроено для опознания. Лукомский лично всех нас обошел. Опознал Родина и отправил его к Непейводе. Полковник старшину простил».

Курсант Иван Косенко – вкусна затяжка сигаретой на коротком привале.

Вернусь, однако, к Косенко, который в числе немногих женился ещё на курсантской скамье. Учился Ваня довольно посредственно, хотя в профессии успевал хорошо. По выпуску поехал служить в газету «На боевом посту» Забайкальского военного округа, где весьма неплохо зарекомендовал себя,

как энергичный и работающий журналист. Тамошний ответственный редактор, начинавший свой рабочий день тем, что обходил всех своих сотрудников и задавал им один и тот же вопрос: «Что вы сделали для того, чтобы уехать из Забайкалья?», – предоставил парню возможность поступать в Военно-политическую академию на редакторский факультет. Мы вместе приехали в Кубинку сдавать экзамены. Ваня как узнал, что среди нас будет конкурс почти по два человека на место, так сразу и скис.

- Нет, Захар, – говорил мне с тоской и обреченностью, – я как тот Левченко из телефильма "Место встречи изменить нельзя" - второй раз в жизни вступительные экзамены не выдержу!

Честно говоря, я думал, что он шутит. Ан, нет. На втором испытании по тактике Косенко почти демонстративно отказался отвечать. Так и заявил принимающему экзамен преподавателю: «По первому и по второму вопросу я – ни в зуб ногой. По третьему что-то, конечно, проямлю, но какой смысл?». Полковник-экзаменатор растерялся. Но поскольку честность абитуриента ему понравилась, вышел из аудитории и вернулся с нашим начальником отделения полковником Анатолием Григорьевичем Утыльевым. И два седеющих полковника стали уговаривать сумасбродного Косенко не делать глупостей, а собраться и отвечать на вопросы билета. Только Ваня был неумолим. Мне, наблюдавшему всю эту диковинную мизансцену, сказал впоследствии: «Захар, у меня сейчас массово поспевают грибы, а я буду тут нервы себе портить». Уехал в Забайкальский округ, славящийся дикими природными условиями, из которого, тем не менее, организованной замены не наблюдалось. То есть, попал в него и всю службу мог там протрубить. Однако Ваня писал в «Красную звезду» и со временем его взяли в штат. Продержался Косенко в редакции недолго. Когда организовали газету «Сын Отечества», Ваню туда и «сплавили».

Увы, строптивец и в новом коллективе тоже не прижился. Главный редактор Николай Ефимов Ваню с треском уволил. И он попросился ко мне в журнал «Вестник противовоздушной обороны». Даже не раздумывая, я взялся за оформле-

ние однокашника, с которым мы учились в одной группе. Однако перед тем, как отправить документы в кадры, решил всё же побеседовать с Косенко. Он пришёл в мой кабинет, сел напротив, закинул ногу на ногу и... стал меня учить, как надо правильно руководить людьми, что важно и что второстепенно в отношении с ними, как строить творческую редакционную политику! Собрав в кулак всю волю, а также памятуя то сермяжное обстоятельство, что мы с Ваней всё же четыре года хлебали из одного котелка, я постарался как-то сгладить неловкость ситуации, в которую напролом пёр дружок со своей примитивной непосредственностью. А он под занавес разговора поднимается и заявляет: «Только ты учти, Захар, я «твоим человеком» никогда не буду. Я буду – Иваном Косенко!» - «Ваня, – так и на здоровье, дорогуша!», – сказал я ему, как тот киношный кавказец, вручавший шашлык Шурику. На том и расстались.

Разумеется, никуда документы я так и не отправил. Ваня, конечно, обиделся, уволился из армии и куда-то исчез. Появился он на 60-летие нашего училища, которое выпускники разных лет отмечали в Центральном Академическом Театре Российской Армии. Мы обнялись, много выпили и простили друг другу все обиды. Косенко уехал в одну из северных областей (запомнювал в какую...) фермерствовать. Так мне, во всяком случае, сказал. А на следующей нашей встрече прочитал мне такие глубокие и пронзительные стихи, что я чуть не прослезился. Еще и потому, что раньше Ваня, как и я, никогда не занимался версификаторством. Или если делал это, то в совершенной тайне. Мне ещё добавил, что насчет фермерства солгал. На самом деле, он живёт в Ростове-на-Дону. С Вани станется...

БЕЗУПРЕЧНЫЙ ЛАПТЕВ

Есть люди по рождению отличники. Виталий Лаптев из их немногочисленного племени. Во Львовском высшем военно-политическом училище он всегда и во всём был как бы штатной совестью нашего отличного отделения, группы и курса. С равным и почти лютым прилежанием Виталик учил

всё, что нам преподавали, даже не допуская проблеска крамольной мысли о том, что, скажем, защита от оружия массового поражения никому на фиг не нужна. (Этот предмет, кстати, нам преподавал полковник Антощенко. Не помню его имени, отчества, но отлично знаю, что лет пятнадцать этот офицер-разведчик ГРУ прослужил в ФРГ нелегалом и поэтому, когда выходил из себя, перемежал русскую брань немецкой. Т.е. у него был комплекс радистки Кэт наоборот).

Выпускники Львовского ВВПУ – Виталий Лаптев (слева) и Виктор Светиков.

нарушив воинской дисциплины. Ни в чем и никогда! Виталик вёл себя настолько образцово-показательно, что это порой выводило меня, грешного разгильдяя, из себя. Хотелось или набить ему морду, или чем-то таким навредить, чтобы он тоже стал нормальным, как все остальные, курсантом. Не получилось. Причем, Виталик не обладал даже особо сильной, тем более исключительной памятью. Просто всего добивался железной усидчивостью, потрясающим трудолюбием и апостольским терпением.

Именно Лаптев дружил с самым большим разгильдяем и пофигистом в нашей группе Витей Коптиловым, увы, уже покойным. Последний – круглый сирота – вырос при полковом оркестре и был избалован той особой формой армейского воспитания, при которой хитрость и увиливание от любого вида труда, от порядочных поступков считается доблестью. Высокий, как каланча, Коптилов представлял для Лаптева

Крепкий физически, смуглый, подслеповатый и постоянно мающийся желудочными болезнями, Виталий Лаптев за время учебы не получил ни единой четверки, не говоря уже о тройках – только отличные оценки. Училище закончил с золотой медалью, при этом ни разу не

того самого малыша «Мамочку» из кинофильма «Республика ШКИД», которого следовало нежно любить и отдавать ему самые сладкие куски. Что Лаптев и делал буквально. Часто наблюдая его и своего друга Верховода, обладающего невероятной, просто-таки фантастической цепкостью ума, я мистически думал о том, что если бы природа их каким-то образом скрестила, получился бы гениальный человек.

Мы с Лаптевым никогда не были близки в училище, хоть и жили некоторое время в одной комнате. После выпуска вообще разошлись, как в море корабли. И даже, когда вместе служили в «Красной звезде», никогда душевно не общались, только здоровались. Как творческая личность Виталий в редакции никак себя не проявил. Да в иностранном отделе это и невозможно было. Володя Никаноров в книге «Мы служили в этой газете» озаглавил свои воспоминания «Этот странный отдел иностранный». Действительно странный и, я бы добавил, никому не нужный. Главная продукция, выходящая из того отдела – обзоры по плотным тассовским листам. Ничего более существенного сотрудники не писали. А своих собкоров за рубежом, как, скажем, «Известия» и «Правда», «Звёздочка» не имела. В группах войск они присутствовали, но без аккредитации в своих странах. С учётом всех этих обстоятельств, Лаптев, конечно же, добросовестно выполнял свои краснозвёздовские обязанности. По-иному он просто не может. Но параллельно писал научную работу. И не по самой в те времена распространённой партийно-политической тематике, а по... суициду. Благополучно защитил диссертацию.

Нынче я пересмотрел свои курсантские фотографии и еле надыбал парочку, где есть Виталик. Парень почти не делал с нами свой досуг. Прежде всего, потому, что всегда просиживал либо в библиотеке, либо в читальном зале. А когда освобождался от «разгрызания гранита наук», спешил домой к жене и ребёнку. Он был один из наших пионеров, связавших себя узами Гименея ещё до курсантской скамьи. Кстати,

с женой его – Ниной – я давно дружу в соцсетях. Но Виталик через неё хоть бы раз когда, как говорится, черкнул мне пару строк. Ну и я отвечаю тем же. Как-то Нинок прислала мне фотографию со своего многочисленного семейства. Как оказалось, самого многочисленного из всего нашего курса. А уже на упоминаемом 30-летию со дня выпуска из ЛВВПУ, Лаптев в который раз меня удивил, зачитав вдруг выдержки из своего курсантского дневника. До сих пор мне казалось, что только я один придурок такой, который каждодневно фиксирует окружающее нас бытие. Оказалось, что Лаптев тоже страдает подобным «недостатком». Вот лишь некоторые, очень точные и колоритные его наблюдения в продолжение одного курсантского года.

«26 февраля 1971 года. Чистили с Васей Бейдиным снег не территории, будучи или находясь, в увольнении. Попросил Керн, а ему мы отказывать не смогли бы при всем желании.

27 февраля. На занятиях по химдыму (оружие массового поражения – М.З.) подполковник Черников удивился: «Как, вы не видели напалм? Да попросите полковника Антощенко, он вам полбочки сварит».

На занятиях по автоделу подполковник Ульянов говорит: «Смотрите, Дмитрюк, для вас показываю, где располагается маслозаливная горловина».

- Я вижу, вижу, товарищ подполковник.

- Вы, никак ухом видите? Хотя бы морду лица сюда повернули!».

15 апреля. В переплет попали Миша Захарчук и Паша Дмитрюк. Во время их смены на посту кто-то продырявил штык-ножом радиатор передвижной электросварки. Обоих вызывал на ковер Непейвода. Ребята поотпирались, потом признали свою вину. После этого начальник училища приказал устроить выставку курсантских злодеяний на посту. Главными экспонатами были пробитые водосточные трубы, электросварка и ... курсант Захарчук.

7 мая. Сдавали экзамен по материальной части военных автомобилей. Саша Гузеев завалился полностью: не смог показать на макете двигателя сцепление и коленвал. Так не знать технику надо очень сильно исхитриться.

8 мая. Вместо обещанного увольнения, командиры устроили нам внеплановый субботник. Петя Грень (секретарь партячейки – М.З.) проводил партийное влияние, лежа на траве.

17 мая. Занятие по немецкому языку. Абсолютно не готов. У других положение было не лучшим. Родин пытался заболтать Софью Михайловну. Достал книгу о правилах хорошего тона и усиленно её нахваливал. Ничего не вышло. Софа, оказывается, книгу эту уже давно читала.

18 мая. Начальнику училища Новиков учредил конкурс учебных групп на лучший внешний вид и строевую выправку. Победителям – поездка в Карпаты или на Глинну Наварию на училищном автобусе на трое суток. Нашей боевой первой группе приз этот явно не грозит.

2 июня. На курсе повальное увлечение спорами, пари, соревнованиями. Фаличев заявил, что он, Зубцов и Михайлов обыграют любую тройку на курсе. Захар (моё прозвище – М.З.) вызвал на бильярдный бой Верховода. Хитрый Зубцов предложил Коптилову посоревноваться в знаниях правил дорожного движения. Конечно, выиграл первый. Целых пять бутылок кефира выиграл. Зубцов никогда не спорит, если не уверен в положительном для себя исходе на 100 процентов.

3 сентября. Сегодня лаборантка из кабинета истории КПСС заявила, что журналисты – ужасно разболтанный народ. Слушать это было неприятно.

4 сентября. Валера Бунин балдеет от удовольствия. Мы изучаем великого писателя, первого русского лауреата Нобелевской премии по литературе Бунина. При этом наш Валера предусмотрительно заявил, что не отвечает за своего «предка».

5 сентября. С Сергеем Павловым весь вечер стелили паркет на улице Газетной (там Лаптев снимал квартиру – М.З.). Вдвоем дела у нас пошли веселее – Серега не очень утруждал себя подгонкой дощечек. Поэтому старуха-хозяйка на следующий день ныла, что сработали мы плохо. В самом деле – не лучшим образом.

6 сентября. Дежурным по факультету был Женя Москаль, дневальными – первокурсники. Когда Родин потом поощрил Москаля перед строем, кто-то из ребят сказал: «Зае...ал молодых, ребята еле на ногах стоят». Родин подумал, что скабрзную реплику бросил Витя Ткаченко, и наказал его за разговорчики в строю.

11 сентября. Был разбор нашей практики в газетах. Полковник Янов сказал о Володе Павлове: «Думающий журналист: ни минуты зря не теряет». О Яблонском: «Статья о караульной службе написана без знаний устава. Хвалит проверяющего за то, что тот подходит к нему тихо, проверяя бдительность часового. А часовой возьмет и убьет такого проверяющего и будет прав по формальной логике закона». О Москале: «Сколько можно вам твердить: нет сейчас траншей. Есть окопы и хода сообщений!». Подполковник Татаринцев преподаватель ППР о трудах Коржавыха: «Курсант этот вечно в действии: или пишет или читает». Одно слово политработник: рот закрыл, рабочее место убрано. Лидия Фоминична зачитала выдержку из статьи Виктора Харченко: «Стремительно и грациозно проходят танки. Проход маячит в тумане».

11 октября. Сгребали листья в кучи и жгли. Коптилов заложил в одну из куч взрывпакет. Мимо проходил капитан 3 ранга Одинцов. От неожиданности он сильно испугался и, по некоторым разведанным, наделал в штаны. Керн пообещал никого не пускать в увольнение, пока не приведут автора изобретения. Коптилова мы заставили сдать.

29 октября. В самоволке попался Петя Гвоздев.

31 ноября. Над городом летает вертолет Ка-26. На тросе висит человек и запечатлевает город. Говорят, что это Эльдар Рязанов снимает во Львове какой-то фильм. («Старики-разбойники» – М.З.)

7 ноября. Подъем в 6.30 утра. Начальник училища Новиков поздравил нас с праздником и парадом. «Вам партия и правительство доверили от имени Вооруженных Сил пройти в парадных шеренгах». Неужели нам лично?

17 ноября. По протекции М. Захарчука были в театре имени Марии Заньковецкой. Встречал нас главный художник театра – друг Миши – Мирон Владимирович Киприян. Валера Дюбкин сломал руку на лестнице.

19 ноября. Ходили с Верховодом в букинистический магазин. Промокли до нитки. Оказывается, Володя вместе с Никаноровым учат немецкий и польский языки. Молодцы.

27 ноября. Гуляли с Васей Бейдиным по городу. Очутились на Пекарской улице. В офицерской столовой – музыка. Меня осенило: там же сейчас проходит свадьба у Коли Храмова. Говорю Васе: «Ты же невесту подарил Храмову, почему мы не на свадьбе?» Подошли, стали стучать, вызвали Колю и попали на свадьбу. То-то обалдело наше начальство, увидев нас с Васей. Свадьба была обыкновенной. Батя Коли здорово пел: «О дайте, дайте мне свободу». Мы с Васей спели «Алешкину любовь».

4 декабря. Расстались с Альбертом Анатольевичем Керном. Очень жалко за таким командиром.

31 декабря. Вчера начфак был в Киеве, где женил своего сына, нашего однокашника Борю, а сегодня устроил нам всем большой шмон. Искал «горючее» и боеприпасы. Мы вернулись в общагу, а там все – вверх дном, постели перевернуты, из шкафов все выброшено. У Гены Анисени сломан чемодан. Мои апельсины, что куплены были в буфете для дочери Лены, исчезли. Меня это просто возмутило. Пошел к Орлову и стал орать, что для меня не совсем характерно. А Орлов открыл сейф и показал итоги своего рейда: сигнальная ракета,

несколько взрывпакетов, магазин с холостыми патронами и штук полсотни боевых патронов. Крыть было нечем.

Новый год встретил в дороге домой». (На зимние каникулы нас всегда отпускали к родным на две недели вне зависимости от успехов в боевой и политической подготовке, в поведении и прилежании. Наказание укороченным отпуском практиковалось только в летнее время. Из всего курса оно досталось только Володям Верховоду, Чупахину и мне – М.З.).

Мой большой друг Валерий Калинин (увы, уже покойный) подарил мне свою книгу стихов, песен и пьес «Гост за Россию». И там я прочитал стихотворение, которое меня удивило, умилило и где-то даже наполнило гордостью за однокашника. Называется оно «И только так на свете жить!»

«Любимым «сапфировым» друзьям, Нине и Виталию Лаптевым. Об их главном богатстве и путях достижения оно-го.

Быть может, стих мой небезгрешен,
Не знаю сам: хорей ли, ямб...
Но от души поклон отвешу
Моим «сапфировым» друзьям.
Под росплеск щедрого разлива,
Ведя недолгий свой рассказ,
Скажу я Лаптевым СПАСИБО
За их пример для всех для нас.
ОН – ЖУРНАЛИСТ. И даже – очень.
Его читать бы – нараспев!
Писал он дни, писал он ночи,
Трёх деток всё-таки успев
На Божий свет с подмогой Нины
Произвести на радость нам.
Хотя бы по сто в именины -
Глядишь, три раза по сто грамм.
А Нине (Бог, какая радость!)
Пойди поведай хоть кому,

Ей на работу – в детский садик,
С работы – в садик на дому.
Ну, не семья, а просто песня,
А в песне той сплошной мажор.
Найди попробуй ты чудесней –
Я не нашёл. До наших пор.
Предположить резонно смею,
И ошибусь навряд ли тут,
Что к «золотому» юбилею
Они четвёртого дадут.
И не напрасно так судачу –
Людской молвою я полон:
Тут по ночам качает дачу
И как на Волге, слышен стон.
Друзья, простите шутку эту,
Она, наверно, чуть плоска.
Куда замшелому поэту
До эквилибров языка!
Хочу, чтоб трубы заиграли,
Вы где, оркестры? Правьте бал!
Не потерял огонь Виталий,
А только шубу потерял.
Друзья мои! Не дуйтесь очень
Вы на меня за мерзкий стих,
Что я перо сосредоточил
На ваших подвигах ночных.
В одни побаски разодетый,
Я рядом с вами... Нету слов.
Я – весь в завидках, однодетный
Я – подмастерье мастеров!
Живите в окруженье внуков,
В века прокладывая нить,
Друзьям – в пример. Другим – в науку:
Вот так на свете надо жить!
Виталик, с днём рождения!»

РАЗОЧАРОВАВШИЙ НИКАНОРОВ

Мне с училищных времён всегда казалось, что с Володи́й Никаноровым мы были друзьями, если и не закадычными, то очень близкими, во всяком случае. Даже некоторое время в одной комнате жили. Даром, что в училище видел он во мне селюка, стремившегося стать интеллигентом, а я полагал его маменькиным сыночком. Кстати, мама Володи, Виктория Викторовна, на самом деле работала в нашем училище, и благодаря именно ей, он попал после выпуска служить за границу. Оттуда Володя уже самостоятельно перебрался в Забайкалье, затем – в академию и после неё – в «Красную звезду». Для своего отдела международной жизни писал он, из-за природной лености, немного, исключительно положенные обзоры по тассовским плотным листам. Когда появилась воз-

Уже в статусе ветеранов «Красной звезды» – однокурсники (слева направо) Владимир Никаноров, Владимир Чухахин, Михаил Захарчук.

можность перебраться в пресс-центр Министерства обороны, мой дружок ею воспользовался чётко и стал на этом поприще

произрастать существенно. С Еленой Агаповой, во всяком случае, ладил отменно. Пересекались мы с Никаноровым довольно часто, что видно из моих дневников. В них же чётко просматривается и моё постепенное разочарование однокашником, по курсантскому прозвищу – Берчиком...

11.09.90, вторник.

Никаноров принёс сегодня в нашу Военно-политическую редакцию ТАСС заметку по советско-японским отношениям. Зашёл сначала не ко мне, а к заведующему Комарову. Но когда Володя поднимался в нашу комнату на четвёртый этаж, Николай Яковлевич меня предупредил по телефону: «Михаил Александрович, байка лохмата и великовата. Вы меня поняли?» Зато Никаноров потом никак понять не мог: зачем я так кромсаю его «международное» творение. Разделавшись с этой бодягой, отправились с Володиёй Гондусовым на восьмой этаж. Почти час гоняли в теннис.

24.09.90, понедельник.

Сегодня прилетает Карссон. У меня с мозгами всё в порядке. Матс Карссон – министр обороны Швеции. С тех пор, как Олег Московский ушёл из нашей редакции, на мне висят и визиты зарубежных министров обороны в СССР. Терпеть не могу этой занудливой работы. Но пришлось поехать на встречу Язова и Карссона – нельзя не показаться в Министерстве обороны. Ревнивые клерки протокольной службы тут же настучат моему руководству: а Захарчук, подлец, отсутствовал! Потом с Володиёй Никаноровым попили кофейку, и я потопал в ТАСС.

1.12.90, суббота.

Вчера хорошо посидели с Янушем Пшимановским. Кроме меня пришли мои однокашники по училищу Володя Никаноров и Виталик Лаптев. Януш был в ударе. Давно я его не видел таким радостным и приподнятым: «На польской земле погибло более полумиллиона советских солдат. Они русские люди, мои товарищи. Поиском фамилий погибших на польской земле я занимаюсь с 1985 года. За всё время работы мне и моим добровольным помощникам пришлось свыше 23 тысяч писем. Ими занимается гражданка СССР, живущая в Польше Наташа Ковальская. Мы купили компьютер в склад-

чину и заносим туда все найденные фамилии. Осталось совсем немного – 520 тысяч. Это я шучу, конечно. Но если к такой работе подходить с унынием, то можно ведь и руки опустить. В первом издании нашей книги было помещено 400 карт с кладбищами. Во втором – 657 кладбищ. И вообще второй том – это 720 издательских листов. В первом было 211».

...Когда гости Януша разошлись, мы с ним выпили почти две бутылки «Чистой водки Виборовой».

3.12.90, понедельник.

Заходил в «отечественный Пентагон». Манилова не застал. А Володя Никаноров и Юрка Солдатенко играли на компьютерах в диггеров. Умеют же ребята устраиваться на тёплые местечки.

7.03.91, четверг.

Завтра утром подарю жене... деньги. Много денег. Благо в этом месяце я заработал 1740 рублей – ровно семь капитанских жалований времён учёбы в академии и в два раза больше, чем нынче получает НГШ СССР. Однако сдаётся, что в достославные годы жилось мне куда богаче и комфортнее, чем сейчас. И спокойствие было на душе. Накануне в магазине министерства обороны Володя Никаноров приобретал для своей супруги Люды губную помаду. Мне бы не хотелось, чтобы моя половина пользовалась такой едко красной краской. И без того мне едкости её хватает.

13.05.91, понедельник.

Совершенно суматошный день после вчерашнего полёта в Капустин Яр. Проснулся в четыре утра. Помылся, плотно позавтракал. Позвонил Володя Никаноров. За ним пришла машина. А мы живём – через четыре подъезда. Если и не бугор однокашник по училищу, то кочка в министерстве приметная. Персональный автомобиль его возит. Прибыли в Шереметьево. Лёша Горохов – заведующий военным отделом «Правды» – зашёл в салон самолёта последним. За ним стюард и закрыл люк. «Мишаня, если ты сейчас скажешь, что у тебя нечем похмелиться – ты мне не друг». Как там у Жванецкого: «Но у нас с собою было». Достал я бутылку и пару бутербродов, сделанных супругой. Горохов подозвал ещё какого-то чмыря Вадима с телевидения. Никаноров (училищное

прозвище Берчик, видать за то, что определённые еврейские чёрточки в нём проскальзывают) пить отказался. Ему, видите ли, ещё общаться с руководством. В Волгоград мы прилетели уже тёплые. На автобусах проследовали в КапЯр. Дорога была длительной и утомительной. Володя всё время дрых, прижимая меня своими худыми коленями. По части ликвидации твёрдотопливных ракет я становлюсь едва ли не самым признанным авторитетом. Зашёл во временный домик и за сорок минут написал 300 строк приличного отчёта. Горохов потом нервничал от того, что я его обскакал и первым передал в ТАСС информацию. Ну так, братец, помотайся с моё по полигонам и ты будешь коллегам всем фитили вставлять.

16.02.93, вторник.

На прошлой неделе меня всё же приняла Лена Агапова, пригласившая для общения ещё и Володю Никанорова. Мы в разговоре не коснулись ни одной серьёзной проблемы – у меня даже и цели такой не было. Просто хотелось прощупать, что из себя сейчас представляет могущественная женщина при нынешнем министре обороны П.Грачеве. Баят о них всякое. Самые скабрёзные пересуды о том, как Паша имеет Ленку на столе, за которым проходит обычно военная коллегия. Это – примитивная неправда хотя бы потому, что я знаю высоту того стола и мне такой верстак был бы крайне неудобен для любовной утехы. А Грачёв чуть ниже меня ростом. Только людская молва сантиметрами не интересуется, у неё другие цели.

18.03.93, четверг.

Финская журналистка, моя старая подруга Оля Густавсон передала кассету с моим сорокапятиминутным выступлением на финском телевидении. Этой же okazji Володе Никанорову прислала бутылку виски. Сегодня я вручил однокашнику презент и был несказанно удивлён тем, что он упрятал флакон в сейф! На его месте я бы сквозь землю провалился, если бы допустил такую гнусность!

3.03.94, четверг.

По дороге на службу решил заехать к Агаповой. Её на месте не оказалось. Попросил Володю Никанорова передать Ленке

подарочек ко дню рождения. И он стал отказываться! Поначалу я даже опешил. Потом стал стыдить дружка. В самом деле, что за идиотическая перестраховка? «Мы что с тобой не друзья? А все трое, вместе с Леной, мы не многолетние коллеги по «Красной звезде»? Да мы с Агаповой несколько лет просидели на заседании парткома, будучи его членами! Если ты меня не уважаешь, так хоть себя не унижай, Володя!» До маланца-Берчика, наконец, дошло, какую он глупость сморозил. Стал судорожно и неуклюже отгребать «взад»: мол, мы с тобой действительно рисуем из мухи слона. «Это ты рисуешь, художник ху...в!» – еле удержался я от упрёка. На службу ехал в паскудном настроении. Как может изменить человека совсем небольшой властный бугорок, на котором теперь восседает Никаноров – всего лишь заместитель начальника управления информации. Кстати, о том, что у него побывал мой подчинённый подполковник Мошкин по поводу устройства на работу, Володя не проронил ни слова. То же штрих к кривому портрету дружка. Нет, Берчик не тот человек, с которым можно идти в разведку!..

12.03.94, суббота.

Вчера в «Красной звезде» Володя Чупахин собрал наших однокашников по ЛВВПУ. Были: Олег Фаличев, Володя Коржавых, Валера Бунин, Виталик Лаптев, Володя Никаноров, Толя Боровков и я. Посткор по Северокавказскому военному округу Боровков напился до безобразия. Кокнул несколько рюмок, перебивал всех, ругаясь поминутно. Было стыдно за его распушенность, чего никто из остальных никогда бы не допустили. К примеру, я не помню Чупахина пьяным «в дрободан». Равно как и Лаптева, Бунина. Володя Чупахин хорошо сказал о том, что вот, дескать, и государство исчезло, произведшее нас в офицеры, и училище наше приказало долго жить, но пока мы можем собираться вместе, в наших душах будет жить то и другое. Когда мне предоставили слово, – предложил выпить за память о Валере Глезденёве, погибшем в Афганистане.

7.05.94, суббота.

Вчера в «Комсомольской правде» вышел более чем симптоматичный материал «КОНТОРА НИКАНОРА И ДРУГИЕ».

«Впервые упоминание об УИП появилось в «Белой книге», составленной аккредитованными в Москве иностранными журналистами. Книга — это нудный перечень фактов поборов и вымогательства со стороны чиновников российских ведомств. Особо прогремело МО. Работали с огоньком и размахом — за возможность поездки в подмосковную воинскую часть для освещения жилищных условий военнослужащих офицер УИП потребовал от Ассошиэйтед пресс 150 долларов с журналиста и 600 — с фотокора; интервью с солдатами «за жизнь» обошлось репортеру «ЮЭс-ньюс энд Уорд рипорт» в 700 «зеленых»; поездка в танковую дивизию под Нижним Новгородом корреспонденту газеты «Филадельфия инкуайер» — в 500, а разрешение на репортаж из дивизии ВДВ журналистам «Либерасьон» пришлось отдать видеомагнитофон и факс. Офицеры УИП требовали денег даже за то, чтобы самим отвечать на вопросы, — подполковник Скрыльник, к примеру, оценил свои познания в 40 долларов. Такое ощущение, что за тысячу к ядерной кнопке привели бы и потрогать разрешили, а за две под столом у министра на часок посадили, — а вы говорите секретность.

Примеру находчивости военных, когда можно было выцыганить валюту, в книге — десятки, недаром группа УИП по работе с иностранными корреспондентами, которой командовал полковник Никаноров, так и прозвали — «контора Никанора». Однако «конторские» отделались легким испугом. Ни за дискредитацию звания офицера, ни за удар по и без того неважному имиджу армии России никого не уволили. Наоборот, выдержав паузу, офицеров продвинули по службе, а самого Никанорова, не без вмешательства Агаповой, назначили заместителем начальника УИП. Афанасий Брыночка, годен к нестроевой».

21.07.94, четверг.

В «Подмосковье» опубликован мой материал о СМИ и армейской проблематике «Ломать — не строить». Позвонил Никанорову. Берчик пообещал вставить его в обзор для министра обороны. Причём, не преминул придать этому пустяку событийную значимость. Этот «хитрожоп» давно уже стал

известен своим особым подходом к делу. А именно тем, как научился конвертировать своё служебное местоположение. Даже – в американской валюте. Уже несколько человек сообщили мне, что Володя явочным порядком берёт с иностранных журналистов их «родное бабло». На наши «тугрики» не разменивается. Надеюсь, с меня он ничего не востребует. Хотя, как знать, и чужая душа – век потёмки...

2.09.94, пятница.

После обеда я поехал на бывшую свою работу в ТАСС. Агапову и её свиту – Володю Косарева, Володю Никанорова, Юру Мамчура – встречал с ребятами из Военно-политической редакции... (Подробно об этом визите я написал ранее в новелле о самой Агаповой). А когда проводили Лену к её машине, с остальными гостями вернулись в ТАСС. Всех я щедро угостил кофе с коньяком. Домой меня подбросил Володя Никаноров на своём служебном автомобиле. По дороге, естественно, мыли косточки Агаповой. Будь у меня доверительнее отношения с тем же Никаноровым, пожаловался бы ему на многие вещи, в том числе и на своего «тормоза» Винника. Однако Володя почти вызывающе «держал дистанцию». Да и хрен с тобой, подумалось. До сих пор ты пальцем о палец для меня не ударил – ничего не случится во Вселенной, если и впредь этого не сделаешь. И потом трижды прав был Жан Жак Руссо: «Зависимость от вещей, не имея никакого нравственного характера, нисколько не вредит свободе и не порождает порока; зависимость же от людей, будучи необузданной, порождает всё». Добавлю: всё – не самое лучшее.

23.11.94, среда.

Весь день «висел на проводе», чтобы Олю Густавсон определить в войска. На Володю Никанорова никакой надежды. «За просто так» он теперь и пальцем не шевельнёт. А того не понимает, дурында, что откажут в Министерстве обороны финской тележурналистке и получат ещё одного недоброжелателя. Да только «компания Лены Агаповой», похоже, наплевать на такие пустяки и мелочи.

6.12.94, вторник.

В посольстве Украины сегодня приём. Встретился там с Косаревым и Никаноровым. Первый Володя только отметил-

ся рюмкой и ретировался по неотложным делам своим. Со вторым мы стали причащаться. «На халяву» Берчик тот ещё любитель принять. К нам присоединился чешский военный атташе Карел. Оказывается, мы в разное время учились во Львовском политехническом институте. Чешский полковник явно тоскует по Советскому Союзу. Тоскую и я, грешен, а Никаноров, похоже, рад, или мне так кажется. С некоторых пор я стал предвзято о нём рассуждать. Это плохо, с какой ни посмотри стороны, но ничего поделать с собой не могу. А Володя, как будто специально подбрасывает полешки в костёр моего разочарования...

28.02.95, вторник.

В «Независимой газете» вышел мой материал на целую полосу «Пять трагедий». Позвонил приятель журналист Саша Касатонов. Неглупый человек и профессионал недурственный, а не понял моих болей в «пяти трагедиях». Никаноров тот другим возмутился: «А я вот языки знаю!» Ну и на здоровье, Вова, сказал я ему. Но вот генерал Кашуба, с которым вы плечом к плечу руководите военными средствами массовой информации, плохо владеет и русскими. Хотя до генерала дослужился. Кстати, Вова, упрёк мой относится исключительно к этой категории военнослужащих. Жаль, что ты этого не понял. Или обиделся за генералов, так сказать, в корпоративном смысле? Тогда я тебя поздравляю. Генералитет, возможно, в будущем примет тебя в свои плотные ряды». Никаноров, как всегда суетливо стал «отгребать взад»: да ты меня не так понял и всё такое прочее. Врешь, паря, понял я тебя прекрасно! На всякий случай я позвонил Володе Косареву. Слава Богу, этот генерал не возмутился за свои лампасы. «Поначалу я полагал, что мне придётся объясняться с нашим генералитетом, как в примере с твоей публикацией о Язове, но прочитав полосу до конца, убедился: ты мастерски всё сделал. Молодец!».

15.06.99, вторник.

Намереваюсь сделать интервью с недавно назначенным на пост секретаря Совета Безопасности РФ Владимиром Путиным, который к тому же исполняет обязанности директора ФСБ. Полагаю, что больших проблем не возникнет. Всё же

начальником пресс-центра в Совете работает Володя Никаноров, мой однокашник по училищу и академии по прозвищу «Берчик».

5.12.99, воскресенье.

Для последнего номера «Очная ставка – международная правовая газета», которую я редактирую, оформил список членов Общественного совета. Выглядит он на сегодняшний будничный день следующим образом: «Председатель Александр Звягинцев, старший помощник Генерального прокурора, начальник Центра информации и общественных связей Генеральной прокуратуры РФ. Члены совета: Василий Витрянский, заместитель председателя Высшего арбитражного суда РФ; Александр Зданович, начальник Центра общественных связей ФСБ РФ; Николай Медведев, помощник директора Федеральной службы налоговой полиции РФ; Анатолий Меркушов, заместитель председателя Верховного суда РФ; Владимир Никаноров, пресс-секретарь аппарата Совета безопасности РФ; Генри Резник, председатель Московской городской коллегии адвокатов; Евгений Сидоренко, заместитель министра юстиции РФ. Список, впрочем, ерунда, но под него я пробил у жадного Шварца по 200 баксов на каждого своего члена Совета. Плюс – по бутылке «Хеннеси XO» на брата. Даже если я со Шварцем окончательно разойдусь, а это случится рано или поздно, то мужики из моего совета не должны поминать меня дурным словом.

29.06.99, вторник.

Виктор Шварц оказался просто в восторге от того, какой материал (интервью с Путиным) я принёс для «Очной ставки». С полным безразличием выслушал я его восхищение мастерством единокровца Саши Гольца и пошёл заниматься газетой на следующий месяц. Ещё в начале этого года я бы, наверняка, рассказал Ильичу о своём горьком, полном и окончательном разочаровании в бывшем однокашнике Никанорове. Теперь же вылью свою досаду только на страницы дневника. Больше признаться в этом и некому. Да никто, пожалуй, и не поймёт меня в этом пункте.

В минувший четверг позвонил я Володе Никанорову, своему однокашнику по училищу, коллеге по «Красной звез-

де» и, думалось, хорошему товарищу. Тем более, что мы с ним если и не дружили крепко, то приятельские отношения поддерживали всегда. Помнится, одна моя прибалтийская подруга, на неделю приехавшая в Москву, попросила познакомиться её с приличным, интеллигентным парнем, как говорится, для совместного времяпрепровождения. И чтобы без никаких обязательств. Сразу я подумал о Никанорове, тем более он в то время (учился на втором курсе академии) ещё холостяковал. Через пару дней подруга вновь позвонила и, буквально кипя негодованием, вылила на Володю в полном смысле слова ушат грязи. И жлоб, и скряга, каких она редко встречала. Обилие резкостей, плюс ещё то обстоятельство, что я-то хорошо знаю Володю, заставило меня сильно усомниться в большинстве оценок подруги. Само собой, не сообщил о них Никанорову. Однако странное дело: чем выше продвигался Володя по служебной карьере и чем чаще мы с ним контактировали, тем больше я убеждался в правоте прибалтийской подруги.

Вспомнилось, как он откровенно хвастался тем, что за всю жизнь не потратил «ни цента на военные расходы», то есть не покупал некоторых аксессуаров для военной формы. Однажды я передал Володе бутылку «Хеннеси ХО» от финской журналистки. И он запрятал бутылку в сейф! Потом я носил дружку ежегодные подношения от хозяина Шварца: пару сотен «зелёных» и дорогое спиртное. И Никаноров ни разу (!) не попытался налить мне даже рюмки. В моём понимании это уже смесь жлобства и жадности. Наконец, последний случай, окончательно переполнивший чашу моего терпения. На просьбу встретиться с Секретарём Совета безопасности, директором ФСБ Путиным, дружок Берчик ответил мне мягким, но решительным отказом: «Понимаешь, старик, в чём дело: в последнее время у нас косяком пошли интервью. Шеф высказал пожелание немножко притормозить. Обратись лучше к Саше Гольцу. Он недавно беседовал с Владимиром Владимировичем. Сделал очень хорошее, на мой взгляд, интервью для журнала «Итоги». Запиши его координаты».

Признаться, я опешил так, как со мной в последнее время редко бывает. Уму непостижимо! Мы же с Володей

жили в одной комнате, во всём или практически во всём и всегда были единомышленниками, мы поддерживаем дружеские отношения больше трети столетия. И за всё это время я трижды не попросил его о какой-либо услуге, а когда всё же попросил, то он мне почти хамски отказал! Да на его месте я бы наизнанку вывернулся, в лепёшку расшибся!.. Разумеется, я поехал к Саше Гольцу (в «Красной звезде» они с Никаноровым работали в иностранном отделе) и взял у него текст уже опубликованного интервью. Шварцу о том не сообщил. Постыдился. Более того, сохранил втайне нанесённую Володей обиду.

...В начале двухтысячных я начал работу над главной книгой своей жизни «Встречная полоса. Эпоха. Люди. Суждения». Часто звонил однокашникам, уточняя ту или иную дату, фамилию. Видит Бог, проделывал я это, вовсе не преследуя цели рекламировать свой труд. Но так получилось, что задолго до появления в свет о нём стало известно многим собратьям по Львовскому политическому. В том числе Никанорову. Он в буквальном смысле слова мне плешь проел: когда да когда мы «сможем лицезреть бессмертное произведение Захара»? Никто меня не тербил с такой настойчивостью, как Володя. Наконец, книга вышла. Так случайно получилось, что он смог полистать её в моём присутствии в кабинете директора издательства «Сиди-Пресс» Игоря Мазурика. И... отложил мой толстенный фолиант в 816 страниц неформатного текста: «Я её приобрету как-нибудь в следующий раз».

Мы с Игорем Ивановичем недоумённо переглянулись. А когда Берчик покинул нас, я сказал Мазурику: «Ты будешь смеяться, но Никаноров элементарно пожадничал расстаться с 500 рублями. Он встретил в двух местах свою фамилию и дружка просто жаба задушила отдать такие «деньжища» за такую малость. Меж тем, ему посвящено едва ли не больше текста, чем Верховоду и Чупахину, о которых я написал добротные очерки. Просто текст тот расположен в таком месте моей книги, куда Никаноров мог бы добраться, лишь полностью её прочитав. А он этого до сих пор не сделал. Ну и хрен с ним. В конце концов, минус-опыт тот же опыт, который умные люди даром не носят за плечами. В этом смысле Володя

Никаноров – единственный мой однокашник, в сущности которого я до конца разобрался и при этом горько разочаровался лишь многие годы спустя после того, как мы были курсантами».

Если кому-то покажется, что я сейчас мщу однокашнику за нанесённые обиды, так и вовсе нет. Да и не настолько я глуп, чтобы не помнить слова Дюма-отца: «Кто мстит, иногда сожалеет о совершённом. Тот, кто прощает, никогда не жалеет об этом». Вот сейчас, как на духу признаюсь: я давно уже всё и всем красноезвёздцам простил из того, что они сделали для меня плохого. За исключением одного субъекта, о котором уже сказано. И живущим, и, тем более, тем, кого уже нет на этой земле – всем всё простил. Но не значит, что забыл. Просто лелеять обиду в моём возрасте уже вредно для здоровья. И потом трижды прав был Блез Паскаль: «Время потому исцеляет скорби и обиды, что человек меняется: он уже не тот, кем был. И обидчик, и обиженный стали другими людьми». Мне искренне хочется верить, что и мы с Никаноровым стали другими людьми. А вспоминаю я лишь то, что было и ничего иного. И, видит Бог, безо всяких «задних» мыслей вспоминаю...

УПОРНЫЙ ФАЛИЧЕВ

Олег Фаличев отличался многими странностями характера и, похоже, именно им благодаря, стал командиром нашей группы. Поскольку в ней же учился и старшина курса Виктор Родин, то Фаличев, скорее, напоминал зиц-командира. Но ему, разумеется, хотелось утвердиться командиром настоящего и однажды он попробовал этого добиться «посредством меня».

Случилось это в гарнизонном карауле. Меня – разводящего, ребята послали в столовую училища за едой, зная, что я, как всеобщий любимец женского персонала столовой, привезу пищи гораздо больше положенной нормы. Что я и сделал в тот раз. Захожу к начальнику караула Фаличеву и докладываю:

- Олег, мужики накормлены до отвала!

А он поднимается из-за стола, застегивает верхнюю пуговицу на гимнастерке еще старого, фронтового образца и произносит с металлическим оттенком в голосе:

- На службе я вам не «Олег», а «товарища старший сержант Фаличев»!

- Да что вы говорите, товарищ старший сержант Фаличев! – ернически удивляюсь я, и с нижайшим дартаньяновским реверансом прошу разрешения удалиться.

Строй 2-ой группы возглавляет старший сержант Олег Фаличев.

Стоило ему выступить на каком-нибудь семинаре или просто произнести реплику на занятиях, как я тут же поднимал руку и начинал концерт по заявкам трудящихся:

- Выступавший передо мной товарищ старший сержант Фаличев утверждает, что... Однако, если встать на безусловно ошибочную точку зрения товарища старшего сержанта Фаличева, то... Вместе с тем товарищ старший сержант Фаличев по недоразумению своем забывает о том, что... Нельзя не подивиться заблуждению товарища старшего сержанта Фаличева относительно того, что...

И так изо дня в день, из месяца в месяц. Ребята валялись под столами, преподаватели недоумевали, а Фаличев вскипал от злости, однако ничего со мной поделывать не мог. Он жаловался на меня отцам-командирам. Те проводили со мной разъяснительные беседы. Но все их увещевания разбились, как волны о скалу, моим железобетонным аргументом: даже министр обороны не может мне запретить сугубо устав-

Дальше для бедного командира нашей 2-ой группы наступили бесконечные черные дни. Где можно и нельзя было, я доставал его, скрыто паясничая уставным обращением: «товарищ старший сержант Фаличев».

Стоило ему выступить

ное обращение к «родному и высокочтимому командиру группы»! Замполит факультета подполковник В. Кузнецов говорил, сокрушаясь:

- Ну что вы, Захарчук, ей-Богу, как заведенный: «Товарищ старший сержант, товарищ старший сержант!» Не надоело дурика из себя корчить?

- Товарищ подполковник, вы мне этого не говорили, а я этого не слышал. Ибо если политработники будут ставить под сомнение уставные обращения к командирам, – этак мы с вами далеко зайдем!

Бедолаге-офицеру крыть было нечем. Сам Фаличев драться со мной по хлипкости и трусости своей не решался. И почти два года вынужден был мириться с моими издевками. Даже один на один, даже в туалете или в умывальнике я неизменно, встретив его, вежливо и корректно интересовался:

- Вы разрешите мне присутствовать, товарищ старший сержант Фаличев?

Помирились мы только после выпускного вечера, когда Олег помог мне вусмерть пьяному добраться до казармы. Он этим случаем гордится, а я вспоминаю о нём с досадой. Ещё и потому, что отец мой по-шпионски тогда следовал за нами и, вернувшись в гостиницу, рассказал обо всём матери. Вновь мы с Фаличевым встретились уже в академии. Когда он проявлял свои грубоватые, странноватые манеры, конвульсивно подергивая плечом, я урезонивал его напоминанием о «товарище старшем сержанте Фаличеве». Действовало неотразимо.

Вообще, должен заметить, что пример Олега – явное доказательство того, что с возрастом все мы становимся, если и не лучше, «качественнее», то хотя бы умнее. Очень от многих своих, почти кричащих недостатков этот парень с годами избавился, потому как всю жизнь занимается самосовершенствованием.

Трудолюбивый и упорный, он со временем стал очень толковым военным журналистом, изначально практически не обладая никакими к тому задатками. Или, например, взял и научился играть на гитаре. Конечно, когда Олежка поёт, себе же аккомпанируя, то для меня, обладающего приличным голосом и абсолютным слухом, его исполнение, что ножом по

стеклу. Однако я столько раз брался за гитару, да так её и не одолел. Фаличев же на ней сносно играет.

А чего стоит такой факт. Когда в Чечне убили Володю Житаренко, перед главредам Чупахиным встала проблема сложности невероятной: кому поручить привезти в редакцию тело покойного. Выбор пал на Фаличева, и наш курсантский командир с честью выполнил тяжелейшее поручение. Чупахин написал: «Олег успешно справился как со скорбными делами, так и с творческими. Он передал из Чечни полтора десятка репортажей и корреспонденций. В сущности, задал тон всей нашей последующей работе. После первых ожесточенных боев за Грозный пришло время сказать правду – нашим войскам противостояла мощная и хорошо оснащенная профессиональная армия, поддерживаемая иностранными наемниками. Олегу удалось подойти к данной теме конкретно и системно. Он привел оценочные данные количества этих наемников – 3,6–3,8 тысяч человек, раздобыл факты того, как вербовали этих «диких гусей».

Олег с курсантской скамьи дружил с Николаем Зубцовым, которого мы промеж себя издевательски нарекли «Николаем Щедрым». Этот парень гордился тем, что обедал (будучи уже офицером!) на 21 копейку: два яйца по 9 копеек, два кусочка черного хлеба за 2 копейки и чай за 1 копейку. В своей книге «Встречная полоса» я довольно едко прошёл по дружбе Зубцова и Фаличева, основанной на взаимном скупердьяйстве.

Олег мне гневно ответил в соцсетях: «Я уж не говорю о том, что как журналист Захар оказался слабоват. Я проработал в «Красной звезде» 23 года, стал редактором ведущего отдела боевой подготовки, членом редколлегии. Но не припомню ни одного его глубокого материала, поднимающего проблемы жизни войск и военного образования, хотя работал он в отделе вузов. На редактора отдела полковника Виталия Ивановича Мороза – человека заслуженного, уважаемого, тонкого стилиста, и до сих пор работающего в этом печатном органе Захар вылил ушат грязи. А я помню, как он лебезил перед тем же Морозом, как бежал в коридоре по его вызову,

что называется, «на задних лапках». Со стороны это выглядело отвратительно.

В новом творении сочинителя почти все персонажи ущербные, у всех пороки. Только сам автор, как китайский мандарин, лучезарен и важен. Так не бывает. Не могут все вокруг быть дураками, а ты, как жена Цезаря, «вне подозрений». Возвышаться, унижая других, – все равно, что идти по трупам. Но именно таков стиль поведения этого деятеля, лишённого чувства меры и порядочности. Впрочем, откуда взяться этим качествам, как, разумеется, и культуре поведения, у крестьянского хлопца с далекого украинского села. Помню, еще в училище он не стыдился заходить в комнату для умывания практически в том, в чем мать родила. После подъема мы там чистили зубы, брились, умывались, а Захар бесцеремонно водружался своим кабаньим телом рядом, поднимал ногу над раковиной и начинал подмывать на виду у всех, извините, свои гениталии. Наша реакция и замечания ребят ему были до фени. Точнее, как сам он пишет, «до Фенимора Купера».

...На вечере, посвящённом 100-летию «Красной звезды», я сказал Фаличеву, что его неоправданная резкость суждений в отношении «крестьянского хлопца с далекого украинского села» для меня понятна. Она идёт от обиды за мою предельную откровенность, с которой я, возможно, и даже наверняка перегибаю. «Непонятно мне другое, Олег. Как это ты не сработался с «тонким стилистом» Морозом? На одной только рукописи и вы разошлись к чертям собачим! А я под Виталием Ивановичем почти три года промучился. И каково было мне?» – «Да, Мишель, ты оказался прав», – сказал Олег.

Прав я оказался потому, что никогда не лгу в своих воспоминаниях. Никогда. Могу ошибаться исключительно по вине ненадёжной памяти. Но, чтобы корыстолюбиво врать – такого греха за мной, хвала Всевышнему, не числится. К слову, мы с Олегом простили друг другу все обиды. Так и должно быть.

Сейчас Фаличев возглавляет Совет ветеранов редакции газеты «Красная звезда». Его заместитель – Долинин. Как по мне, так и вполне достойные ветераны-краснозвёздовцы.

ТОНКИЙ ЛИРИК ГАВРИЛЕНКО – СОБРАТ ПО ПЕСНЕ И ПЕРУ

Серёжа Князьков, однополчанин по «Красной звезде», прочитав мою поминальную молитву по Игорю Вашкевичу, попросил через соцсеть: «Михаил, напиши о Владимире Михайловиче Гавриленко». И видит Бог, словно с языка снял. Давно уже я вынашивал мысль помянуть добрым словом дорогого моему сердцу друга Володю Гавриленко – нестандартного, необычного человека, с которым свела щедрая на славных людей жизнь.

Однокурсники по ЛВВПУ Владимир Михайлович Гавриленко (справа) и Евгений Васильевич Буркун.

Мы знавали друг друга более четырёх десятилетий. Познакомились во Львовском высшем военно-политическом училище на факультете журналистики, куда я поступил в 1969 году. Гавриленко к тому времени учился уже на выпускном, четвёртом курсе, и подобное обстоятельство как бы априори исключало какие бы то ни было связи «матёрых дедов курсантской журналистики» и таких «желторотиков», как я и мои сверстники. В Советской Армии и Военно-Морском Флоте существовало, увы, стойко деление на «стариков» и «молодых». Однако наши мудрые командиры, зная сию сермяжную данность, её же и использовали в своих далеко идущих воспитательных целях. Выпускной курс соединили с нами первачами в одно подразделение, назначив им командовать майора Альберта Анатольевича Керна. Опытный и толковый офицер, он и действовал соответственно. Регулярно обращаясь к быва-

Мы знавали друг друга более четырёх десятилетий. Познакомились во Львовском высшем военно-политическом училище на факультете журналистики, куда я поступил в 1969 году. Гавриленко к тому времени учился уже на выпускном, четвёртом курсе, и подобное обстоятельство как бы априори исключало какие бы то ни было связи «матёрых дедов курсантской журналистики» и таких «желторотиков», как я и мои сверстники. В Советской Армии и Военно-Морском Флоте существовало, увы, стойко деление на «стариков» и «молодых». Однако наши мудрые командиры, зная сию сермяжную данность, её же и использовали в своих далеко идущих воспитательных целях. Выпускной курс соединили с нами первачами в одно подразделение, назначив им командовать майора Альберта Анатольевича Керна. Опытный и толковый офицер, он и действовал соответственно. Регулярно обращаясь к быва-

лым курсантам, твердил им: если вам небезразлична честь факультета, а она точно вам небезразлична, то помогайте мне ставить молодёжь на крыло. И те живо откликались на призыв командира. Опекали нас всегда и во всём, как и должно поступать старшим воинам по отношению к младшим. Практиковалось даже подселение в комнату к трём «старикам» одного «молодого» или наоборот – к трём «молодым» одного «старика» (мы жили в «кубриках» по четыре человека). Так и отучились год под эгидой своих старших товарищей. Потом торжественно проводили их в войсковые газеты.

Володю Гавриленко, как отличника учёбы, направили служить в одну из дивизионок Группы советских войск в Германии. У нас это считалось очень весомым поощрением. И даже не столько потому, что офицеры, служившие в Германии, получали двойные оклады. Сама Группа представляла из себя как бы витрину Вооружённых Сил Советского Союза, её самый мощный, не имеющий в мире аналога, ударный кулак. Достаточно сказать, что все, без исключения войсковые части и соединения ГСВГ были укомплектованы на 90 и больше процентов. Некоторые особые подразделения имели стопроцентную штатную укомплектованность. В то время, когда даже приграничные округа – Белорусский, Прикарпатский, Прибалтийский – довольствовались 60-70 процентами штатной комплектации. Уже не говорю о войсковых частях и соединениях где-нибудь за Уральским хребтом. Там вообще дислоцировались, в основном, кадрированные полки и дивизии. В некоторых таких частях даже караульную службу несли офицеры и прапорщики.

Всё это я веду к тому, что Гавриленко за шесть лет службы в ГСВГ изучил её, что называется, в мелочах и подробностях, в том объёме, в том наполнении, которое представлялось если и не образцовым, то очень к нему близким. В частности, в его дивизионке, рассказывал, стоял линотип, электронно-гравировальный автомат для изготовления клише и печатная машина «Ромайор». В столичных многотиражках

такое оборудование появилось лишь через десяток лет. Поэтому, попав в отдел культуры и быта главной военной газеты страны, он не затерялся, а наоборот доказал всем, что ему по плечу решение самых сложных профессиональных задач. Писал интересно, увлекательно, профессионально.

В те времена мы с Володиёй общались спорадически, на уровне «привет – привет», «как дела?», «что нового?». А вот, когда он стал постоянным корреспондентом по Московскому округу ПВО, мы сблизились по-настоящему. Всё дело в том, что за моими плечами было пять лет службы в отделе авиации газеты «На страже» приграничного Бакинского округа ПВО. И старший товарищ не стеснялся, не гнушался (вернейший признак ума и мудрости) обращаться ко мне за советом. Тогда же мы стали встречаться, как говорится, в неформальной обстановке. Нас ещё называли по сокращённым фамилиям: Гаврила и Захар. И тогда же я впервые услышал стихи Володи:

«Прощай, стареющий шарманщик,
прощай, мой старый добрый друг,
поэт повеса и обманщик,
собрат по песне и перу.

Пускай мотив был не изящен,
порою скучен и смешон,
но сохранит тот пыльный ящик
разноголосицу времён.

Те механические звуки,
что наработала душа,
всё, что сумели твои руки
извлечь иглой карандаша».

К описываемому периоду относится и, если так можно выразиться, малый профессиональный подвиг Владимира

Гавриленко, о котором есть смысл порассказать подробнее. Как уже говорилось, мой товарищ по курсантскому строю и газете «Красная звезда» после училища год прослужил в дивизионной газете – самом малом звене советской военной печати. И таких «низших звеньев» в Советской Армии и Военно-Морском Флоте насчитывалось где-то около тысячи. В основном, для них, для дивизионок и корабельных многотиражек, готовились кадры во Львовском высшем военно-политическом училище. Это уже потом, наиболее способные военные журналисты выдвигались в армейские, окружные, флотские газеты, в центральную военную печать. Однако значительная часть выпускников ЛВВПУ начинали и заканчивали свою службу в дивизионках. И вот об этой, самой крохотной военной газете, бывшей немислимо популярной среди солдат в годы войны, Гавриленко написал пронзительную повесть «Не дрейфь, корреспондент!». До него этого никто не сделал. После него этого сделать уже нельзя, ибо исчезла великая страна и её великая армия. Более того, из современного военного лексикона постепенно уходит само понятие «дивизия». За исключением РВСН и Воздушно-десантных войск нынче везде уже бригады. Ну и плюс Кантемировская, Таманская и дивизия имени Дзержинского. Хотя многотиражная газета «Гвардейское знамя» есть только в Таманской дивизии. И, похоже, это последняя отечественная дивизионка.

Володина повесть, опубликованная ещё в журнале «Советский воин», не могла оставить равнодушными, прежде всего, нас, военных журналистов, выпускников ЛВВПУ. Ибо даже если некоторым из нас и «не посчастливилось» трудиться в дивизионке, то, как минимум, четыре года мы с ней сотрудничали на курсантской скамье. В училище выпускалась учебно-тренировочная многотиражка «Политработник», считай та же дивизионка. Конечно, «Не дрейфь, корреспондент!» – произведение чисто художественное. В нём нет ни единой подлинной фамилии. Но, как и любая толковая литературная вещь, оно – достоверный слепок настоящей жизни. И, в част-

ности, главный герой – корреспондент дивизионки – это и есть Володя Гавриленко. У него – серьёзные трения с редактором многотиражки, что служит основным конфликтом повести, её движущим мотором. И, само собой, присутствуют отношения между «сильным» и «слабым» полом. Причём, на главного героя «охотится» очень даже симпатичная особа, предмет вожделения подавляющего большинства мужской части отдалённого гарнизона. Но он в самый последний момент пасует – дрейфит. Этого мы, друзья автора, «простить» ему не могли.

«Старик, – возмущались мы на все лады, – ты грубо и ложно пошёл против правды жизни, потому как на твоём месте каждый из нас поступил бы с точностью до наоборот. И здесь героя не оправдывает даже то обстоятельство, что вскоре к нему должна приехать жена. Ты положил тень на весь журналистский офицерский корпус. Теперь штафирки будут думать, что офицер, из каких-то неясных нравственных заморочек может упустить аппетитного, стоящего бабца!»

Всё то же самое, только, может быть, другими словами говорил Володе и я. Он, по своей врождённой стеснительности, парировал наши доводы слабо и вяло, что ещё больше нас распаляло. Но однажды за рюмкой поведал мне такое: «Ты помнишь фильма «На семи ветрах» Станислава Ростюцкого с участием Вячеслава Тихонова и Ларисы Лужиной? Там наш брат военный журналист, уверенный в себе и своей мужской неотразимости, как минимум, должен был добиться взаимности у такой замечательной девушки. Только этого не случается. И по большей части советским зрительницам было явно невдомек, почему героиня Ларисы Лужиной отказала во взаимности такому щеголеватому, но на поверку оказавшемуся по-детски трепетному и достаточно беззащитному перед настоящим чувством красавцу военному. Ответ заключён во всём содержании самой картины. Жениха Светланы нам так и не показали. Всё равно трудно себе представить, чтобы он мог «соперничать» с героем Тихонова. Так это и не важно. Куда

ценнее нам, зрителям, осознавать и понимать, что никакие военные лихолетья, никакие нечеловеческие испытания, никакие как бы теперь сказали, сексуальные соблазны неспособны были поколебать высоких и светлых любовных чувств Светланы Ивашовой. Мы и победили в той страшной войне потому, что умели так сильно, так беззаветно любить. Ты понял? Любовь, если она настоящая, всегда права. Мне сдаётся, что любовь моего героя тоже настоящая». Как ни крути, но мы, его друзья, стебались, а Володя своей повестью ориентировался на высокие и чистые нравственные императивы.

Да, Володя любил свою жену Светлану. У них сын, тоже Владимир. Володе жить бы ещё да жить, но он ушёл в 64 года. Любая смерть, сколько ни копти на белом свете, – безвременна и несправедлива. Но в таком возрасте её несправедливость особенно гнетуща. У Володи наблюдались серьёзные проблемы с сердцем, он перенёс шунтирование. И если бы начал себя беречь, хотя бы как предписывала медицина, наверняка протянул бы дольше. Но он себя не жалел ни в чём: ни в любви, ни в дружбе, ни в работе, ни в спорте, ни в застолье. Вы посмотрите снимки, которые я припас для Володи и сами убедитесь в этом. На одной из фотографий – наш неразлучный, многолетний квартет: Женя Буркун, Володя Гавриленко, Витя Баранец и я. Мы пришли провести своего училищного педагога Бугайца, регулярно отдыхавшего в санатории Архангельское. Почитайте стихотворение Гавриленко, посвящённое Анатолию Васильевичу. Когда я его перечитываю, меня слёзы давят от такой душераздирающей поэзии:

«Уплыла Украина, как льдина,
из студёных российских широт...
И теперь, как рогатую мину,
её тихо куда-то несёт...

Эх, вы хлопцы, чубатые хлопцы!
Насолили вам чем москали?

Исчезает в тумане полоска
вами проклятой русской земли.

Где теперь ты, моя Украина?
Забывается образ во мгле...
Отшумела нам ваша калина,
отцвела вам черёмуха вслед.

Отбелела под вербою хата,
отчернела под клёном изба...
Хлопцы, хлопцы... Мы все виноваты –
Оказалась сильнее судьба».

Впрочем, о поэтическом неповторимом лике Володи Гавриленко мне лучше Вити Баранца всё равно не сказать:

«Володя Гавриленко был моим однокурсником. Мы оба на скучных лекциях втихаря кропали стихи. Это нас и сдружило. Много раз, сидя при луне в кальсонах на скрипучих соседних койках похрапывающей училищной казармы, мы тихо читали друг другу свои неказистые поэтические творения. Он никогда не рифмовал «любовь-морковь», насилуя приевшиеся словозвучия, – свежая и небанальная мысль была для него гораздо важнее точных, но затасканных, как лыжи в прокате, рифм. И это тоже было отражением его души – тонкой и лирической. Цветущий одуванчик, вставленный в ствол автомата на Яворовском полигоне, – это было по-гавриленковски. Когда он надевал очки и негромким голосом начинал о чем-нибудь философствовать, я часто думал, что Бондарчук многое потерял, не уступив Вове роль Пьера Безухова. Володя оставался лириком даже тогда, когда однажды за какую-то провинность попал на гауптвахту («Сижу на гауптвахте, как на лезвии бритвы»), когда писал для «Красной звезды» очерки и статьи о суконных суровостях армейской жизни. Один из его редакторов скрежетал зубами, когда Володя свой материал о командире (или зампотехе?) дивизиона

упорно требовал назвать «Пройти под радугой», а не «Верность долгу» (как требовал заштампованный начальник). Уже когда мы оба стали пенсионерами, я любил приезжать к нему на скромную, но уютную, как и душа Володи, дачку. Однажды мы встречали там новый год. Под утро печка остыла, а лютый морозище проникал даже под три моих одеяла. Я ворочался. Володя накрыл меня старой полковничьей шинелью и стал разжигать печь. Еще была гуталиновая темень, когда я встал покурить. Чугунная дверка пылающей печи была открыта, а напротив нее сидел спящий Володя с березовой чуркой в руке...

Мы уже были седыми полковниками, а по юной привычке любили читать на мальчишниках свои стихи. Однажды, еще задолго до бандитского переворота в Киеве, Володя прочитал нам стихотворение о родной Украине. В нем – высоковольтная боль о малой родине, которую уносит по реке жизни, как льдину, оторванную от нашего общего берега...

Когда Володя лежал в гробу на кладбище и наступил последний момент прощания, в неуместно голубом небе показался военный самолет, тянущий за собой серебряную нитку инверсионного следа. И мне показалось, что летчики ПВО, о которых много писал в «Красной звезде» Володя, отдавали ему последние почести».

Подписываясь под каждой баранцовской строкой, я отчетливо вдруг понимаю, что нам сильно Володи не хватает...

СТИХИ ВЛАДИМИРА ГАВРИЛЕНКО

Жизнь – карусель, где много шума,
надежды, горя и мечты,
но есть в ней те, о ком ты думал,
кого любил и помнил ты.

Едва на свет взглянувши прямо,
едва себя провозгласив,

ты прокричал в пространство «Мама!»
и грудь, конечно, попросил.

Потом пошел дорогой длинной,
связав судьбу лишь с той, одной,
что называл сперва любимой,
ну а потом уже – женой.

Но вот однажды днем иль ночью,
в проем больничного окна
тебе вдруг показали дочку –
твоей мечтой была она...

Ах эта жизнь... Берет все круче,
года уходят – не зови...
А на твоих коленях – внучка,
как воплощение любви.

А может быть, свой пир последний
ты различил уже сквозь дни,
и знаешь, перед кем колени
ты напоследок преклонишь,

застыв на пройденной дороге,
и молодым взглянув вослед, –
пред вечной Женщиной,
что Богом дана мужчине на земле...

***

Нет людей одиноких на свете.
Разве можно сказать, что один –
Тот, кто взял в собеседники ветер
Или слушает шорохи льдин.

Или руки раскинув нелепо,
Спрятал пальцы в густую траву,
Засмотрелся в бездонное небо,
Где неспешные тучи плывут?

Так и я думал в горькую пору,
Что, как перст вот стою среди Земли.
Что со мною одни лишь угоры
Одиночество будут делить.

Но как были бы беды ни часты,
Я, однако, усвоил одно:
Одиночества нет! Есть несчастье –
Верить в то, что возможно оно.

***

Совесть в согласии с волей –
это и есть доброта.
Многие ль с этою долей
здравствуют нынче в ладах?
В правило то непростое
верит один лишь из ста...
Жизнь – не простое застолье
и не одна маята.
Всё в ней то тайно, то явно, –
где между этим раздел?
Как избежать гиблой тайны
в темной болотной воде?
Подлость кормилась веками
там, где почет и успех...
Кто-то ведь ставит капканы
только на нашей тропе,
и облеченный доверьем,
плеть нам ременную вьет...

Как ни печально, но в перья
часто рядится зверье...
И вместо гнусного воя
нежные песни поет...
Где не хватает достоинств,
там все решает вранье...
И пусть в надежном согласье
совесть и воля твои,
нет в нашей жизни опасней
тех, кто слащав и двулик...

***

Коллектив редакции во времена моей работы в ней. Снимок сделан в июле 1985 года – в день проводов главного редактора «Красной звезды» генерал-лейтенанта Николая Ивановича Макеева в отставку.

Новеллой о Володе Гавриленко я и закончу воспоминания о своём главном жизненном университете – газете «Красная звезда» и её людях. Мне просто повезло: так звёзды расположились, что оказался я на целых 13 лет в штате главного военного издания Советского Союза. Весь пишущий во-

енный люд мечтал о таком везении и счастье. А кто говорит иное, дескать, не велика честь была трудиться в застёгнутой на все пуговицы газете, тот нагло и беспардонно врёт именно из-за того, что у него не случилось такого счастья.

О многом и о многих я не написал, или написал мало, а следовало бы побольше. В любом случае, я храню добрую память о Харисе Мухаметовиче Абдулове, Александре Ивановиче Дровосекове, Борисе Васильевиче Пендюре, Борисе Петровиче Похоленчуке, Василии Ивановиче Семёнове, Геннадии Васильевиче Барневе, Геннадии Дорофеевиче Мирановиче, Николае Трофимовиче Панюкове, Станиславе Ивановиче Ковалёве, Льве Григорьевиче Куликове, Льве Владимировиче Нечаюке, Владимире Сергеевиче Костко, Юрии Борисовиче Солдатенко, Валерии Фёдоровиче Суходольском, Николае Михайловиче Ерже, Георгии Сергеевиче Шутове, Владимире Константиновиче Ермолаеве, Михаиле Хрисановиче Шутове, Александре Ивановиче Перестенко. Никого из них уже нет в живых, а со многими из них меня и связывало многое. Гена Барнев и Саша Перестенко были моими лучшими партнёрами по игре в шахматы. Коля Панюков, став офицером и работая во львовской газете «Слава Родины», привечал нас, курсантов на своей квартире. Лёва Нечаюк был племянником директора Винницкого агролесомелиоративного техникума, который я окончил. С Владимиром Ермолаевым мы несколько лет проработали в ТАСС. Ну и так далее.

Конечно, отдельно мне следовало написать о женщинах редакции. Может быть, не все из них считали меня своим любимцем, но большинство симпатии испытывали точно – чего уж там я буду скромничать, если горжусь этим. На своё новоселье первыми я пригласил большую группу офицеров сослуживцев. А вторая компания – семнадцать человек – представлял прекрасную половину редакционного коллектива. Не всех смогу вспомнить. А среди тех, кого не забыл: Антонина Дмитриевна Иванова, Людмила Ивановна Дедова, Серафима Николаевна Милютина, Нина Николаевна Ромкина,

Нина Ильинична Донская, Нина Николаевна Попова, Ирина Альбертовна Меньшикова, Нинель Александровна Беленькая, Антонина Степановна Белова, Нина Георгиевна Кузнецова, Татьяна Григорьевна Быстрова, Татьяна Ивановна Судленкова, Елена Михайловна Гречко, Маулия Габдулхаевна Сейфулина, Ирина Павловна Кузьмина, Евгения Александровна Максимова, Любовь Сергеевна Демидова, Таня Громова...

Супруга моя Татьяна Кирилловна «деликатно» ушла к соседям, оставив меня на хозяйстве одного. Запомнилось, как Сейфулина и Беленькая отплясывали на моём ещё пахнущим лаком паркете. И под каблуками Нинели три дощечки не выдержали – провалились. А обеих девушек тоже уже нет в живых...

Всё.

СОДЕРЖАНИЕ

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
------------------------------	---

Часть I. Олег ВЛАДЫКИН

ДОЛГИЙ ПУТЬ В «ЗВЁЗДОЧКЕ».....	7
Обязан быть боевиком.....	12
Первая встряска.....	16
Поворотный момент.....	22
В поиске своего пути.....	27
На очной ставке.....	31
Возвращение.....	35

Часть II. Михаил ЗАХАРЧУК

СВЕТ РОДНОЙ «ЗВЕЗДЫ».....	49
Надёжный и верный Руслан.....	50
Морская душа Крысова.....	55
«Ой, Мороз, Мороз! Не морозь меня!».....	61
Учитель Житаренко.....	74
Доверие Шалкеева.....	78
Великий редактор Макеев.....	87
Боевой зам Сидельников.....	101
Чупахин – пятнадцатый редактор.....	107
Друг маршалов Беляев.....	120
Чекан Халтурин.....	125
Отдел несбывшейся мечты.....	131
Непредсказуемый Черкашин.....	138
Чудотворец Возовиков.....	141
Хорев из последнего военного призыва.....	147
Осторожная мудрость Панова.....	157
Мой особый отдел.....	167
Радиолокаторщик Калмыков.....	172
Всегда ровный Анатолий Белоусов.....	176
Могучий Александр Долинин.....	180
Безродный с головой на плечах.....	185
Филатов – сподвижник Жириновского.....	193

Козни Кашубы.....	203
Высоты генерала Манилова.....	209
Агапова – помощник министра.....	213
Юрий Мамчур – помощник Агаповой.....	220
Мастер Косарев.....	222
Теплов – отец русской рыбалки.....	224
Бескорвайный – генерал от печатного станка.....	230
Философ Казьмин.....	235
Откровения Звягельского.....	240
«Прикипевшая» к «Звезде» Павлюткина.....	245
«Автономный» Ткачёв.....	248
Про Ивана Ивановича Иванюка.....	250
Джазмен Каушанский.....	262
«Белый аист» Пинчука.....	265
Наш юрист Вашкевич.....	271
Как уходил Серёга Турченко.....	273
Военно-морской отдел.....	278
Морские мили Саши Пили.....	281
Легендарный Баронов.....	286
Ребров – космический журналист №1.....	292
Сосед мой Светиков.....	303
Релокант Олийник.....	307
Спортсмен Олег Вихрев.....	313
Везунец Михаил Шлаен.....	315
Лидер Анатолий Кричевцов.....	317
Из краснзвёздовских «камешков на ладони».....	323
Елецкий Боровков.....	334
Активист Есютин.....	338
Станный Косенко.....	341
Безупречный Лаптев.....	343
Разочаровавший Никаноров.....	352
Упорный Фаличев.....	363
Тонкий лирик Гавриленко.....	368
Стихи Владимира Гавриленко.....	375

Литературно-художественное издание

Олег Юрьевич Владыкин,
Михаил Александрович Захарчук

Разные грани «Красной звезды»

Заметки после 100-летия прославленной газеты

Под общей редакцией Владыкина О.Ю.

Подписано в печать 19.03.2024 г.

Формат 60х90/16

Гарнитура «Petersburg»

Бумага офсетная

Печать офсетная

Усл. печ. л. 24

Тираж 300 экз.

Заказ № 2839

Отпечатано с готового оригинал-макета

Издательство «У Никитских ворот»

121069, г. Москва,

ул. Большая Никитская, д. 50а/5,

тел.: +7 (495) 690-67-19

www.uniki.ru

ДЛЯ ПОМЕТОК
